

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Nation-building Projects: Russia and Ukraine

Religious Nonconformity in Russia

The Boris Yeltsin Presidential Centre:
A Confrontation of Opinions

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 6 | 2018 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f: Prof. **Francine-Dominique Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Editors: Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), Dr **Yakov Lasarev** (UrFU). *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Corresponding Member of RAS, Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающие редакторы: проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), к. и. н. **Я. А. Лазарев** (УрФУ); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); член-корр. РАН проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Орхидского); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **Ф.-Х. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Яков Лазарев, Лариса Соболева.
Control of the State and the Freedom
of the Individual: The Experience
of Russia319

Yakov Lazarev, Larisa Soboleva.
Control of the State and the Freedom
of the Individual: The Experience
of Russia319

Problema voluminis

Россия и Украина:
противоречивый опыт
государственного и националь-
ного строительства

Russia and Ukraine:
The Controversial Experience
of State and Nation-building

Кирилл Кочегаров. «Что делать
с Украиной?»: Станислав Лещин-
ский и гетман Мазепа в 1705 г. . .329

Kirill Kochegarov. “What shall we do
with Ukraine?”: Stanisław Lesczyński
and Hetman Mazepa in 1705329

Яков Лазарев. Факторы, механизмы
и ресурсы устойчивого
контроля над территорией
«Малой России»
во второй половине XVII в.351

Yakov Lazarev. Factors,
Mechanisms, and Resources
for Stable Russian Control
over Little Russia (The Second
Half of the 17th Century)351

Александр Алмазов. Воеводская
администрация Нежина:
особенности функциониро-
вания в середине XVII –
начале XVIII в.371

Alexander Almazov. The Functioning
of the Voivoda Administration
of Nezhin between the Mid-17th
and Early 18th
Centuries.371

Владимир Мильчев, Дмитрий Сень.
Процесс упразднения Войска
Запорожского Низового:
амбиции казачества vs интересы
империи (1740–1770-е гг.)385

Vladimir Milchev, Dmitriy Sen. The Plans
for the Abolition of the Zaporozhian
Host and their Implementation
(1740s–1770s): Cossack Ambitions vs
Imperial Interests.385

Богдан Галь. Реорганизация полиции
на Левобережной Украине:
от чиновничьего замысла – к импе-
раторской воле (1764–1768)403

Bogdan Gal’. The Reorganisation
of the Police in Left-Bank
Ukraine: from a Public Officers’
Project to an Imperial Order403

Алексей Миллер. Соперничество рус-
ского и украинского национализма
накануне и во время Первой миро-
вой войны: история и политика
памяти420

Alexey Miller. Competition between
Russian and Ukrainian Nationalism
before and during World War I –
the History and Policy
of Memory420

Религиозный неконформизм в
новой российской
истории

Religious Nonconformity
in Modern Russian
History

Вера Ключева. Эмиграция
по религиозным мотивам:
советские пятидесятники
в поисках «лучшей доли»438

Vera Kliueva. Emigration for
Religious Reasons:
Soviet Pentecostals in Search
of “a Better Life”438

April L. French. The “Lived Religion”
of Evangelical Christian-Baptist
Women in Soviet Siberia
(1945–1991)454

April L. French. The “Lived Religion”
of Evangelical Christian-Baptist
Women in Soviet Siberia
(1945–1991)454

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Елена Главацкая, Надежда Попова.
«Никто сильно не давил, а люди
слушали весть о Царстве»:
«Свидетели Иеговы» Свердловской
области в историко-антро-
пологическом освещении 468

Elena Glavatskaya, Nadezhda Popova.
“Nobody Pressed Hard, and People
Listened to the Message of the
Kingdom”. Jehovah’s Witnesses
of Sverdlovsk Region: a Historical
and Anthropological Study 468

Disputatio

Владислав Аксенов, Юлия Жердева.
Рисуя эпоху: дети, война
и революция в пропаганде
и творчестве школьников
1914–1917 гг. 487

Vladislav Aksenov, Yulia Zherdeva.
Drawing the Epoch: Children,
War, and Revolution in Propaganda
and the Art of School Children
between 1914 and 1917 487

*Andrew James McGregor, Robert John
Lagerberg.* The Fragility of Domestic
Space within Corruptive Non-
Place in Andrei Zviagintsev’s
Leviathan 504

*Andrew James McGregor, Robert John
Lagerberg.* The Fragility of Domestic
Space within Corruptive Non-
Place in Andrei Zviagintsev’s
Leviathan 504

Рина Лapidус. Достоевский с еврей-
ским колоритом: «Преступление
и наказание» в переводе
И. Х. Бреннера 516

Rina Lapidus. Dostoyevsky
in Quasi-Jewish Garb: *Crime
and Punishment* as Translated
by Y. H. Brenner. 516

Лилия Нефёдова, Татьяна Котлярова.
Гипервербализация как принцип по-
строения содержательной
программы короткой прозы 535

Liliya Nefedova, Tatyana Kotlyarova.
Hypoverbalisation as a Principle
of Meaning Construction
in Short Literary Texts 535

Сергей Туров. Освоение Западной
Сибири в контексте
исторической энтомологии
(XVII – начало XX в.) 550

Sergei Turov. The Development
of Western Siberia in the Context
of Historical Entomology
(17th – Early 20th Centuries) 550

Dialogus

Ельцин-центр: притяжение
свободы и власти (*Андрей Зорин,*
Евгений Емельянов, Елена Бурлина,
Борис Орлов, Ирина Лисовец) 565

The Boris Yeltsin Presidential Centre:
the Attraction of Freedom and Power
(*Andrey Zorin, Evgeny Emelianov, Elena
Burlina, Boris Orlov, Irina Lisovets*) . . . 565

Controversiae et recensiones

Хартмут Рюсс. Надо ли забывать
про Киевскую Русь (немецкие
гимназические учебники
истории конца XX в.) 581

Hartmut Rüß. Should Kievan Rus’
be Forgotten? (German Gymnasium
History Textbooks of the Late
20th Century) 581

Йоханнес Дик. Евангельские
христиане и баптисты в 1905–1929 гг.:
сообщество милосердия 596

Johannes Dyck. Evangelicals and Baptists
between 1905 and 1929:
The Ministry of Compassion. 596

Денис Ляпин. Увидеть российскую
историю как часть общеевропей-
ского континуума 605

Denis Lyapin. To See Russian History
as Part of the Pan-European
Continuum 605

Об авторах 613

On the authors 613

Сокращения 619

Abbreviations 619

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2018.2.298

CONTROL OF THE STATE AND THE FREEDOM OF THE INDIVIDUAL: THE EXPERIENCE OF RUSSIA

The current issue of *Quaestio Rossica* highlights an important problem of modern historiography and historical sociology, namely, how various states with extensive and heterogeneous territories have managed to maintain control, balanced interests, and approached the ideal model of governance: it also considers the historical and systemic circumstances hampered these processes.

Modern sociological models explain the development of such states through a historical lens, considering the state as a mono-actor which, based on its own inherent logic, can order, colonize, and successfully subjugate the surrounding space. This indeed becomes possible in periods when the state, employing its impersonalised agents, succeeds in mobilising and consolidating its resources and modernising its bureaucracy. The greatest political and social consequences of the production of unificatory and/or repressive practices affect the status of heterogeneous territories and their elites, who in the process are being absorbed by the state with varying degrees of effectiveness. In some works from the Western humanities, such rather one-dimensional models of the state's history have been replaced by more complex ones that consider the coordination of the interests of elites and other social groups [Teschke; Lachman].

Russian historiography is at the beginning of this process; one of the key problems for the renewal of the model is the perception of the Russian state as an “empire” that was willing to appropriate, russify, and homogenise the surrounding space. For such an “empire” state, the existence of heterogeneous territories in its composition is regarded as a temporary obstacle to implementing a certain “imperial project”.¹ In the context of national historiographies, such methodological problems sometimes appear in quite an exaggerated manner (see: [Kasyanov]).

This issue of *Quaestio Rossica* features authors from different regions of Russia and Ukraine who attempt to describe the complex political and social conditions and competing discourses that existed in regard to the heterogeneous territories of the Russian state; how the Russian ruling elite have understood an ideal model for the Ukrainian lands and what evolution this model underwent; what administrative and military resources were mobilised by the Russian state for maintaining sustainable control

¹ See, for example, the course “New Imperial History of Northern Eurasia” prepared by the editors of *Ab Imperio* [Novaya imperskaya istoriya, parts 1–2].

over Ukraine; and what sort of space was allocated to the Russian government for political maneuvers and how relations with the local population were carried out.

The research of *Kirill Kochegarov* (Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences), containing previously unpublished documents, discusses the dispute about the plans of Hetman I. S. Mazepa (before the autumn of 1708) to defect to the Swedish king and betray the Russian state.

Articles by *Alexander Almazov* (State Academic Humanities University, Russia) and *Yakov Lazarev* (Ural Federal University, Russia) on the Russian military and administrative presence in the region during the second half of the 17th century show how very favourable conditions for the development of the Ukrainian (Cossack) project of statehood formed in this territory. The geopolitical conditions and resources of the Russian state led to the principle of non-intervention and recognition that the Cossack self-governing institutions possessed a monopoly over power in the region; these self-governing structures remained almost unchanged until the reign of Catherine II.

Research on the restructuring of the regional police in the article by *Bogdan Gal'* (National Technical University "Dnipro Polytechnic", Ukraine) shows large-scale change in the management of the regions of Malorossiia and their subjugation to the Russian authorities. Equally fundamental changes led to the abolition of the *Voisko Zaporozhskoe* (Zaporozhian Host).

An article by *Vladimir Milchev* (Zaporizhia National University, Ukraine) and *Dmitry Sen* (Kalmyk Scientific Centre of the RAS) compares the ambitions of the Cossacks with the intrigues and plans of imperial officials representing the highest level of authority in Russia. The thematic block continues with the work of Alexey Miller (European University, St Petersburg), devoted to the question of "nation-building"; at the core of the article is the competition of "all-Russian" and Ukrainian projects of nation-building from 1906 to 1926.

The second theme of *Quaestio Rossica* no. 2, 2018, is indirectly connected to an event of world-wide importance: the anniversary of the publication of Martin Luther's Theses (1517), which led to the emergence of Protestantism. The theme of modern nonconformism remains a controversial and contradictory topic for Russia, affecting not only religious but also political and public spheres.

Based on original documents and field recordings, the article by *Vera Kliueva* (Tyumen Scientific Center SB RAS) examines the understanding of emigration to the West by evangelists and provides personal stories about their hardships and confrontations with the authorities in the late Soviet period.

The recent history and current status of Jehovah's Witnesses (now banned in Russia) in Sverdlovsk region are the subject of an article by *Yelena Glavatskaya* and *Nadezhda Popova* (Ural Federal University, Russia). The authors rely on archival records, publications, and oral presentations by members of the community to clarify the degree of and causes for the attractiveness of the religious movement and its impact in modern Russia.

The anthropological approach of the historians helps create a fuller image of modern recusancy. Personal acquaintances and interviews help *April French* (Brandeis University, USA) in her research on the fates of women from Baptist communities in Siberia during Soviet times. Very versatile in their materials and sources, these articles are linked by a historical understanding of the unnecessary and dangerous arrest of society's religious development, as well as by a humane attitude towards the attempts of communities to find their own niche between other religions. The section ends with a review by *Johannes Dyck* (Bibelseminar Bonn, Germany) of the book by M. Raber on evangelists in Russia from 1905 to 1929 (until they were outlawed) and the methods of implementing the basic principle of serving God through mercy.

The *Disputatio* section opens with the article by *Vladislav Aksenov* (Institute of Russian History, RAS) and *Yulia Zherdeva* (Samara Economic University, Russia) about how children's drawings were used for propaganda postcards by artists during the First World War and how these images reflected upon both this conflict and the Revolution. Such drawings are often dramatic in portraying these epochal events. All picture materials are published for the first time.

Andrew McGregor and *Robert Lagerberg* (University of Melbourne, Australia) study the poetics of space in Andrey Zvyagintsev's film *Leviathan*. The authors suggest that the loss of home due to its fragility and insecurity in the face of state authorities who consider themselves rulers of the world and corrupt priests who betray Christian commandments can be paralleled to the loss of life itself. This situation becomes a measure for the humanity of society. This makes one recall the traditions of Russian and world literature, where space does not surround the hero but rather embodies conflicts.

The journal continues the theme of the trans-border perception of Russian culture. This time the topic appears in the article of *Rina Lapidus* (Bar Ilan University, Israel) on the translation of Dostoyevsky's novel by the famous Jewish writer Y. H. Brenner. The researcher observes the influence of biblical images and phraseology on the portrayal of conflict in Russian literature and the feelings of its protagonists.

A new type of lapidary prose in modern printed and online publications is discussed in the joint article by *Liliya Nefedova* (Chelyabinsk State University, Russia) and *Tatiana Kotlyarova* (Kostanay branch of Chelyabinsk State University, Kazakhstan). The authors discuss the origins of the phenomenon, the principles of poetics, and the construction of a communicative pattern from author to reader.

The article by *Sergey Turov* (Tyumen University, Russia) on the dissemination of agricultural pests, pesticide techniques, and folk beliefs about the process of agricultural development in Western Siberia discusses an unusual twist in historical entomology.

The *Dialogus* section is devoted to a new cultural public space in Yekaterinburg – the Yeltsin Centre. Its architecture and conception have provoked interest among both supporters and opponents of the first president

of Russia. The panelists discuss the organisation of the exhibition, their perception of the ex-president's personality, how the president's persona is reflected in the public spaces of the Centre, and the overall meaning and function of modern memorial complexes.

This issue of *Quaestio Rossica* concludes with the *Controversiae et re-censiones* section, where we publish an overview of German history textbooks from the late 20th century. A leading specialist in the field of Russian studies, *Hartmut Russ* (University of Münster, Germany), sadly observes the disappearance of medieval Rus' from school programmes. Excluding Russia from medieval Europe, textbook authors simplify historical development and distort the system of relationships between Western and Eastern Europe. *Denis Lyapin* (Yelets State University, Russia) reviews in detail a monograph by American historian N. S. Collmann devoted to the problems of early modernity in Russia. The author's conclusions, based on representative historical material, show Muscovy as part of European legal culture: thus, the specificities of Russian life, much like the national features of other European states, did not in fact make Russia a barbarous country that departed from a common European vector.

*Yakov Lazarev,
Larisa Soboleva
(Ural Federal University)
Translated by Anna Dergacheva*

В предлагаемом читателю выпуске освещается важная проблема современной историографии и исторической социологии – то, каким образом государства с обширными и гетерогенными территориями поддерживали устойчивый контроль, находили баланс сил и интересов, приближаясь к идеальной модели управления, и что этому препятствовало. Современные социологические модели объясняют данные процессы через призму истории государства как моноактора, который на основании имманентной логики упорядочивает, уравнивает, колонизирует, подчиняет окружающее пространство. Это возможно, когда через своих обезличенных агентов государству удается мобилизовать/консолидировать ресурсы и модернизировать бюрократический аппарат. Наибольшие политические и социальные последствия от производства унификаторских/репрессивных практик отражались на статусе гетерогенных территорий и их элит, которые поглощаются государством с разной степенью эффективности. В современных гуманитарных науках на Западе подобное одномерное видение истории государства сменяется более сложными моделями координации интересов элит и других социальных групп [Тешке; Лахман]. В российской историографии этот процесс только начинается, и одной из ключевых проблем

здесь является восприятие Российского государства в качестве «империи», присваивающей («русифицировавшей») и гомогенизовавшей расширяемое окружающее пространство. Для такого государства-«империи» наличие гетерогенных территорий в его составе рассматривается как временная помеха для реализации некоего «имперского проекта»². В контексте национальных историографий подобные методологические проблемы подчас предстают в довольно гипертрофированном виде (см.: [Касьянов]). В рамках предлагаемого номера коллектив авторов из разных регионов России и Украины предпринял попытку показать, какие политические и социальные условия существовали в отношении гетерогенных территорий Российского государства, как российские правящие элиты действительно видели идеальную модель управления украинскими землями и какую эволюцию она претерпела, какими административными и военными ресурсами обладало Российское государство в поддержании устойчивого контроля на Украине, какое пространство для маневра они давали российскому правительству, как выстраивались отношения с местным населением.

Исследование *Кирилла Кочегарова* (Институт славяноведения РАН, Москва), содержащее ранее не публиковавшиеся документы, ставит окончательную точку в споре о наличии у гетмана И. С. Мазепы (до осени 1708 г.) планов перехода на сторону шведского короля и измены российской власти. В статьях *Александра Алмазова* (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва) и *Якова Лазарева* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), посвященных проблеме российского военно-административного присутствия в регионе (вторая половина XVII в.), показано, как сложились максимально выгодные условия для развития украинского (казацкого) проекта государственности. Геополитические условия и ресурсы Российского государства обусловили принцип невмешательства и признания монополии на власть в регионе за казацкими институтами самоуправления, которые практически в неизменном виде сохранялись вплоть до правления Екатерины II. Раскрытие проектов реорганизации полиции в статье *Богдана Галя* (Национальный технический университет, Днепр, Украина) показывает это концептуальное изменение в управлении регионов Малороссии, характер их подчинения российским структурам власти. Столь же принципиальными были изменения, приведшие к упразднению Войска Запорожского. В статье *Владимира Мильчева* (Запорожский национальный университет, Украина) и *Дмитрия Сеня* (Калмыцкий научный центр РАН, Элиста) сопоставляются амбиции казачества с интригами и планами имперских

² См., например, исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии», подготовленный редакторами журнала *Ab Imperio* [Новая имперская история, ч. 1–2].

чиновников, представлявших интересы верховной власти. Завершает тематический блок работа *Алексея Миллера* (Европейский университет, Санкт-Петербург), посвященная актуальной проблеме «нациестроительства», где центральную роль занимает своего рода соревнование общерусского и украинского проектов национального строительства в период с 1906 по 1926 г.

Вторая проблема номера косвенно связана с мировым событием – юбилеем обнародования тезисов Мартина Лютера, приведшим к появлению протестантизма (1517). Тема современного неконформизма остается для России спорной и противоречивой, затрагивающей не только религиозные, но и политико-государственные сферы. На основании документов и полевых исследований – записей информантов – предлагается материал *Веры Клюевой* (Тюменский научный центр), в котором анализируется понимание евангелистами целей эмиграции на Запад, приводятся рассказы о трудностях и противостоянии с властями в поздний советский период. Недавнее и современное состояние общин «Свидетелей Иеговы» (ныне запрещенной в России организации) в Свердловской области рассматривается в статье *Елены Главацкой и Надежды Поповой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Авторы опираются на архивные записи, издания и устные выступления членов общины, чтобы прояснить степень влияния, причины привлекательности вероучения и их воздействие на современного российского обывателя. Антропологический подход историков помогает создать объемный образ современного неконформизма. Личное знакомство с информантами, использование жанра интервью помогают *Эйприл Френч* (Университет им. Брэндайса, Уолтем, США) в ее изысканиях о судьбах женщин из христианских баптистских общин Сибири советского времени. Будучи разными по материалу и источникам, статьи объединены историческим пониманием невозможности и ненужности торможения религиозного развития в обществе и гуманным отношением к поискам членов общин своего места в религиозном социальном пространстве. Завершением рубрики становится обзор *Йоханнеса Дика* (Боннская библейская семинария, Германия), в которой рассматривается книга М. Рэйбер о деятельности евангелистов в России с 1905 по 1929 гг. (пока они не оказались вне закона) и о методах реализации основного принципа служения Богу через милосердие.

Рубрика *Disputatio* открывается статьей *Владислава Аксенова* (Институт российской истории РАН) и *Юлии Жердевой* (Самарский экономический университет) об образах детей в пропагандистских открытках художников периода Первой мировой войны и о рисунках самих детей, отражающих событие этой войны и последовавшей затем революции. Детские рисунки оказываются более драматичными, точными по интонации и экспрессии в передаче эпохальных событий. Все живописные материалы публику-

ются впервые. В журнале продолжается тема восприятия русской культуры за рубежом. На сей раз это статья *Рины Латидус* (Университет Бар-Илан, Рамат-Ган, Израиль) о переводе романа Достоевского известным еврейским писателем И. Бреннером. Исследователь тонко подмечает влияние библейских образов и фразеологии в передаче конфликта и описании внутреннего состояния героев русской литературы.

Поэтика пространства в фильме Андрея Звягинцева «Левиафан» выявляется в статье исследователей *Эндрю Макгрегора* и *Роберта Лагерберга* (Университет Мельбурна, Австралия). Авторы полагают, что утрата дома из-за его незащищенности и хрупкости перед властью государственных чиновников, мнящих себя хозяевами мира, и священников, предавших христианские заповеди, соотносится с утратой человеческой жизни. Ситуация с домом становится мерой гуманности общества. Можно добавить, что это заставляет вспоминать традиции русской и мировой литературы, где пространство не окружает героя, а воплощает конфликты.

Новый тип лапидарной прозы, представленной на страницах современных печатных и онлайн-изданий, анализируется в совместной статье *Лилии Нефёдовой* (Челябинский государственный университет) и *Татьяны Котляровой* (Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Казахстан). Авторы обращаются к истокам феномена, отмечают принципы поэтики, выстраивают коммуникативный аспект «автор – читатель». Необычный поворот к исторической энтомологии находим в статье *Сергея Турова* (Тюменский государственный университет) о распространении насекомых-вредителей, методах борьбы с ними и народных поверьях в процессе освоения территории Западной Сибири.

Рубрика *Dialogus* в этом номере посвящена феномену Ельцин-центра в Екатеринбурге. Его архитектурный и концептуальный облик вызывает несомненный интерес как соратников, так и противников Первого президента России. Участники дискуссии обсуждают особенности организации экспозиции, приводят свое восприятие личности президента и выявляют аксиологию презентации фигуры президента, ведут разговор о направлении деятельности современных мемориальных комплексов.

Завершает журнал рубрика *Controversiae et recensione*, в которой дается обзор немецких учебников истории конца XX в. Автор обзора – ведущий специалист в области изучения России *Хартмут Рюсс* (Вестфальский университет им. Вильгельма, Германия) с горечью отмечает исчезновение сведений о Древней Руси из школьной образовательной программы. Выбрасывая Русское государство из пространства средневековой Европы, авторы упрощают историческое развитие и искажают систему взаимоотношений Западной и Восточной Европы. В рецензии *Дениса Ляпина* (Елецкий государственный университет) подробно представлена монография американского

историка Н. Ш. Коллманн, посвященная проблемам раннего Нового времени России. Выводы автора, основанные на репрезентативном историческом материале, показывают Московию как часть европейской правовой культуры; особенности российской жизни, подобно национальной специфике других государств, не превращают Россию в варварскую страну, доминантой развития разных ее сторон остается общеевропейский вектор.

*Яков Лазарев,
Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)*

Список литературы

- Касьянов Г.* Past Continuous : Історична політика 1980–2000-х: Україна та сусіди. Київ : Лаурис ; Антропос-Логос-Фільм, 2018. 420 с.
- Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 418 с.
- Лакман Р.* Что такое историческая социология? / пер. с англ. М. В. Дондуковского. М. : Дело ; РАНХиГС, 2016. 240 с.
- Новая имперская история Северной Евразии : в 2 ч. Казань : Ab Imperio, 2017. 364 + 630 с.

References

- Kasianov, G. (2018). *Past Continuous: Istorichna politika 1980–2000: Ukraïna ta susidi* [Past Continuous: Historical Policy 1980–2000: Ukraine and its Neighbours]. Kiev, Laurus, Antropos-Logos-Fil'm, 420 p.
- Teschke, B. (2011). *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations]. Moscow, Izdatel'skij dom NIU VShJe, 418 p.
- Lachmann, R. (2016) *Chto takoe istoricheskaja sociologija?* [What is Historical Sociology?]. Moscow, Izdatel'skij dom "Delo", RANHiGS, 2016. 240 p.
- Gerasimov, I. (eds.) (2017). *Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii* [The New Imperial History of Northern Eurasia]. Kazan, Ab Imperio, 364 + 630 p.

Problema voluminis

RUSSIA AND UKRAINE: THE CONTROVERSIAL EXPERIENCE OF STATE AND NATION-BUILDING
RELIGIOUS NONCONFORMITY IN MODERN RUSSIAN HISTORY

А. Маниок. Станислав Лещинский.
Портрет. Национальный музей
в Варшаве. 1700-е гг.

A. Manioc. Stanislaus Leszczyński. Portrait.
National Museum in Warsaw. 1700s

М. Бернингротг. Гетман И. С. Мазепа.
Гравюра для журнала *Europäische
Fama*. 1706

M. Berningrotg. Hetman I. S. Mazepa.
Engraving for *Europäische Fama*. 1706

Problema voluminis

РОССИЯ И УКРАИНА: ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

РЕЛИГИОЗНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

RUSSIA AND UKRAINE: THE CONTROVERSIAL EXPERIENCE OF STATE AND NATION-BUILDING

DOI 10.15826/qr.2018.2.299
УДК 94(48)"1700/1721"+327(470:477)+929

«ЧТО ДЕЛАТЬ С УКРАИНОЙ?»: СТАНИСЛАВ ЛЕЩИНСКИЙ И ГЕТМАН МАЗЕПА В 1705 г.*

Кирилл Кочегаров

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

“WHAT SHALL WE DO WITH UKRAINE?”: STANISŁAW LESCZYŃSKI AND HETMAN MAZEPA IN 1705**

Kirill Kochegarov

The Institute of Slavic Studies of RAS,
Moscow, Russia

In 1705, during the Northern War, Stanisław Leszczyński, who had been elected king of Poland with the support of Sweden, tried to secure the loyalty of Ivan Mazepa, the Ukrainian hetman. The article considers previously unstudied primary sources, introducing such documents as the plan for political reforms in Ukraine that emerged in the immediate milieu of Stanisław Leszczyński, and the record of the interrogation of his agent, Franciszek Wolski, who was sent to Mazepa. Referring to these documents and to previously unknown correspondence between Mazepa and the Russian head of foreign affairs Fyodor Golovin, the author reconstructs the position of the pro-Swedish part of the Polish elite towards Ukraine and Wolski's secret diplomatic mission. The latter was sent to Zamość at the beginning of October 1705. The secret instruction he was given was published in the 19th

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

** *Citation*: Kochegarov, K. (2018). “What shall we do with Ukraine?”: Stanisław Leszczyński and Hetman Mazepa in 1705. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299.

Цитирование: Kochegarov K. “What shall we do with Ukraine?”: Stanisław Leszczyński and Hetman Mazepa in 1705 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299 / Кочегаров К. «Что делать с Украиной?»: Станислав Лещинский и гетман Мазепа в 1705 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299.

century, but we can now analyse it in light of new information about the verbal offers Wolski made to Mazepa. The author demonstrates that the verbal promises to keep Little Russia as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth under Mazepa's rule and to appoint Mazepa as prince of Chernigov did not correspond to Polish-Swedish written obligations. Stanisław Leszczyński and his aids asked the Swedish court to transfer Left-bank Ukraine to the direct rule of the Polish king in case Russia ceded it. Considering this fact, it may be concluded that the Polish side tried to avoid any written declarations to Mazepa about keeping Ukraine under his rule after joining Charles XII and his Polish ally. It is very important that Mazepa completely denied any cooperation with Leszczyński and the Swedish king even before he got the originals of the secret documents that Wolski left in Lublin. Moreover, the investigation of the event, and the interrogation of Wolski in particular, were carried out under the observation and control of Russian officers at the hetman's headquarters. It proves that at the time Mazepa had no plans to support Leszczyński or Charles XII, staying loyal to the tsar as before.

Keywords: Northern War; Ivan Mazepa; Stanisław Leszczyński; Russian-Ukrainian relations; Franciszek Wolski's secret mission.

В ходе Северной войны в 1705 г. избранный при шведской поддержке польским королем Станислав Лещинский попытался перетянуть на свою сторону украинского гетмана И. С. Мазепу. В статье по сравнению с предыдущими работами историков значительно расширена источниковая база исследования. В научный оборот вводится ряд документов: проект политических преобразований на Украине, составленный в окружении С. Лещинского, а также протокол допроса его агента Ф. Вольского, отправленного к Мазепе. На основании данных находок и не известной ранее переписки Мазепы и руководителя русской внешней политики Ф. А. Головина реконструируется политико-дипломатическая позиция прошведской части польской элиты в отношении Украины, а также ход и результаты миссии Вольского. Последний был отправлен в ставку Мазепы под Замостьем в начале октября. Анализируется опубликованная еще в XIX в. данная ему секретная инструкция с учетом новых данных о сделанных Вольским устных предложениях Мазепе. Показано, что устные обещания о сохранении власти Мазепы над «Малой Россией» в составе Речи Посполитой и пожалования Черниговского княжества не находили никакого подтверждения в письменных обязательствах польско-шведской стороны. Сопоставляя их с планами Лещинского и его окружения добиться от шведов санкции на передачу Левобережной Украины (в случае ее отторжения от России) под прямое управление польского короля с образованием на украинских землях королевской экономии, следует заключить, что польская сторона намеренно стремилась избежать предоставления Мазепе письменных деклараций о сохранении его власти над Гетманщиной в случае перехода на сторону Карла XII и его польского союзника. Однако Мазепа отверг любое сотрудничество с Лещинским и шведским королем еще до получения оригиналов секретных документов, которые Вольский оставил в Люблине.

Розыск же по делу Вольского и его допрос были проведены под полным контролем российских офицеров в ставке гетмана. Все это свидетельствовало об отсутствии у Мазепы каких-либо замыслов поддержать Лещинского и шведов и о его лояльности по отношению к царской власти в тот момент.

Ключевые слова: Северная война; И. С. Мазепа; Станислав Лещинский; российско-украинские отношения; секретная миссия Ф. Вольского.

Несмотря на то, что в ходе Северной войны решающее противоборство разворачивалось между Россией и Швецией, для обеих стран стратегическое значение имело укрепление своих военно-политических позиций в шляхетской Польше. В 1704 г. Россия сумела заключить с Речью Посполитой союзный Нарвский договор. Однако вторгшиеся туда в том же году шведы выдвинули на престол Станислава Лещинского, которого провозгласила королем союзная им Варшавская конфедерация. Часть магнатов и шляхты, сохранившая верность королю Августу II, образовала Сандомирскую конфедерацию, придерживавшуюся союза с Петром I. Борьба Карла XII с Россией должна была способствовать оживлению у Станислава Лещинского и его сторонников мыслей о ревизии русско-польских отношений и о возвращении утраченных во второй половине XVII в. земель, для чего Лещинский и его сторонники пытались склонить на свою сторону гетмана Мазепу. В историографии мало говорится о том, каким образом польская сторона могла представлять восстановление власти над Украиной и какое место могло отводиться в подобных проектах уже существовавшим там сословно-политическим институтам.

В середине XX в. польский историк Юзеф Фельдман, автор популярной биографии Станислава Лещинского, обратил внимание на секретный меморандум, адресованный Карлу XII от имени его польского ставленника (Riksarkivet, Стокгольм). Он был написан, по всей видимости, осенью 1705 г., в преддверии польско-шведских переговоров о союзе, увенчавшихся заключением в ноябре Варшавского договора. Оценивая предложения шведского короля вернуть Речи Посполитой территории, уступленные некогда России, Станислав Лещинский предлагал передать их в пожизненное владение не шляхетской республике, а ему лично. Речь, с точки зрения Фельдмана, шла о территориях Левобережной Украины и Смоленщины, оставшихся за Москвой по Договору о вечном мире 1686 г. Обладание указанными землями должно было усилить внешне- и внутривнутриполитические позиции Лещинского, и он, соответственно, мог бы стать более полезным для интересов политики Карла XII. Наконец, это позволило бы шведскому ставленнику получить необходимое содержание для своего двора. В случае одобрения предложенного плана шведским королевским двором Лещинский предлагал не включать упоминания о нем в официальный польско-шведский трактат, а если и включать, то в весьма общих словах. Конкретные

же условия передачи ему Левобережной Украины и Смоленщины должны были быть сформулированы в отдельных секретных статьях. Показательно также, что реализация данного проекта должна была, по мнению шведского ставленника, «успокоить умы» жителей самой Левобережной Украины, и прежде всего гетмана Мазепы, которые, как отмечал Лещинский, на данный момент ставили под сомнение уровень поддержки его со стороны Швеции.

Юзеф Фельдман, анализируя указанный меморандум, обращал внимание в первую очередь на стремление С. Лещинского усилить личную власть, минимизировать свою зависимость от легальных республиканских институтов Речи Посполитой, противопоставив им «собственную армию и собственную казну». С опорой на это, а также при шведской поддержке Лещинский рассчитывал укротить своеволие магнатов, а также укрепить личное (и в перспективе – своих потомков) положение на польском троне, поскольку его возможная детронизация автоматически означала бы утрату Польшей вновь обретенных земель. Польский историк полагал, что план Лещинского не был одобрен шведами [Feldman, 1948, S. 44–46].

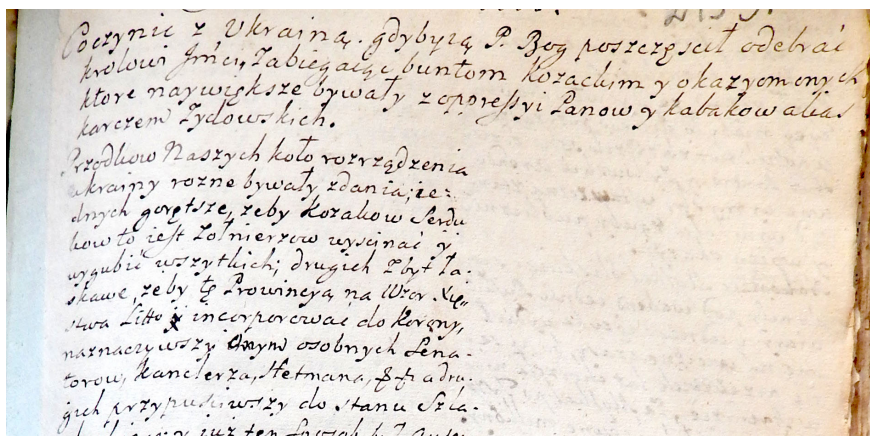
В контексте польско-украинско-шведских контактов указанный меморандум исследовал шведский историк украинского происхождения Богдан Кентржиньский [Kentschynskyj]¹. Однако, вопреки мнению Фельдмана, Кентржиньский полагал, что речь в указанном документе шла о передаче под власть Лещинского именно Правобережной Украины. Он характеризует меморандум как в высшей степени наивный и фантастичный, поскольку Мазепа де не согласился бы на отделение Правобережья от других территорий гетманской Украины. Шведский историк почему-то предположил, что в расчеты Станислава Лещинского входило сохранение власти Мазепы над возвращенной в состав Речи Посполитой Левобережной Украиной, хотя из цитируемых им фрагментов меморандума это никак не вытекает. Исследователь также полагал, что за утрату Правобережья Мазепа взамен должен был получить собственный княжеский удел на Северских и Белорусских землях [Кентржиньский, с. 230–232].

Сосредоточившись исключительно на украинских сюжетах, Кентржиньский не учел ряда важных обстоятельств, а именно того, что Лещинский не мог претендовать на полноту власти над Правобережной Украиной. Несмотря на вступление туда годом ранее казацких отрядов Мазепы, она формально являлась частью Речи Посполитой, а, следовательно, ее территория продолжала оставаться потенциальным объектом административных и политических практик шляхетского общества в рамках традиционных республиканских институтов. Вряд ли Станислав мог решиться в данном вопросе на конфликт,

¹ Указанный труд долгое время был редкостью в библиотеках стран Восточной Европы. Широкие круги историков данного региона получили возможность ознакомиться с ним после недавнего перевода книги на украинский язык [Кентржиньский]. Далее все ссылки даются по украинскому изданию.

который, несомненно, мобилизовал бы против него широкие слои шляхты и магнатов. Недостаточная аргументация рассуждений Кентржиньского была следствием отсутствия других исторических источников, которые могли бы помочь адекватно интерпретировать содержание секретного мемориала Лещинского.

Между тем, документ, который мог бы не только разрешить заочную полемику между Кентржиньским и Фельдманом, но и более развернуто представить планы Лещинского и его окружения в отношении Украины, существует. Речь идет о сохранившемся в Главном архиве древних актов Варшавы документе – записке, озаглавленной «Co robić z Ukrainą?» («Что делать с Украиной?») [AGAD. APP. Rps 134. K. 243–247] (прил.). Идеи, изложенные в ней, судя по всему, и легли в основу меморандума, поданного Лещинским Карлу XII. Упомянутый источник сохранился среди черновых бумаг видного политика – литовского подканцлера С. А. Шуки, который после 1704 г. был ближе скорее к сторонникам Станислава Лещинского, нежели к его противникам.

«Что делать с Украиной?» Фрагмент рукописи
 “What shall we do with Ukraine?” Fragment of manuscript

Из сформулированного в заглавии записки вопроса следует, что в ней рассматриваются планы утверждения польской власти на Украине в случае, если бы Речь Посполитая смогла не только восстановить свой контроль на Правобережье, но и вернуть Левобережье. На территории первого планировалось воссоздать органы власти шляхетской республики в рамках Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой (что дополнительно опровергает предположения Б. Кентржиньского). Этим ограничивалась программа в отношении Правобережья. Остальной текст документа посвящен Левобережью.

В преамбуле записки констатируется наличие в шляхетском обществе двух подходов к решению казачьего вопроса. Первый, который можно условно назвать силовым, предполагал полное искоренение

казачества на Украине. Однако с опорой на предшествующий исторический опыт в записке делался вывод, что невозможно «истребить» столь многочисленный народ. В подтверждение этого приводилась известная поговорка, что «хоть посеи иезуитов на Украине, умножаться будут все равно опришки²».

Второй подход заключался в интеграции Украины по образцу Великого княжества Литовского в политическое пространство Речи Посполитой с назначением от нового «субъекта федерации» своих сенаторов, канцлера, гетмана и т. д. Таким «слишком милостивым» путем пошли в свое время, заключив в 1658 г. с гетманом И. Выговским Гадячский договор, но этот вариант, как констатировалось в документе, оказался нежизнеспособным из-за неприятия шляхетским обществом самой мысли об уравнивании в правах с благородным сословием людей «мужицкого» происхождения, когда в Сенат должны были войти «хлопы». Кроме того, реализации такого плана мирной интеграции препятствовало и само наличие на Украине гетмана, под командой которого служило войско в несколько десятков тысяч человек. Это могло в любой момент спровоцировать новое казацкое восстание при малейшем подстрекательстве со стороны каждого недовольного королем и Речью Посполитой, о чем свидетельствовала бесконечная череда казацких войн, произошедших в последние десятилетия. Вместе с тем признавалось невозможным и возвращение к старому социально-экономическому укладу, существовавшему до 1648 г., поскольку народные массы не в состоянии были далее сносить «лихоимство» панов и ухищрения евреев-арендаторов. Отмечалась и опасность со стороны «москаля», который, сблизившись с Украиной «под приманкой единой русской веры и одного языка», захватил ее на «вечные времена» даже не в результате войны, а согласно «пактам Гжимултовского и Огинского», то есть Вечному миру 1686 г.

В записке предлагался совершенно новый подход к урегулированию социально-политической ситуации на Украине, который должен был не только успокоить народ, но и обеспечить восстановление там именно польской власти, не предусматривавшей существование института автономного гетманства. Речь шла о создании специальной Украинской экономии, которая должна была перейти в полное распоряжение короля как «*Prowincia Oeconomica Regia*» («Провинция королевской экономии»). Особо подчеркивалось, что территория экономии должна была быть выведена из-под юрисдикции шляхетских сеймиков. Подобный шаг должен был принести двойную выгоду. Общественная польза состояла бы в том, что за счет средств экономии король мог бы содержать в порядке киевскую крепость с соответствующим гарнизоном. Кроме этого, целиком удовлетворялись частные интересы монарха, который получал возможность содержать свой

² Традиционное название повстанческих и разбойничьих отрядов, действовавших главным образом в Прикарпатье с разной интенсивностью в период XV–XIX вв.

двор, оплачивать содержание гвардии, придворных слуг, принимать и вознаграждать иностранных послов, раздавать милостыню, помогать солдатам и т. д. Подчеркивалось, что скудость королевской казны вредит вольностям шляхетской республики, провоцирует правителя на различные злоупотребления и несправедливости и в конечном итоге вызывает конфликт «*inter majestatem ac libertatem*» («между властью и вольностью»). Указывалось и на инфляцию – рост цен в три-четыре раза по сравнению с недавними временами – которая съедала и без того скудные королевские доходы.

Вышеописанная идея раскрывалась в четырех конкретных пунктах. Подданным экономии не должен был докучать излишний налоговый гнет, поскольку им полагалось бы платить лишь годовой «королевский налог» в размере трех золотых, что, тем не менее, в совокупности составило бы приличную сумму. При этом предусматривалось, что на ее территории могли быть как имения, принадлежавшие королю, так и земли частных владельцев, по-видимому, получавших их из рук монарха за службу. В первом случае король имел право получать со своих имений ко двору скот, медовые дани и иные выплаты. С «панских» (частных) же имений должен был бы платиться вышеуказанный общий налог в королевскую «кассу». Административное управление провинцией предполагалось организовать по образцу Герцогской Пруссии с разделением ее на округа во главе с наместниками. Одним из важных условий общественного спокойствия было недопущение на территорию новой провинции евреев-корчмарей. Вместо них стоило приглашать винокуров-христиан, которые могли бы приносить монаршей казне дополнительный доход.

В конце проекта была сделана приписка, что подобный опыт можно было распространить также на Стародубщину и Смоленщину (которые также планировалось отобрать у России), однако там осуществление подобной политики могло столкнуться с гораздо большими трудностями в связи с наличием в указанных регионах множества наследственных владельцев земли и крестьян.

Столь детально разработанный политический проект не получил полноценного воплощения в конкретных договоренностях со шведской стороной. Идеи, высказанные Лещинским в меморандуме и неизвестным автором в записке «Что делать с Украиной?», не были утверждены какими-то отдельными договоренностями, а все обязательства шведов по этому вопросу свелись к нескольким скупым строкам 8-й статьи Варшавского договора. Она предусматривала возвращение Речи Посполитой земель, утраченных в предыдущей войне (то есть Левобережной Украины и Смоленщины): «*Provinciae & loca aliqua munita, quae anteriori bello per Czarum Moscoviae Reipub. ademta sunt*» («Провинции и иные укрепленные места, которые в предыдущую войну царем московским у республики были отняты»). Однако условием этого должна была стать некая компенсация Швеции

за потраченные усилия³. Этой компенсацией должна была стать Курляндия, которую поляки не желали уступать, и сделавший на этом особый акцент Б. Кентржиньский полагал, что шведский двор в целях будущего политического торга не только не был особенно заинтересован в интенсификации польско-украинских контактов, но и мог якобы вполне серьезно рассматривать перспективу установления над Украиной власти Карла XII [Кентржиньский, с. 228–230].

Вопрос, насколько Гетманщина действительно интересовала шведскую сторону даже в качестве «залога» за получение Курляндии, является дискуссионным. По крайней мере, в 1705 г. шведский двор не проявил особого интереса к самостоятельным контактам с Мазепой, предоставив их польскому союзнику, что выглядело бы странно, если придерживаться версии о какой-то особой заинтересованности шведов украинскими делами. Между тем, попытки Станислава Лещинского и его ближайшего окружения прозондировать позиции украинского гетмана на предмет перехода на польско-шведскую сторону были предприняты уже в сентябре 1705 г., более чем за месяц до заключения Варшавского договора. Эти шаги, несомненно, лежали в русле практической реализации идей, выраженных в записке и меморандуме, которые были составлены в кабинетах Лещинского и его сторонников и уже анализировались выше.

Ю. Фельдман обратил внимание на некое донесение из Варшавы от 7 октября (27 сентября) 1705 г.⁴, хранящееся в Дрезденском архиве, в котором сообщается о направлении к Мазепе доминиканского монаха Баргинского с предложениями перейти на сторону шведов и Лещинского. Украинскому гетману якобы предлагались немалая сумма денег и первая вакантная должность воеводы Речи Посполитой (и, соответственно, место в сенате) [Feldman, 1925, s. 304]. Больше об этой миссии ничего не известно, и подробно исследовавший данный сюжет М. Андрусяк резонно предположил, что речь в данном сообщении шла о миссии Франчишка Вольского, который действительно выехал к Мазепе в октябре 1705 г. и был арестован тем в лагере под Замостьем [Андрусяк, с. 38]. Документы этой миссии из российских архивов частично изданы, однако источниковая база данного сюжета отнюдь не исчерпана. Не известные ранее источники, и в первую очередь протоколы допроса Ф. Вольского, позволяют существенно расширить наши знания о начале контактов гетмана и шведского ставленника на польском престоле.

Франчишек Вольский, по его собственному свидетельству, был слугой могущественного магната, владельца Замойской ординации Томаша Замойского. В конце лета 1705 г. он поехал в Варшаву по по-

³ Научного издания Варшавского трактата не существует. Цитата дана по современной событиям публикации договора на латинском языке, сохранившейся в Отделе старопечатных рукописей Исторического института Варшавского университета (ор cit.: [Foedus, s. 6]). Благодарю за указание на данный текст Я. Бурдовича-Новицкого.

⁴ Для дат, приводимых в источниках по новому стилю, в скобках указан старый стиль.

ручению своего господина, касавшемуся выплаты долга брата ордината Мартина Замоийского шведскому королю. Финансовый вопрос решить не удалось, но зато в окружении Станислава Лещинского, к которому М. Замоийский был близок, решили использовать Вольского как гонца к Мазепе. Судя по всему, выбор пал на него лишь потому, что он должен был возвращаться в Замостье к своему господину. Это освобождало бы его от вероятных подозрений при аресте разездами противника. Лещинский и его советники вынашивали планы похода на Замостье против располагавшихся там отрядов Мазепы сразу после коронации, которая состоялась 4 октября (24 сентября) 1705 г. Логичным в этих условиях представлялось угрозой вооруженного наступления попытаться склонить казацкого гетмана на свою сторону. Незадолго до коронации Лещинский дал Вольскому аудиенцию, после чего доверенные люди короля – коронный подконюший Владислав Пониньский⁵ и некий ксендз суффраган Межевский – объяснили суть предстоявшей миссии. Слуга Замоийских получил два документа – незапечатанное письмо главы шведской походной канцелярии графа Карла Пипера Станиславу Лещинскому от 21 (10) сентября и секретную инструкцию от 23 (12) сентября, подписанную Адамом Радоньским, руководившим комнатной канцелярией Станислава. Инструкция была написана симпатическими чернилами, проступавшими при обработке раствором, который одновременно стирал верхний текст [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. За. Л. 15–18]. Последний являл собой проезжую грамоту с датой 23 (12) сентября от имени Станислава Лещинского, согласно которой Вольский якобы ехал по своим делам «в Ростоцкое староство» (так, по всей видимости, стоит трактовать выражение «*ad capitaneatum Rostoiensem*»)⁶, находившееся в Русском воеводстве и принадлежавшее, возможно, Замоийским [Słownik, S. 799]. Реальным же прикрытием миссии служило письмо к Мазепе от брестского старосты Яна Фридерика Сапеги (текст не найден), который был сторонником Августа II и просил «о залоге на ево Сапегины маетности», то есть, видимо, хотел занять у гетмана денег под залог имений. Сам Сапега, по-видимому, был не в курсе миссии Вольского, и последний не мог пояснить, как его письмо оказалось у Станислава Лещинского [Там же. Л. 16–16 об.].

Вольскому следовало вручить Мазепе вверенные ему секретные бумаги только после разговора с казацким гетманом, если в ходе беседы тот выразит намерение «склониться» к польско-шведской стороне. На словах агент Лещинского должен был обещать гетману «многую волность как у них у шляхты бывает», а также посулить тому «быт князем черниговским и влодетелем всей Малыя Росии». В случае согласия на эти

⁵ О В. Пониньском см.: [Wagner, S. 547].

⁶ «Список пашпорту от Лещинского, короната шведского, данного Францишку Волскому под которого словами, zde переписом изображенными, в иной материи тайное было писмо» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. За. Л. 57 об.].

условия Мазепе должны были оказать и военную помощь – дать «на оборону военных людей». Если бы украинский гетман принял предложения Лещинского, Вольский должен был направиться к королю с ответом, если нет – просто уведомить его об отказе почтой [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 16–18].

Судя по протоколу допроса, Вольский утверждал, что польско-шведские предложения Мазепе о Черниговском княжении, сохранении власти над «Малой Россией», о пожаловании польских вольностей и др., которые следовало передать устно, подкреплялись данными ему в Варшаве документами. Однако это было не так, и Вольский, судя по всему, знаком с их содержанием не был.

И инструкция Вольскому, и письмо К. Пипера давно изданы. Оригинал второго документа сохранился в шведских делах РГАДА как «перенятое» письмо [Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 1–2 об.], будучи опубликован Н. Г. Устряловым более 150 лет назад, и изучался Б. Кентржинским, который по понятным причинам непосредственно с миссией Вольского его не связывал.

В указанном послании Пипер сообщал Лещинскому, что получил информацию и донес королю о планах его переговоров с «казацким князем» Мазепой. Он подчеркивал, что Карл XII одобряет все, что послужит к благу и выгоде Станислава в этом деле. При желании Мазепа мог направить шведскому монарху письмо или посланца с просьбой о гарантиях безопасности и с уверением, что готов перейти *«ad partes»* Станислава. Получив исчерпывающую информацию об условиях достигнутого Лещинским соглашения с гетманом, Карл XII выражал готовность утвердить их. Он не только гарантировал Мазепе «сохранение жизни, имущества и чести» (*«personam, fortunam ac honorem tuebitur»*), но и готов был принять под свою протекцию ближайших сподвижников гетмана [Устрялов, с. 355–356]⁷.

На данном этапе шведский двор рассматривал контакты с Гетманской Украиной как исключительную сферу ведения своего польского союзника, будучи готовым лишь поддержать те условия перехода Мазепы под власть Лещинского, которые тот сам сочтет необходимым предложить гетману. По всей видимости, именно по просьбе польской стороны Карл XII соглашался дать гарантии безопасности лично Мазепе и его ближайшим сподвижникам. Из документа никак не следует, что короля и его советников хоть как-то заботила судьба Гетманщины как политического образования. Стоит отметить, что шведская сторона не стала адресовать украинскому гетману послания ни от имени короля, ни даже от имени канцлера Пипера, ограничившись вышеупомянутым письмом⁸.

⁷ Письмо, судя по всему, датировано новым стилем (21 сентября), хотя в Швеции существовал свой календарь, отстававший от григорианского на десять дней. Перевод сохранился в малороссийских делах [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 51–52].

⁸ Ср. с интерпретацией Б. Кентржинского: [Кентржинский, с. 224–225].

Инструкция Вольскому была издана еще Д. Н. Бантыш-Каменским по современному переводу, сделанному в русской посольской канцелярии [Источники, с. 50–51]⁹, который отложился в малороссийских делах («Инструкция секретная, данная господину Волскому, от короля Станислава к господину Мазепе посланному» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 53–56]). Оригинал не сохранился (или пока не найден), хотя известно, что И. С. Мазепа переслал его Ф. А. Головину.

В инструкции обращает на себя внимание ряд обстоятельств. Уже во второй статье заявлялось, что Мазепе лучше договориться с польско-шведской стороной, нежели войско Карла XII «против Козаков рушитца». То есть украинского гетмана недвусмысленно ставили перед выбором: либо договор, либо вооруженное противостояние со шведами и Лещинским. Характерно также, что в инструкции раскрываются выгоды от возможного соглашения лично для Мазепы, тогда как казацкая Украина вообще не упоминается. Наиболее содержательной была третья статья, в которой гетману обещали «несмертельную славу, которую воспримет из спокойства отчизне своей, всякую вольность, которая ему от маестата и Речи Посполитой дана будет, освобождения из-под владения тиранскаго, впоследствии награждение, какое сам себе желати будет». Учитывая первую статью, констатировавшую, что «король весьма известен еще от деда своего, какую склонность к отчизне своей всегда имел господин Мазепа», следует заключить, что под отчизной и здесь, и в третьей статье подразумевается Речь Посполитая. Принеся ей успокоение отказом от вооруженного противостояния польско-шведским силам, украинский гетман взамен получал абстрактные обещания избавления от власти «тирана» и всякую «вольность» лишь для себя самого. Более того, гетману предлагалось прислать польские войска на Украину (столько, сколько он захочет), причем «на президиус» – то есть для гарнизонов, что подразумевало их постоянное там расположение. Впрочем, польская сторона отмечала, что «может сам господин Мазепа подать способы, которые ему для интересу Речи Посполитой, короля и себе самаго полезны быти покажутся (курсив мой. – К. К.)». Достигнутые договоренности между С. Лещинским и Мазепой предлагалось скрепить отдельной «гарантией» Карла XII, подразумевавший обязательство включить их в качестве отдельного пункта в будущий мирный договор с Россией [Источники, с. 50–51].

Вольский выехал из Варшавы незадолго до коронации, однако вернулся, испугавшись казацких разъездов. После коронации его опять принял С. Лещинский, и курьер повторно двинулся в путь 8 октября (28 сентября). Из осторожности он оставил секретные документы в Люблине у тамошнего почтмейстера, некоего Шульца, намереваясь привезти и показать их Мазепе в случае его согласия

⁹ На основе архивного оригинала документ пересказал Н. И. Костомаров [Костомаров, с. 277–279].

на сотрудничество с польско-шведской стороной. Прибыв в казачий лагерь под Замостьем, Вольский должен был связаться еще с одним польским агентом – неким Борковским [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 15 об. – 17 об.]. В данной ему инструкции даже отмечалось, что тому «до трактования с господином Мазепю дана полная мочь», но переговоры осложняются дальними расстояниями, в связи с чем лучше будет, если договор заключит и привезет в ставку Лещинского Вольский [Источники, с. 50]. Речь здесь, несомненно, идет о ком-то из польских родственников покойного генерального обозного Василия Борковского, с которыми сторонники Лещинского могли связаться ранее [Павленко, с. 176–178]. Однако поскольку Вольский увидеться с ним не сумел, подробности деятельности Борковского остаются неизвестными [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 17 об.].

Франчишек Вольский прибыл в лагерь Мазепы под Замостьем 4 октября, попросив доложить о себе гетману генерального есаула Ивана Ломиковского. Мазепа принял его, Вольский вручил ему «лист» Сапеги и озвучил польские предложения в соответствии с инструкциями. Характерно, что Мазепа «против того ничего отповеди не учинил и выслал ево из намету», отправив к одному из своих приближенных греку Згуре Стилевичу [Там же. Л. 15 об. – 16 об.].

Вольский был арестован и отдан под караул находившемуся при гетмане русскому стольнику и полковнику Григорию Анненкову, а затем отправлен в полк думного дворянина С. П. Неплюева. Участие русских офицеров в аресте и допросе Вольского, его содержание под арестом именно в полку Неплюева имеют особое значение. Тем самым Мазепа, выражаясь современным языком, хотел сделать и расследование по делу Вольского, и свои отношения с ним максимально прозрачными для российских властей. С этой точки зрения показания польского агента, данные русским представителям при гетмане, вызывают доверие, так же, впрочем, как и свидетельства самого Мазепы.

На первом допросе 5 октября Ф. Вольский сначала отрицал свою шпионскую миссию, однако после пытки частично признал ее, заявив о существовании письма К. Пипера, которое он должен был отвезти Мазепе по распоряжению приближенных С. Лещинского. Гетман не удовлетворился полученными показаниями, и прибывшие в полк Неплюева 6 октября Анненков и генеральный есаул И. И. Скоропадский потребовали вновь допросить Вольского «с пристрастием». После подъема на «виску» (дыбу) тот сообщил все, что знал, и самое главное – про оставленную в Люблине секретную инструкцию от Лещинского [Там же. Л. 15–18].

Русскому правительству в лице Ф. А. Головина Мазепа сообщил о миссии Вольского уже в письме от 4 октября. Гетман писал, что отослал Вольского в полк Неплюеву, «жебы никому тое не было ведомо, где поделся», обещая завтра выслать его «до двору монаршого». Он сообщил и об обращенных к нему речах Вольского: «Елиект

(Станислав Лещинский. – К. К.) мне князство Малороссийское оферует, а Войску Запорожскому вдвое волностей прибавку, и будто его оба два короли, шведский и елиект, в покою сидячи, тайно, никому не объявляючи, ку мне з Варшави виправили его, а на то все особливую свою корол шведский видал кон[фирмацию]» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1450. Л. 4–4 об.]¹⁰. Изложение это в целом совпадает с протоколом допроса, за исключением отдельных деталей. И если трактовки таких обещаний польско-шведской стороны, как Черниговское княжение, владение всей Малой Россией с одной стороны (Вольский), и Малороссийское княжество (Мазепа) с другой, в целом по смыслу тождественны, то что касается пожалования вольностей – здесь расхождения более существенны. Мазепа, интерпретируя высказанные ему Вольским предложения на этот счет, представил их как прибавку вольностей Войску Запорожскому «вдвое», из чего логично следовало бы, что расширены они должны были быть по сравнению с нынешним положением дел, которое существовало в условиях нахождения Украины под царской властью. Гетман осторожно намекал представителям русских правящих кругов на актуальность и важность соблюдения комплекса писаных и неписаных правил, установившихся в отношениях между Россией и Войском Запорожским. Трудно, впрочем, судить, было ли это как-то воспринято в царской ставке, и имел ли указанный намек вообще какое-то значение.

13 октября гетман Мазепа выслал уже более официальные и обстоятельные сообщения о деле Вольского царю Петру I и Ф. А. Головину. В послании государю Мазепа вспоминал о прежде делавшихся ему предложениях изменить русскому самодержцу и уверял в своей верности, обещая хранить ее «до последнего... издыхания» [ПБИБВ. Т. 3. С. 1012–1014]. В письме руководителю русской внешней политики Мазепа, вроде бы выполняя данное ранее обещание, сначала сообщал, что высылает Вольского «при нарочном конвою» и «замкнувши оного в палубе (тяжелой повозке. – К. К.), чтоб ниhto его не видел и не знал, и не видел его при добром приставу»; а в месте с ним записи «з словесной его мови, яко з роспросных речей з спитки (пытки. – К. К.) на письме особном выраженных» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1455. Л. 1–2]. Однако тут же по написании письма царю Мазепа рассудил, что отправлять Вольского сейчас опасно, поскольку «прелестника на дорозе где в яком местечку или селе люде, албо якая шляхта, найбарзей з служалих людей так гетманов, яко референдара коронних, котории немалими купами кгусто за збожем и кормами конскими проеджаются», могут отбить у гетманских посланцев. Поэтому Мазепа решил «з посылкою» агента Лещинского задержаться впредь «виразного его великого государя указу», ограничившись отправкой

¹⁰ Эту информацию И. С. Мазепа продублировал и А. Д. Меншикову [Батурицкий архив, с. 196]. Именно по этому тексту восстановлено слово «конфирмация», которое по каким-то причинам в письме Головкину не было написано полностью.

протоколов допроса. До тех пор посланник Лещинского должен был находиться под стражей у С. П. Неплюева. Все это излагалось в приложенной к письму цедуде [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1455. Л. 3].

Спустя неделю Мазепа сообщал, что все-таки добыл «прелестнии короната шведского и канцлера шведского ж короля, Пепера, письма». Причем первая попытка оказалась неудачной – люблинский почтмейстер отказался их выдать, «поведаючи, если, мовит, видам, то мое в том горло, поневаж то великий секрет». Однако когда Мазепин посланец прибыл второй раз с сотней «червоных золотих» и парой «соболей добрих», почтмейстер, «прелстившися датком», отдал послания [Там же. Д. 1457. Л. 1–2 об.] (перевод см.: [Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 47–49 об.]). Чтобы получить в свое распоряжение текст секретной инструкции Лещинского, Мазепе пришлось заставить Вольского «проявить» его. «Но когда, – писал Мазепа, – тепер тот прелестник неякоюс водкою з собою ж привезеною и изгубною натер, тогда обиклое чернило и речь подорожного листа стерлися, а летери и характер тим тайним чернилом написани, якии сут, и тепер zostалися». Гетман подчеркивал, что высылает к царскому двору не только оригиналы писем Пипера и Лещинского, но и список с текста подорожной грамоты Вольскому, который по понятным причинам не сохранился [Там же. Д. 1457. Л. 1–2 об.] (перевод см.: [Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 47–49 об.]).

Анализ миссии Вольского демонстрирует существенную разницу между письменными обязательствами, которые готова была принять на себя польско-шведская сторона, и устными заверениями, данными Мазепе посланцем Лещинского. И письмо Пипера, и инструкция Лещинского сочетали недвусмысленные гарантии для Мазепы и его ближайших сторонников с весьма расплывчатыми обещаниями касательно всего остального. Через инструкцию вообще красной нитью проходит тезис, что все предложения польской стороны касались исключительно позиций украинского гетмана, и даже встречные пожелания казацкого вождя, по мысли польских политиков, должны были касаться только его самого. Никакого намека на последующую судьбу института гетмана и Запорожского Войска как политической организации в инструкции не содержится. Все это логично сочеталось с существовавшими в окружении Лещинского планами по созданию королевской экономии на Левобережной Украине.

Однако в Варшаве понимали, что подобные предложения могут быть привлекательны для Мазепы лишь в гораздо более критической ситуации, которая угрожала бы ему потерей булавы или даже жизни, а речь об этом в настоящий момент не шла. Поэтому не случайно Вольскому было поручено сделать ряд гораздо более заманчивых и конкретных устных заявлений и для гетмана, и для казацкой старшины. Поскольку на письме они не обозначались, то впоследствии их можно было встроить в генеральный план передачи Украины Станиславу Лещинскому: казаки получали вольности, а Мазепа – Чернигов-

ское княжество в рамках новоучрежденной королевской экономии, признавая таким образом верховную власть польского короля. Все это, несомненно, предопределяло деградацию статуса Гетманщины как автономной единицы, за счет которой шведский ставленник собирался укрепить в Речи Посполитой собственные позиции. Между тем, планы эти просматривались только в перспективе, тогда как на данный момент, разрабатывая после коронации планы по активизации военных действий против России, польско-шведской стороне было жизненно важно ослабить ее украинский фланг, переманив Мазепу на свою сторону угрозами военного давления в сочетании со «сладкими» обещаниями (включая и малороссийское княжение), от которых потом с легкостью можно было отказаться, либо осуществить их частично, в определенной мере формально. Степень их реализации зависела бы от военных триумфов Карла XII, и чем более очевидная победа была бы одержана над Петром I, тем менее польский союзник Швеции мог принимать в расчет интересы украинского гетмана, «забыв» об устных декларациях, данных к тому же через посредство такой малозначительной персоны, как Вольский.

Мазепа как искушенный политик и осторожный дипломат должен был понимать утопичность всех этих предложений, которые в лучшем случае не сулили ему существенных выгод, а в худшем – грозили серьезной утратой социально-политических позиций. Характерно, однако, что гетман передал русским офицерам Вольского даже до того, как ознакомился с содержанием привезенных им документов. Все это особенно ясно подчеркивает, что Мазепа на данном этапе без колебаний отверг любые планы сотрудничества с Лещинским и шведами, не видя в нем никаких перспектив. «Синица в руках» в виде царской власти над Гетманщиной представлялась ему явно выгодней.

* * *

Русское правительство в 1705 г. не придало инциденту с Вольским особого внимания. Петр I написал гетману короткое письмо, выразив удивление, что Мазепа все еще «во искушение» принимает «воровские инвенции» Лещинского, «которым иначе делать невозможно по слову Христову: не может древо зло плодов добрых творити, ибо сей Лещинской, яко изменник и воров сын, к вам с сим подослан». Государь советовал Мазепе не рефлексировать по поводу случившегося, но употребить все старания в деле введения в Замостье царского гарнизона [ПБИПВ. Т. 3. С. 474–475]. Руководитель русской дипломатии Ф. А. Головин в своем письме похвалил Мазепу за «верную службу и осторожность», подчеркнув, что царь «всегда крепко и несумнительно надежен» на гетманскую преданность [Там же, с. 1014–1015].

«Украинская» политика Станислава Лещинского и его окружения в 1705 г. характеризовалась весьма завышенными ожиданиями. Поддержки шведского двора было явно мало, чтобы побудить украинское

казачество склониться на польскую сторону. Перспективы полной победы над Петром Великим и его польскими союзниками из Сандомирской конфедерации были весьма туманны. Однако даже в этих условиях новоявленный король и его советники не сочли нужным искать соглашения с казачеством хотя бы на платформе Гадячской унии, положения которой были им известны и, более того, однозначно отвергнуты в рассмотренном выше проекте. Проблемы укрепления собственной власти за счет украинских земель оказались для Лещинского важнее. И, видимо, поэтому, несмотря на полный провал умело организованной миссии Вольского, «шведский коронат», как называл его Мазепа, не отказался от своих планов в отношении украинского гетмана. Уже в следующем 1706 г. в дело вступила тайная дипломатия княгини Анны Дольской.

В приложении публикуется ранее не известный источник – польский трактат «Что делать с Украиной?» Публикация осуществлена в соответствии с рекомендациями польских археографов [Instrukcja], перевод автора статьи.

Приложение

Около 1704–1705 гг. Польский проект обустройства украинских земель после возвращения их под власть Речи Посполитой

(К. 243)¹¹ Co czynić z Ukrainą, gdyby ją P. Bóg poszczęścił odebrać królowi Jmci, zabiegając buntom kozackim i okazjom onych, które największe bywały z opresji panów i kabaków *alias* karczem żydowskich.

Przodków naszych koło rozrządzenia Ukrainy różne bywały zdania, jednych gorętsze, żeby Kozaków, serduków to jest żołnierzów wyścinać i wygubić wszystkich, drugich zbyt łaskawe, żeby tę prowincję na wzór Księstwa Lit[ewskiego] inkorporować do Korony naznaczywszy onym osobnych senatorów, kanclerza, hetmana etc., a drugich przypuściwszy do stanu szlacheckiego, i już ten sposób był autentykowany Paktami Hadziackimi aprobowanymi przez Rzptą i wprowadzonymi w konstytucję koronną. Pierwszy sposób nie mógł przyjść do skutku, bo się zdał być nie chrześcijański i prawie niepodobny; naród tak wielki wygubić, a do tego, że o tym kraju taka opinia, iż sama ziemia ludzi złych rodzi; ztąd przysłowie, że choćby w Ukrainie jezuitów posiał, to się opryszkowie mnożyć będą.

Nie mógł przyjść i drugi sposób do skutku, bo zbyt wysoko podnoszący ludzi stanu chłopskiego i bezdusznego: i zdało to¹² się coś cudownego, wprowadzać chłopów, grubianów w senat polityczny i stan rycerski krwią zacząć i dawnymi prerogatywami zaszczycający się. I tak z obojgami, bo obiedwie rady nie były pomiarkowane w zbyteczności, to jest *ad duo extrema* idąc.

¹¹ Перед заголовком документа помещены «+» и ряд заглавных букв, предположительно читающихся как «J M J A A S P J G S S S». Значение данного сокращения выяснить не удалось. Возможно, это сокращенное именование титула либо стандартизированного обращения.

¹² Слово вписано поверх строки.

Nad to drugi sposób był i niebezpieczny, bo któżkolwiek byłby hetmanem ukraińskim, mogąc mieć kilkadziesiąt tysięcy Kozaków za łada okazyją albo poduszaniem malkontenta (k. 244) którego Pana mógłby zawsze królowi i Rzpiej szkodzić, jako to już ekzemplifikowały nieszczęśliwe wojny kozackie.

Poszło zatem, że gdy w tej prowincyi nie było dobrego rozrządzenia, a pospolstwo zbrzydziło sobie zdzierstwo panów i żydowskie arendowne wymysły, ustawiczna stamtąd wynikała zguby publicznej i wojen okazyja.

W tym¹³ Moskal bliskując się do niej pod wabem jednej Ruskiej wiary i jednego języka wydarł onę na wieczne czasy, bo przecie przez wiele lat chodziła niby w arendzie, że Moskal po trzykroć musiał dać pewne miliony, a ta się krzywda stała i wydarcie nie przez wojnę, ale przez Pakta Grzymułtowskiego i Ogińskiego. Kto by tedy chciał widzieć tę prowincję za powrotem onej do Rzeptej w szczęśliwszym stanie i z jakimkolwiek pożytkiem Rzpiej, albo królów panów naszych, zda się być rzecz nieodbita, ażeby ta prowincyja udziałem chodziła od rządów polskich sejmikowych. Dać ją zaś komu czy to tytułem komisarza, czyli gubernatora lub starosty zda się wpadać w toż niebezpieczeństwo, co i od hetmana.

Więc póki się nie znajdzie doskonalszy sposób, czemu by tego nie wziąć przed się, zostawić z tej strony Dniepru Ukrainę wszystką przy swoich w[o]jow[oj]dztwach tak, jako teraz jest, a Zadnieprską Ukrainę wszystką in *provinciam distinctam erigere*¹⁴ pod rządem i dependencyją samego króla i nazwać ją *Prowincia Oeconomica Regia*, dwa z niej pożytki formując, publiczny i królewski. Naprzód publiczny¹⁵ (k. 245), żeby król Jmć z niej trzymał fortecę kijowską w jak najlepszym porządku i *praesidium* wedle potrzeby zawsze chował. Potym królewski, żeby król mógł mieć wsparcie jakie na dwór, stół i życie królewskie, bo statutowe dawne i bardzo potrzebne prawo jest: «*ne princeps egeat*». A czemuż i na co tak poprostu przodkowie nasi napisali, bo wiedzieli bardzo dobrze, że jeżeli *princeps egebit*, to musi sposobów szukać na wsparcie swoje, a stąd zaraz go nazwie łakomym albo niesprawiedliwym *libertas*, i tak gotowa okazyja suspicyi, kriminacyi, zwady *inter m[ajes]t[em] i libertatem*. Skąd wszystko złe w Rzpiej wolnej.

Teraz że uważać jako też u nas opatrzonego król, *ne egeat*. Za gospodarstwem króla s.p. Jana dość ostrożnym, krzepkim i utrzymującym, wszystek dochód królewski nie mógł dociągać półtora milionów szelągowych.

A jest że to podobna żeby król z tego mógł i gwardie swoje sustentować i odziewać, dworzan chować, pensje płacić, posłów cudzoziemskich przyjmować i regalować, obozy utrzymywać, jałmużny dawać, potrzebnych opatrwać żołnierzy, świadczyć i milion innych *expens* odbywać?¹⁶ Ale kto zarzuci: „tak przed tym było, a po staremu kontentowali się królowie”. Nie wiem, czy kontentowali się i czy nie biegano często skąd dostać na kuchnię. Ale na ten zarzut dość responsu, że *insze pretia rerum* przed tym były, wina garniec – dwa złote, atlasu sukna dobrego łokiec¹⁷ – najwięcej trzy złote. (k. 246) Teraz wszystkich rzeczy *pretia* poszły w górę, więcej niż *in triplum*, albo *quadruplum*. A po staremu królowi też sumą kazać się kontentować, *quae sustitia*?

¹³ Написано вместо зачеркнутого «Наконієс».

¹⁴ Слово вписано над строкой с указанием места вставки.

¹⁵ Слово повторяется в начале следующего листа.

¹⁶ Написано вместо зачеркнутого: «wutrzymуwać».

¹⁷ Вписано над строкой с указанием места вставки.

A zatem żaden nie powinien zajrzeć ani przeszkadzać tego przyczynku z Ekonomiej Ukrainnej, ile kiedy stąd i *publicum bonum* rezultat nie tylko utrzymanie Kijowa, ale i samej prowincyj w dobrym rządzie i ku pożytkowi całej Ojczyzny. Tak tedy prowincję tę wydzieliwszy w administracją i ekonomią królewską, idzie pierwsza kwestia, co z niej za intrata być może? Odpowiadam, że nie czyniąc żadnej ciężkości ludziom, włożywszy roczny królewski podatek, na wszystkie ogółem dymy trzy tylko złote tameczne, co czyni taler bity, wyniesie tyle tysięcy talerów bitych, ile dymów, a wierzyć potrzeba, że¹⁸ jest kilkakroć stu tysięcy dymów, bo tam nie po polsku według abiuratu, ale każdy dym za dym się rachuje¹⁹.

Idzie druga kwestia. Jako z pańskich dóbr ten podatek dadzą? Odpowiadam: tak jak i w Polsce, bo wszystkie dobra pańskie podatek publiczny i nierównie większy płacą, gdyż²⁰ i ten będzie publiczny, ale wchodzący do kasy królewskiej. Lepiej by jednak było, gdyby można zbyć się panów *quocumque pretio vel moda*, bo też tam nie mają tylko lenności.

Idzie kwestia trzecia, jako tam rządzić? Odpowiadam: wolno dobremu rządcy i gospodarzowi jaki chce wziąć sposób, zdał by się jednak najlepszy brandeburskich Prus, rozdzielić *per territoria* wszystkę ziemię i starostów abo namiestników osadzić *salariatos* tymże przykazawszy wszelką sprawiedliwość i żydów niedopuszczanie (k. 247).

Idzie czwarta kwestia: ktoż kabaki *alias* karczmy administrować i liquory prowidować będzie bez żydów? Odpowiadam: pisarzów i winników chrześcian chować, a stąd nowy znaczny prowent być może do skarbu królewskiego, jako i zosobna może być jeszcze trzeci prowent z dóbr *mere* królewskich, nie szlacheckich, ani pańskich, które do samego króla należeć²¹ powinny, to jest czynsze, bydła, miody etc.

NB. O Smoleńsku i Starodubie nie wiem jeżeli to może *practicari*, bo tam bardzo wiele szlachty i zdadzą się na własnych dziedzictwach swoich siedzieć. Atoli gdyby w też ordynansy weszły, to by ten że porządek i też intrata, co się wyżej namieniło, być mogła [AGAD. APP. Rkps 134. K. 243–247].

Перевод

Что делать с Украиной, если Господь Бог соблаговолит ее вручить его милости королю, предотвратив казацкие бунты и причины к оным, которые наиболее сильными были из-за тягот от панов и кабаков или, по-другому, еврейских корчем

Наши предки высказывали различные мнения касательно управления Украиной, одни – более резкие, о том, чтобы казаков, сердюков, то есть солдат, вырезать и истребить всех, другие – более мягкие, чтобы провинцию

¹⁸ Далее идет зачеркнутое слово «там».

¹⁹ *Abiurata* – декларируемое шляхтичем под присягой число дымов (хозяйств) либо ланов пахотных земель, которые облагались налогами. Поскольку реальный контроль и проверка подобных реестров были невозможны, шляхта всеми силами стремилась снизить налогооблагаемую базу, указывая в них наименее возможное число дымов или ланов. Отсюда и ирония автора трактата.

²⁰ Слово вписано над строкой с указанием места вставки вместо слова «во».

²¹ Далее идет зачеркнутое слово «nie».

инкорпорировать по образцу Великого княжества Литовского с Короной, назначив им отдельных сенаторов, канцлера, гетмана и так далее, а остальных допустив в ряды шляхты. Последний путь был уже реализован Гадячским пактом, одобренным Речью Посполитой и включенным в состав коронной конституции. Первый способ не мог быть осуществлен, так как и не по-христиански это, и невозможно истребить столь многочисленный народ. Да и вообще о стране этой существует такое мнение, что сама земля там плохих людей рождает, отсюда и пословица, что хоть посеи иезуитов на Украине, умножаться будут все равно опришки.

Не мог привести к какому-либо результату и второй способ, ибо слишком высоко вознеслись бы люди бездушного мужицкого сословия, уж слишком дивно было бы вводить мужиков и грубиянов в благородный сенат и сословие рыцарское, гордящееся благородной кровью и древними привилегиями. Так, имелись эти два мнения, каждое из которых не было свободно от крайностей, являя собой две противоположности.

Кроме того, второй способ был и опасен, поскольку кто бы ни был украинским гетманом, имея несколько десятков тысяч казаков, по любому поводу или по наущению какого-нибудь смутьяна всегда бы мог королю Речи Посполитой вредить, несчастными примерами чего были казацкие войны.

Итак, когда не было в той провинции хорошего устройства, а простолюдины ненавидели лихоимство панов и ухищрения еврейских арендаторов, возникла там постоянная причина для войн и всеобщей гибели.

Потому и москаль, сближаясь с ней под приманкой единой русской веры и одного языка, захватил оную на вечные времена, хотя прежде много лет была она как бы в аренде, и москалю за это трижды пришлось выплатить несколько миллионов. А это несчастье случилось не в результате войны, но на основании пакта Гжимултовского и Огинского. Любой, кто бы хотел видеть эту провинцию возвращенной Речи Посполитой, в процветающем состоянии и приносящей пользу Речи Посполитой или нашим государям и королям, должен признать несомненно, что должна она быть уделом, свободным от власти польских сеймиков. И даже передача ее кому-то в управление с титулом комиссара или губернатора либо старосты означала бы ту же опасность, что и в случае назначения гетмана.

Таким образом, пока не найден будет совершенный метод, почему бы не предпринять следующее, а именно с этой стороны Днепра всю Украину оставить в границах своих воеводств так, как и теперь есть. Заднепровскую же Украину учредить как отдельную провинцию под управлением и властью самого короля и назвать ее Провинцией Королевской Экономии, получая с нее двойную пользу – и для монарха, и для всего общества. Сперва скажем об общественной пользе, суть которой в том, что король из доходов провинции будет содержать киевскую крепость в наилучшем состоянии, обеспечив ее необходимым гарнизоном. Королю же польза в том будет, что получит он средства на содержание двора, стола и обеспечение своей жизни, ибо в статутах древний и полезный закон есть: «Государь ни в чем не должен нуждаться». Наши предки написали это не с какой иной целью, а только зная очень хорошо, что ежели правитель

будет нуждаться, то должен искать средства на собственное содержание, что тут же дает повод назвать его охочим либо несправедливым до чужих свобод, и вот уже готов случай для подозрений, обвинений и конфликта между королевской властью и шляхетскими вольностями. Отсюда и всякое зло в свободной Речи Посполитой. Следует рассудить и о том, как у нас обеспечен король, который не должен нуждаться. Даже при хозяйствовании святой памяти короля Яна, которое было осмотрительным, крепким и экономным, весь королевский доход не дотягивал до полутора миллионов золотых.

И разве возможно, чтобы король с этого мог гвардию свою кормить и одевать, заботиться о придворных, пенсии платить, принимать и награждать иноземных послов, содержать военные лагеря, раздавать милостыню, заботиться о заслуженных солдатах, осуществлять еще миллион разных трат? Если кто возразит: «Так и прежде было, что по-старому удовлетворялись во всем короли», то уж и не знаю, удовлетворялись ли, и не случилось ли так, что суетились в поисках денег на кухню. На такой упрек достаточно будет ответить, что цены на товары прежде были иными, гарнец вина стоил два золотых, локоть хорошего атласу – самое большое три золотых. Теперь же на все цены пошли вверх, увеличившись более чем в три, а то и в четыре раза. А по-старому король должен удовлетворять свои нужды той же суммой; какое же это содержание?

И поэтому никто не должен ни возражать, ни отвергать пользы от Украинной экономии, ибо она принесет плоды с точки зрения публичного блага в виде содержания не только Киева, но и всей провинции в добром порядке и к пользе всей Отчизны. Выделив таким образом эту провинцию в администрацию и экономию короля, следует поставить первый вопрос: какой доход она может принести? Отвечаю, что, не чиня людям никаких тягостей, следует обложить их ежегодным королевским налогом, со всех вообще дымов лишь по три золотых, что составляет битый талер. Всего сумма составит столько тысяч талеров, сколько есть дымов, тем более что достоверно известно о существовании там нескольких сотен тысяч дымов, которые считаются не по-польски в соответствии с шляхетскими реестрами, а каждый дым считается за дым.

Далее второй вопрос. Как с панских имений будет браться данный налог? Отвечаю: так, как и в Польше, поскольку все шляхетские имения общественный налог неизмеримо больший платят, тем более что указанная подать также будет считаться общественной, просто собираться будет в королевскую казну. Однако еще лучше было бы от панов в будущем там и вовсе избавиться, за любую цену или всяким возможным способом, поскольку и теперь их там нет, остались лишь владения.

Далее третий вопрос: как там править? Отвечаю: хотя хороший правитель и хозяин свободен в выборе методов правления, лучшим кажется образец Бранденбургской Пруссии, что значит разделить на отдельные территории все земли и старост или наместников с жалованьем назначить, наказав им быть справедливыми и евреев туда не пускать.

Далее четвертый вопрос: кто же кабаки или корчмы содержать и спиртное производить будет без евреев? Отвечаю: необходимо подготовить винокуров и писарей из христиан, из чего и новая большая прибыль будет королевской казне, а отдельно может быть и еще одна, третья статья дохода, а именно с имений собственно королевских, не шляхетских, не магнатских, которая должна будет самому королю принадлежать, то есть чинши, скот, медовые дани и так далее.

Что касается Смоленска и Стародуба, то не знаю, может ли быть полезным данный способ, поскольку там очень много шляхты, которая и далее будет сидеть в своих наследственных имениях. Но если бы и на них распространился указанный план, то и там тот же порядок и те же доходы, о которых речь шла выше, возникнуть бы могли.

Список литературы

Андрусяк М. Звязки Мазепи з Станиславом Лещинським і Карлом XII // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. 152. Праці історично-філософичної секції / під ред. І. Крипякевича. Львів : Накладом товариства, 1933. С. 35–61.

Батурицкий архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / рук. проекта и сост. докт. ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева ; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 480 с.

Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским : в 2 ч. М. : Университет. тип., 1859. Ч. 2. 1691–1722. 340 с.

Кентржинський Б. Мазепа. Київ : Темпора, 2013. 496 с.

Костомаров Н. И. Мазепа // Костомаров Н. И. Историческія монографіи и изслѣдованія : в 20 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Т. 16. 752 с.

Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ : Вид. дім «КМ Академія», 2004. 602 с.

ПБІПВ. Т. 3. 1704–1705. СПб. : Гос. тип., 1893. XXXI + 1065 + LXIV с. Т. 5. Январь – июнь 1707. СПб. : Гос. тип., 1907. XXVI + 764 + LXXXII с.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а; Оп. 3. Д. 1450, 1453, 1455, 1457; Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 8.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великаго : в 6 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1863. Т. 4. Ч. 2. Приложения. 672 + XXIX с.

AGAD. APP. Rps 134.

Feldman J. Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków : Nakładem Polskiej akademii umiejętności, 1925. 318 s.

Feldman J. Stanisław Leszczyński. Wrocław ; Warszawa : Książnica-Atlas, 1948. 256 s.

Foedus inter Sacram Regiam Majestatem atqve Rempublicam Poloniae et Sacram Regiam Majestatem Sveciae Conclusum Varsaviae in Coenobio Carmelitarum Discalceatorum die XVIII–XXVIII mensis Novembris Anni MDCCV. Warszawa (?) : [S. n.], 1705. URL: <http://www.starodruki.ihuw.pl/stWeb/single/272/> (mode of access: 16.09.2017).

Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w. / przedm. K. Lepszy. Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1953. 65 s.

Kentrschynskij B. Mazepa. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1962. 538 S.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / pod red. B. Chlebowskiego, W. Walewskiego. Warszawa : nakładem W. Walewskiego, druk. «Wiek», 1888. Т. 9. 960 s.

Wagner M. Poniński Władysław // Polski słownik biograficzny. Т. 27/3. Zeszyt 114. Poniatowska Helena – Popowski Józef / red. naczelny E. Rostworowski. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, Gdańsk ; Łódź : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1983. S. 547–548.

References

- AGAD. APP. Rps 134.
- Andrusyak, M. (1933). *Zvyazki Mazepy z Stanislavom Leshchins'kim i Karlom XII* [The Relationship between Mazepa and Stanisław Leszczyński]. In Kripyakevich, I. (Ed.). *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 152, Pratsi istorichno-filosofichnoi sektsii, L'viv, nakladom tovaristva, pp. 35–61.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. (Ed.). (1859). *Istochniki malorossiiskoi istorii, sobrannye D. N. Bantyshem-Kamenskim i izdannye O. Bodyanskim v 2 ch.* [Sources of the History of Little Russia, Collected by Dmitry Bantysh-Kamenskiy and Published by Osip Bodyanskiy. 2 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 2. 1691–1722. 340 p.
- Chlebowski, B., Walewski, W. (Eds.). (1888). *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa, nakładem W. Walewskiego, druk „Wieku”. T. 9. 960 p.
- Feldman, J. (1925). *Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709*. Kraków, Nakładem Polskiej akademii umiejętności. 318 p.
- Feldman, J. (1948). *Stanisław Leszczyński*. Wrocław, Warszawa, Książnica-Atlas. 256 p.
- Foedus inter Sacram Regiam Majestatem atqve Rempubicam Poloniae et Sacram Regiam Majestatem Sveciae Conclusum Varsaviae in Coenobio Carmelitarum Discalceatorum die XVIII–XXVIII mensis Novembris Anni MDCCV.* (1705). Warszawa (?), S. n. URL: <http://www.starodruki.ihuw.pl/stWeb/single/272/> (mode of access: 16.09.2017).
- Kentschynskij, B. (1962). *Mazepa*. Stokholm, Wahlström & Widstrand. 538 S.
- Kentzhyn'skii, B. (2013). *Mazepa* [Mazepa]. Kiiiv, Tempora. 496 p.
- Kostomarov, N. I. (1885). *Mazepa* [Mazepa]. In Kostomarov, N. I. *Istoricheskaya monografiia i izsledovaniya v 20 t.* [Historical Monographs and Studies. 20 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol 16. 752 p.
- Lepszy, K. (Ed.). (1953). *Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w.* Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich. 65 p.
- Pavlenko, S. (2004). *Otochenna get'mana Mazepy: soratniki ta pribichniki* [Mazepa's Circle. Companions and Partners]. Kiiiv, Vidavnichii dim “Kievo-Mogilyans'ka Akademiya”. 602 p.
- PBIPV* [Letters and Papers of Peter the Great. 13 Vols.]. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 3. 1704–1705. XXXI + 1065 + LXIV p. Vol. 5 January–June 1707. XXVI + 764 + LXXXII p.
- RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 124. List 1. 1705. Dos. 3a; List 3. Dos. 1450, 1453, 1455, 1457; Stock 96. List 1. 1705. Dos. 8.
- Tairova-Yakovleva, T. G., Bazarova, T. A. (Eds.). (2014). *Baturinskii arkhiv i drugie dokumenty po istorii Ukrainskogo getmanstva 1690–1709 gg.* [Baturin's Archive and Other Documents on the History of the Ukrainian Hetmanate 1690–1709]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 480 p.
- Ustryalov, N. G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago v 6 t.* [The History of Peter the Great's Reign]. (1863). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 4. Part 2. Prilozheniya. 672 + XXIX p.
- Wagner, M. (1983). Poniński Władysław. In Rostworowski, E. (Ed.). *Polski słownik biograficzny*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Zakład narodowy im. Ossolińskich. T. 27/3. Zeszyt 114, Poniatowska Helena – Popowski Józef, pp. 547–548.

The article was submitted on 17.09.2017

DOI 10.15826/qr.2018.2.300

УДК 94(470)"16"+94(477)"16"+342.553(09)+351.713(09)

**ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ И РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО
КОНТРОЛЯ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
ТЕРРИТОРИИ «МАЛОЙ РОССИИ»
(XVII в., ВТОРАЯ ПОЛОВИНА)***

Яков Лазарев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**FACTORS, MECHANISMS, AND RESOURCES
FOR STABLE RUSSIAN CONTROL OVER LITTLE RUSSIA
(THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY)****

Yakov Lazarev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The author demonstrates that the existing historical and sociological models explaining the peculiarities of control over the region by means of military forces and centralised bureaucracy, which exercised repressive management practices in relation to local (national) elites, do not correlate with real historical practices. According to the tsarist government's initial plans, local self-gov-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российского государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в „Малой России“ (вторая половина XVII в. – 1785 г.)» на 2017–2018 гг.

Автор выражает глубокую признательность к. э. н. В. В. Великанову, к. и. н., с. н. с. К. А. Кочегарову, к. и. н., с. н. с. М. А. Киселеву, а также Центру польско-российского диалога и согласия (Варшава).

** *Citation*: Lazarev, Ya. (2018). Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

Цитирование: Lazarev Ya. Factors, Mechanisms, and Resources for Stable Russian Control over Little Russia (The Second Half of the 17th Century) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300 / Лазарев Я. Факторы, механизмы и ресурсы устойчивого контроля Российским государством территории «Малой России» (XVII в., вторая половина) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 351–370. DOI 10.15826/qr.2018.2.300.

erning corporations (the Zaporozhye Registry Army and cities that were self-governing according to Magdeburg Rights) were to be the main resources for holding sustainable control over the region, including as intermediaries in tax collection. The article notes that this trend intensified during the geopolitical competition over Little Russia (with the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Crimean Khanate, and Ottoman Turkey) and as a consequence of the political instability within the Cossack elites and the financial crisis of 1662. As a result, the Russian state could not fully financially support the few enclaves of tsarist (voivoda) administration in the region. Referring to the history of Russian institutions in the region (voivoda offices) in the 1670s–1690s, the author demonstrates the reasons which prevented the tsar's agents from keeping the region under control and resisting unrest. The article notes that for the sake of preserving even such limited control and maintaining the loyalty of the Cossack elite, the tsarist government did not collect taxes from the local population between 1669 and 1722.

Keywords: Russian state; Little Russia; Hetmanate; Polish-Lithuanian Commonwealth; Magdeburg Rights; voivode authority; empire; control mechanisms.

Автор показывает, что существующие историко-социологические модели, объясняющие специфику механизмов контроля над регионом за счет военной силы и централизованной бюрократии, генерировавшей по отношению к локальным (национальным) элитам репрессивные практики управления, слабо соотносятся с реальными историческими практиками. Изначально в представлениях царского правительства основными ресурсами поддержания устойчивого контроля над регионом должны были стать местные самоуправляющиеся корпорации (Войско Запорожское реестровое и города, самоуправлявшиеся по магдебургскому праву), включая функции посредников при сборе налогов. Отмечается, что данный тренд усиливался еще заметнее в условиях геополитической конкуренции за «Малую Россию» с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией, а также в сочетании с политической нестабильностью внутри казацких элит и финансовым кризисом 1662 г. В результате этого Российское государство не могло в полной мере материально поддерживать немногочисленные анклавные царской (воеводской) администрации в регионе, стабилизировать их численность. На примере истории российских институций (воеводских приказных изб) за 70–90-е гг. XVII в. автор реконструирует причины, мешавшие царским агентам эффективно поддерживать контроль в регионе и противостоять массовым и даже локальным выступлениям. Ради сохранения даже такого ограниченного контроля и поддержания лояльности казацкой элиты царское правительство в 1669–1722 гг. отказалось от сбора налогов с местного населения.

Ключевые слова: Российское государство; «Малая Россия»; Гетманская Украина; Речь Посполитая; магдебургское право; воеводская приказная изба; империя; механизмы контроля.

В современной историографии и исторической социологии одной из ключевых проблем является объяснение того, каким образом государства поддерживали свою целостность. В отношении государств с обширными и гетерогенными территориями при объяснении этого зачастую употребляется понятие *империя*. Это до конца не конституированное спорное понятие в зависимости от методологических (иногда и политически окрашенных) установок наполнялось различным содержанием, которое в политических практиках априори выражали правящая элита и остальные агенты государства. Как следствие, в исторических нарративах «империи» могут функционировать в качестве моноакторов, которые уравнивают и гомогенизируют окружающее пространство. В таких историко-социологических концепциях ключевыми механизмами поддержания устойчивого контроля на окраинах выступают военная сила и централизованная бюрократия, генерировавшая, как правило, по отношению к локальным (национальным) элитам репрессивные практики управления. В полной мере такой подход обыгрывается на российском материале XV–XX вв. Яркой иллюстрацией такого видения российской истории являются различные варианты национальных историй государств, возникших на обломках СССР после 1991 г. [Бордюгов, Бухарев; Касьянов, Миллер]. Несмотря на призывы детально изучать «сложные системы отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами», «асимметричность административно-политических и правовых структур», «ресурсы устойчивости империи» [Миллер, с. 7–8], подобные объяснительные модели продолжают воспроизводиться и доминировать в историографии, например, в современных исторических курсах, претендующих на новое прочтение истории Российского государства, подлинное понимание механизмов устойчивого контроля и ресурсов для его (не)эффективного поддержания¹. Положенный в основу таких схем априорный принцип военного и бюрократического господства как основы устойчивого контроля зачастую позволяет избегать ответа на вопрос о социальных и финансовых ресурсах государства, правящая элита которого теоретически вряд ли была способна на подобный формат взаимоотношений. Соответственно, снимается проблема наличия зависимости российского правительства от локальных (национальных) элит. Данная проблема особенно остро стоит применительно к XVII – первой половине XVIII в. в отношении понимания факторов, механизмов и ресурсов поддержания устойчивого контроля на территории одной из ключевых окраин Российского государства – «Малой России»² [Лазарев].

¹ В данном случае речь идет о курсе «Истории Украины», вышедшем в 2015 г. под ред. Т. Г. Таировой-Яковлевой, и о «Новой имперской истории Северной Евразии» журнала «Ab Imperio».

² Под территорией «Малой России» мы подразумеваем регион, отпавший от Речи Посполитой и вошедший в состав Российского государства в 1654 г. Изначально «Малая Россия» имела сложную социально-политическую структуру, включавшую институты самоуправления Войска Запорожского (Гетманской Украины), городов, самоуправлявшихся по магдебургскому праву, местной православной церкви и до некоторого времени православной шляхты, поддержавшей восстание Б. М. Хмельницкого.

Данный регион долгое время имел стратегическое значение на западе и юго-западе Российского государства в геополитическом противостоянии с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией. В историографическом плане этот аспект российской истории до сих пор остается не до конца изученным.

Если следовать за украинской историографией, то история данного региона, понимаемого в качестве «Украинской (казацкой) державы» / «Украинского гетманата» / «Гетманщины» (то есть казацкого государства), полностью вписывается в отмеченную выше логику «империи» [Український Гетьманат]. Сложившиеся механизмы контроля со стороны Российского государства способствовали разложению и уничтожению административных институтов «демократической Украины», коррумпируя казацкую элиту. Схожим образом мыслят и некоторые российские историки [Таирова-Яковлева]. Имеющиеся источники, как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот, позволяют пересмотреть воспроизводимые в современной украинской и отчасти российской историографии представления о практиках управления регионом и развитии «украинской государственности».

По своему географическому положению территория «Малой России» изначально была ареной для геополитического соперничества между Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской Турцией, а впоследствии и Российским государством. Продолжительное время Российское государство являлось, по сути дела, пассивным участником противостояния. Истощенные после Смуты финансовые и людские ресурсы не позволяли мобилизовать достаточные силы для возвращения утраченных в этот период территорий. Российская сторона, стараясь не раздражать западного соседа, принимала на службу и поселяла на юго-западных рубежах сотни православных беглецов из восточных регионов Речи Посполитой, а также обучала и перевооружала армию при участии иностранных специалистов (особенно активно – с 1630 г.). Только волнения в среде *Войска Запорожского реестрового* (то есть служившего за жалование и подконтрольного польской короне) позволили Российскому государству дважды нарушить геополитическое равновесие и вмешаться во внутривосточные дела. Сокращение казацкого реестра и закрепощение «выписанных» из него казаков, а также антиправославная политика польского правительства (разорение церквей, навязывание католического или униатского вероисповедания) заставили казаков выступить против короля. Казацкий вождь Тарас Федорович (Трясило) настойчиво убеждал российское правительство, что казаки перейдут в подданство московского царя в случае его вступления в войну с польским королем. Перспектива геополитического реванша втянула Российское государство в авантюру, известную сейчас как *Смоленская война* (1632–1634). Украинские казаки действительно приняли в войне самое активное участие, но по большей части в составе *королевской армии*. Итоговое поражение имело тяжелейшие последствия для

государственной казны, а царское правительство несколько лет не вмешивалось в череду казацких восстаний на восточных польских окраинах страны (бунты Сулимы, 1635; Павлюка, 1637; Остринина и Гуни, 1637–1638). Восстания лишь способствовали эмиграции православных тех регионов в пределы Московского царства. В отношении переселенцев царское правительство придерживалось максимально осторожной политики. По некоторым подсчетам украинских историков, на начало 1640 г. число вынужденных переселенцев на территорию Российского государства достигало примерно 20 тыс. [Папков, с. 141–144, 196–208; Козляков, с. 202–226; Фоминов, с. 76–83; ВУР, т. 1, с. 81–82, 86–87, 113–114, 118–119, 124–129, 223–225, 254–255, 314–315, 369, 381–382, 436–439 и др.; Смолий, Степанков, с. 69; Bohun, Małow, Smirnowa].

Второй шанс российскому правительству предоставил Б. М. Хмельницкий в 1648 г., когда произошло восстание под его предводительством, потрясшее Речь Посполитую. Масштабность социальному взрыву придавали как гонения на православную церковь [Кулаковський, с. 70–74], так и особенности социально-экономического развития страны в данном регионе (система аренды и специфика местного населения с высокой долей беглых) [Камінський, с. 32–34]. Правительство Алексея Михайловича изначально очень осторожно относилось к самому выступлению, а также предложениям Хмельницкого (титуловавшегося *гетманом*) о российском подданстве. Сам казацкий лидер также рассматривал не только российский вариант. Вплоть до весны 1653 г. неоднократный обмен посольствами не давал ощутимых результатов, пока, вероятно, благодаря усилиям патриарха Никона не удалось преодолеть «смоленский синдром». Тогда же начались подготовка к Земскому собору и приготовления к войне [ВУР, т. 3, с. 286–287, 322–324, 367, 407, 412]. На что рассчитывало царское правительство, присоединяя территорию «Малой России»?

Решениями Переяславской Рады 1654 г. корпорации «Малой России» (Войско Запорожское, мещане городов с «магдебургиями», православное духовенство и шляхта) становились подданными московского царя, а он, в свою очередь, их сувереном. Как показали переговоры в Переяславе и Москве (зима – лето 1654 г.), для царского правительства ключевой проблемой был поиск посредника, который осуществлял бы сбор налогов с городского и сельского населения в царскую казну при номинальном контроле со стороны царской (воеводской) администрации, учитывавшей финансовые поступления. Вопросы местного самоуправления по «российскому образцу» или наделения царских воевод полномочиями в отношении населения «Малой России» не поднимались вообще. Первоначально царское правительство целиком и полностью доверяло казацкой стороне и санкционировало военно-административное присутствие только в крепости Киева (так называемом «верхнем городе»).

Однако переговоры в Москве вывели на политическую сцену очень важного игрока – корпорации привилегированных городов,

самоуправлявшихся по магдебургскому праву³. Первоначально это были делегации Переяславля, Киева, Чернигова, для которых самой страшной политической перспективой было верховенство казацких институтов самоуправления и потеря привилегий еще польского времени. Благодаря их политической активности в переговорный процесс был привнесен важный историко-юридический контекст, связанный с описанием практик управления в польское время. Это позволило царскому правительству понять, что претензии казацкой элиты на властную монополию над другими корпорациями не имеют юридических оснований и ограничены только сферой войска («права войсковые»). Более того, городские институты самоуправления формально были способны эффективно исполнять роли фискальных агентов государства. Итоги переговоров в Москве (весна – лето 1654 г.) привели к определенной напряженности во взаимоотношениях с казацкой стороной. Царское правительство, подтвердив права корпораций «Малой России», не решилось на продавливание отмеченной модели управления, также речь не шла о наделении царских воевод административно-судебными полномочиями в отношении местного населения [Лазарев, с. 197–200].

Агенты государства (как правило, киевские воеводы) выступали только в роли налоговых информаторов, собиравших данные о размерах землевладений, налоговых практиках польского времени и сохранившихся сборах [ВУР, т. 3, с. 522–534]. Политический авторитет Б. М. Хмельницкого и военный потенциал Войска Запорожского речестрового не мотивировали царское правительство напрямую и не могли явно поддерживать альтернативные центры власти даже тогда, когда городские корпорации открыто выражали свое недовольство принудительными и незаконными мобилизациями казацких властей⁴. Причина этого лежала на поверхности – городские корпорации не имели значительного военного потенциала, который могло бы использовать царское правительство. Смерть Хмельницкого 27 июля (6 августа) 1657 г. принципиально ничего не изменила. Агенты царского правительства продолжали собирать фискальную информацию и отслеживать мнения местных сословных групп. Российская сторона, не имея равноценной замены казацким институтам самоуправления для поддержания контроля над регионом, оказалась целиком и полностью зависимой от них.

В условиях продолжавшегося геополитического соперничества за территорию «Малой России» обозначилось несколько ключевых факторов, определявших политические комбинации в регионе по крайней мере до конца 1670-х гг.: нестабильность политических взглядов

³ По некоторым подсчетам, в «Малой России» насчитывалось не меньше 22 городов, самоуправлявшихся по магдебургскому праву [Кісіль, с. 46, 214–217].

⁴ В данном случае речь идет о разговоре царского посланника И. А. Желябужского с войтом Стародуба летом 1657 г. [РИБ, т. 8, стб. 1239–1240].

казацких гетманов, часто менявших суверенов, раскол в казацкой элите (на правобережную и левобережную), наличие различных партий и лидеров, а также ограниченность ресурсов Российского государства для военной поддержки лояльных сил и удержания всей территории региона.

Нестабильность политических взглядов казацких гетманов объясняется тем, что ни один из главных политических игроков (Речь Посполитая, Россия и Турция) не обладал ресурсами, достаточными для военно-административного контроля. В результате украинские гетманы пытались добиться выгодных для себя политических условий в составе того или иного государства – Речи Посполитой (И. Е. Выговский, Ю. Б. Хмельницкий) или Османской Турции (Ю. Б. Хмельницкий, И. М. Брюховецкий, П. Д. Дорошенко). Максимальные политические запросы казацкой элиты (по большей части правобережной) свелись к проекту *Гадячской унии* (1658–1659), соавтором которого был гетман И. Е. Выговский. Первоначально проект предусматривал создание Великого княжества Русского – относительно автономной части Речи Посполитой – с ведущей ролью в нем казацкой элиты. Появление Великого княжества Русского в потенциале могло бы привести к нобилитации (включению в шляхетское сословие) казацкой элиты и ее участию в управлении единым государством на сеймах. Сам проект даже в значительно урезанном виде так и не был принят Сеймом. Однако этот момент и породил раскол казацкой элиты, приведший фактически к гражданской войне, разделившей «Малую Россию» на Правобережье (Речь Посполитая) и Левобережье (Российское государство), что окончательно оказалось закреплено Андрусовским перемирием 1667 г. [Бабулин, 2015а; Kroll; Wójcik]. Среди казацкой элиты обнаружились значительные силы, заинтересованные в сохранении российского подданства. Соответственно, в геополитической конкуренции за «Малую Россию» ни один из политических игроков не мог рассчитывать на максимальную мобилизацию военных ресурсов всего Войска Запорожского, а мог лишь претендовать на контроль над одной из частей региона.

Сиюминутные политические решения казацких гетманов оказывали влияние на военно-административное присутствие и полномочия царской (воеводской) администрации. В первом случае (измена И. Е. Выговского) впервые было расширено российское военно-административное присутствие в регионе. Вместо одной крепости (Киев) царские воеводы были введены в Переяславль, Нежин и Чернигов, а общая численность царских войск достигла на конец 1659 г. почти 18,5 тыс. чел. (с учетом зимовавших на Правобережье в Умани). Действия гетмана Выговского стали важным аргументом для России при утверждении своей позиции в переговорах с новым гетманом Ю. Б. Хмельницким, первоначально не соглашавшимся на расширение численности царских гарнизонов [Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 102–103, 110–111]. Во втором случае (измена

Ю. Б. Хмельницкого) после разгрома российской армии во главе с воеводой боярином В. Б. Шереметевым (примерно 15 тыс. чел.) царское правительство лишилось возможностей военного контроля над территорией всей «Малой России», что усугубило раскол региона. В столь катастрофической ситуации, пожалуй, ключевую роль сыграли жесткая позиция царских воевод на Левобережье (в первую очередь киевского князя Ю. Н. Барятинского и переяславского князя В. Б. Волконского) и удержание ими контроля над ситуацией в своих городах и окрестных полках. Это позволило оставшимся лояльными Москве казацким лидерам (Я. С. Самко, И. М. Брюховецкому, Н. Золоторенко) перехватить инициативу и восстановить при помощи войск князя Г. Г. Ромодановского контроль над большей частью Левобережья. В свою очередь, это не могло не повлиять на позицию лояльных городских корпораций с «магдебургиями», которые также позволили сохранить относительный контроль в части «Малой России». Следует отметить, что в обоих случаях царское правительство не поднимало вопрос о введении налогов с местного неказацкого населения (согласно договорам 1654 г.), о расширении полномочий царской (воеводской) администрации [Kroll, s. 372, 376–385; Флора 2010, с. 585–587, 596, 606–608; Універсали українських гетьманів, с. 127–129] или о российском военно-административном присутствии. Этот вопрос по большей части зависел от политических решений, принимавшихся в среде той части казацкой элиты, что осталась лояльной царскому престолу. Причиной было то, что Российское государство, потеряв огромную армию, все глубже погружалось в финансовую яму. Этот момент в дальнейшем определял крайне ограниченные возможности для поддержания постоянной эффективной численности оставшихся гарнизонов в «Малой России».

К началу 1660-х гг. экономика Российского государства стала испытывать колоссальные проблемы, вызванные мобилизационными нагрузками военного времени. Начиная с 1654 г. затраты на содержание армии находились на стабильно высоком уровне. На первый год войны потребовалось примерно 100 тыс. руб. (летом в армию было отправлено 40 тыс. руб. серебром), а годовое содержание полка белгородского воеводы князя Г. Г. Ромодановского обходилось примерно в 510 тыс. руб., правда, медными деньгами (ноябрь 1661 – октябрь 1662 г.), которые обесценились за этот период по отношению к серебряным деньгам с 80 до 9 тыс. % (данные по Москве). Затруднения по изысканию средств на нужды армии правительство стало испытывать уже в первые месяцы Русско-польской войны.

Важным механизмом, компенсировавшим нехватку денег, являлось увеличение поземельного налога, а также периодическое введение чрезвычайного налога – *пятинных денег* (то есть единовременного сбора пятой части доходов). При этом царское правительство было крайне заинтересовано в том, чтобы избежать их дальнейшего сбора. Это удавалось делать вплоть до 1662 г., для чего пришлось уменьшить

стопу серебряной монеты, а затем начать производство медных денег, объемы которого с 1654 г. постоянно увеличивались. Основным источником серебра для государства, не имевшего собственных серебряных рудников, были торговля, таможенные пошлины на товары иностранных купцов, прием иностранной серебряной валюты (*ефимков*) от торговых людей в счет уплаты за российские товары.

Процесс обесценивания медных денег ударил по торговому обмену между городом и деревней. Крестьянское население в ответ на принудительный курс взвинчивало цены, а иногда и вовсе отказывалось продавать хлеб за медные деньги. Последствия от провала денежной реформы Алексея Михайловича в полной мере ощутили на себе и царские гарнизоны в «Малой России» [Базилевич, с. 9, 14–15, 19, 33–37, 45].

Ситуацию усугубляло нежелание торговых агентов государства принимать медные деньги от малороссийского населения (примерно с 1660 г.). Это привело к тому, что медные деньги, стабильно использовавшиеся в российско-украинском товарообороте, стали абсолютно неликвидными. Местное население отказывалось продавать продукты питания даже по завышенному курсу (примерно 1 : 20) московским ратным людям, получавшем хлебное довольствие по большей части медными деньгами. В борьбе за предотвращение возможного голода и недовольства среди ратных людей царские воеводы, по сути дела, были предоставлены сами себе. Например, в июне 1662 г. нежинский воевода князь С. И. Шаховской для покупки хлеба и иных расходов раздал стрелецким головам, сотникам и рядовым стрельцам всю имевшуюся у него серебряную казну, чтобы ратные люди «не померли с голоду», а также занял у местного полковника В. Н. Золотаренко 400 руб. мелкими серебряными деньгами. Также, опасаясь недовольства в гарнизонных войсках, переяславский воевода князь В. Б. Волконский в мае 1662 г. пытался договориться с наказным гетманом Я. С. Сомко об установлении цен на хлеб медными деньгами, так как ратные люди «помирают голодную смертью». Однако казацкие союзники не пошли навстречу воеводе, объясняя, что «ни в которых городех торгу не будет». Тогда в переяславском гарнизоне произошло сильное волнение. Часть солдат прямо заявила, что в случае неуплаты жалования серебром они готовы в полном составе и со знаменами двинуться к Москве. Все это не могло не увеличить случаи массового бегства с мест службы. Переяславский воевода князь В. Б. Волконский доносил в конце мая 1662 г., что из крепости бежали «все без остатку» солдаты двух полков вместе с «начальными людьми». Недовольство проникло и в войска, посланные в регион во главе с князем Г. Г. Ромодановским [Шевченко, с. 211; АЮЗР, т. 7, с. 339].

Перенапряженную военными мобилизациями финансовую систему добил *медный бунт* (лето 1662 г.), «похоронивший» важнейшие военные успехи в войне против Речи Посполитой, которых впервые за долгое время достигла российская армия (Каневская битва, июнь

1662 г.) [Бабулин, 20156]. На этом фоне политическая борьба в среде лояльной казацкой элиты привела к неожиданным результатам для царского правительства. Пришедший к власти осенью 1663 г. гетман И. М. Брюховецкий вскоре подписал *Батури́нские статьи*, в которых давал политические гарантии для проведения фискальной переписи (размеров всех землевладений), следствием чего должно было стать определение размера поборов на содержание царских войск в регионе и Войска Запорожского реестрового. Возможно, это был политический маневр, так как сам гетман не особенно стремился к ее осуществлению. Налоговая реформа начала воплощаться в жизнь только поздней осенью 1665 г. На территории «Малой России» создавалось несколько налоговых округов (примерно 15), к которым приписывались города и сельские местности Левобережья, в центре каждого города должен был находиться царский воевода с гарнизоном. Таким образом, данный политический шаг расширял российское военно-административное присутствие в регионе, а также отчасти и компетенцию царских воевод. Относительно успешному запуску налоговой реформы способствовала политическая активность городских корпораций с «магдебургиями» (привилегии, которые хотел ликвидировать гетман), а также антигетманская деятельность епископа Мефодия [Гордон, с. 130–133; Горобець, с. 114, 122–124; Источники малороссийской истории, с. 143–144; Романовский, с. 26–46, 67–75, 95–96, 115; Шевченко, с. 231, 252, 258–259, 292–293].

Совпадение общих интересов этих политических сил заставило царское правительство уверовать, что именно городские корпорации смогут эффективно выступить как агенты государства при проведении переписи и сборе налогов. Главная нагрузка в налоговой реформе ложилась не на разветвленную сеть московской администрации, а на выборных от городских корпораций. Однако царское правительство до конца не понимало специфику региона. Проведение налоговой реформы лишало казацкую элиту важных источников дохода, привело бы к уточнению финансовых возможностей региона, которыми Российское государство могло компенсировать часть издержек. Помимо типичных недостатков, характерных для любой налоговой реформы (неверная запись в податные), это создавало дополнительные очаги напряженности. Излишнее доверие городским корпорациям также подвело царское правительство. Согласившись на роль посредников в осуществлении налоговой реформы, не все городские корпорации оказались готовы платить подати в царскую казну. У корпораций сильных городов (Киева, Переяславля, Нежина) налоговый и торговый иммунитет казачества вызывал сильнейшее раздражение, так как позволял последнему эффективно конкурировать с горожанами в торговой сфере. По этой причине корпорации этих городов за лояльность царскому трону решили вытребовать для себя подобные же временные привилегии. Одобрение данных запросов произвело эффект разорвавшейся бомбы для остальных городских корпораций.

По сообщениям киевского воеводы П. Б. Шереметева, в Киев потянулись делегации других городов, требуя «с торговых их промыслов никаких пошлин» не брать, а также предоставить временную отсрочку от выплаты налогов по переписным книгам из-за их якобы неплатежеспособности. В других городах, где практики воеводского управления установились совсем недавно, ситуация была гораздо сложнее. Особенно это касалось пограничных городов, где были сильны связи с казацкой корпорацией. Посланнику полтавского воеводы П. Сафонова местные войт и бурмистр заявляли, что в городе не будет целовальников, собирающих хлебные и таможенные сборы, так как «запорожцы убьют, хиба де будет москаль, да и москаля де убьют: ту то де бачишь трех царей земля: во то де тут королевскою были, а ныне царскою, а за Ворскло люде крымского, *побору де тут никто давать не будет...* велеть побор и целовальником давать гетман (курсив мой. – Я. Л.)» (цит. по: [Шевченко, с. 289]). На этом фоне малороссийские мещане, пытаясь преодолеть ситуацию повышенной налоговой нагрузки, стали массово записываться в казаки (Переяславль, Глухов, Сосницы и др.), тем самым обретая податной иммунитет [Там же, с. 288–289].

Эффективных сил для противостояния массовым выступлениям на Левобережье не было, немногочисленные же царские гарнизоны (примерно 10 тыс. чел.) были распределены по 16 крепостям и городам. Самый крупный киевский гарнизон насчитывал около 4 тыс. чел., гадячский – около 2,2 тыс. чел., а остальные – по несколько сотен, а то и десятков человек (Миргород, Лубны, Прилуки) [РГАДА. Ф. 210 (Столбцы Белгородского стола). Д. 153. Л. 89–95].

Общим недовольством, вызванным отмеченными факторами, попытался воспользоваться гетман И. М. Брюховецкий. Недовольный окончательным разделением региона после Андрусовского перемирия (начало 1667 г.), гетман грезил ролью объединителя всей «Малой России». Внешнюю помощь гетман планировал получить от крымских татар и турок. Мятеж, начавшийся в феврале 1668 г., и последовавшее за ним избиение царских гарнизонов стали полной неожиданностью для царского правительства. Царь Алексей Михайлович полностью доверял гетману и даже возвел его в боярское достоинство. Больше всего государя поразило предательство гетмана, по приказу которого были перебиты царские ратные люди, присланные в Гадяч по его личной просьбе и для его же охраны: «без всякие причины, невинное над московские служилые люди, которые в Гадяче его же богоотступника оберегали, кроворазлитие учинил» [АЮЗР, т. 7, с. 49]. Действительно, в начале мятежа восставшие казаки и мещане легко уничтожили малочисленные гарнизоны в Лубнах, Миргороде, Соснице, Батурина, Стародубе, Прилуках и Новгород-Северском. Однако там, где численность царских ратных людей была более значительна и сохранялись годные крепостные укрепления, воеводам удавалось организовать оборону (Киев, Переяславль, Нежин и Чернигов) и нейтрализовать

усилия мятежников. В некоторых городах на руку Брюховецкому сыграли извечные проблемы обеспечения ратных людей денежным и хлебным довольствием. Например, в Полтаве и Глухове служилые люди фактически отказались нести службу, а в Глухове взбунтовавшиеся драгуны выдали казакам воеводу Кологривова и ушли со службы. Русский гарнизон в Гадяче, который квартировал в самом городе, не спасло даже то, что он добровольно выходил по условиям капитуляции. Всего казаками были заняты десять городов, где ранее стояли русские гарнизоны.

Ситуацию дополнительно мог усугубить поход на Левобережье П. Д. Дорошенко, другого претендента на гетманскую булаву (конец весны – лето 1668 г.) [Wójcik, s. 236–237; Флоря 2013, с. 147–148; Perdenia, s. 96–97, 156–163]. Ничто не предвещало того, что объединенное казацкое войско кто-то сможет остановить. Не в первый раз переменчивость недавних союзников сыграла на руку царскому правительству. Часть крымских татар «учала воевать малороссийские города и уезды», добывая себе невольников («полон»), а затем и вовсе вернулась в Крым. Далее Дорошенко допустил роковой стратегический просчет, решив вместе с главными силами крымчаков идти вглубь пограничных территорий Российского государства – на земли Севского уезда. Пока мятежные казаки с крымчаками разоряли великорусские земли, для замирения Левобережья была собрана большая армия во главе с воеводой князем Г. С. Куракиным. В начале июля 1668 г. войску Куракина в течение нескольких дней кровопролитных боев удалось обратить противника в бегство, заставив его понести серьезные потери, а также освободить русских пленников. Ощутимые людские потери среди казаков Дорошенко и татар не прошли даром. Вскоре гетман формально единого Войска Запорожского реестрового увел за Днепр свои полки вместе с оставшимися крымскими татарами, оставив на Левобережье в качестве наказного гетмана черниговского полковника Демьяна Игнатовича (Многогрешного) [Флоря 2013, с. 317–322; Вести–Куранты, с. 294–295, 302; АЮЗР, т. 7, с. 143].

Вследствие ухода П. Д. Дорошенко у царского правительства появилась возможность для оказания военной помощи осажденным гарнизонам и замирения Левобережной «Малой России». Этой ситуацией могла бы воспользоваться Речь Посполитая, осуществив геополитический реванш, но после похода в Россию короля Яна Казимира (1663–1664) государство не было способно на ведение масштабной войны против Российского государства. Концентрации политических и финансовых ресурсов помешали сначала «рокош» (выступление против королевской власти) Е. С. Любомирского, а затем Османская Турция, которая стала претендовать на Правобережье. Здесь при посредничестве казаков П. Д. Дорошенко османы планомерно выдвигали и вырезали польские гарнизоны, а в 1672 г. создали *Эялет Каменецкий*, просуществовавший до 1699 г. [Wójcik, s. 248–250; Perdenia, s. 156–160; Kołodziejczyk, s. 49–51]. В результате этого в геополитиче-

ском противостоянии за «Малую Россию» установился очень важный и относительно стабильный баланс сил. Несмотря на ряд локальных конфликтов (Российско-турецкая война 1672–1681 гг.), баланс сохранялся вплоть до начала XVIII в. Этим воспользовались российское правительство и лояльные царю казаки для выстраивания механизмов контроля над Левобережной «Малой Россией».

В декабре 1668 г. в Новгороде-Северском новым гетманом был избран Д. Игнатович (Многогрешный), и в начале 1669 г. в Москву было отправлено казацкое посольство. Казаки, ссылаясь на «статьи» Б. М. Хмельницкого, настаивали на удалении царских войск из Переяслава, Нежина и Чернигова, «понеже от них многие ссоры и досадительства бывали, того для и война вчалась». Кроме того, казацкие послы требовали передачи в руки гетмана сборов, собиравшихся в царскую казну до того, «как Украина в первое достояние придет». Не стеснялись казаки просить у Москвы выплачивать жалование из царской казны. Практически все пункты были приняты и одобрены царской стороной, за исключением вопроса о воеводах. Идя на серьезные уступки, царское правительство не было готово терять, пусть и ограниченный, контроль над Левобережной «Малой Россией» [Флоря, 2013, с. 335–356; АЮЗР, с. 7, с. 64, 94, 97, 105–106; т. 8, с. 36–42].

Таким образом, царское правительство, измотанное продолжительным восстанием на Левобережной «Малой России», изначально было готово идти на политические и налоговые компромиссы при соблюдении определенного баланса. Отмеченный баланс должен был заключаться в подтверждении максимальной степени автономности казацких институтов самоуправления в налоговой сфере и перенесении бремени содержания казацкого реестра на царскую казну. Это давало царской стороне возможность компенсировать нехватку военных ресурсов для обеспечения политической стабильности и оперативного предотвращения возможных военных эксцессов. Однако обязательным условием фактического признания монополии на власть институтов казацкого самоуправления стало сохранение контроля в крепостях ключевых городов Левобережья (Киева, Переяслава, Нежина, Чернигова). Что же представлял собой контроль над регионом в ситуации найденного баланса сил?

Сохранившиеся документы российских институций, находившихся на территории Левобережной «Малой России» (так называемые *воеводские приказные избы*)⁵ или отразившие деятельность царских агентов на местах, рисуют довольно интересную картину. Вплоть до начала XVIII в. численность царских войск в городах «Малой России» стабильно снижалась (за исключением 1678–1679 гг.)⁶, достигнув чуть более чем 3 тыс. чел., из которых примерно 1,7 тыс. чел. составлял

⁵ В данном случае речь идет о Киевской, Переяславской, Черниговской и Нежинской приказной избах за 70–90-е гг. XVII в.

⁶ Благодарю В. С. Великанова за предоставленные сведения.

киевский гарнизон. Причиной было регулярное, а подчас и массовое бегство служилых людей. Особенно отличались комарицкие драгуны, которых регулярно направляли на службу в Переяславль. В течение одного календарного года беглецы из их числа исчислялись не десятками, а сотнями, некоторые и вовсе не выходили на службу. Официально для царских воевод правительство регулярно издавало строгие указы о сыске и наказании беглых. Однако фактически на местах на это закрывали глаза. В первую очередь здесь сказывалась неспособность государства в полной мере обеспечивать денежным и хлебным жалованьем ратных людей. Отчасти это объяснялось тем, что в институциональных условиях того времени базой для эффективной службы служили земельные пожалования, что автоматически привязывало ратных людей, не имевших зависимого населения, к циклам сельскохозяйственных работ. Кроме того, на протяжении всего XVII в. наблюдалось обеднение большинства представителей подобных социальных групп, разорявшихся в результате частых татарских набегов и мобилизаций [Lazarev, p. 218–220]. Соответственно, каждый год беглецов снова собирали по местам жительства, не применяя особых репрессивных мер, а воеводы смиренно составляли списки («росписи») беглых и «нетчиков».

На «малолюдство» в гарнизоне жаловался в 1680 г. черниговский воевода стольник С. Колтовской. Как правило, массово со службы из Чернигова бегали трубчевские солдаты, набравшиеся из детей боярских Севского разряда [РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 153. Л. 51–52 и далее]. Проблема с бегством касалась и городских (гарнизонных) стрельцов и казаков. Например, в 1679 г. переяславский воевода Л. Неплюев сообщал в Москву, что в его гарнизоне по спискам недостает более 600 чел. Конечно, данную цифру следует признать исключительной, что не снижало остроту проблемы. По этой причине в левобережные города на постоянную службу (жилые полки) регулярно отправлялись проштрафившиеся стрельцы («воры»), например, обвиненные в убийстве, а также их жены. В целях удержания на службе ратных людей (например, стрельцов в Киеве и Переяславле) правительство иногда разрешало им заводить небольшое дело (содержание харчевен или бань), которое бы не мешало местному населению. Чаще всего речь шла о предоставлении отсрочек по различного рода тяжбам, что велось в России. Вплоть до введения системы рекрутского набора и регулярного жалования Петром I на рубеже XVII–XVIII вв. данная проблема не решалась в текущих институциональных условиях [РГАДА. 229. Оп. 1. Д. 100. Л. 120–152, 361–405, 296–320; Д. 117. Л. 53–63, 156 об.–162; Д. 140. Л. 15–27, 68, 98, 137–142, 294–294 об.; Д. 153. Л. 18–23, 25–51, 128; Д. 174. Л. 62, 68; Д. 178. Л. 188–199, 247–250; Д. 207. Л. 254–258; Д. 212].

Другой головной болью царских воевод в городах Левобережной «Малой России» была забота о содержании и починке крепостных укреплений, что целиком и полностью ложилось на плечи гарнизон-

ных солдат и стрельцов. При этом без помощи гетмана и/или городского населения не всегда удавалось осуществить запланированное. Воевода головой отвечал за расходимые деньги (жалование и закупка хлеба ратным людям, приобретение алкоголя на кружечный двор). Однако в некоторых случаях малочисленный коронный аппарат (один-два подьячих) не всегда точно мог вести учет, что подчас вызывало серьезные разбирательства. Помимо прочего, такой коронный аппарат нагружали разборки конфликтных ситуаций великороссиян с местным населением, а также жалобы последних на царских чиновников. Сами подьячие в «Малой России» не чурались, подобно служилым людям, периодически сбегать с мест службы. Что же касается компетенции царских воевод, то в их инструкциях и указах к ним из Москвы регулярно подчеркивались запрет на вмешательство в казацкие дела, а также необходимость сохранения согласия с казацкой старшиной [РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 100. Л. 220–257, 406–412; Д. 117. Л. 358–373 и далее; Д. 120. Л. 58; Д. 153. Л. 33–36, 154, 160; Д. 158. Л. 41–42, 76; Д. 174. Л. 42–49].

Отдельно следует сказать о тех финансовых потоках, которые так или иначе могли попадать в царскую казну. Помимо короткого периода, связанного с налоговой реформой (1666–1668), в предшествовавшее и последующее время (до периода Малороссийской коллегии, 1722–1727) в царскую казну могли поступать доходы с днепровского перевоза у Киева, а также с кружечных дворов в Киеве, Переяславле, Нежине и Чернигове. В первом случае изначально речь шла о совместной эксплуатации (50 : 50) с киевскими мещанами («мещанам в ратушу» или просто «на ратушу»), которые помогали в строительстве перевоза. В тех же случаях, когда представители царской (воеводской) администрации сами наводили «под Киевом на Днепре мост», сбор за переезд по мосту (*мостовщина*) полностью шел в царскую казну, «понеже тот мост и мостовые припасы строят наши Ц. В-ва ратные люди и Нашего Ц. В-ва казноу» [Український археографічний збірник, с. 31–32]. Государственные кружечные дворы обслуживали только царских ратных людей, а сотни рублей уходили местным поставщикам, у которых закупалась продукция. Также серьезную конкуренцию государственным кружечным дворам составляли местные мещане и духовенство, переманивавшие царских служилых людей низкими ценами на вино. Как правило, работу государевых кружечных дворов контролировали целовальники из числа местных служилых (например, пушкарей в Киеве). Подсчитать общие доходы в «Малой России» и проследить их динамику – задача невероятно сложная. Определенно можно сказать, что на начало XVIII в. годовой доход мог составлять примерно 3 406 руб. Зачастую собранные деньги оставались в регионе и тратились на местные нужды гарнизонов, в числе которых были и духовные потребности. Из этих средств Малороссийский приказ давал «ругу» некоторым представителям малороссийского духовенства, в том числе киевскому митрополиту и неко-

торым монастырям [АЮЗР. Т. 6. 56–58; РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 192. Л. 2–10 об.; Д. 236; Ф. 229. Оп. 1. Д. 120. Л. 54; Д. 174. Л. 153–154; Д. 212. Л. 2–8, 32–42, 121 и далее; Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 10 об., 45 об.].

Таким образом, царские гарнизоны, сохранившиеся в четырех крепостях Левобережной «Малой России», вряд ли даже теоретически могли обеспечить военное господство в регионе. Более того, ни о чем подобном не помышляли и в Москве, где изначально рассчитывали на местные корпорации в организации устойчивого контроля над регионом. Однако в условиях геополитической конкуренции за «Малую Россию» различные партии в среде казацкой элиты подрывали контроль Российского государства над регионом, организуя военные выступления против него ради получения наибольших политических выгод под другим сувереном (Речь Посполитая, Османская Турция). Тем не менее, тот же фактор работал и на российскую сторону. Раскол среди казацких элит не позволил другим игрокам максимально мобилизовать ресурсы Войска Запорожского и вытеснить Российское государство из «Малой России». Российское государство, ослабленное финансовым кризисом 1660-х гг., оказалось в полной зависимости от институтов казацкого самоуправления. Ради поддержания данного баланса сил царское правительство фактически признало монополию на власть за казацкими институтами власти, за исключением нескольких городов, где находились царские гарнизоны и лояльные городские корпорации (Киев, Чернигов, Нежин и Переяславль). В 1670–1722 г. российское правительство ни разу не подняло вопрос о налоговых сборах в царскую казну. И все же именно ситуация зависимости от казацких институтов самоуправления позволила Российскому государству сохранять вполне эффективный контроль в Левобережной «Малой России», несмотря на ограниченные ресурсы.

Если отбросить фактор геополитической конкуренции и военный потенциал Войска Запорожского, то модель взаимоотношений, когда правительство перекладывало основную фискальную и даже административно-судебную власть на некоронных агентов, включаемых в государственный аппарат (то есть на помещичью администрацию, общинные и иные формы сословно-групповой самоорганизации), была не нова для разных территорий Российского государства XVII и даже XVIII в. [Lazarev; Kiselev]. Сделанные наблюдения подтверждают слова американской исследовательницы В. Кивельсон о России XVII в.: «Московское общество было пронизано четкими и непреодолимыми различиями во всех направлениях. <...> Для Московии такое разнообразие не только воспринималось как должное, но и считалось преимуществом» [Кивельсон, с. 282] (см. также: [Kivelson, Suny]). Именно на этом разнообразии в условиях нехватки ресурсов и неразвитости бюрократического аппарата строились механизмы контроля над гетерогенными территориями Российского государства.

Список литературы

- АЮЗР. Т. 6, 7, 8.
- Бабулин И. Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М. : Рус. витязи, 2015а. 399 с.
- Бабулин И. Б.* Каневская битва 16 июля 1662 г. М. : Рус. витязи, 2015б. 85 с.
- Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 120 с.
- Бордюгов Г., Бухараев В.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М. : АИРО-XXI, 2011. 247 с.
- Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты / под ред. А. М. Молдована, И. Майер. Ч. 1. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.
- Воссоединение Украины с Россией : Документы и материалы : в 3 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 1. 588 с. Т. 3. 646 с. (ВУР).
- Гордон П.* Дневник, 1659–1667. М. : Наука, 2003. 314 с.
- Горобець В.* «Чорна рада» 1663 року : Передумови, результати, наслідки. Київ : Інститут історії України, 2013. 200 с.
- Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским : в 2 ч. М. : Университет. тип., 1858. Ч. 1. 340 с.
- Кісіль І. М.* Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Київ : [Б. и.], 2006. 222 с.
- Камінський А. С.* Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795 : Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Київ : Наш час, 2011. 266 с.
- Касьянов Г. Н., Миллер А. И.* Россия – Украина: как пишется история : Диалоги – лекции – статьи. М. : РГГУ, 2011. 311 с.
- Кивельсон В.* Картография царства : Земля и ее значения в России XVII века. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 360 с.
- Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М. : Молодая гвардия, 2010. 344 с.
- Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщицна у складі Речіпосполитої (1618–1648). Київ : Темпора, 2006. 496 с.
- Лазарев Я. А.* «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Ист. вестн. 2016. Т. 16 (163). С. 192–221.
- Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 240 с.
- Панков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород : Константа, 2004. 351 с.
- РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 192, 236; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 153; Ф. 229. Оп. 1. Д. 100, 117, 120, 153, 158; 174, 212; Ф. 396. Оп. 3. Д. 19.
- Романовский В. А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь : [Б. и.], 1967. 125 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. / под ред. А. И. Тимофеева, Ф. И. Успенского. СПб. : Тип. Ф. Г. Елковского и Ко, 1884. Т. 8. 1400 стб.
- Смолий В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет. Київ : Либідь, 1995. 624 с.
- Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М. : Центрполиграф, 2011. 525 с.
- Український археографічний збірник : у 3 т. Київ : Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1926. Т. 1. 355 с.
- Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. : у 2 кн. / упоряд. В. А. Смолий. Київ : Інститут історії України НАН України, 2018. Кн. 1. 610 с.
- Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / упоряд. І. Бутич, В. Риневич, І. Тесленко. Київ : Львів : НТШ, 2004. 1118 с.

- Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М. : Индрик, 2013. 447 с.
- Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М. : Индрик, 2010. 656 с.
- Фоминов А. В. Валуйское разорение 1633 г. // Старый цейхгауз. 2013. № 52. С. 76–83.
- Шевченко Ф. П. Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів: (До 100-річчя від дня народження). Київ : Інститут історії України, 2014. 700 с.
- Bohun T., Małow A., Smirnowa O. Materiały wywiadu moskiewskiego o wojskowo-politycznej sytuacji w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie 1630 r. (Dokumenty Urzędu Wojskowego dotyczące powstania Tarasa Fedorowicza na Ukrainie wiosną 1630 r. z zespołukolekcji RGADA «Akta urzędowe nowego uporządkowania») // Klio. 2013. T. 2 (25). S. 218–252.
- Kiselev M. A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16, № 1 (Winter). P. 7–36.
- Kivelson V. A., Suny R. G. Russia's Empires. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 420 p.
- Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki, 1672–1699 гг. Warszawa : Polczek, 1994. 256 s.
- Kroll P. Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. 452 s.
- Lazarev J. Однoдвoрцы в системе прямoгo нaлoгooблoжeния Рoссии ХVІІІ в. : К вoпpocу o рoли нeкoрoнныx aгeнтoв в упрaвлeнии гoсударствoм раннего Нoвoгo вpeмeни // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.
- Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków : Universitas, 2000. 502 s.
- Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa : Państwowe Wydawn. Naukowe, 1959. 279 s.

References

- AYuZR [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia]. Vol. 6, 7, 8.
- Babulin, I. B. (2015a). *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [The Struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Russkie vityazi. 399 p.
- Babulin, I. B. (2015b). *Kanevskaya bitva 16 iyulya 1662 g.* [The Battle of Kaniv, 16 July 1662]. Moscow, Russkie Vityazi, 85 p.
- Bantysh-Kamenskii, D. N., Bodyanskii, O. (Eds.). (1858). *Istochniki malorossiiskoi istorii v 2 ch.* [Sources of Little Russian History. 2 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 340 p.
- Bazilevich, K. V. (1936). *Denezhnaya reforma Alekseya Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu* [Alexei Mikhailovich's Monetary Reform and the Uprising in Moscow in 1662]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 120 p.
- Bohun, T., Małow, A., Smirnowa, O. (2015). Materiały wywiadu moskiewskiego o wojskowo-politycznej sytuacji w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie 1630 r. (Dokumenty Urzędu Wojskowego dotyczące powstania Tarasa Fedorowicza na Ukrainie wiosną 1630 r. z zespołukolekcji RGADA «Akta urzędowe nowego uporządkowania»). In *Klio*. Vol. 2 (25), ss. 218–252.
- Bordyugov, G., Bukharaev, V. (2011). *Vchershnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pivalis' v SSSR i kak pishutsya teper'* [Yesterday's Tomorrow: How "National Histories" were Written in the USSR and how they are Written now]. Moscow, AIRO-XXI. 247 p.
- Butich, I., Rinsevich, V., Teslenko, I., (Eds.). (2004). *Universalni ukrains'kikh getmaniv vid Ivana Vigovs'kogo do Ivana Samoiloivicha (1657–1687)* [Universals of Ukrainian Hetmans from Ivan Vyhovsky to Ivan Samoilovich (1657–1687)]. Kiiv, L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 1118 p.

Florya, B. N. (2010). *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655–1661 gg.)* [The Russian State and Its Western Neighbours (1655–1661)]. Moscow, Indrik. 656 p.

Florya, B. N. (2013). *Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya* [The Foreign Policy Programme of A. L. Ordin-Nashchokin and Attempts to Implement it]. Moscow, Indrik. 447 p.

Fominov, A. V. (2013). Valuisкое razorenije 1633 g. [The Valuyki Devastation of 1633.]. In *Staryi tseikhgauz*. No. 52, pp. 76–83.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667* [Diary, 1659–1667]. Moscow, Nauka. 314 p.

Gorobets', V. (2013). "Chorna rada" 1663 roku. *Peredumovi, rezul'tati, naslidki* ["The Black Council" in 1663. Prerequisites, Results, Consequences]. Kiïv, Institut istorii Ukraini. 200 p.

Kamins'kii, A. S. (2011). *Istoriya Rechi Pospolitoï yak istoriya bagat'okh narodiv, 1505–1795. Gromadyani, ikhnya derzhava, suspil'stvo, kul'tura* [The History of the Commonwealth as a Story of Many Nations, 1505–1795. Citizens, Their State, Society, Culture]. Kiïv, Nash chas. 266 p.

Kas'yanov, G. N., Miller, A. I. (2011). *Rossiya – Ukraina: kak pishetsya istoriya. Dialogi – lektsii – stat'i* [Russia – Ukraine: How They Write History. Dialogues – Lectures – Articles]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 311 p.

Kiselev, M. A. (2015). State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. No. 1 (Winter), pp. 7–36.

Kisil', I. M. (2006). *Sotsial'no-ekonomichne stanovishche mishchan Get'manshchini (druga polovina XVII – druga polovina XVIII st.)* [The Socio-Economic Position of Burghers of the Hetmanate (Second Half of the 17th – Second Half of the 18th Centuries)]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Kiïv, S. n. 222 p.

Kivelson, V. (2012). *Kartografiya tsarstva. Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of the Tsardom. The Land and Its Meaning in 17th-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 360 p.

Kivelson, V. A., Suny, R. G. (2017). *Russia's Empires*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 420 p.

Kołodziejczyk, D. (1994). *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki, 1672–1699 rr.* Warszawa, Polczek. 256 s.

Kozlyakov, V. N. (2010). *Mikhail Fedorovich*. Moscow, Molodaya gvardiya. 344 p.

Kroll, P. (2008). *Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozacyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 452 p.

Kulakovs'kii, P. (2006). *Chernigovo-Sivershchishchna u skladi Rechipospolitoï (1618–1648)* [Chernihiv Severia as Part of the Commonwealth (1618–1648)]. Kiïv, Tempora. 496 p.

Lazarev, J. (2014). Odnodvortsy v sisteme pryamogo nalogooblozheniya Rossii XVIII v.: K voprosu o roli nekoronnykh agentov v upravlenii gosudarstvom rannego Novogo vremeni [Odnodvortsy and Direct Taxation in 18th-Century Russia: The Role of Non-State Tax Collectors during the Early Modern Period]. In *Cahiers du monde russe*. Vol. 55. No. 3–4, pp. 215–234.

Lazarev, Ya. A. (2016). «Ne-kanonichnye» versii istorii Ukrainy vtoroi poloviny XVII–XVIII v. v novykh istoricheskikh kursakh [Examining the New Historical Courses Describing the Non-Canonical History of Ukraine during the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 16 (163), pp. 192–221.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Moldovan, A. M., Maier, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: russkie teksty* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670: Russian Texts]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Part 1. 856 p.

Papkov, A. I. (2004). *Porubezh'e Rossiiskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi (konets XVI – pervaya polovina XVII veka)* [The Borderlands of the Russian

Kingdom and the Ukrainian Lands of the Commonwealth (Late 16th – First Half of the 17th Centuries)]. Belgorod, Konstanta. 351 p.

Perdenia, J. (2000). *Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków, Universitas. 502 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 137. List 2. Dos. 192, 236; Stock 210. Stolbtsy Belgorodskogo stola. Dos. 153; Stock 229. List 1. Dos. 100, 117, 120, 153, 158, 174, 212; Stock 396. List 3. Dos. 19.

Romanovskii, V. A. (1967). *Perepis' naseleniya Levoberezhnoi Ukrainy 1666 goda: ee organizatsiya i kriticheskaya otsenka* [The Census of Left-Bank Ukraine in 1666: Its Organisation and Critical Evaluation]. Stavropol', N. d. 125 p.

Shevchenko, F. P. (2014). *Istorični studii: zbirka vibranih prats' i materialiv (Do 100-richchya vid dnya narodzhennya)* [Historical Studies: A Collection of Selected Works and Materials (100th Birthday)]. Kiiv, Institut istorii Ukraïni. 700 p.

Smolii, V. A. (Ed.). (2018). *Ukraïns'kii Get'manat: narisi istorii natsional'nogo derzhavotvorennya XVII–XVIII st. u 2 kn.* [Ukrainian Hetmanate: Essays on the History of the National State-Building of the 17th – 18th Centuries. 2 Books]. Kiiv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. Book 1. 610 p.

Smolii, V. A., Stepankov, V. S. (1995). *Bogdan Khmel'nits'kii: sotsial'no-politichnii portret* [Bohdan Khmelnytsky: Socio-Political Portrait]. Kiiv, Libid'. 624 p.

Tairova-Yakovleva, T. G. (2011). *Ivan Mazepa i Rossiiskaya imperiya: istoriya "predatel'stva"* [Ivan Mazepa and the Russian Empire: The Story of "Betrayal!"]. Moscow, Tsentrpoligraf. 525 p.

Timofeev, A. I., Uspenskii, F. I. (Eds.). (1884). *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei v 39 t.* [Russian Historical Library, Published by the Archaeological Commission. 39 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. G. Elkovskogo i Ko. Vol. 8. 1400 stb.

Ukraïns'kii arkheografichnii zbirnik u 3 t. [Ukrainian Archaeographic Collection]. (1926). Kiiv, Drukarnya Vseukraïns'koi Akademii Nauk. Vol. 1. 355 p.

Vossoedinenie Ukrainy s Rossiei. Dokumenty i materialy v 3 t. [Ukraine's Reunification with Russia. Documents and Materials. 3 Vols.]. (1953). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 588 p. Vol. 3. 646 p. (VUR).

Wójcik, Z. (1959). *Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa, Państwowe Wydawn. Naukowe. 279 p.

The article was submitted on 10.03.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.301

УДК 94(477.51)"17/18"+94(470:477)"17/18"+342.553(09)

**ВОЕВОДСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ НЕЖИНА:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.***

Александр Алмазов

Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Москва, Россия

**THE FUNCTIONING OF THE VOIVODA
ADMINISTRATION OF NEZHIN BETWEEN
THE MID-17th AND EARLY 18th CENTURIES**

Alexander Almazov

State Academic University for Humanities,
Moscow, Russia

The author examines the functions of Russian voivodas in the town of Nezhin between the mid-17th and early 18th centuries and the role the voivoda administration played in the integration of Ukrainian lands into Russia. The author introduces previously unstudied sources, such as Nezhin voivodas' correspondence with the Little Russia Prikaz and economic documents drawn up in the local office. He demonstrates that, in terms of the Ukrainian population, Nezhin voivodas had neither administrative nor legal power: their functions were limited to the taxation of Nezhin burghers and peasants (between 1666 and 1668). In legal cases where one of the parties was represented by Cossacks or townspeople and the other by military men of the garrison, voivodas judged them together with Nezhin regimental officers and communal authorities. The author states that only in certain cases could voivodas arrest Ukrainian Cossacks, burghers, and peasants accused of treason against the tsar. The author focuses on voivodas' functions in the administration of the military garrison: they led the

* *Citation:* Almazov, A. (2018). The Functioning of the Voivoda Administration of Nezhin between the Mid-17th and Early 18th Centuries. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 371–384. DOI 10.15826/qr.2018.2.301.

Цитирование: Almazov A. The Functioning of the Voivoda Administration of Nezhin between the Mid-17th and Early 18th Centuries // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 371–384. DOI 10.15826/qr.2018.2.301 / Алмазов А. Воеводская администрация Нежина: особенности функционирования в середине XVII – начале XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 371–384. DOI 10.15826/qr.2018.2.301.

defence of the castle during sieges, prevented service people from escaping the town, and maintained the town fortifications in peace and wartime. Together with their military duties, voivodas managed the local office, dealt with the return of runaway serfs to their owners, and reported sensitive information that concerned the state of affairs in the Polish-Lithuanian Commonwealth and Right-bank Ukraine to Moscow. Moreover, the voivodas also had to handle a number of economic issues, like purchasing grain for the garrison, supporting its activity, and controlling the distribution of income received by the tavern.

Keywords: Nezhin; Nezhin voivodas; Left-bank Ukraine; Russo-Ukrainian relations; the Zaporozhian Host; voivoda rule.

Исследуется вопрос о функциях российских воевод в г. Нежине в середине XVII – начале XVIII в., который связан с решением проблемы значения воеводского управления в рамках процесса интеграции украинских земель в состав России. Автором введены в научный оборот новые источники, в том числе переписка нежинских воевод с Малороссийским приказом и хозяйственные документы, составленные в съезжей избе. Выявлено, что в отношении украинского населения нежинские воеводы были лишены не только административных, но и судебных полномочий, и их функции сводились к взиманию налогов с нежинских мещан и селян (с 1666 по 1668 г.). Если в качестве одной из сторон судебного разбирательства выступали казаки или мещане, а с другой – «ратные люди» гарнизона, то такие дела разбирались при участии полковой старшины и городского магистрата. Как отмечает автор, воеводы только в отдельных случаях могли подвергать аресту украинских казаков, мещан и селян, обвинявшихся в измене царю. Подробно рассмотрены функции воевод, связанные с военным руководством гарнизоном «ратных людей»: они возглавляли оборону замка во время осад, боролись с побегами служилых людей из города, следили за состоянием городских укреплений в мирное и военное время. Наряду с военными полномочиями, воеводы осуществляли руководство съезжей избой, разбирали дела о возврате беглых крепостных крестьян прежним владельцам и докладывали в Москву о собранных агентурных сведениях, касающихся положения дел в Речи Посполитой и на Правобережной Украине. Притом воеводы должны были также решать ряд хозяйственных вопросов, в том числе покупки хлеба для гарнизона, обеспечения его деятельности и распределения дохода, полученного от кружечного двора.

Ключевые слова: Нежин; нежинские воеводы; Левобережная Украина; русско-украинские отношения; Запорожское Войско; воеводское правление.

С 1654 г., когда Запорожское Войско перешло под власть российского царя, начался процесс его интеграции в состав Российского государства¹. Однако на первых порах Гетманщина сохраняла довольно

¹ В настоящей работе понятия «Украина» («Левобережная Украина»), «Гетманщина» и «Запорожское Войско» используются как синонимы для обозначения автономного образования на землях украинских казаков в составе России в рассматриваемый период.

широкую автономию, граничившую с независимостью: вопреки Переяславским (Мартовским) статьям (1654), гетманы вступали в не санкционированные царем контакты с Речью Посполитой и Османской империей, не платили налоги в царскую казну [Баранова, с. 41–42]. Москва, чтобы добиться подлинного включения территории Запорожского Войска в российское политическое пространство, предпринимала множество интеграционных усилий по целому ряду направлений, среди которых важнейшим была организация воеводского управления.

Еще до Переяславской рады 1654 г. Б. М. Хмельницкий выразил свое согласие на пребывание воевод и гарнизона «ратных людей» в Киеве, и 30 января 1654 г. киевские воеводы были назначены [Борисенко, с. 19]. В дальнейшем Москва неоднократно пыталась расширить присутствие российских гарнизонов в украинских городах, однако это произошло только в 1659 г., когда была достигнута договоренность о введении воевод в целый ряд других городов наряду с Киевом². Среди этих городов был Нежин, куда российский гарнизон во главе с воеводой С. И. Шаховским был введен 21 сентября 1659 г. [Шевченко, с. 192].

Рассмотрение вопроса о круге полномочий российских воевод и его особенностях в Нежине от их появления в городе в 1659 г. до начала XVIII в. необходимо для понимания роли воеводского управления в процессе интеграции Запорожского Войска в состав Российского государства. Ряд исследователей обращались к вопросу о функциях российских воевод в украинских городах, однако, как правило, полномочия воевод описываются на основе дававшихся им наказов (см., например: [Галушко, с. 79–80; Пирог, с. 163–164]). Этот источник не позволяет изучить функции воевод во всей их полноте, поскольку составители наказов не могли предвидеть возможные ситуации. Для уточнения круга полномочий воевод в городах Гетманщины необходимо также привлечь информацию, содержащуюся в царских указах и воеводских отписках. Важной задачей изучения функций воевод в украинских городах является выявление их специфики в сравнении с воеводами в городах других регионов.

Главной особенностью воеводской власти в городах Гетманщины в течение большей части периода было практически полное выведение из-под ее влияния украинских мещан, селян и казаков, воеводы ведали только «ратными людьми» гарнизона и подьячими съезжей избы. В 1666–1668 гг. Москва с согласия украинского гетмана И. М. Брюховецкого и поддерживавшей его старшины³ предприняла попытку

² Речь идет о Переяславле, Чернигове, Нежине, Умани и Брацлаве. В последнем из-за сложной военной обстановки и нехватки «ратных людей» гарнизоны так и не появились. См. подробнее о попытках Москвы добиться расширения числа российских гарнизонов на Украине в 1654–1659 гг.: [Алмазов, 2016б, с. 27–29]; об отправке гарнизона в Умань см.: [Бабулин, 2015а, с. 294].

³ Старшина казацкая – в Гетманщине в XVII–XVIII вв. привилегированная прослойка казачества, состоявшая из лиц, занимавших военно-административные должности (уряды) общевойсковой, полковой и сотенной уровней.

распространить власть воевод на неказацкое население Запорожского Войска, но исключительно для сбора налогов.

Прежде всего воеводы получили полномочия по сбору налогов с мещан и селян. Русско-украинские договорные статьи, принятые в Москве в конце 1665 г., предусматривали сбор налогов с неказацкого населения в царскую казну как деньгами, так и хлебом [ПСЗРИ, № 376, с. 617]. Эти средства собирались в казну воеводами и направлялись на содержание гарнизонов «ратных людей». Для сбора налогов на содержание гарнизона был выделен Нежинский «уезд», в который вошли, помимо Нежина, также населенные пункты Борзна, Носовка, Кобыжча, Козар, Олишевка, Девица Володкова, Березна, Сиволож, Володковичи, Иван-Городище; кроме того, часть хлеба, собранного в Батурина, Новых Млинах, Бахмаче и Борзне, также должна была направляться в Нежин [Шевченко, с. 258–259]. По «уездам» были направлены переписчики, описавшие налогооблагаемую базу; в Нежинском «уезде» описание проводил стольник А. Т. Измайлов.

Сроком начала сбора налогов в царскую казну было установлено 1 сентября 1666 г. [Романовский, 1967, с. 67; Лазарев, с. 69]. К нежинскому воеводе И. И. Ржевскому царский указ о сборе налогов с украинского населения пришел только 20 ноября 1666 г. [Переписка нежинского воеводы И. И. Ржевского, с. 48]. 18 января 1667 г. воевода писал киевскому воеводе П. В. Шереметеву, что сверх упомянутых выше переписных книг он наложил на мещан Нежина и пригородов дополнительных податей на 1 029 руб. 28 алтын в год. Киевский воевода отмечал в своей отписке в Москву, что эти дополнительные налоги «Иван Ржевской учинил по скаскам мещан и по их воле, а не в тягость» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 656. Л. 65–66; Романовский, 1967, с. 89]. За 1716 г. (с 1 сентября 1667 г. по 31 августа 1668 г.) И. И. Ржевский собрал в казну 3 892 осмачки хлеба (более 3 200 ц)⁴ и 1 632 руб. 9 алтын 2 деньги с мещан и селян Нежина и Нежинского «уезда» за период с 1 сентября 1667 г. по 20 января 1668 г. (далее, до конца года по ст. ст., то есть до 31 августа, нежинский замок находился в осаде от казаков и мещан, поэтому сбор налогов прекратился) [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Д. 23. Л. 8 об.; АЮЗР, т. 6, № 67, с. 214, 216].

Список собиравшихся воеводами налогов отличался от того, что было предусмотрено Московскими статьями 1665 г. Согласно статьям, в царскую казну должны были направляться поступления от винной аренды (откупов) и кабаков, «медовая дань» (сбор с варения медовухи), хлебные и мельничные сборы, ввозные пошлины с иностранных купцов (индукта) [ПСЗРИ, № 376, с. 617]. На практике наряду с упомянутыми налогами И. И. Ржевский собирал также «подымовные деньги», «деньги с волов и лошадей» и «хлеб с волов и лошадей»

⁴ Одна осмачка нежинской меры равнялась приблизительно пяти четверикам московской таможенной меры, а один четверик при измерении хлебных запасов – одному пуду, см.: [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 68 об. – 69 об.]. Один пуд – это приблизительно 16,45 кг, то есть одна осмачка = 82,25 кг, см.: [Каменцева, Устюгов, с. 52].

[АЮЗР, т. 6, № 67, с. 215; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Д. 23. Л. 1]. Вероятно, на этот счет имелись договоренности между Москвой и украинской стороной (скорее всего, устные).

После антиросийского восстания украинских казаков и мещан под руководством гетмана И. М. Брюховецкого в 1668 г. неказацкое население перестало платить налоги в царскую казну, хотя формально в Глуховских (1669 г.) и последующих договорных статьях вплоть до начала XVIII в. была предусмотрена их уплата [Алмазов, 2012, с. 187]. Москва не требовала исполнения соответствующих норм договорных статей, дабы избежать новых всплесков недовольства в Гетманщине.

В период 1665–1668 гг. нежинский воевода был наделен фискальными полномочиями в отношении украинского населения, но не получил судебных полномочий: в наказе И. И. Ржевскому от 1665 г. воеводе предписывалось казаков, мещан и селян «ни в чем не ведать» [Переписка нежинского воеводы И. И. Ржевского, с. 12]. Из всех воевод в городах Гетманщины только киевский воевода в указанный период расширил свою власть на мещан и посполитых, помимо сбора налогов: разбирал конфликты между воеводами и мещанами, принимал жалобы на должностных лиц магистрата и даже вмешивался в выборы войтов [Лазарев, с. 70; Шевченко, с. 276–278; Эйнгорн, с. 246–258].

Воеводы украинских городов, в том числе нежинский, в течение периода с середины XVII по начало XVIII в. в некоторых случаях арестовывали и отправляли к месту суда украинских казаков, мещан и селян, обвинявшихся в измене российскому царю (суд по такого рода делам проводился в Малороссийском приказе), но действовали они с ведома и совместно с казацкой администрацией. В частности, в марте 1672 г., после того, как воеводе И. И. Ржевскому не удалось арестовать обвинявшегося в измене М. Н. Гвинтовку, он по совету с нежинской полковой старшиной и городским магистратом решил арестовать его жену и младшего сына [АЮЗР, т. 9, № 149, стб. 814–816].

Самостоятельно воеводы могли проводить предварительное расследование только тех дел об измене, которые предполагали необходимость принятия срочных мер, например, если имелась угроза выступления казаков и мещан против гарнизона. Так, в декабре 1672 г. сотенный есаул М. Кисличенко сообщил воеводе С. И. Хрущову о том, что якобы нежинские сотник М. Борсук и бывший полковник А. Мартынович организовали заговор с целью захватить замок и перебить гарнизон. Воевода допросил куренных атаманов, на которых ссылался есаул, а когда те опровергли его слова, устроил доносчику очную ставку с М. Борсуком и А. Мартыновичем. Убедившись в ложности сведений, сообщенных М. Кисличенко, С. И. Хрущов передал его в руки нежинского полковника и старшины для суда по войсковым правам [РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 62. Л. 277–280].

Воеводы также совместно с полковником, полковой старшиной и городским магистратом расследовали и разбирали судебные дела, в которых одной стороной были «ратные люди», а другой – казаки и

мещане. Так, в 1670–1671 гг. воевода И. И. Ржевский совместно с представителями полковой старшины и магистрата разбирал убийство нежинским стрелцом Никитой Матвеевым мещанина Ивана Васильева. По итогам рассмотрения дела родственники убитого помирились с убийцей, который заплатил им 10 руб. и согласился оплатить долги убитого. Затем Н. Матвеев был бит кнутом и отослан на прежнее место службы в приказ Ф. П. Нарышкина [РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–2, 6–8, 9–12; Ф. 229. Оп. 2. Д. 10. Л. 47 об.–49, 127 об.–129 об.].

Важнейшей функцией воевод в городах Гетманщины было военное руководство гарнизоном «ратных людей», в том числе командование обороной городов во время их осады противником. Гарнизон в Нежине располагался в «верхнем земляном городе» (замке), который защищался «ратными людьми», кроме того, гарнизон защищал и внешние городские укрепления совместно с казаками и мещанами. В период с появления в Нежине российского гарнизона в 1659 г. до похода войска Речи Посполитой во главе с королем Яном Казимиром зимой 1663–1664 гг. на Левобережную Украину, который был последним крупным эпизодом Русско-польской войны 1654–1667 гг. для этого региона, город неоднократно оказывался в осаде со стороны польских, крымских войск и казаков гетманов Правобережной Украины. К слову, в октябре 1661 г. Нежин был осажден крупным отрядом крымских татар. Во время этой осады российский гарнизон и нежинские казаки совместными усилиями защищали город, а также совершили удачную вылазку [Бабулин, 2015б, с. 26]. Кроме того, гарнизон в нежинском замке выдержал в общей сложности почти 10-месячную осаду во время восстания украинских казаков и мещан против российской власти в 1668 г. [Алмазов, 2016а].

В дальнейшем военное значение Нежинской крепости снизилось, поскольку она находилась на некотором отдалении от театров военных действий, в частности, русско-турецких войн 1676–1681 и 1687–1700 гг. Это выразилось в сокращении численности гарнизона: на 1 апреля 1663 г. в трех стрелецких приказах насчитывалось 1 235 чел., на 1 февраля 1668 г. в двух приказах – 559 чел., а, скажем, на 1 июля 1686 г. в единственном приказе осталось 294 чел. [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Стрелецкий приказ). Д. 2. Л. 17 об., 35; Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Д. 23. Л. 30 об.–31 об.].

Отмеченная динамика никоим образом не сказалась на круге полномочий нежинских воевод. В их деятельности проявлялись ключевые особенности воеводского управления в регионе. Прежде всего воеводы ведали гарнизоном, состоявшим из полков (приказов) «ратных людей». Важнейшей функцией воевод в отношении гарнизона была борьба с побегамися со службы «ратных людей» и их возврат на место службы в Нежин. Часть гарнизона формировалась из стрельцов, а позднее солдат, набиравшихся из даточных крепостных крестьян, другая часть – из переменявшихся каждый год стрельцов и служилых казаков городов, как правило, Севского и Белгородского разрядов. В первые годы после появления гарнизона туда на службу

отправляли также дворян и детей боярских из Путивльского уезда⁵. Служили в составе гарнизона и выходцы из украинских мещан и селян, но это была редкость⁶.

Чаще всего бежали стрельцы и казаки, присланные из городов Севского и Белгородского разрядов, для которых служба в Нежине была тяжелой повинностью, поэтому они стремились вернуться домой. Так, в июне 1672 г. воевода С. И. Хрущов писал в Рыльск с требованием высылки стрельцов и городовых казаков, которые служили по году попеременно, но без результата, а из Козельска и Новосили воеводами, по его словам, были присланы «робята малые, наймиты» [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 15. Л. 178–179 об.]. В 1676 г. нежинский воевода П. И. Бобрищев-Пушкин жаловался в Москву на мценского воеводу, который прислал только восемь стрельцов вместо 63 [Там же. Оп. 3. Д. 52. Л. 108–109]. Воеводы также отправляли отряды стрельцов в погоню в те города, в которые бежали беглые стрельцы, для их розыска. Так, 27 июня 1671 г. воевода И. И. Ржевский отправил в погоню за шестью бежавшими мценскими стрельцами стрелецких сотников Л. Шестакова и В. Кунилова с отрядами стрельцов. 16 июля В. Кунилов вернулся и рассказал воеводе, что мценский воевода Б. Л. Сноксарев передал ему для отправки в Нежин только одного из трех пойманных им стрельцов, а остальных оставил под стражей у себя. И. И. Ржевский пожаловался на действия воеводы Б. Л. Сноксарева в Малороссийский приказ [Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 191 об. – 194 об.]. Очевидно, что воеводы городов Севского и Белгородского разрядов сопротивлялись отправке стрельцов и казаков в Нежин, поскольку сталкивались с недостатком «ратных людей» в управляемых ими уездах. Воеводам также подчинялась съезжая изба, они были обязаны следить за работой подъячих, работавших там. Одной из главных их забот была нехватка подъячих в нежинской приказной избе, так как последние присылались, как правило, из городов Севского и Белгородского разрядов, воеводы которых также жаловались в Москву на их недостаток⁷.

Отписки нежинских воевод в Москву с просьбой решить проблему нехватки подъячих были постоянными. Уже на рубеже 1660–1661 гг. воевода С. И. Шаховской неоднократно писал в Москву, жалуясь на отсутствие подъячих в приказной избе. По словам воеводы, один подъячий заболел, а второй так и не был прислан из Севска, несмо-

⁵ См., например, списки дворян и детей боярских, служивших в Нежине в ноябре 1661 г.: [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 468. Л. 573–580].

⁶ Во время проведения повального обыска среди нежинского гарнизона в начале августа 1672 г. стрелец Осташко Иванов сказал сыщику Б. В. Горчакову: «Он ни про что не ведает, потому что он черкашенин, руского звычайу мало знает». См.: [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1672 г. Д. 15. Л. 155].

⁷ См., например, отписку путивльского воеводы В. Волконского и дьяка И. Малахова, присланную в Москву 17 сентября 1672 г.: [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. № 107. Л. 82 об.–84 об.].

тря на соответствующий царский указ от 4 сентября 1660 г. [РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 46. Л. 212, 234, 246–247]⁸. Из Москвы были направлены указы в Севск и Путивль с приказанием срочно прислать подьячих в Нежин, однако по состоянию на 29 сентября 1661 г. подьячий так и не был прислан [Там же. Л. 249, 442; Ф. 210. Оп. 12. Д. 468. Л. 561]. Проблема нехватки подьячих в последующие годы периодически вставала вновь. Так, в ноябре 1681 г. воевода А. И. Траханиотов жаловался в Малороссийский приказ, что в Нежине был только один подьячий, который не справлялся с возложенным на него объемом обязанностей [Там же. Оп. 5. Д. 217. Л. 17]. Недостаток подьячих в съезжей избе усугублялся их низким уровнем компетенции. Так, 15 июня 1672 г. воевода С. И. Хрущов жаловался в Москву, что из Путивля присылаются два площадных подьячих, квалификация которых недостаточна для того, чтобы вести дела в съезжей избе [Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 156 об.–160].

Деятельность нежинских воевод предполагала присылку в Малороссийский приказ сведений о положении дел и о передвижениях военных отрядов в Речи Посполитой, Османской империи, Крыму и на Правобережной Украине, полученных прежде всего от агентов. В некоторых случаях воеводы отправляли для «проведывания вестей» «ратных людей» нежинского гарнизона. Так, воевода И. И. Ржевский 13 октября 1671 г. отправил на Правобережную Украину стрельца С. Прокофьева, уроженца «малороссийских здешних городов» [Там же. Л. 42–44 об.]. Однако чаще всего воеводы, если необходимо было получить сведения о ситуации за рубежом, обращались за помощью к нежинским полковникам и магистрату. Те, в свою очередь, как правило, получали информацию от купцов, ездивших за рубеж по торговым делам. Воеводам неоднократно приходили указы из Москвы, чтобы они совместно с казацкими полковниками направили агентов за рубеж⁹. При том, что казачья старшина и магистрат иногда делились с воеводами сведениями, полученными ими от собственных агентов, воеводам присылалась казна для раздачи казакам и мещанам, отправленным для «государевых тайных дел». Так, для этих целей 17 апреля 1669 г. воеводе И. И. Ржевскому было прислано 493 соболей хвоста из Севска [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 26].

Наказом воеводе предписывалось опрашивать всех людей, приезжавших в Нежин, дабы выяснить цель их приезда. Воеводы обязаны были подробно опрашивать освобожденных из турецкого, крымского и польского плена, равно как и иных выходцев из зарубежных стран, а их «расспросные речи» отсылать в Малороссийский приказ. Так, воевода А. С. Апухтин 6 марта 1675 г. расспрашивал вышедшего из крым-

⁸ Воевода С. И. Шаховской в декабре 1660 г. предлагал также прислать подьячего из Рылска: [АЮЗР, т. 7, № 106, с. 321].

⁹ См., например, указ воеводе И. И. Ржевскому от 24 сентября 1671 г.: [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 15. Л. 6 об. – 7 об.].

ского плена казака Переяславского полка В. Куриленко о положении дел в Крымском ханстве [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 107. Л. 223 об.].

Как в военное, так и в мирное время воеводы отвечали за состояние городских укреплений Нежина, прежде всего замка, для чего регулярно организовывали ремонт «верхнего земляного города» силами гарнизона «ратных людей» (см., например: [АЮЗР, т. 9, № 139, стб. 648–649] (1671 г.); [Там же. Д. 4. Л. 2 об.] (1677 г.)). Для ремонта замка требовалась древесина, которая, как свидетельствуют воеводские отписки, в окрестностях Нежина была в дефиците, и воеводы были вынуждены обращаться к центральной власти с просьбой отправить царскую грамоту к гетману, чтобы тот приказал мещанам и селянам привезти необходимое количество древесины из ближайших лесов¹⁰. Украинские гетманы, как правило, шли навстречу. Так, зимой 1681–1682 гг. гетман И. Самойлович издал универсал¹¹, в котором приказывал жителям Нежинского полка возить древесину от р. Десны на «городовое строение» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 4. Л. 2].

Еще одной функцией воевод было руководство кружечным двором в нежинском замке, являвшемся одним из немногих источников дохода воеводской казны. 24 сентября 1671 г. воеводе И. И. Ржевскому было указано построить в замке кружечный двор для «ратных людей», причем если из «русских людей» никто не захочет взять его на откуп, тогда отдать его нежинским мещанам [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 15. Л. 8 об.–9]. В ноябре того же года воевода отписал в Москву о невозможности выполнить этот указ, поскольку ни выходцы из «великороссийских городов», ни украинские мещане не захотели взять кабак на откуп, а в воеводской казне нет средств на его строительство [Там же. Л. 58–59]. Затем 3 января 1672 г. И. И. Ржевскому было прислано 250 руб. на строительство кружечного двора. За короткий срок были выбраны целовальники кружечного двора, куплено вино и построен сам кружечный двор – уже 13 февраля на нем начались продажи вина «ратным людям» [Там же. Л. 82–83, 136–137]. А. С. Доманова оценила строительство кружечного двора в Чернигове как нарушение прав местных мещан [Доманова]. Однако при строительстве кружечного двора – потенциального конкурента местной винной торговли – воевода предлагал мещанам взять его на откуп, но они не согласились. К сожалению, неизвестны мотивы городской верхушки, равно как и жалобы нежинского магистрата на нарушение соответствующей привилегии мещан.

Доходы нежинского кружечного двора год за годом последовательно росли, но все равно оставались достаточно малы в сравнении с государственными расходами на нужды гарнизона. Так, за 7202 г.

¹⁰ См., например, соответствующую просьбу воеводы П. И. Бобрищева-Пушкина от 17 июня 1675 г.: [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 107. Л. 306–307].

¹¹ Универсал – здесь законодательный или распорядительный акт украинских гетманов.

(1693/1694) доходы, полученные с продажи вина на кружечном дворе, составили 218 руб. 26 алтын 1 деньгу [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 334 об.]. А согласно приходо-расходным книгам кружечного двора за 1707 г., его выручка составила уже 1 022 руб. 9 алтын 5 денег с мелкой польской монетой [РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 150. Л. 1–7]. Необходимо отметить, что средства, полученные от продажи алкогольных напитков на кружечном дворе, воеводы оставляли в Нежине и тратили на нужды гарнизона. В частности, 20 декабря 1693 г. питейные доходы были потрачены на жалованье клиру, свечи, ладан и церковное вино для Богоявленского собора в замке, приход которого состоял из «ратных людей» нежинского гарнизона [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 335 об.].

Воеводы также должны были судить «ратных людей» по заявлениям украинских казаков и мещан. 23 января 1677 г. к нежинскому воеводе К. Ф. Самарину приходили городской атаман Д. Васильев и сотник К. Викулов, которые заявили, что во дворе стрелецкого сотника Василия Кунилова обнаружили вола, украденного за день до того у жителя с. Переходовка И. Сохи на нежинском торгу [РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 52. Л. 165]. 16 марта воеводе пришел указ расследовать это дело в соответствии со статьями Соборного Уложения [Там же. Л. 202 об. – 203 об.].

Воеводы единолично принимали решения о применении телесных наказаний в отношении «ратных людей». Из росписи стрельцов, которых били кнутом и батогами за период с 9 июня по 24 октября 1672 г., составленной по приказу воеводы С. И. Хруцова, становится известно, что большинство из упомянутых в документе стрельцов были наказаны за бегство со службы из Нежина, оставление караула и неподчинение приказам, а стрелец И. Заяц был бит батогами на козле и в проводку за то, что отнял гуся у мещанина И. Кулкова, а самого мещанина ранил ножом [РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 62. Л. 163, 166–167].

Нежинские воеводы также разбирали дела об отдаче владельцам их крепостных крестьян, бежавших на Украину¹². Из указа от 1669 г. И. И. Ржевскому становится известно, что прежде чем прислать бежавшего крестьянина в Москву, воевода должен был удостовериться, что крестьянин не «черкашенин», и его принадлежность заявителю не оспаривается другим землевладельцем [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 55–55 об.]. В 1677 г. боярин В. В. Голицын сообщил воеводе К. Ф. Нарышкину о челобитной стольника Федора Головленкова, в которой тот утверждал, что его беглый крестьянин Мишка Гаврилов приверстан в стрельцы приказа П. А. Глебова в Нежине. Воевода расспросил и задержал М. Гаврилова до царского указа [РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–8 об., 13–14 об.].

¹² Бегство крепостных крестьян на Украину было острой проблемой, которая поднималась Москвой в отношениях с гетманами со времен гетманства Б. М. Хмельницкого. См. подробнее: [Романовский, 1963, с. 189].

В круг обязанностей воевод входил надзор за «ратными людьми», чтобы те не пьянствовали, не играли в азартные игры и не совершали недостойных поступков [Пирог, с. 163; Переписка нежинского воеводы И. И. Ржевского, с. 5]. В начале 1680-х гг. воевода Т. А. Апухтин, по его утверждению, приказал стрелецкому слободчику выслать из города женщин, живших со стрельцами и не находившихся с ними в законном браке, что соответствовало наказу. Воевода также подчеркивал, что прибег к этой мере после того, как подьячий рыльско-приказной избы Иван Нестеров «от блуда впал в болезнь» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 14. Л. 25–26].

* * *

Реконструкция функционала царских воевод в Нежине позволяет выделить как ряд общих черт с кругом полномочий городских воевод в других российских регионах, так и некоторые особенности. К числу типичных воеводских функций стоит отнести прежде всего руководство гарнизоном и съезжей избой, обороной города в военное время, ремонтом городских укреплений, а также обеспечение гарнизона жалованием.

Рассмотрение круга полномочий нежинских воевод позволяет также определить особенности воеводского управления на Левобережной Украине. Во-первых, воеводы руководили только гарнизоном «ратных людей», что предполагало специфические сложности с денежным и продовольственным обеспечением гарнизона, которые, за исключением небольших сумм, полученных от деятельности кружечного двора, присылались из Москвы, а также недостаток строительных материалов для починки крепости «верхнего земляного города». Во-вторых, у нежинских воевод были достаточно большие возможности по организации разведывательной деятельности за границей, находившейся недалеко от города. В-третьих, воеводам приходилось решать проблему побегов подьячих съезжей избы и «ратных людей», за редким исключением не набравшихся из местного населения. Одновременно воеводы, регулярно взаимодействуя по военным, судебным, хозяйственным и прочим вопросам с казачьей старшиной и городским магистратом, подготовили дальнейшую более тесную интеграцию Левобережной Украины в состав России.

Список литературы

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М. : [Б. и.], 2012. 288 с.

Алмазов А. Осада «верхнего земляного города» Нежина во время Украинского восстания 1668 г. // *Historians* [интернет-портал]. 2016а. 28 апр. URL: <http://historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1883-aleksandr-almazov-osada-verkhnego-zemlyanogo-goroda-nezhina-vo-vremya-ukrainskogo-vosstaniya-1668-g> (дата обращения: 11.09.2017).

Алмазов А. С. Российские воеводы в Гетманщине во 2-й половине XVII в.: степень изученности темы и нерешенные проблемы // Ист. вестн. Т. 16 (163). М. : Руниверс, 2016б. С. 24–47.

АЮЗР. Т. 6. СПб. : Тип. Э. Праца, 1869. IV + 280 с. Т. 7. СПб. : Тип. В. В. Пратц, 1872. VI + 398 с. Т. 9. СПб. : Тип. М. Эттингера, 1877. [3] с. + 988 стб. + 24 с.

Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М. : Фонд «Рус. витязи», 2015а. 400 с.

Бабулин И. Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. М. : Фонд «Рус. витязи», 2015б. 88 с.

Баранова О. В. Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х – 70-е годы XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура : Ежегодник 2004. М. : Наука, 2005. С. 40–66.

Борисенко В. Й. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ : Наукова думка, 1986. 264 с.

Галушко О. С. Російські воеводи в Чернігові у другій половині XVII – на початку XVIII ст. // Збірник наукових праць на пошану К. М. Ячменіхіна. Чернігів : Сіверянська думка, 1998. С. 79–83.

Доманова Г. Стосунки Чернігівського магістрату з представниками російського уряду (друга половина XVII – XVIII ст.) // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка. Вип. 33. Сер. Історичні науки. № 3. 2006. С. 15–21.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высш. школа, 1975. 328 с.

Лазарев Я. А. Союзники и/или враги? : Городские корпорации «Малой России» и процесс интеграции региона в состав Российского государства (1654–1669 гг.) // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2016. № 12. С. 64–75.

Переписка нежинского воеводы И. И. Ржевского с московским правительством. 1665–1667 гг. // Земский сборник Черниговской губернии : Приложения. 1901. № 5. С. 1–62.

Пирог П. В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отеч. ист. 2003. № 2. С. 162–169.

ПСЗРИ. Т. 1. 1649–1675. 1029 + 12 с.

РГАДА. Ф. 124, 137, 210, 229, 371.

Романовский В. А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига : Изд-во АН Латв. ССР, 1963. С. 184–194.

Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь : [Б. и.], 1967. 125 с.

Шевченко Ф. П. Русские воеводы на Украине : Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия (1940) // Історичні студії : Збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ : Інститут історії України НАН України, 2014. С. 41–318.

Эйнгорн В. Киевский воевода П. В. Шереметьев и нежинский магистрат (1666–1669 гг.) // Киевская старина. 1891. № 11. С. 246–258.

References

Almazov, A. (2016a). Osada “verkhnego zemlyanogo goroda” Nezhina vo vremya Ukrainского vosstaniya 1668 g. [The Siege of “the Upper Earthen City” of Nezhin during the Ukrainian Uprising of 1668]. In *Historians* [web-portal]. 28 April. URL: <http://historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1883-aleksandr-almazov-osada-verkhnego-zemlyanogo-goroda-nezhina-vo-vremya-ukrainskogo-vosstaniya-1668-g> (mode of access: 11.09.2017).

Almazov, A. S. (2012) *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste russko-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687 gg.)* [A Political Portrait of Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich in the Context of Russian-Ukrainian Relations (1672–1687)]. Moscow, S. n. 288 p.

Almazov, A. S. (2016b). Rossiiskie voevody v Getmanshchine vo 2-i polovine XVII v.: stepen' izuchennosti temy i nereshennye problemy [Russian Voivodas in the Hetmanate in the 2nd Half of the 17th Century: The Coverage of the Topic and Unresolved Issues]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 16 (163). Moscow, Runivers, pp. 24–47.

AYuZR [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission. 15 Vols.]. (1869–1877). Vol. 6. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. IV + 280 p. Vol. 7. St Petersburg, Tipografiya V. V. Pratts. VI + 398 p. Vol. 9. St Petersburg, Tipografiya M. Ettingera. [3] p. + 988 stb. + 24 p.

Babulin, I. B. (2015a). *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [The Struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Fond "Russkie vityazi". 400 p.

Babulin, I. B. (2015b). *Kanevskaya bitva 16 iyulya 1662 g.* [The Battle of Kanev, 16 July 1662]. Moscow, Fond "Russkie vityazi". 88 p.

Baranova, O. V. (2005). Dogovory Voiska Zaporozhskogo s Rossiei i praktika vzaimootnoshenii storon vo vtoroi polovine 50-kh – 70-e gody XVII veka [Treaties of the Zaporozhian Host with Russia and the Practice of Relations between the Sides in the 2nd Half of the 1650s – 1670s]. In *Belorussia i Ukraina: istoriya i kul'tura. Ezhegodnik 2004*. Moscow, Nauka, pp. 40–66.

Borisenko, V. I. (1986). *Sotsial'no-ekonomichnii rozvitok Livoberezhnoi Ukraini v drugii polovini XVII st.* [The Socio-Economic Development of Left-Bank Ukraine in the 2nd Half of the 17th Century]. Kiïv, Naukova dumka. 264 p.

Domanova, G. (2006). Stosunki Chernigivs'kogo magistratu z predstavnikami rossiis'kogo urayadu (druga polovina XVII – XVIII st.) [Relations between Chernihiv Magistrate and Representatives of the Russian Government (2nd Half of the 17th – 18th Centuries)]. In *Visnik Chernigivs'kogo derzhavnogo universitetu im. T. G. Shevchenka*. Iss. 33. Seriya Istorichni nauki. No. 3, pp. 15–21.

Eingorn, V. (1891). Kievskii voevoda P. V. Sheremet'ev i nezhinskii magistrat (1666–1669 gg.) [Kievan Voivoda P. V. Sheremetev and Nezhin Magistrate (1666–1669)]. In *Kievskaya starina*. No. 11, pp. 246–258.

Galushko, O. E. (1998). Rossiis'ki voevody v Chernigovi u drugii polovini XVII – na pochatku XVIII st. [Russian Voivodas in Chernigov in the 2nd Half of the 17th – Early 18th Centuries]. In *Zbirnik naukovikh prats' na poshanu K. M. Yachmenikhina*. Chernigiv, Siveryans'ka dumka, pp. 79–83.

Kamentseva, E. I., Ustyugov, N. V. (1975). *Russkaya metrologiya* [Russian Metrology]. Moscow, Vysshaya shkola. 328 p.

Lazarev, Ya. A. (2016). Soyuzniki i/ili vragi? Gorodskie korporatsii "Maloï Rossii" i protsess integratsii regiona v sostav Rossiiskogo gosudarstva (1654–1669 gg.) [Allies and/or Enemies? City Corporations of "Little Russia" and the Process of Integration of the Region into the Russian State (1654–1669)]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12, pp. 64–75.

Perepiska nezhinskogo voevody I. I. Rzhevskogo s moskovskim pravitel'stvom. 1665–1667 gg. [The Correspondence of Nezhin Voivoda I. I. Rzhevsky with the Moscow Government. 1665–1667]. (1901). In *Zemskii sbornik Chernigovskoi gubernii. Prilozheniya*. No. 5, pp. 1–62.

Pirog, P. V. (2003). K voprosu o russkikh voevodakh na Ukraine vo vtoroi polovine XVII veka [On the Issue of Russian Voivodas in Ukraine during the 2nd Half of the 17th Century]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 162–169.

PSZRI [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. Vol. 1. 1029 + 12 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 124, 137, 210, 229, 371.

Romanovskii, V. A. (1963). Osnovnye problemy istorii feodalizma na Levoberezhnoi Ukraine v XVII–XVIII vv. [The Main Problems of the History of Feudalism in Left-Bank Ukraine in the 17th–18th Centuries]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1961 g.* Riga, Izdatel'stvo Akademii nauk Latviiskoi SSR, pp. 184–194.

Romanovskii, V. A. (1967). *Perepis' naseleniya Levoberezhnoi Ukrainy 1666 goda, ee organizatsiya i kriticheskaya otsenka* [Census of Left-Bank Ukraine of 1666, Its Organisation and Critical Evaluation]. Stavropol', S. n. 125 p.

Shevchenko, F. P. (2014). *Russkie voevody na Ukraine. Ocherki vzaimootnoshenii Ukrainy i Moskovskogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVII stoletiya (1940)* [Russian Voivodas in Ukraine. Essays on the Relations between Ukraine and Muscovy in the Second Half of the 17th Century (1940)]. In *Istorichni studii: Zbirka vibanikh prats' i materialiv (Do 100-richchya vid dnya narodzhennya)*. Kiïv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, pp. 41–318.

The article was submitted on 10.03.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.302

УДК 94(470)"1740/1770"+355.311+331.728+929Екатерина(470)*2

**ПРОЦЕСС УПРАЗДНЕНИЯ
ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО НИЗОВОГО:
АМБИЦИИ КАЗАЧЕСТВА VS ИНТЕРЕСЫ ИМПЕРИИ
(1740–1770-е гг.)***

Владимир Мильчев

Запорожский национальный университет,
Запорожье, Украина

Дмитрий Сень

Калмыцкий научный центр РАН,
Элиста, Россия

**THE PLANS FOR THE ABOLITION
OF THE ZAPOROZHIAN HOST AND
THEIR IMPLEMENTATION (1740s–1770s):
COSSACK AMBITIONS VS IMPERIAL INTERESTS****

Vladimir Milchev

Zaporizhia National University,
Zaporizhia, Ukraine

Dmitriy Sen'

Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russia

Referring to materials from the federal and state archives of Russia and Ukraine, the authors analyse the preparation and implementation of the abolition of the Zaporozhian Cossack Host, carried out by the government of Empress Catherine II. Many of the sources have never been studied previously. The authors aim

* Авторская работа Д. В. Сень выполнена в рамках проекта «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (номер гос. регистрации в ЕГИСУ НИОКР АААА-А17-117030910096-7).

** *Citation:* Milchev, V., Sen', D. (2018). The Plans for the Abolition of the Zaporozhian Host and their Implementation (1740s–1770s): Cossack Ambitions vs Imperial Interests. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Цитирование: Milchev V., Sen' D. The Plans for the Abolition of the Zaporozhian Host and their Implementation (1740s–1770s): Cossack Ambitions vs Imperial Interests // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302 / Мильчев В., Сень Д. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

to reveal the causes and reasons for the abolition of the Sich, and the timeframe of the process. The authors consider the plans and projects for the abolition of the Sich from different periods and proposed by different representatives of the imperial authorities. The authors prove that the abolition of the Zaporozhian Sich was not a one-time military operation that took place on 4 June 1775. They study the means by which the Russian authorities tried to solve the Zaporozhian problem during the third quarter of the 18th century, reflected in the projects drawn up by M. I. Leontyev, P. A. Rumyantsev, and K. von Stoffeln. They examine the socio-economic, demographical, political, and other aspects of the domestic and foreign policy of the Russian Empire, which influenced the social evolution of the Zaporozhian Cossacks Host and led to its confrontation with the government. Additionally, the article considers the reaction of the Cossack community to the abolition of the Sich.

Keywords: Russian Empire; Zaporozhian Cossack Host; Zaporozhian Sich; state borders; Empress Catherine II; G. A. Potemkin; reforms.

Проанализированы действия правительства императрицы Екатерины II по подготовке и ликвидации Войска Запорожского Низового. Источниковую основу составили материалы российских федеральных и государственных архивов, а также архивных собраний Украины. Значительная часть использованных источников впервые вводится в научный оборот. Целью исследования стало определение предпосылок и причин ликвидации Сечи, а также установление ее временной продолжительности. Разбираются разновременные планы и проекты ликвидации Сечи, исходившие от конкретных представителей имперских властей. Авторы доказывают, что нельзя вести речь о «разовой» военной операции, предпринятой 4 июня 1775 г. по отношению к событию, именуемому «ликвидацией Запорожской Сечи». Исследованы пути решения российскими властями «запорожской проблемы» на протяжении третьей четверти XVIII в., конкретизированные в проектах М. И. Леонтьева, П. А. Румянцева и К. фон Штоффельна. Рассмотрен комплекс социально-экономических, демографических, политических и прочих аспектов внутренней и внешней политики Российской империи, которые повлияли на социальную эволюцию Войска Запорожского Низового и привели к его конфронтации с правительством. Изучены коллективные реакции казаков на ликвидацию Сечи.

Ключевые слова: казачество; Российская империя; Войско Запорожское Низовое; Запорожская Сечь; государственные границы; императрица Екатерина II; Г. А. Потемкин; реформы.

1775 г., в который была ликвидирована Запорожская Сечь, стал не только своеобразным водоразделом в украинской истории Нового времени, но также болевой точкой в коллективной исторической памяти украинцев. Ограниченный объем публикации не позволяет привести в достаточном объеме перечень имен ученых, изучавших

заявленную тему на протяжении главным образом XIX–XX вв. Укажем на несколько наиболее значимых работ: среди них отметим наследие ученых дореволюционного [Скальковский, с. 339–340; Эварницкий, 1889, с. 7–9] и советского [Рябинин-Скляревский, с. 175–178; [Полонська-Василенко, с. 168–171; Голобуцкий, с. 415–422] периодов, которыми были высказаны основательные суждения о причинах и последствиях упразднения Войска Запорожского Низового (далее – ВЗН). Так, А. А. Скальковский отмечал окончательное исполнение Сечью своей исторической миссии. Д. И. Яворницкий акцентировал внимание на факторе «жадных» к запорожским богатствам и землям вельмож екатерининского времени. Многие советские ученые не могли не писать о желании феодальной империи расправиться с гнездом казацко-крестьянского сопротивления, не допустив возникновения новой «пугачевщины». Традиционные историографические оценки ликвидации Сечи сохраняют значение и для некоторых современных ученых. Интерес к исследуемой теме, особенно в первые годы после провозглашения Украиной независимости (1991), вызвал появление множества научно-популярных публикаций, как правило, имеющих низкую научную ценность. Ситуация изменилась, когда к проблеме обратились историки Запорожского государственного университета, ставшего центром изучения истории Сечи.

Ко второй половине 1990-х гг. относятся работы П. Г. Александрова, в которых «ликвидацию Сечи» украинский историк рассматривал как операцию российских войск и делал акцент на внезапности этого мероприятия [Александров, 1997а, с. 45–49; Александров, 1997б, с. 115–121]. Однако в других исследованиях раскрывалось понимание того, что «ликвидация» не разовая военная акция, а комплекс мер, направленных на коренной слом предыдущего устройства Запорожья. Первыми в этом направлении стали работы украинского по происхождению историка Р. И. Шияна. Он рассмотрел проблемы, связанные с имплементацией губернского устройства на территории бывших Запорожских Вольностей¹ и реакцией населения на новые порядки [Шиян, 1998б, с. 39–44; Шиян, 1999, с. 3–5].

Последующие работы запорожских исследователей сосредоточились на научном обсуждении того факта, что атака на Сечь в 1775 г. не была спонтанной акцией. В частности, В. И. Мильчевым и Ю. П. Князьковым был проанализирован и опубликован проект генерал-майора К. фон Штоффельна по реформированию ВЗН (1765), положенный в основу последующих действий российского правительства. Историками было показано, что принятию решения 1775 г. предшествовал 10-летний период подготовительной работы. Логическим продолжением этой работы стали изыскания В. И. Мильчева

¹ Вольности – территория, на которую распространялась юрисдикция коша ВЗН. В этом значении термин изредка упоминается в документации периода Новой Сечи (1734–1775), ввиду чего не исключено его канцелярское происхождение.

о действительной роли П. А. Текели в роковых для Сечи событиях, доказывающих, что участие в них генерала преувеличено [Мільчев, Князьков, с. 35–55; Мільчев, с. 80–96].

Работа по выяснению влияния отдельных исторических деятелей и личностей (Г.-Ф. Миллера) на процесс подготовки ликвидации ВЗН была продолжена В. В. Грибовским [Грибовський, с. 39–65]. Поземельные конфликты ВЗН периода Новой Сечи (1734–1775) оказались в центре внимания П. Мирущенко. Им было выявлено влияние конфликтных ситуаций на экономическую ситуацию в Запорожье и превращение их в мощный катализатор антизапорожских настроений в высших кругах империи [Мирущенко, 2001, с. 180–189; Мирущенко, 2005, с. 44–45]. Следует выделить исследование П. А. Бойко, посвященное «Переписи Текели» 1776 г., показавшее влияние процесса фискального учета бывших запорожцев на их социальную мобильность [Бойко, с. 74–79]. Говоря о результатах исследований по данной проблематике в современной украинской историографии, заметим, что многим из них присуще упрощенное понимание механизмов имперского администрирования национальных окраин. Государственная колонизация края нередко оценивается как «абсолютное зло», а положительные моменты подобных преобразований выносятся за рамки.

В современной российской историографии заявленная тема рассматривается в контексте двух направлений: эволюции внутренней политики России в правление Екатерины II (на фоне народных движений и пр.), а также управленческой деятельности Г. А. Потемкина на Юге России. Не будет преувеличением сказать, что предпосылки и причины ликвидации ВЗН рассматриваются однобоко. О. И. Елисеева возлагает почти всю ответственность за ликвидацию Сечи на самих запорожцев, безапелляционно указывая на их «бесчинства», на нежелание казаков «жить мирным трудом» и пр. [Елисеева, с. 163]. Мнение о том, что существование Сечи мешало укреплению позиций России на юге, так как автономные образования составляли угрозу «безопасности государства», высказано в работе Н. Ю. Болотиной [Болотина, с. 43]. А. В. Кондрико приходит к выводу, что Сечь прекратила существование «вместе со своей системой самоуправления после того, как отпали наиболее важные условия, в которых она зародилась и просуществовала» [Кондрико, с. 14]. Обращение историков к понятию государственной целесообразности как к важнейшему аргументу в дискуссии о социальном протесте – не самое удачное объяснение события, знаменовавшего собой рубежный этап в истории украинского казачества.

Вопрос о причинах ликвидации ВЗН, несмотря на значительное количество имеющихся в науке исследований (речь прежде всего о достижениях российской и украинской историографии), не потерял своей актуальности и сегодня. Ряд историков считает, что ликвидация войска не являлась неизбежностью и что запорожские элиты были принципиально готовы принять реформу [Грибовсь-

кий, с. 39–65], тогда как другие связывают ликвидацию ВЗН с реализацией наступательной внешней политики России в 1770-е гг. [Шиян, 1998а, с. 8–9].

При исследовании данной темы открываются масштабные возможности для исторической компаративистики. Укажем на историю кратковременного существования военно-земледельческих поселений Новой Сербии и Славяно-Сербии (1751–1764). Как только их населением, состоявшим из представителей народов Балканского полуострова, были выполнены задачи создания сети подконтрольных правительству поселений в стратегически важном регионе, они были упразднены, а на их месте возникла Новороссийская губерния [Посунько, с. 38, 66].

Не последнюю роль в отношениях сторон конфликта сыграло их разное отношение к линейным границам европейского типа, в создание которых Россия втянулась на рубеже XVII–XVIII вв. Идея зафиксированной границы (пограничные знаки, заставы, паспорта, форпосты и т. п. признаки) воспринималась казаками-запорожцами как противоречащая их правовым традициям и всему укладу степного пограничья. Это актуализировало борьбу ВЗН за «свои» земли, подталкивало к обострению отношений с правительством. Особенно наглядно подобная ситуация наблюдалась в 1750–1760-х гг. Казачество, пытаясь отстоять территории, недавно находившиеся под юрисдикцией Коша, все активнее вовлекалось в пограничные конфликты. Территориальные споры ВЗН, например, с представителями Новой Сербии (1751) или Славяносербии (1753), выглядели как принципиальный конфликт запорожского казачества с империей, как вызов, который она не могла оставить без показательного ответа [ЦДАВОУ. Ф. 3806. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 99–102]. Любые попытки запорожцев отстоять свои земли были обречены на неудачу: еще в сентябре 1751 г. (до официального основания Новой Сербии) Сенат извещал гетмана К. Г. Разумовского о том, что «запорожцы права свои на эти земли уже потеряли» вследствие своей «измены» в 1708 г. [ИР НБУ. Ф. X. Спр. 18258. Арк. 18, 22]. В итоге после заселения Новой Сербии в 1751–1752 гг. с последующим изгнанием украинского населения ради балканских переселенцев территория «заднепровских мест» стала ареной активных действий запорожских гайдамаков. В делопроизводстве канцелярии Новосербского корпуса зафиксированы десятки эпизодов ограблений, разбоев и убийств (отметим, что они были обоюдными) [ДАДО. Ф. Р-1684. Оп. 2. Спр. 122. Арк. 44 зв., 56, 65 зв., 66 зв., 83–83 зв., 94 зв., 111, 120, 168 зв., 170 зв.]. Преимущественно объектами нападений гайдамаков становились хутора новосербского офицерства: за первые три года с момента основания Новой Сербии ими было ограблено более 20 офицеров корпуса [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 597–601]. Показательно, что «гайдамацкая» карта активно использовалась в большой политике. Правительствующий Сенат рекомендовал 12 октября 1755 г. коменданту крепости Св. Ели-

заветы И. Глебову доказывать соседним османским военным чинам, что крепость возведена исключительно ради «обселения пустых, наполненных гайдамаками-ворами мест» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574. Л. 706 об.].

Прослеживалась двоякая политика самодержавия по отношению к границам ВЗН в годы Новой Сечи: поддержка запорожцев в пограничных конфликтах с крымскими татарами и, напротив, сдерживание либо наказание за попытки отстоять право на земли, которые казаки считали своими. Так, официальное размежевание и снятие планов Новороссийской губернии (бывшей Новой Сербии) и Запорожья геодезистами летом 1764 г. определило северную границу владений ВЗН почти на 50 км ниже «линии Д. де Боскета» 1745 г. Пытаясь вернуть отнятые земли, запорожцы направили в Санкт-Петербург несколько deputаций. Тема фиксации войсковых границ стала главной в «Наказе» от ВЗН для Уложенной комиссии 1767 г. В целом вырисовывалась следующая картина: не давая четких оснований для разрешения пограничных конфликтов в пользу запорожцев, правительство поддерживало усиление военной, крестьянской и иностранной колонизации на южных рубежах империи.

Недовольное внутренним устройством Запорожья, российское правительство пыталось привести его в соответствие с уже существующими «образцами» казачьего устройства. Так, в течение 1740–1750-х гг. Правительствующий Сенат несколько раз рассматривал проекты реорганизации ВЗН по примеру Войска Донского [Андриевский, с. 455–456, 462–463]. Первым по времени создания в ряду таких проектов стало представление в Сенат от киевского генерал-губернатора М. И. Леонтьева (1740). Он посчитал первоочередной мерой ограничение количества казаков, имевших право выбирать кошевого атамана. Сенат отклонил предложение, опасаясь недовольства со стороны запорожцев. В 1750 г. Леонтьев подал другой вариант реформирования устройства Запорожья. Он считал целесообразным назначать всю старшину пожизненно, ограничить доступ в ряды казачества и приставить правительственного наблюдателя за действиями запорожской старшины. Показательным явился тот факт, что в данном случае интересы российской гражданской и военной администрации на Украине совпадали со стремлениями запорожской старшины – бывшего кошевого атамана Я. Малого, войскового писаря П. Чернявского и др. Последний предоставил на рассмотрение генерал-губернатора «Всепонижайшее доношение» из восьми пунктов, в которых не только перечислял «безобразия» со стороны основной массы запорожцев, но и давал практические рекомендации, как избежать их в дальнейшем [Андриевский, с. 182–186]. Указом от 19 июля 1753 г. Сенат запретил выборы в ВЗН, и власть общевойсковой Рады была ограничена. Тем не менее, нормы данного указа продолжали нарушаться казаками [Голобуцкий, с. 382–384]. В течение 1750–1760-х гг. ситуация вокруг не санкционированного правительством ежегодного-

го переизбрания высшей старшины так обострилась, что Екатерина II грамотой от 19 апреля 1764 г. окончательно запретила переизбирать кошевого, писаря и судью без согласования с гетманом К. Г. Разумовским и без высочайшей конфирмации [Эварницкий, 1888, с. 199–201].

Мероприятия, предпринятые российским правительством в отношении ВЗН, призванные сделать его поддающимся администрированию, почти в то же время были апробированы на Яицком казачьем войске. Главной задачей российские чиновники считали прекращение практики общевойсковых кругов (советов). Запрет их проведения в 1763 г. хотя и упорядочил выборы войсковых атаманов, позволив правительству назначать свои кандидатуры, привел к узурпации власти в войске старшинским «олигархатом», расколу его на противоборствующие части. Попытку вернуть выборность войскового атамана Яицкое войско осуществило весной 1763 г., возмущенное назначением нового наказного атамана из числа старшин Оренбургского казачьего войска [РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2. Л. 2].

Раскол Яицкого войска, наступивший в результате ограничения казачьего народовластия, осознавался самими казаками. Приведем выдержку из челобитной войскового атамана М. Бородина оренбургскому губернатору И. Рейнсдорфу:

...Войско яицкое лет от десяти и более до самого нынешнего времени разделялось на две части, ис которых одна называема была старшинскою, и болше малое, нежели видное в себе количество людей составляла, а другая войсковою, которая наиболее потом так называлася, что не толко служащие, но отставные и самые малолетние все почти до нее принадлежали, и сколко первая, то есть малая часть войска нашей часть, сталася всегда оставаться при своей должности, то наипаче другая от нее отщетевалася... [Там же. Л. 44].

Правительство пошло на уступку – «для той предвидимой при выборе их волном, яко от разделенного на две партии, несмысленного народа шатости, чтоб не зделалось каких предрезостей и междуособия» – и разрешило яицким казакам представить на рассмотрение Военной коллегии трех возможных кандидатов на должность атамана [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 814. Л. 1 об., 2]. Именно такую модель войскового управления правительство планировало реализовать в отношении ВЗН. Отмечая возможность применения компаративного подхода к заявленной теме, отметим, что в середине – второй половине XVIII в. правительство проводило по отношению к разным казачьим войскам типологически схожую политику: оно ограничивало самостоятельность войсковых структур, сферу традиционного войскового права. При этом ВЗН обладало не только большей степенью конфликтности по отношению к имперским властям, но и большими ресурсами для сохранения своего status quo. Вот почему, а также в связи с особым территориальным положением ВЗН (на границе

с Османской империей) вопрос о его судьбе приобрел в сравнении с дальнейшей судьбой Терского или Донского казачьих войск более радикальное звучание.

Отметим, что наряду с «умеренными» проектами реформирования Запорожья российских чиновников, имелись и радикальные. Среди дел личного кабинета Екатерины II сохранились документы, авторами которых были генералы П. А. Румянцев и К. фон Штоффельн. Они датированы концом февраля – мартом 1765 г. Это совпало во времени с фактическим (формально – с конца 1764 г.) вступлением в управление Украиной президента 2-й Малороссийской коллегии генерал-аншефа П. А. Румянцева (1764–1781). Последовательный проводник унификационной политики, Румянцев был убежден в нецелесообразности существования сечевой общины [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–6, 7–8, 126]². Он предлагал срочно арестовать всех членов запорожской депутации, которые в то время находились в столице, и немедленно занять территорию Запорожья [Там же. Д. 78. Л. 3–3 об., 4].

Командующий поселенными войсками (ландмилицией) Украинской линии генерал-майор К. фон Штоффельн представил 19 марта 1765 г. на рассмотрение императрицы так называемое «Примечание о запорожцах». Предполагалось арестовать в апреле 1765 г. членов запорожской депутации во время их возвращения из столицы домой, ввести на территорию Запорожья российские войска и приступить к реорганизации устройства Вольностей. Земли ВЗН должны были быть превращены в Днепровскую губернию³, состоявшую из двух провинций – Никитинской и Кодацкой. Бывшие запорожцы должны были укомплектовать два одноименных казачьих полка. Казачий образ жизни запорожского населения уподоблялся военной службе донского казачества. К. фон Штоффельн показывал, что Запорожская Сечь как политическая организация далека от системы Российской империи и не желает принимать ее установления – «все в противность нам учинили, и так кошевыми самовластно переменяетесь, якобы вы вовсе нам неподвластны». Проект, предложенный К. фон Штоффельном, отличался большей основательностью и детальностью по сравнению с предложениями Румянцева [Там же. Л. 5–5 об., 6, 11, 16].

Хотя потенциальная возможность ликвидации ВЗН существовала весной 1765 г., она не была реализована. Несмотря на то, что российское правительство отказалось тогда от радикальных шагов по отношению к ВЗН, на разных уровнях имперской власти осуществлялся сбор материалов о социальном устройстве Запорожья, его экономической и военной мощи, которые в любой момент могли быть исполь-

² В донесении Екатерине II от 10 марта 1765 г. П. А. Румянцев предлагал: «И нужно их, все милостивейшая государыня, обратить в иное устройство, и сей случай при взятых ВИБ мерах не утратить» [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 6].

³ К. фон Штоффельн предлагал территорию Запорожья преобразовать в Днепровскую губернию [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78. Л. 17 об.].

зованы в деле поглощения казачьей автономии. В 1768 г. произошло событие, вызвавшее очередное неудовольствие властей. Оно случилось на российско-польско-османском пограничье, при впадении р. Синюхи в Южный Буг, где на российской территории находилась слобода Орел, на польской – Балта, а на османской – Голтва. В июне того же года в польскую Балту въехал отряд запорожцев от М. Железняка «для истребления жидов». В результате была сожжена и разграблена не только польская, но и османская часть города [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 9/6. Д. 932. Л. 20–20 об.]. Этот конфликт, спровоцированный гайдамацкой ватагой запорожцев, имел резонанс – он послужил формальным поводом для начала очередной русско-турецкой войны. Недаром после ликвидации ВЗН в 1775 г. российское правительство специально сообщило Османской Порте о той строгой каре, которой подверглась Сечь как виновник минувшей войны [АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1775–1780 гг. Д. 614. Л. 12].

20 декабря 1768 г. Екатерина II подписала указ Малороссийской коллегии, согласно которому все казачьи войска, находившиеся в ее ведомстве (речь шла о ВЗН – других подобных войск не было), должны были руководствоваться и судиться в гражданской части согласно «малороссийских прав и статутов», а во всех делах, подлежащих воинской части, подчиняться «Военному уставу» и «Военному артикулу». Предполагалось скорейшее распространение текстов этих документов среди запорожского казачества и внедрение их в действие уже с 1769 г. [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 126–126 об.]. В условиях, когда над ВЗН висела угроза ликвидации, часть старшины предпочла не ждать трагической развязки, а сделать шаги к нормализации отношений. В марте 1774 г. депутаты от ВЗН А. Головатый, С. Белый и Л. Мошенский предложили правительству проект реформирования ВЗН. Он был представлен на рассмотрение Г. А. Потемкину: предлагалось удалить на разных основаниях из войска «неблагонадежный» элемент и ввести устройство по примеру Войска Донского. Также планировалось составить очередной реестр войска, который был бы «окончательным» и не предполагал бы вступления в казачество представителей других слоев. Легитимный путь пополнения казачьих войск, по мнению российских властей, мог быть только один – «срослых казачьих детей мужеска пола определять в казачью службу» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 468. Л. 388]. Еще более сложной была ситуация с посполитыми⁴, ставшая одним из камней преткновения между запорожским кошем и правительством. Первые целенаправленные попытки увеличения числа собственных подданных за счет переманивания податных категорий населения империи ВЗН предприняло в середине 1750-х гг. Эти действия натолкнулись на строгий запрет правительства императрицы Елизаветы Петровны, за-

⁴ Посполитые – крестьянское население, проживающее на землях Запорожья и находящееся в коллективном подданстве ВЗН.

декларированный в приказе Правительствующего Сената ВЗН от 5 августа 1756 г. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 792]. Несмотря на это, практика «незаконного» увеличения посполитых ВЗН были продолжена и позже. Особенно масштабной она стала с начала 1770-х гг. при кошевом атамане ВЗН П. И. Калнышевском. При нем кош временно прекратил сгонять «пришельцев», не желавших признавать свою подчиненность ВЗН, с недавно обжитых земель, как это случалось раньше [ЦДДАУК. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 143. Арк. 3–4]. Не довольствуясь ожиданием новых переселенцев, запорожская верхушка предлагала жителям хуторов «новороссийских» офицеров переход оттуда в слободы на землях ВЗН. Не будет преувеличением сказать, что «новая политика» коша вызвала значительные изменения мобильности свободного податного и зависимого от помещиков населения, причем эти процессы охватили территорию не только Новороссийской, но и Слободско-Украинской губернии [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 95. Ч. 3. Л. 242].

Среди перебежчиков в Запорожье в начале 1770-х гг. преобладали посполитые и казаки ВЗН, которые в начале очередной русско-турецкой войны перешли с территории Вольностей на более безопасные территории Новороссийской губернии. Второе место среди них занимали бывшие казаки Новослободского полка, недовольные обращением их в пикинеры в 1764 г. Наконец, много было выходцев из Польской Украины, сбежавших из магнатских имений, которые некоторое время прожили «на слободах» у офицеров Новороссийской губернии и для которых перспектива дальнейшего закрепощения являлась реальной [Там же. Ч. 1. Л. 19–23 об.]. Поскольку эти самовольные переселенцы были включены «в оклад» или числились на службе в поселенных полках, их переход, в том числе с семьями, вызвал противодействие со стороны местной администрации и военного командования [Там же. Ч. 3. Л. 127–128 об.]. По состоянию на начало 1775 г. общее количество военнотружущих, «фамилиатов» и «заступающих» гусарских и пикинерных поселенных полков, а также помещичьих подданных, переманенных или силой переведенных запорожцами на территорию Вольностей, достигло 2 881 душ м. п. в Елизаветградской и 2 493 душ м. п. в Екатерининской провинциях Новороссийской губернии [Там же. Ч. 2. Л. 35–35 об.].

Вопрос о ликвидации Сечи или, как минимум, об аресте ее верхушки в очередной раз встал на повестке дня в мае 1774 г., когда на нескольких заседаниях члены Государственного Совета выразили необходимость «предпринять решительное по этому поводу действие». Екатерина II отказалась тогда это сделать, отмечая верную службу войска в минувшую войну с Османской империей [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 188–188 об., 190–190 об.]. Итоговое решение казачьего вопроса оставалось за ней⁵, поскольку императрица постоянно

⁵ О некоторых аспектах такого влияния см.: [Лазарев, 2017, с. 70–85].

совершенствовала свой личный административный опыт и, определяя судьбы целых имперских территорий, полагалась не только на амбиции своих талантливых сподвижников. В дальнейшем на протяжении года на заседаниях Государственного Совета по «запорожскому вопросу» планы ликвидации или реформирования Запорожья не обсуждались, несмотря на многочисленные жалобы от командования Новороссийской, Слободско-Украинской губерний и Войска Донского на запорожцев (конфликты с крепостями Днепровской укрепленной линии (лето 1770–1773 гг.); с донцами за земли по р. Кальмиус и за прилегающие косы на Азовском море в 1771–1774 гг.; с военными поселенцами Изюмской провинции за земли по р. Орель и Самара и Елисаветградской провинции за земли вдоль р. Самоткань и Домоткань в 1769–1774 гг.) [Там же. Л. 199, 203 об., 265, 269]. Ситуация в корне изменилась с началом 1775 г., когда последовало реформирование системы управления казачьими войсками: 14 января Г. А. Потемкин подал на рассмотрение императрицы доклад с изложением своего видения реформы Войска Донского, которая должна была стать образцом для преобразований в других казачьих войсках. Предлагалось усовершенствовать методы контроля над деятельностью канцелярии и атамана. Гражданское правление на Дону должно было быть раз и навсегда отделено от военного и согласовано с губернским устройством на территории Российской империи. Доклад был утвержден Екатериной II и в течение следующих двух месяцев реализован на практике [ПСЗРИ, т. 20, № 14251].

Логичным стало бы проведение аналогичного реформирования ВЗН, однако в апреле 1775 г. из Киева было получено очередное донесение П. А. Румянцева. Речь шла о намерениях П. И. Калнышевского перейти со всем войском в османское подданство. Отметим, что в данном случае имел место навет – предпосылок для заговора не было: старшина во главе с П. И. Калнышевским была щедро награждена за заслуги в войне, кош все еще надеялся на разрешение земельных споров. Невзирая на несуразность обвинения, на заседании Государственного Совета 27 апреля 1775 г. вопрос был поставлен жестко: пригласить кошевого атамана прибыть в столицу, однако он физически не успел бы приехать в Санкт-Петербург. Несмотря на это, на очередном заседании данного совещательного органа при императрице 7 мая 1775 г. было решено занять территорию Запорожья, арестовать сечевую верхушку и упразднить ВЗН [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 290]. Г. А. Потемкин отмечал, что действия в отношении ВЗН будет удобнее осуществить силами десяти полков регулярной армии с приданием им в помощь определенного количества иррегулярных команд.

Кроме П. А. Румянцева (как инициатора), авторами плана ликвидации Запорожской Сечи можно считать канцлера Российской империи Н. И. Панина и Г. А. Потемкина. Об этом убедительно

свидетельствуют их подписи на протоколе рокового для Запорожья заседания Совета при высочайшем дворе. Показательным является то, что план не был утвержден императрицей. Кредит доверия к вышеуказанным лицам был настолько высок, что именно на их усмотрение было отдано решение такого вопроса [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 294 об.]. При подготовке «Манифеста» 1775 г. о ликвидации Сечи [ПСЗРИ, т. 20, № 14354] были использованы аргументы Г. Ф. Миллера о «неудобствах» казаков (см.: [Грибовский, 2015, с. 311–337]), хотя нет смысла напрямую связывать его интеллектуальные построения с указанным процессом, и некоторые наработки историка по запорожскому вопросу не устроили имперские власти.

5 июня 1775 г. запорожцы были приведены к присяге на верность императрице Екатерине II. Подобное наблюдалось и в других населенных пунктах Запорожья. В целом окончательное поглощение Запорожских Вольностей империей произошло без применения вооруженной силы. Однако *ликвидация Запорожской Сечи*, как принято именовать это событие в историографии, не может рассматриваться как разовая военная операция по занятию войсками казачьего центра 5 июня 1775 г. Она растянулась на несколько месяцев и состояла из комплекса мероприятий, направленных на унификацию устройства Запорожья в соответствии с общеимперскими нормами. В течение первых недель после оккупации Вольностей внимание генерала-поручика П. А. Текели (Текелли) оказалось сосредоточено на решении судьбы арестованных – кошевого атамана П. И. Калнышевского, войскового писаря И. Глобы и войскового судьи П. Головатого, которые были отконвоированы в Москву. По состоянию на конец июня было завершено описание основной части их имущества, которое вскоре поступило в казенный фонд Новороссийской губернии [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 59]. Туда же были переданы общевойсковые средства в сумме до 150 тыс. руб., клейноды, огнестрельное оружие (изъятие которого у бывших запорожцев носило тотальный характер), сечевой архив. После длительного следствия верхушка казачьей старшины была отправлена в пожизненную ссылку в разные монастыри – Соловецкий, Тобольский, Туруханский [Грибовский, Мильчев, Синяк, с. 322, 331, 337–338].

Значительное внимание уделялось проблемам реформирования административно-территориального устройства бывших Запорожских Вольностей. Обращают на себя внимание планомерность и системность предпринятых действий [Бойко А., с. 59]. Так, П. А. Текели и его подчиненные составили проект распределения Запорожья между Новороссийской и Азовской губерниями, который был воплощен в жизнь во второй половине 1775 г. Бывшие войсковые паланки с этого времени превращаются в соответствующие уезды [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 101–101 об., 102]. К концу лета 1775 г. с целью облегчения сбора налогов была завершена перепись населения во

всех запорожских зимовниках и слободах [Там же. Л. 167]. Немало усилий приложила местная администрация для изменения соотношения женатых и холостых мужчин среди бывших запорожцев. Это понятно, поскольку наиболее лояльной группой запорожского казачества правительству представлялись женатые запорожцы – так называемые «гнездюки». Подобные соображения мало расходились с действительностью – показателен фрагмент аттестата, выданного в июне 1775 г. П. А. Текели старшине П. Рябому:

...Как оной Рябой по тем одобрениям, так особо имея фамилию в местечке Самаре и считаясь уже в тамошнем обществе почтеннейшим старшиной над всеми женившимися фамилиатными запорожцами, заслуживает особого пред ними уважения, для того и дал ему Рябому открытой лист... [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 6. Л. 148].

Казаки всячески поощрялись к обзаведению семьями, получая материальную помощь в размере 3–5 руб. на развитие хозяйства. Командиры уездов (бывших паланок) из числа российских офицеров ежемесячно рапортовали азовскому и новороссийскому губернаторам о количестве бывших запорожцев, вступивших в брак. Сводные ведомости отправлялись Г. А. Потемкину, державшему процесс под личным контролем [Там же. Л. 184]. Эти мероприятия российского правительства, которое в правление Екатерины II возвело идеи популяционизма и физиократии в ранг государственной доктрины, коренным образом повлияли на традиции «целибата», распространенного ранее на Сечи, и достаточно быстро дали государству необходимый эффект.

Рубеж 1775–1776 гг. стал временем, после которого можно вести речь о ликвидации (в общих чертах) прежнего традиционного устройства Запорожских Вольностей российскими чиновниками. Грубое административное вмешательство со стороны российского правительства в традиционный уклад жизни запорожцев привело к выселению части казаков за пределы Российской империи. Жизнедеятельность нескольких тысяч запорожцев, укrywшихся в Очаковской степи (по разным данным – от 2 до 8 тыс. чел.), стала с этого времени серьезной проблемой в отношениях между Российской и Османской империями. «Турецкие запорожцы», массово поселенные турками-османами за Дунаем, сумели воссоздать войсковую организацию⁶ [АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 14, 26–27 об.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Там же. Д. 28/29. Л. 1; РГАДА.

⁶ В первые 5–10 лет пребывания запорожцев в турецком подданстве существовало несколько «протовойсковых» группировок, частично или полностью контролировавшихся местными властями Османской империи. В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из них было создано единое Буткальское казачье войско (*от тур. Р(В)ut-kale* – «Идольская (Неверная, Поганая) Крепость», то есть Сечь), которое просуществовало до мая 1828 г., когда большая часть задунайских запорожцев во главе с кошевым О. М. Гладким вернулась в российское подданство.

Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 43 об.; Там же. Ф.16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 8. Л. 121–121 об.; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 1. Л. 1, 10–11; ВОА. С.-МЛ. Dosya 619. Gömlek 25506].

* * *

Исследование показало, что поглощение Российской империей Вольностей ВЗН, которое произошло в середине – второй половине 1775 г., стало результатом продуманной и подготовленной акции, имеющей свою предысторию. Планы реформирования ВЗН появлялись в кругах высшего российского чиновничества еще в конце 1740-х гг., но, очевидно, не были реализованы правительством Елизаветы Петровны ввиду исключительно крепкой позиции «украинской» партии (А. Г. и К. Г. Разумовских) при дворе. В последнее десятилетие существования Запорожской Сечи представителями высшего российского генералитета были представлены правительству императрицы Екатерины II разные проекты ликвидации ВЗН. Определенная неустойчивость положения императрицы на троне в первые годы ее правления, а также напряженность в отношениях с Османской империей и Речью Посполитой определили тот факт, что они не были реализованы в конце 1760-х – начале 1770-х гг. Однако именно они легли в основу действий против Запорожья в июне 1775 г. и их идеологического обоснования в тексте «Манифеста» от 3 августа 1775 г. К обострению конфликта в середине 1770-х гг. оказалось причастно не только ВЗН, но и военные поселенцы Новороссийской губернии, а также высшая администрация империи, которая не смогла найти путей его разрешения.

Борьба запорожцев за свои права и земли определялась не столько их «буйством» и социальной архаикой, сколько тем фактом, что именно в последние 20–25 лет своего исторического существования войском был взят твердый курс на заселение собственных территорий, увеличение количества их населения за счет женатых казаков и крестьян-подданных. Все это ожидаемо вошло в противоречие с интересами правительства, у которого было собственное видение колонизации региона и его роли в решении ряда важнейших для Российской империи внутри- и внешнеполитических задач. Военная операция на землях Запорожских Вольностей, начавшаяся в июне 1775 г., не свелась к захвату только казачьей столицы – Сечи, а преследовала более масштабную цель – окончательную инкорпорацию территории ВЗН, заключение его населения под имперский политический, военный и фискальный контроль.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 932; Ф. 90. Оп. 90/1. 1775–1780 гг. Д. 614 (1781–1783 гг.). Д. 882.

Александров П. Г. До питання про хід військової операції по ліквідації Запорізької Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Дніпропетровськ : Промінь, 1997а. Вип. 2. С. 45–49.

Александров П. Ліквідація Запорозької Січі // Пам'ять століть. 1997б. № 1. С. 115–121.

[*Андрієвский А. А.*]. Дела, касающиеся запорожцев, с 1715 по 1774 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 14. Одесса : Тип. А. Шульце, 1886. С. 283–718.

Бойко А. Південна Україна останньої чверті XVIII століття: аналіз джерел. Київ : ИУАД, 2000. 308 с.

Бойко П. «Именные списки старшины и казаков бывшего войска Запорожского... 1776 года» як джерело з історичної демографії Степової України // Запорізька Січ і українське козацтво : матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ : Інститут історії НАН України, 2013. С. 74–79.

Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М. : РАГС, 2010. 140 с.

Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии Вице-Президента Потемкина // ПСЗРИ. Т. 20. 1775–1780. № 14251. С. 53–55.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3, 28/29.

Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Київ : Гос. изд-во полит. лит. УССР, 1957. 464 с.

Грибовський В. В. Г.-Ф. Міллер і ліквідація Запорозької Січі, або до питання про роль особистості історика в історії // Січеславський альманах : збірник наукових праць з історії українського козацтва. Дніпропетровськ : НГУ, 2011. Вип. 6. С. 39–65.

ДАДО. Ф. Р-1684. Оп. 2. Спр. 122.

Дружинина Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

Елисеева О. И. Потемкин. М. : Молодая гвардия, 2005. 665 + [7] с.

ІР НБУ. Ф. Х. Спр. 18258.

Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2015. 23 с.

Лазарев Я. А. Место украинской казачьей элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопр. истории. 2017. № 3. С. 70–85.

Мильчев В. І. Петро Текелія: ескіз портрету «злого генія» Запорозької Січі // Наукові записки : збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 11. Київ : ИУАД, 2005. С. 80–96.

Мильчев В. І., Князьков Ю. П. Проект реформування устрою Запорозжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ : Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя : Тандем-У, 2003. Вип. 7. С. 35–55.

Мірущенко О. Вплив геополітичного становища Нової Січі на економічний розвиток Запорозьких Вольностей // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя : ЗДУ, 2005. Вип. 19. С. 44–55.

Мірущенко О. Земельне питання в економічному розвитку Запорозьких Вольностей // Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ : ИУАД, 2001. Т. 6. С. 180–189.

Об уничтожении Запорожской сечи, и о причислении оной к Новороссийской губернии // ПСЗРИ. Т. 20. 1775–1780. № 14354. С. 190–193.

Петро Калнишевський та його доба : Документи та матеріали / Упорядники В. Грибовський, В. Мільчев, І. Синяк. Київ : [Б. и.], 2008. 432 с.

Полонська-Василенко Н. Д. Маніфест 3 серпня року 1775 в світлі тогочасних ідей // Зап. Історико-Філологічного відділу ВУАН. Київ : [Б. и.], 1927. Вип. 12. С. 166–203.

Посунько О. М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запоріжжя : Тандем-У, 1998. 80 с.

РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76, 78; Ф. 15. Оп. 1. Д. 185; Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 6, 8; Д. 814; Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574, 1579; Оп. 126. Д. 468.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2; Ф. 52. Оп. 1. Д. 79; Д. 95. Ч. 1–3; Д. 304. Ч. 1.

РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3.

Рябінин-Скляревський О. О. Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII ст. / Малинова Г. Л., Сапожников І. В. А. А. Рябінин-Скляревський : Матеріали к біографії. Одеса ; Київ : Елтон-2 ; Гратек, 2000. С. 83–190.

Скальковський А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / извлечена из собственного запорожского архива А. Скальковским. Одесса : Гор. тип., 1841. 437 с.

ЦДАВОУ. Ф. 3806. Оп. 1. Спр. 3.

ЦДІАУК. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 143.

Шиян Р. Діяльність земських комісарів на території колишніх Запорозьких Вольностей у перші роки після ліквідації Запорозького устрою // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя : ЗІОІ, 1999. Вип. 6. С. 3–5.

Шиян Р. Козацтво Південної України в останній чверті XVIII століття. Запоріжжя : Тандем-У, 1998а. 98 с.

Шиян Р. Ще раз про ситуацію на території колишніх Вольностей після ліквідації Запорозької Січі: чутки як історичне джерело // Наукові доповіді студентів та аспірантів кафедри історії України ЗДУ. Запоріжжя : Тандем-У, 1998б. Вип. 4. С. 39–44.

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. СПб. : Изд-во Пантелеева, 1889. 195 с.

Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 248 + XX с.

ВОА. С.-МЛ. Dosya 619. Gömlek 25506.

References

Aleksandrov, P. (1997b). Likvidatsiya Zaporoz'koï Sichi [The Abolition of the Zaporozhian Sich]. In *Pam'yat' stolit'*. No. 1, pp. 115–121.

Aleksandrov, P. G. (1997a). Do pitannya pro hid viis'kovoï operatsii po likvidatsii Zaporiz'koï Sichi [On the Issue of the Course of the Military Operation to Abolish the Zaporozhian Sich]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Dnipropetrovs'k, Promin'. Iss. 2, pp. 45–49.

Andrievskii, A. A. (1886). Dela, kasayushchiesya zaporozhtsev, s 1715 po 1774 gg. [Cases Relating to Zaporozhian Cossacks from 1715 to 1774]. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, Tipografiya A. Shul'tse. Vol. 14, pp. 283–718.

AVPRI [The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock. 79. List 79/6. Dos. 932; Stock. 90. List 90/1. 1775–1780. Dos. 614; 1781–1783. Dos. 882.

ВОА. С.-МЛ. Dosya 619. Gömlek 25506.

Boiko, A. (2000). *Pivdenna Ukraïna ostann'oi chverti XVIII stolittya: analiz dzhherel* [Southern Ukraine of the Last Quarter of the 18th Century: Analysis of Sources]. Kiev, Institut Ukraïns'koï arkhеоgrafii ta dzhereloznavstva. 308 p.

Boiko, P. (2013). "Imennye spiski starshiny i kazakov byvshego voiska Zaporozhskogo... 1776 goda" yak dzhherelo z istorichnoi demografii Stepovoï Ukraïni ["Name Lists of Senior Officers and Cossacks of the Former Forces of Zaporozhye ... 1776" as a Source of Historical Demography of Steppe Ukraine]. In *Materiali Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii "Zaporiz'ka Sich i Ukraïns'ke kozatstvo"*. Kiev, Institut istorii NAN Ukraïni, pp. 74–79.

Bolotina, N. Yu. (2010). *Deyatel'nost' G. A. Potemkina (1739–1791 gg.) v oblasti vnutrennei politiki Rossii* [The Activity of G. A. Potemkin (1739–1791) in the Domestic Policy of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo RAGS. 140 p.

DADO [The State Archives of Dnipropetrovsk Region]. Stock R-1684. List 2. Dos. 122.

Druzhinina, E. I. (1955). *Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie)* [The Treaty of Küçük Kaynarca of 1774 (Its Preparation and Conclusion)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 384 p.

Eliseeva, O. I. (2005). *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Molodaya gvardiya. 665 + [7] p.

Evarnitskii, D. (1888). *Sbornik materialov dlya istorii zaporozhskikh kazakov* [Collection of Materials for the History of Zaporozhian Cossacks]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 248 + XX p.

Evarnitskii, D. I. (1889). *Ocherki po istorii zaporozhskikh kazakov i Novorossiiskogo kraia* [Essays on the History of Zaporozhian Cossacks and Novorossiya]. St Petersburg, Izdatel'stvo Panteleeva. 195 p.

GAKK [The State Archives of Krasnodar Region]. Stock 249. List 1. Dos. 3, 28/29.

Golobutskii, V. A. (1957). *Zaporozhskoe kazachestvo* [Zaporozhian Cossacks]. Kiev, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury USSR. 464 p.

Gribov'skii, V. V. (2011). G.-F. Miller i likvidatsiya Zaporoz'koï Sichi, abo do pitannya pro rol' osobistosti istorika v istorii [G. F. Miller and the Abolition of the Zaporozhian Sich, or on the Role of a Historian's Personality in History]. In *Sicheslavs'kii al'manakh. Zbirnik naukovikh prats' z istorii ukrains'kogo kozats'tva, 6*. Dnipropetrovsk, Natsional'nyi girmichii universitet, pp. 39–65.

Gribov'skii, V., Mil'chev, V., Sinyak, I. (Eds.). (2008). *Petro Kalnyshevs'kii ta iogo doba. Dokumenti ta materialy* [Peter Kalnyshevsky and His Time. Documents and Materials]. Kiev, S. n. 432 p.

Kondriko, A. V. (2015). *Sistema kazach'ego samoupravleniya v ramkakh rossiiskoi gosudarstvennosti na primere Zaporozhskoi Sechi v seredine XVII – kontse XVIII vv.* [The System of the Cossack Self-Government within the Framework of the Russian Statehood with Reference to the Zaporozhian Sich in the Mid-17th – Late 18th Century]. Avtoref. dis. ... kand. istoricheskikh nauk. Moscow, S. n. 23 p.

Lazarev, Ya. A. (2017). Mesto ukrainskoi kazatskoi elity v sostave rossiiskogo dvoryanstva v pervoi polovine 1760-kh gg. [The Place of the Ukrainian Cossack Elite in the Russian Nobility in the First Half of the 1760s]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 70–85.

Mil'chev, V. I. (2005). Petro Tekeliya: eskiz portretu “zlogo geniia” Zaporoz'koï Sichi [Peter Tekeli: A Sketch of the “Evil Genius” of the Zaporozhian Sich]. In *Naukovi zapiski. Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv Institutu ukrains'koï arkhografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraïni*. Kiev, Institut ukrains'koï arkhografii ta dzhereloznavstva. Vol. 11, pp. 80–96.

Mil'chev, V. I., Knyaz'kov, Yu. P. (2003). Proekt reformuvannya ustroiu Zaporozhzhya general-maiora Karla Shtofel'na (1765 r.) [Major-General Karl Stoffeln's Reform Project in Zaporizhzhya (1765)]. In *Zapiski naukovo-doslidnoi laboratorii istorii Pivdennoi Ukraïni ZDU. Pivdenna Ukraïna XVIII–XIX stolittya*. Zaporizhzhya, Tandem-U. Iss. 7, pp. 35–55.

Mirushchenko, O. (2001). Zemel'ne pitannya v ekonomichnomu rozvitku Zaporoz'kikh Vol'nostei [The Land Issue in the Economic Development of Zaporizhzhya Liberty]. In *Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv Institutu ukrains'koï arkhografii ta dzhereloznavstva imeni M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraïni*. Kiev, Institut ukrains'koï arkhografii ta dzhereloznavstva. Vol. 6, pp. 180–189.

Mirushchenko, O. (2005). Vpliv geopolitichnogo stanovishcha Novoi Sichi na ekonomichnii rozvitok Zaporoz'kikh Vol'nostei [Influence of the Geopolitical Position of the New Sich on the Economic Development of Zaporozhian Liberty]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Zaporizhzhya, Zaporiz'kii derzhavnyi universitet. Iss. 19, pp.44–55.

Ob unichtozhenii Zaporozhskoi sechi, i o prichislenii onoi k Novorossiiskoi gubernii [On the Destruction of the Zaporozhian Sich, and on Its Incorporation in Novorossiya Province]. (1830). In *PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie*. Vol. 20. 1775–1780. No. 14354, pp. 190–193.

Polons'ka-Vasylenko, N. D. (1927). Manifest 3 serpnia roku 1775 v svitli togochasnykh idei [Manifesto of 3 August 1775 in Light of the Ideas of the Time]. In *Zapiski Istoriko-Filologichnogo viddilu VUAN*. Kiev, S. n. Iss. 12, pp. 166–203.

Posun'ko, O. M. (1998). *Istoriya Novoi Serbii ta Slov'yanoserbii* [The History of New Serbia and Slavo-Serbia]. Zaporizhzhya, Tandem-U. 80 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 13. List 1. Dos. 76, 78; Stock 15. List 1. Dos. 185; Stock 16. List 1. Dos. 797. Part 6, 8; Dos. 814; Stock 248. List 113. Dos. 1574, 1579; List 126. Dos. 468.

RGIA [The Russian State Historical Archive]. Stock 1146. List 1. Dos. 3.

RGVIA [The Russian State Military History Archive]. Stock 13. List 1. Dos. 141. Part 2; Stock 52. List 1. Dos. 79; Dos. 95. Part 1–3; Dos. 304. Part 1.

Ryabinin-Sklyarevs'kii, O. O. (2000). Zaporoz'ki zakoloty ta keruyucha verstva Kosha XVIII st. [Zaporozhian Revolts and the Ruling Stratum of Kosh in the 18th Century]. In Malinova, G. L., Sapozhnikov, I. V. A. A. *Ryabinin-Sklyarevskii. Materialy k biografii*. Odessa, Kiev, Elton-2, Gratek, pp. 83–190.

Shiyan, R. (1998a). *Kozatsstvo Pivdennoi Ukraini v ostannii chverti XVIII stolittya* [Cossacks of Southern Ukraine in the Last Quarter of the 18th Century]. Zaporizhzhya, Tandem-U. 98 p.

Shiyan, R. (1998b). Shhe raz pro situatsiyu na teritorii kolishnykh Vol'nostei pisly likvidatsii Zaporoz'koi Sichi: chutki yak istorichne dzherelo [Once again about the Situation in the Territory of the Former Volnets after the Abolition of the Zaporozhian Sich: Rumors as a Historical Source]. In *Naukovi dopovidi studentiv ta aspirantiv kafedri istorii Ukraini ZDU*. Zaporizhzhya, Tandem-U. Iss. 4, pp. 39–44.

Shiyan, R. (1999). Diyal'nist' zems'kikh komisariv na teritorii kolishnykh Zaporoz'kikh Vol'nostei u pershi roki pisly likvidatsii Zaporoz'kogo ustroyu [Activities of Zemstvo Commissars in the Territory of the Former Zaporozhian Liberties in the First Years after the Abolition of the Zaporizhzhya Order]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Zaporizhzhya, Zaporiz'kii yuridichnii institut. Iss. 6, pp. 3–5.

Skal'kovskii, A. A. (1841). *Istoriya Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo* [The History of the New Sich or the Last Zaporozhian Kosh]. Odessa, Gorodskaya tipografiya. 437 p.

TSDAVOU [The Central State Archive of Higher Authorities and Administration]. Stock 3806. List 1. Dos. 3.

TSDIAUK [The Central State Historical Archive of Ukraine]. Stock 229. List 1. Dos. 143.

Vysochaishe utverzhdenyi doklad Voennoi kollegii Vitse-Prezidenta Potemkina [His Majesty's Authorised Report of the Military Collegium of Vice-President Potyomkin]. (1830). In *PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie*. St Petersburg, Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, Vol. 20. (1775–1780). No. 14251, pp. 53–55.

IR NBU [Institute of Manuscripts of V. I. Vernadsky National Library of Ukraine]. Stock X. Dos. 18258.

The article was submitted on 04.02.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.303

УДК 94(477.51)"1764/1768"+352/354(09)+351.74(09)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИЦИИ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ: ОТ ЧИНОВНИЧЬЕГО ЗАМЫСЛА – К ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЛЕ (1764–1768)*

Богдан Галь

Национальный технический университет
«Днепровская политехника»,
Днепр, Украина

THE REORGANISATION OF THE POLICE IN LEFT-BANK UKRAINE: FROM A PUBLIC OFFICERS' PROJECT TO AN IMPERIAL ORDER

Bogdan Gal'

National Technical University
“Dnipro Polytechnic”,
Dnipro, Ukraine

The goals and results of the Little Russian police reform were determined by the fact that the imperial Russian centre lacked awareness of the realities of life in Left-bank Ukraine and the Enlightenment-inspired ideas of rationalising administration processes. The article analyses proposals for the reorganisation of the police prepared in connection with the establishment of the Collegium of Little Russia (1764–1765) and elections to the Legislative Commission (1767–1768). The article describes the positions of representatives from the imperial centre (Governor-general Rumyantsev's entourage) and regional elites (the gentry and burghers) on the police issue. Minor reforms were planned in an undated secret instruction to Pyotr Rumyantsev and his report from 18 May 1765. The full-scale programme involved a change in administrative-territorial divisions, the creation

* *Citation:* Gal', B. (2018). The Reorganisation of the Police in Left-Bank Ukraine: From a Public Officers' Project to an Imperial Order. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 403–419. DOI 10.15826/qr.2018.2.303.

Цитирование: Галь Б. Реорганизация полиции на Левобережной Украине: от чиновничьего замысла – к императорской воле (1764–1768) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 403–419. DOI 10.15826/qr.2018.2.303.

of new police structures and principles of interaction with local elites, and police activity that would encompass the entire territory and population of Left-bank Ukraine. The programme appeared in the undated and unauthorised document entitled *Some Notes on Little Russia* (presumably from November–December 1764) and in an instruction from the Little Russian Collegium to the Legislative Commission. The author demonstrates that a limited number of proposals for the reorganisation of the police of Left-bank Ukraine were approved, but he also emphasises their possible influence on the *Constitution for the Administration of the Provinces of the Russian Empire* (1775).

Keywords: police; reforms; Left-bank Ukraine; Little Russian governor-general P. Rumyantsev; All-Russian Legislative Commission; Nakaz.

Слабая осведомленность имперского центра о реалиях Левобережной Украины вкупе с просветительской установкой на рационализацию управленческих процессов предопределили задачи и результаты реформирования малороссийской, преимущественно городской полиции. В статье проанализированы предложения по ее реорганизации, подготовленные в связи с созданием Малороссийской коллегии (1764–1765) и выборами в Комиссию для составления проекта нового Уложения (1767–1768). Выделены позиции представителей имперского центра (окружения малороссийского генерал-губернатора П. А. Румянцева) и региональных элит (шляхты и жителей городов) по полицейскому вопросу. Минимальные преобразования планировались в недатированной секретной инструкции П. А. Румянцеву и его докладе от 18 мая 1765 г. Максимальная программа реформ предполагала изменение административно-территориального деления, создание новых полицейских структур и принципов взаимодействия с местными элитами, а также охват полицейской деятельностью всей территории и всего населения Левобережной Украины. Она была представлена в недатированных и неавторизованных «Некоторых примечаниях до Малой России» (ориентировочно ноябрь–декабрь 1764 г.) и наказе депутату от Малороссийской коллегии в Комиссию для составления проекта нового Уложения. Отмечено ограниченное утверждение предложений по реорганизации полиции Левобережной Украины, но при этом возможное их влияние на «Учреждение для управления Губерний Всероссийской Империи» (1775).

Ключевые слова: полиция; реформы; Левобережная Украина; Комиссия для составления проекта нового Уложения; малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев; наказ.

Ситуация на Левобережной Украине (Гетманщине) середины XVIII в. лучше всего описывается с помощью предложенного Йоргом Баберовски концепта персонифицированного (или присутственного) общества (*Anwesenheitsgesellschaft*) [Баберовски]. Отдаленность от имперского центра и близость к южному театру военных действий, неразвитость коммуникаций, насилие и неопределенность создавали

повышенные риски, при которых общество сохраняло стабильность лишь за счет взаимного контроля и препятствования проникновению в свои ряды чужаков. Управление таким обществом оказывалось в руках представителей местных групп влияния¹, а эмиссары центра воспринимались как чужеродное тело. Связанный с таким обществом системами патронажа и родственных связей центр зависел от местных управленцев и от принимавшихся на местах решений.

В короткий период между ликвидацией института гетманства и выборами в Уложенную комиссию малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев предложил ряд проектов реорганизации аппарата управления Левобережной Украины и, в частности, переустройства городской и земской полиции. Однако в отсутствие поддержки со стороны шляхты и городского населения имперский центр в тот момент не решился на демонтаж или коренную реорганизацию старой полицейской системы, хотя и воспринимал ее как несовременную.

Статья посвящена изучению попыток реформирования полицейской организации Левобережной Украины в 1760-е гг., которые ранее лишь упоминались в работах по истории создания II Малороссийской коллегии и выборам в Уложенную комиссию [Авсеенко; Багалеи; Максимович; Григорьев; Галь].

Полицейским делом, как-то вопросами общественной безопасности, народного просвещения и здравоохранения, благоустройства, на Гетманщине до 1764 г. ведали общины. Непосредственными носителями полицейских функций выступали *бурмистры* и *ратушные войты*. Это напоминало ситуацию в великороссийских городах, где полицейские функции также возлагались на магистраты и ратуши, подчиненные Главному магистрату (1721), а позже – губернаторам и воеводам (1728, 1737) [ПСЗРИ, т. 6, с. 291–309; т. 8, с. 94–112; т. 10, с. 93]. Население на каждую улицу избирало *старосту*, а на каждые 10, 50, 100 дворов – *десятников*, *пятидесятских* и *сотников*. Избранные формировали дневную *мейскую* или *плецовую сторожу* для выполнения полицейских обязанностей и, в частности, предохранения от пожаров, а также устраивали особую ночную сторожу – *обходы*. *Плецовая сторожа* получала содержание от ратуш и магистратов, а подчинялась *городничему* или *городовому атаману* (аналог объезжего головы в великороссийских городах).

После трансформации органов казацкого самоуправления в преимущественно полицейские учреждения магистраты и ратуши становились их исполнительными органами. В середине XVIII в. *городовые атаманы* уже получали жалованье и назначались полковой канцелярией, более того, ослабленные городские власти даже сами просили о назначении «к плецовой стороже доброго смотрителя» [Слабченко, с. 208–209, 21, 212]. Иногда полковая канцелярия и вовсе отбирала го-

¹ Исходя из современных стандартов управления их определяют как коррумпированных дилетантов.

родскую полицию у магистрата и передавала сотенному правлению, как это имело место в Переяславе (1759) [Багалея, с. 381].

Имперский центр и его эмиссары, как правило, не вмешивались до 1764 г. в вопросы полицейской организации на Левобережной Украине. Немногочисленные исключения связаны с упорядочиванием жизнедеятельности групп, неподвластных гетманской администрации, как-то великороссийские раскольники или иностранные колонисты, а также с созданием должности киевского полицмейстера (1733) [ПСЗРИ, т. 9, с. 93]. Вообще же в период между изданием «Регламента, или Устава Главного Магистрата» (1721) и «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775) воззрения правительства на полицию постоянно менялись, и, приступая к полицейской реорганизации Левобережной Украины, имперский центр не обладал апробированной моделью, в соответствии с которой можно было бы перестраивать устаревшие системы управления привилегированных окраин. В первые годы после прихода Екатерины II к власти полицейский вопрос активно обсуждался в столичных салонах, и сама императрица, «не взирая на великость сана своего и важных ежечасных дел Ея империи, соизволит око свое низводить нередко на полицию и на самыя мелкия ея дела» [Порошин, с. 182; Сборник РИО, т. 43, с. 298]. Отставка гетмана в 1764 г. создала предпосылки для проведения полицейской реформы и на Левобережной Украине под предлогом устранения несообразного смешения военного и гражданского управления.

Документом, в котором впервые была недвусмысленно поставлена задача реорганизации левобережной полиции, стала «Записка о усмотренных в Малой России недостатках [и неурядицах], о исправлении которых [в] Малороссийской коллегии трактовать должно», известная в двух редакциях [Авсеенко, с. 137-152; Акты по управлению Малороссиею, с. 101-111]. «Записка» могла быть составлена 25 июля 1764 г. кем-то из авторов доклада Коллегии иностранных дел от 3 мая 1764 г. (например, А. В. Олсуфьевым, которому позднее было поручено составление секретной инструкции для будущего малороссийского генерал-губернатора, или Г. Н. Тепловым, за которым в историографии утвердилась репутация едва ли не единственного человека в окружении Екатерины II, близко знакомого с ситуацией на Гетманщине). Наличие как минимум двух редакций указывает на обращение к созданному ранее документу в 1767 г. при подготовке наставления депутату от II Малороссийской коллегии в Уложенную комиссию². Автор «Записки» предлагал II Малороссийской коллегии определить «отправления ради государственных дел в рассуждении доходов, полиции, экономии и коммерции, каким и где быть поместным правлениям» (§ 1), и, соответственно, установить новое адми-

² Упоминается в циркулярном листе П. А. Румянцева от 26 февраля 1767 г. [Авсеенко, с. 3].

нистративно-территориальное деление взамен полково-сотенного (§ 2) [Акты по управлению Малороссиею, с. 102–103]. § 5 «Записки» был посвящен состоянию левобережных городов. Указывалось, что полицейские вопросы регулируются нормами «Литовского статута» и «Порядка прав гражданских», но, «к сожалению, все, что ни делается под видом полиции, есть совсем развращенное и токмо народ отягощающее» [Акты по управлению Малороссиею, с. 104].

30 октября 1764 г. Екатерина II в письме А. В. Олсуфьеву приказывала составить секретную инструкцию для будущего малороссийского генерал-губернатора, «оставя на имя его место» [Васильчиков, с. 319]. Это «Наставление, данное графу Петру Румянцеву, при назначении его малороссийским генерал-губернатором, с собственноручными прибавками Екатерины II, ноября 1764 года» было составлено где-то между 30 октября и 10 ноября 1764 г. При публикации указывалось:

...Наставление хранится в Государственном Архиве в двух списках, в черновом с приписками рукою Императрицы... и беловом, ею подписанном и скрепленном тайным советником Адамом Олсуфьевым. В последнем списке в двух местах вместо слов *губернской канцелярии* написано Екатериною *Малороссийской коллегии* (курсив публикатора. – Б. Г.)³ [Сборник РИО, т. 7, с. 376].

Приписка императрицы важна в том смысле, что замена «губернской канцелярии» на «Малороссийскую коллегию» меняла подходы к реорганизации структуры (полицейского) управления – формирование стандартной российской уступало место проектированию некой новой на основе существующих элементов.

Реорганизации левобережной полиции посвящен § 14 «Наставления». В нем отмечается:

...Не меньше нужны для спокойствия и безопасности жителей и чистоты надлежащие полицейские учреждения, чего ради рассмотреть вам и сию часть доброго гражданского порядка [Там же, с. 387].

Ниже эта задача конкретизируется, и становится ясно, что речь идет исключительно о городской полиции («для оного потребны: в городах пристойные магистратские или ратушные дома») «по примеру порядка и учреждений других европейских городов» [Сборник РИО, т. 7, с. 387–388]. В именном указе «Об учреждении в Малороссии, вместо Гетманскаго Правления, Малороссийской Коллегии» прямо о полицейской реформе речь не шла, однако упоминалось, что

³ Следовательно, «Наставление» не могло быть составлено после 10 ноября, когда название новой управленческой структуры было законодательно закреплено [ПСЗРИ, т. 16, с. 961–962].

...в прочих делах, яко-то: содержания в народе добраго порядка, общей безопасности и исполнения законов, должен он поступать с властью губернаторскою, то есть как особливо поверенный от нас в отсутственном месте [ПСЗРИ, т. 16, с. 962].

Таким образом, в соответствии с нормой «Наставления Губернаторам» от 21 апреля 1764 г. малороссийский генерал-губернатор получал полицейские структуры в свое ведомство [ПСЗРИ, т. 16, с. 719].

«Наставление» привез к П. А. Румянцеву Г. Н. Теплов. Сохранилась следующая записка Екатерины II к П. А. Румянцеву от 15 ноября 1764 г.:

Граф Петр Александрович, при сем посылаю к вам Теплова, дабы вы имели с ним большую конверзацию о Малороссии⁴.

На основании этой записки С. М. Соловьев предполагал, что «Наставление» написано явно под влиянием «записки Теплова» и едва ли не самим Г. Н. Тепловым [Соловьев, 1896, т. 26, ст. 37]. Об этой встрече и состоявшейся «конверзации» ничего не известно.

Воспитатель великого князя Павла Петровича С. А. Порошин упоминает в своих «Записках», что П. А. Румянцев, Г. Н. Теплов и бывший гетман К. Г. Разумовский неоднократно встречались на обедах у великого князя до отъезда П. А. Румянцева из Санкт-Петербурга. В записи от 9 декабря 1764 г. упоминается о застольном разговоре с участием П. А. Румянцева по вопросам организации полиции: «Граф Петр Александрович говорил, что в Данциге великий в этом порядок» [Порошин, с. 182]. Этот разговор состоялся в день, когда П. А. Румянцев должен был уезжать, но по неизвестным причинам отъезд был отложен. В записи от 21 декабря 1764 г. снова упоминается застольная беседа «о малороссийских учреждениях», в которой принял участие только что попрощавшийся с императрицей П. А. Румянцев: «Откланялся граф Румянцов сегодня совсем уже» [Там же, с. 215-216]. Таким образом, между назначением П. А. Румянцева малороссийским генерал-губернатором (10 октября 1764 г.) и отъездом из Санкт-Петербурга (21 декабря 1764 г.) прошло почти два с половиной месяца, а между назначением и прибытием к месту службы (7 апреля 1765 г.) – без малого полгода, и о деятельности П. А. Румянцева во все это время остается лишь догадываться.

В докладе П. А. Румянцева «о разных мероприятиях по управлению Малороссиею» от 18 мая 1765 г. упоминается некий план, «поднесен-

⁴ В публикации письма А. Ф. Смирдиным несколько иначе, а именно «в Малороссии» [Письма императрицы Екатерины II, т. 3, с. 187]. Если издатель не допустил неточности, то это совершенно меняет смысл сказанного – тогда императрица направляла Г. Н. Теплова в Малороссию вместе с П. А. Румянцевым, как четвертью века ранее императрица Елизавета Петровна направляла его же с К. Г. Разумовским.

ный от меня Вашему Императорскому Величеству»⁵ [Сборник РИО, т. 10, с. 21–22]. Скорее всего, речь идет о недатированном документе, который обнаружил и подготовил к публикации В. А. Барвинский («Збірник статей, підготовлений Комісією соціально-економічної історії України [1930 р.]. Рукописи, машинопис») [ІР НБУ. Ф. 80. Спр. 2. Арк. 55–62]⁶. Составление записки объясняет задержку с отъездом из Санкт-Петербурга и прибытием в Глухов, а также указывает на Г. Н. Теплова как наиболее вероятного автора. Не указанный автор этих «Некоторых примечаний до Малой России» предлагал ввести прямую полицию и экономию, а большую часть военных и земских начальников, как уличенных в злоупотреблениях, так и просто заподозренных, освободить от должностей, «перемена и название чинов» [ІР НБУ. Ф. 80. Спр. 2. Арк. 55].

Региональная администрация планировалась «в Киеве; как и без того столичном оной земли городе», под названием «Генерального Малороссийского Правительства Коллегия» с разделением ее на шесть департаментов, а именно полицейский, камер-, военный, юстиц-, комерц- и секретный [ІР НБУ. Ф. 80. Спр. 2. Арк. 55–56]. В ведение полицейского департамента, штат которого состоял из *генерал-директора Полиции Малороссийской* и двух ассессоров, были отнесены дела, касающиеся вопросов безопасности и благосостояния [Там же]. Для отправления земских (в том числе полицейских) дел в создаваемых вместо полков провинциях или округах под дирекцией *Главного Малороссийского Правительства Коллегии* вводились *земские советники, комиссары в округах и магистраты* [Там же. Арк. 59].

Земский советник предполагался один на провинцию/округ в качестве представителя полицейского, камер- и военного департаментов *Генерального Малороссийского Правительства Коллегии*. В подчинении *земских советников* должны были находиться *комиссары в округах*, «надзирающие все в земле, исключая города, полицейскому департаменту предписанные», то есть в их функции входила земская (и, возможно, частично городская) полиция [Там же].

В посредственных городах полиция поручалась одному из двух бургомистров – *полиции бургомистру*. Остается неясным, кто должен был выполнять полицейские функции в больших городах, где проектировались магистраты «градского ради правления» в составе президента и некоторого числа бургомистров и ратсгеров, а также в маленьких городах и местечках, где «сие начальство препоручится некоторым мещанам под именем старшин».

Относительно больших городов сказано также, что «в должности сего магистрата будет... вся гражданская полиция, по которой он ответствен и зависит в первом департаменте» [ІР НБУ. Ф. 80. Спр. 2.

⁵ На существование этого плана первым обратил внимание Г. А. Максимович [Максимович, с. 59].

⁶ Оригинал документа см. : [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 74. 5 л. (Примечания об изменении в управлении Малороссиею. В бумагах графа Петра Румянцева. 1765–1768)].

Арк. 60]. Вопрос о подчинении полиции бургомистров посредственных городов, где магистрат не упомянут, а также маленьких городов и местечек, раскрыт не был.

П. А. Румянцев приехал в Глухов 7 апреля 1765 г. и, не выезжая из города и не знакомясь лично с местными порядками, 18 мая 1765 г. подал доклад «о разных мероприятиях по управлению Малороссиєю». Следует предполагать, что и эта программа первостепенных мер была продумана и подготовлена заранее, до приезда в Глухов, снова таки не без участия, а то и самим Г. Н. Тепловым.

Доклад состоит из 19 пунктов, в каждом из которых к описанию некой проблемной сферы прилагается мнение (предложение). Вопросы полиции поднимаются в п. 5 (городская полиция) и 19 (земская полиция).

В п. 5 состояние полиции описывается практически теми же словами, что и в § 5 «Записки о усмотренных в Малой России недостатках [и неустройствах], о исправлении которых [в] Малороссийской коллегии трактовать должно»: «Полиции вовсе никакой нет, а все то, что видом тою делается, есть совсем развращенное и больше вредящее, нежели способствующее общему покою и добру» с уточнением, что «в самом Глухове редко ночь проходит, чтоб, кроме других краж, лошадей не сводили» [Сборник РИО, т. 10, с. 12]. В «Мнении» к этому пункту П. А. Румянцев повторил прозвучавшую в «Некоторых примечаниях» идею создания должности *полиции бургомистра* и при нем *полицейских слуг*, «предписав генерально на всю Малую Россию точную должность всю в себе заключающую, что токмо прямая полиция требовать может» [Бумаги, с. 12]. Примечательно, что больше нет других упоминаний о полицейском уставе для региона, кроме как в этом докладе. В то же время подобные полицейские уставы неоднократно упоминаются в законодательных актах 1765–1767 гг. для других пограничных губерний, городов привилегированных территорий, поселений колонистов [ПСЗРИ, т. 17, с. 188, 674; т. 18, с. 42, 62].

В п. 19 доклада рассматривается проблема всевластия полковников и сотников («полковники делаются, чем он быть только хочет, а по примеру тому и сотники, входя в самые внутренности своих подчиненных») [Сборник РИО, т. 10, с. 20–21]. П. А. Румянцев в «Мнении» на этот пункт предлагал оставить казаков, входящих в 20-тысячный реестр, по всем (в том числе полицейским) делам в ведении полковников и сотников «до новаго об них Вашего Императорскаго Величества всевысочайшаго определения». Прочих же «всех, в домах своих живущих, в городах, селах и деревнях», предлагалось препоручить по полицейским делам *подкомориям*⁷.

⁷ «Ныне называемым подкомориям, только разводы спорные в землях решащим, препоручить все то, что второму департаменту в поднесенном от меня Вашему Императорскому Величеству плане предписано» [Сборник РИО, т. 10, с. 20–21]. Вероятно, речь идет о втором, а именно о камер-департаменте из «Некоторых примечаний» [IP НБУВ. Ф. 80. Спр. 2. Арк. 59].

Указом Екатерины II к П. А. Румянцеву от 9 июля 1765 г. «Мнение» из п. 5 было утверждено, а «Мнение» из п. 19 передано для дальнейшего рассмотрения в Сенат, решение которого осталось неизвестным [Сборник РИО, т. 10, с. 12, 21; Письма императрицы Екатерины II, т. 3, с. 188; Сенатский архив, т. 15, с. 487–488]. Первоначально императрица откладывала утверждение предложений П. А. Румянцева до его приезда в Санкт-Петербург, запланированного на зиму 1765–1766 гг. В свою очередь, сам приезд малороссийского генерал-губернатора тоже откладывался, как явствует из письма Г. Г. Орлова от 5 декабря 1765 г.:

...И в разсуждении предписанных вами причин, которыя вам исполнить должно [государыня] указать соизволила, отписать к вашему сиятельству, чтоб вы в Петербург тогда изволили быть, когда ваше сиятельство почитаемое вами нужное исправление исполните, только б оно было нынешнею зимою, а не позже [Письма братьев Орловых, с. 223].

В ожидании резолюций на свои предложения П. А. Румянцев летом 1765 г. совершил объезд полков (преимущественно южных) и в начале сентября 1765 г. предложил II Малороссийской коллегии произвести генеральную опись Малороссии. Среди сведений, которые следовало собрать, были и те, что касались состояния левобережной полиции:

Чтож принадлежит до полиции, о которой требуется виправки, в каком оная состоянии находится, то есть чиновники, так же инструмента, какие имеются исправние и неисправние, и где содержатся, и сколко для оной всех и каких именно людей, и откуда определено, такоже с мещанских дворов, на лошаде для возки во время пожарное бочек з водою расположение, и с которого году, и почему та полиция учреждена [Багaley, с. 381].

После этого в переписке П. А. Румянцева с Екатериной II и ее ближайшим окружением вопрос реформирования малороссийской полиции не упоминался до марта 1767 г. и был поднят снова в связи с созывом Уложенной комиссии. В письме к Екатерине II от 2 марта 1767 г. П. А. Румянцев просил

...о всемилостивейшей резолюции на мои поднесенные планы, а особо о полицейских, комиссарских и магистратских учреждениях, без которых дела здешние дойдут истинно до крайняго повреждения, и все даваемые указы остаются и оставаться будут без всякаго исполнения [Соловьев, 1861, с. 324].

Очевидно, что речь идет об учреждениях и должностях, спроектированных в «Некоторых примечаниях», поскольку в других проектах комиссары не упоминались.

Судя по всему, в то время П. А. Румянцев жаловался в письмах и на неприятие преобразований со стороны местных элит и собственную неспособность к их реализации, как это явствует из недатированного письма Г. Г. Орлова (ориентировочно от 23 апреля 1767 г.):

Правду сказать, я очень этому верю, что вашему сиятельству скучно, видя нечувствительность тех людей, которыми вы управляете, также недовольное понятие к приступлению, дабы изыскать способы о поправлении своих недостатков и о приведении себя и всех к истинному благополучию. <...> К чему это клонится, что вы в стране конфузной? Это, сударь, к тому, чтоб вы себя сделали, употребля свои дарования и знания, вечно бессмертным быть. Это гораздо более, нежели тысяч сто убить людей [Письма братьев Орловых, с. 226].

Однако Екатерина II в мае 1767 г. снова откладывала утверждение полицейских новаций, на этот раз под предлогом собственной занятости, и предлагала перенести обсуждение вопроса в открывавшуюся комиссию:

Я давно бы сделала решительное положение по вашим планам, если б Россия не требовала и не ожидала как возможно сходственного во всех частях положения: и так, сделав генеральное наперед, дойдем и до частных. О прочих жалостных обстоятельствах и недостатках правосудия, также о утрачении многих узаконений, о коих упоминаете, надеюсь, не оставите вы составить, так как и о всех недостатках вашего края, приличное описание при случае Комиссии о Уложении, в коей вы сами знатное место занимать будете [Письма императрицы Екатерины II, т. 3, с. 194].

В подготовленных для депутатов в Уложенную комиссию многочисленных наказах от малороссийской шляхты, казаков и духовенства, а также от групп населения, находившихся за пределами юрисдикции малороссийского генерал-губернатора (киевский магистрат, раскольники, сотни левобережных полков, отторгнутые в пользу Новороссийской губернии), вопрос полицейской организации не поднимался. Исключение составляют наказания от жителей четырех левобережных городов⁸. В наказах от жителей Переяслава, Нежина и Глухова после жалоб на «захват полиции» полковыми канцеляриями высказывались просьбы о возвращении полицейских функций магистратам, «а полковой канцелярии, атаману и городничему и никому, яко тое смотрение до их ни по чему не принадлежит, не касаться» [Сборник РИО, т. 144, с. 12-13, 38-39, 130]. Особо выделяются просьбы великороссийских купцов, живших в Нежине, о разрешении покупки дворовых людей из крестьян для исполнения полицейских

⁸ В предлагавшейся Малороссийской коллегией градации это два города первого класса (Переяслав, Нежин) и два - второго (Козелец, Глухов).

обязанностей, жителей Козельца – об учреждении полиции с надлежащим наставлением⁹ и жителей Глухова – о казенном содержании городской полиции [Там же, с. 62–63, 116, 133].

П. А. Румянцев в связи с выборами коллежского депутата в Уложенную комиссию направил во II Малороссийскую коллегию упоминающую выше «Записку о усмотренных в Малой России недостатках [и неустройствах], о исправлении которых [в] Малороссийской коллегии трактовать должно». Свои ожидания он сформулировал следующим образом:

...И как может быть в сей приложенной записке не все еще потребное вмещено, но иногда что либо мною, как человеком, проронено, то и в сем не сомневаюсь, что господа члены, руководством ревностного своего усердия, познав такое упущение, немедленно мне для пополнения сообщить не преминут [Акты по управлению Малороссиею, с. 100–101].

Вероятно, П. А. Румянцев планировал воспользоваться советами и предложениями членов II Малороссийской коллегии, чтобы переработать текст «Некоторых примечаний», так и не получивших высочайшей резолюции. В итоге появилось недатированное «Наставление выбранному от малороссийской коллегии депутатом в Комиссию о сочинении проекта Новаго Уложения господину коллежскому советнику и члену той коллегии Натальину», в котором предлагался масштабный план реорганизации полицейской части, во многом отличный от предложенного ранее в «Некоторых примечаниях» [Сборник РИО, т. 43, с. 218–237].

«Наставление» проектировало более определенное, чем «Некоторые примечания», административно-территориальное деление и ранжирование городов. Вместо полков предлагались провинции (5), разделенные на округа (20), а города подразделялись на два класса – пять городов первого (три из них были одновременно центрами одноименных провинций), и 18 – второго [Там же, с. 222–223, 224]. II Малороссийскую коллегию предлагалось разделить на четыре департамента. В ведение первого, названного *Императорским правительством*, или *генерал-губернаментом малороссийским*, передавались дела, закрепленные за (генерал-)губернаторами генеральной и особыми инструкциями, и в том числе «внутренний покой, тишина и безопасность». Остальные три департамента – *камор-контора*, *Военный комиссариат* и *Надворный суд* – подчинялись первому [Там же, с. 219, 220]. *Камор-контора* должна была ведать городами первого класса (в том числе по вопросам полиции) непосредственно, а прочие города относились к земской полиции опосредованно через *камор-департаменты* и *камор-комиссаров* [Там же, с. 220]. В про-

⁹ Неясно, идет ли речь об учреждении магистрата или о назначении полицейских чиновников от Малороссийской коллегии.

винциях дела *камор-конторы* рассматривали *камор-департаменты*, в ведении которых находились посредственные города¹⁰, а в округах – *камор-комиссарства*,

...которым в должность предписать надзирание над дорогами, градскую и земскую полицию, квартирныя дела... наблюдение в постановлении умеренных цен, надзирание над строениями новыми и починкою старых... посещение для осмотра вверенных им городов и местечек, ежегодно по два раза, и все то в государственных имениях генерально, что непременно земскому комиссару в прочих предписано [Сборник РИО, т. 43, с. 220–221].

Для «прочих» имений округа проектировались должности «земских же непременных комиссаров, во всяком округе по одному определенных»¹¹. К их полицейским функциям относились осмотр трупов с донесением суду, приведение к присяге, допросы по судным делам [Там же, с. 221–222]. Дворянству предлагалось выбирать кандидатов в *земские непременные комиссары* и представлять их генерал-губернатору на утверждение¹² [Там же, с. 222].

Проектирование городской полиции в «Наставлении» начиналось с традиционной инвективы в адрес прежних городских порядков:

К сожалению, все, что ни делается под видом полиции, есть совсем развращенное и токмо народ отягощающее [Там же, с. 224].

Новое городское полицейское управление предлагалось организовать следующим образом. Во главе города первого класса должен был встать магистрат в составе четырех *бургомейстров*, из которых второму бургомейстру «ведать полицию генерально», шести *ратсгеров*, из которых одному ратсгеру второго департамента «пожарныя дела отправлять». Для городов второго класса было положено по два *бургомейстра* и четыре *ратсгера*, из которых второму *бургомейстеру* предлагалось ведать полицией, а четвертому *ратсгеру* – пожарными делами. В местечках же, где владения коронные смешивались с партикулярными, камор-комиссарам следовало назначать по одному *полиции бургомейстеру* и *квартиргеру* [Там же, с. 224–225]. В члены магистратов предлагалось определить «годных и в правах гражданских искусных людей из граждан, а на первый случай из военных и штатских чинов» [Там же, с. 224].

¹⁰ Вероятное указание на знакомство авторов «Наставления» с текстом «Некоторых примечаний».

¹¹ В. А. Григорьев ошибочно смешивает должности камор-комиссара и непременного комиссара в округе, когда пишет, что земские непременные комиссары «заведывают городами второго класса» [Григорьев, с. 169].

¹² В Комиссии для составления проекта нового Уложения остзейский депутат Вирского крейса от дворянства И.-Д. фон Ренненкампф также поднимал вопрос о предоставлении дворянству полицейских функций [Сборник РИО, т. 32, с. 335].

Сохранилось «Возражение депутата Григория Политики на наставление от Малороссийской коллегии господину ж депутату Дмитрию Наталину, 1768» [Возражение депутата Григория Политики]. В возражении на 1-й пункт «Наставления» Г. А. Полетика полагал, что по малороссийским правам полицейские дела и учреждения должны были относиться к ведомству градских судов¹³,

...а сверх того в силе тех же прав и древняго Малороссийскаго обыкновения, должны быть под ведомством тех же Судов особливые городничие или полиции наблюдатели, кои ныне имеются [Там же, с. 80].

Проектируемые же II Малороссийской коллегией органы с полицейскими функциями, как-то *камор-департаменты* и *земские непрременные комиссары* (*камор-комиссаров* Г. А. Полетика почему-то не упомянул), признавались излишними и бесполезными:

Сии же вновь выдуманная учреждения ни к чему другому служить не могут, как только к отягощению народному; ибо от столь многих и разнообразных правлений ничто другое следовать не может, как народная волокита и разорение, излишние расходы на жалование тех правлений членам и прочим чинам, також на канцелярские и прочие расходы¹⁴ [Там же, с. 81].

В вопросе организации городской полиции автор «Возражения» руководствовался теми соображениями, что «все же учреждения те хороши и долговременны бывают, которыя согласуют с правами народными», и вообще «великолепных учреждений делать не из чего, по бедности Малороссийскаго мещанства и купечества». Не отрицая полезность заведения «в малороссийских городах магистратов и прочих гражданских порядков», Г. А. Полетика предлагал подтвердить или предоставить малороссийским городам магдебургское право, а в качестве образца магистратских чинов и порядков предлагал киевский магистрат,

...в котором естли не лучшая, то, конечно, не худшая от магистратов немецких городов учреждения, соглашенныя при том с нравами и обыкновениями народными¹⁵ [Там же, с. 84–85].

¹³ В этом желании передать полицейские функции судам Г. А. Полетика был не одинок. В некоторых наказах от великороссийских городов судьям предлагалось подчинить нижних полицейских чинов (сотские, десятские), а то и вручить полицейскую власть уездным судьям [Григорьев, с. 132–133].

¹⁴ Апелляция к «отягощению народному» перекликается с действовавшей нормой «Регламента или Устава Главнаго Магистрата» (1721): «Того ради главному Магистрату в таком благопотребном важном деле со осторожностью поступать, дабы, вместо онаго, какия противныя и вредительныя действия не произошли, или, вместо чаемого исправления, города и граждане в тщетной убыток и разорение не пришли» [ПСЗРИ, т. 6, с. 297].

¹⁵ О киевских полицмейстерах Г. А. Полетика не упоминает.

Таким образом, П. А. Румянцев использовал выборы в Уложенную комиссию для утверждения подготовленных ранее собственных проектов реформ, и в первую очередь их полицейской составляющей, а часть шляхетства и городского населения – для подтверждения воспринимаемых как традиционные прав и вольностей и основанной на них системы сословного самоуправления, то есть для охранения от полицейских новаций малороссийского генерал-губернатора.

* * *

Из всех предложений в области реформирования левобережной полиции императрица утвердила лишь полицейскую специализацию одного из бургомистров (п. 5 доклада от 18 мая 1765 г.). Что касается остальных, об утверждении которых неоднократно ходатайствовал П. А. Румянцев, то в письме от 16 апреля 1768 г. Екатерина II обещала, что «вы скоро увидите, какое употребление сделано Мною будет из разных ваших представлений» [Письма императрицы Екатерины II, т. 3, с. 196]. Велика вероятность, что императрица имела в виду именно полицейские предложения малороссийского генерал-губернатора, поскольку к письму прилагалось дополнение к «Большому наказу» (гл. 21 «О благочинии, называемом инако полициею»). Однако об этом «употреблении» можно лишь догадываться. Не будучи утверждены формально, эти предложения и дискуссия, развернувшаяся вокруг прав привилегированных территорий при подготовке и во время работы Уложенной комиссии, очевидно, повлияли на представления Екатерины II в области организации полиции, которые в последующем легли в основу «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи» (1775).

Влияние «Некоторых примечаний до Малой России» и «Наставления выбранному от малороссийской коллегии депутатом в Комиссию о сочинении проекта Новаго Уложения господину коллежскому советнику и члену той коллегии Натальину» прослеживается в «Проекте кн. М. Н. Волконскаго о лучшем учреждении судебных мест, поданном Императрице Екатерине II в 1775 г.» (из 16 пунктов), о котором Екатерина II писала, что «он во многом сходствует с тем положением, которое уже самым делом готовится» [Сборник РИО, т. 5, с. 125–126; Переписка Екатерины II, с. 182]. Косвенно на возможность заимствования из проектов малороссийского генерал-губернатора указывает тот факт, что первым случаем применения «Учреждения» была высочайшая резолюция «О поступании генерал-фельдмаршалу графу Румянцову-Задунайскому в исполнении звания генерал-губернатора во вверенных ему губерниях на основании должности, предписанной наместнику в Учреждении о губерниях» [ПСЗРИ, т. 20, с. 306–307]. При этом, интегрируя отдельные элементы устройства той или иной привилегированной территории в универсальную модель, Екатерина II всегда довольно резко отзывалась о провинциальных интересах, которые

стояли за ними¹⁶. В беседе с архиепископом Белгородским Феоктистом по другому поводу, а именно об изгнании татар из южных пределов империи, императрица как-то заявила: «Что вы мне говорите о Малороссии? Производя сие в действо, я не помышляла даже о ней, но думала о благоденствии целой России» [Бантыш-Каменский, с. 37].

Список литературы

Авсеев В. Г. Малороссия в 1767 году: эпизод из истории XVIII столетия: по неизданным источникам. Киев : Университет. тип., 1864. [4] + II + 152 с.

Акты по управлению Малороссиею графа П. А. Румянцева за 1767 г., сообщил М. В. Владимирский-Буданов // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1891. Кн. 5. Отд. 3. С. 93–136.

Баберовски Й. Доверие через присутствие : Домодерные практики власти в поздней Российской империи // Ab Imperio. 2008. № 3. С. 71–95.

Базалей Д. [И]. Состояние полиции в малороссийских городах XVIII в. // Киевская старина. 1882. Т. 1. Авг. С. 379–382.

[*Бантыш-Каменский Д.*]. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию Д. Б. К. М. : Губерн. тип. А. Решетникова, 1810. 188 с.

Бумаги до управления Малороссиею графа П. А. Румянцева-Задунайского отношения / сообщ. М. Судьенко // ЧИОИДР. 1861. Янв.-март. Кн. 1. С. 137–165.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских : в 5 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 1. X + 486 + СIII + XX с.

Возражение депутата Григория Политики на наставление от Малороссийской коллегии господину ж депутату Димитрию Наталину / сообщ. Г. А. Милорадович // ЧИОИДР. 1858. Июль-сент. Кн. 3. С. 71–102.

Галь Б. О. Інтеграція української еліти до політико-адміністративних структур Російської імперії у XVIII – першій третині XIX ст. : дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ : Нац. гірн. акад. України, 2001. 195 + [4] с.

Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II : (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб. : Рус. скоропечатня, 1910. VII + 387 с.

Максимович Г. А. Деятельность Румянцева-Задунайскаго по управлению Малороссиею. Нежин : Типолит. наследников В. К. Меленевского, 1913. Т. 1. 317 с.

Переписка Екатерины II с Московским главнокомандующим, князем М. Н. Волконским (190 писем с ответами, в том числе с подробными донесениями о привозе в Москву Пугачева) // Оснадацатый век : Исторический сборник[,] издаваемый Петром Бартечевым[,] издателем «Русскаго Архива» : в 4 кн. М. : Тип. Т. Рис, 1868. Кн. 1. С. 79–184.

Письма братьев Орловых к графу Петру Александровичу Румянцову (1764–1778) // Старина и Новизна. 1897. Кн. 1. С. 213–384.

Письма императрицы Екатерины II к графу Румянцеву с 1763 по 1773 год // Сочинения императрицы Екатерины II : в 3 т. / изд. А. Смирдина. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1850. Т. 3. С. 183–252.

[*Порошин С. А.*]. Семёна Порошина Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Пав-

¹⁶ Во время работы комиссии Екатерина II гневно писала к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому о «лифляндской замашке чтоб быть нашими законодавцами» и категорически отрицала возможность заимствований из лифляндских законов [Сведения, новый письма и бумаги, с. 388, 389]. Тем не менее, уже в 1775 г. среди достоинств своего проекта «Учреждения» Екатерина II указывала, что «сей порядок сходствен с порядком наших Остзейских провинций, кои, имев оного четыреста лет, почитают себя весьма счастливы» [Переписка Екатерины II, с. 182].

ла Петровича наследника престолу российского. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1844. XVIII + 563 с.

ПСЗРИ. Т. 6. 1720–1722. 815 + [3] с.; Т. 8. 1728–1732. 1014 + [2] + [2] с.; Т. 9. 1733–1736. 1022 + [1] + [1] с.; Т. 10. 1737–1739. 995 + [1] с.; Т. 16. С 28 июня 1762 по 1765. 1018 + 103 с.; Т. 17. 1765–1766. 1135 + [1] с.; Т. 18. 1767–1769. 1033 + [7] с.; Т. 20. 1775–1780. 1034 + 7 с.

РГАДА. Ф. 13 (Дела о Малороссии). Оп. 1. Д. 74.

Сборник РИО. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1867–1916. 1870. Т. 5. С. 122–127; 1871. Т. 7. С. 1–417; 1872. Т. 10. С. 1–454; 1881. Т. 32. С. 3–585; 1885. Т. 43. С. 3–396; 1914. Т. 144. С. 1–481.

Сведения, новые письма и бумаги, касающиеся Екатерины II-й и ее царствования // Оснащенный век : Исторический сборник[,] издаваемый Петром Баргеновым (издателем «Русского Архива») : в 4 кн. М. : Тип. Т. Рис, 1869. Кн. 3. С. 355–393.

Сенатский архив. СПб. : Сенат. тип., 1913. Т. 15 : Указы и повеления Императрицы Екатерины II за 1765 год / сост. и изд. под рук. инспектора Сенатского архива И. А. Блинова. VI + 24 + 1095 + [3] с.

Слабченко М. Е. Малорусский полк в административном отношении : (Историко-юридический очерк). Одесса : Техник, 1909. 436 + III с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 7 кн., в 29 т. СПб. : Тов-во «Обществ. польза», 1896. Кн. 6. Т. 26. Стлб. 1–280.

Соловьев С. М. Рассказы из русской истории XVIII века : 1767 год // Рус. вестн. 1861. Т. 35. Окт. С. 303–340.

References

Akty po upravleniyu Malorossieyu grafa P. A. Rumyantseva za 1767 g. [Acts for the Management of Little Russia by Count Rumyantsev, 1767]. (1891). In *Chteniya v Istoricheskoy obshchestvennoy Nestora letopistsy*. Book 5. Group 3, pp. 93–136.

Avsenko, V. G. (1864). *Malorossiya v 1767 godu: epizod iz istorii XVIII stoletiya: po neizdannym istochnikam* [Little Russia in 1767. An Episode from the History of the 18th Century according to Unpublished Sources]. Kiev, Universitetskaya tipografiya. 4 + II + 152 p.

Baberovsky, J. (2008). *Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoy imperii* [Trust through Presence. Premodern Practices of Authority in Late Imperial Russia]. In *Ab Imperio*. No. 3, pp. 71–95.

Bagalei, D. [I]. (1882). *Sostoyanie politzii v malorossiiskikh gorodakh XVIII v.* [Police State in 18th-Century Little Russian Towns]. In *Kievskaya starina*. Vol. 1. August, pp. 379–382.

[Bantysh-Kamenskii, D.]. (1810). *Puteshestvie v Moldaviyu, Valakhiyu i Serbiyu* D. B. K. [D. B. K.'s Trip to Moldavia, Wallachia and Serbia]. Moscow, Gubernskaya tipografiya A. Reshetnikova. 188 p.

Blinov, I. A. (Ed.). (1913). *Senatskii arkhiv* [Senate Archive]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. Vol 15. Ukazy i poveleniya Imperatritsy Ektaeriny II za 1765 god. VI + 24 + 1095 + [3] p.

Gal', B. O. (2001). *Integratsiya ukrains'koï eliti do politiko-administrativnykh struktur Rosiis'koï imperii u XVIII – pershii tretini XIX st.* [Integration of the Ukrainian Elite into the Political-Administrative Structures of the Russian Empire in the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Dnipropetrovs'k, Natsional'na gimnaziya akademiya Ukraïni. 195 + [4] p.

Grigor'ev, V. A. (1910). *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II. Uchrezhdenie o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g.* [Reform of the Local Government under Catherine II. Edict on Provinces, November 7, 1775]. St Petersburg, Russkaya skoropechatnya. VII + 387 p.

IR NBU [The Institute of Manuscripts of the V. I. Vernadsky National Library of Ukraine]. Stock 80. Dos. 2.

Maksimovich, G. A. (1913). *Deyatel'nost' Rumyantseva-Zadunaiskago po upravleniyu Malorossieyu* [Rumyantsev-Zadunaisky's Activity in the Management of Little Russia]. Nezhin, Tipo-litografiya naslednikov V. K. Melenevskogo. Vol. 1. 317 p.

Miloradovich, G. A. (Rep.). (1858). *Vozrazhenie deputata Grigoriya Politiki na nastavlenie ot Malorossiiskoi kollegii gospodinu zh deputatu Dimitriyu Natalinu* [Objection of Deputy Grigory Poletik to the Instruction of the Little Russian Collegium to Dimitry Natalin, Deputy]. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. July–September. Book 3, pp. 71–102.

Perepiska Ekateriny II s Moskovskim glavnokomanduyushhim, knyazem M. N. Volkonskim (190 pisem s otvetami, v tom chisle s podrobnymi doneseniyami o privoze v Moskvu Pugacheva). (1868). [Correspondence of Catherine II with the Moscow Commander-in-Chief, Prince M. N. Volkonsky (190 Letters with Answers, Including Detailed Reports on the Bringing of Pugachev to Moscow)]. In *Osmnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik[.] izdavaemyi Petrom Bartenevym[.] izdatelem "Russkago Arkhiva"*. Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 1, pp. 79–184.

Pis'ma brat'ev Orlovyykh k grafu Petru Aleksandrovichu Rummyantsovu (1764–1778) [Letters from the Brothers Orlov to Peter Rummyantsev (1764–1778)]. (1897). In *Starina i Novizna*. Book 1, pp. 213–384.

Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k grafu Rummyantsovu s 1763 po 1773 god [Letters from Empress Catherine II to Count Rummyantsev from 1763 to 1773]. (1850). In Smirdin, A. (Publ.). *Sochineniya imperatritsy Ekateriny II v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 3, pp. 183–252.

[Poroshin, S. A.]. (1844). *Semena Poroshina Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskago Vysochestva blagovernago Gosudarya Tsesarevicha i Velikago Knyazya Pavla Petrovicha naslednika prestolu rossiiskago* [Notes of Semyon Poroshin on the History of His Imperial Highness Blessed Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich, Heir to the Russian Throne]. St Petersburg, Tipografiya Karla Kraiya. XVIII + 563 p.

PSZRI [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. Vol. 6. 1720–1722. 815 + [3] p.; Vol. 8. 1728–1732. 1014 + [2] + [2] p.; Vol. 9. 1733–1736. 1022 + [1] + [1] p.; Vol. 10. 1737–1739. 995 + [1] p.; Vol. 16. Juny 28 1762 – 1765. 1018 + 103 p.; Vol. 17. 1765–1766. 1135 + [1] p.; Vol. 18. 1767–1769. 1033 + [7] p.; Vol. 20. 1775–1780. 1034 + [7] p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 13. List 1. Dos. 74.

Sbornik RIO [The Collection of the Russian Historical Society]. (1867–1916). St Petersburg, Tipografiya A. Transhelya. Vol. 5, pp. 122–127; Vol. 7, pp. 1–417; Vol. 10, pp. 1–454; Vol. 32, pp. 3–585; Vol. 43, pp. 3–396; Vol. 144, pp. 1–481.

Slabchenko, M. E. (1909). *Malorusskii polk v administrativnom otnoshenii. Istoriko-yuridicheskii ocherk*. [Administrative Component of the Little Russian Regiment. Historical and Legal Essay]. Odessa, Tekhnik. 436 + III p.

Solov'ev, S. M. (1861). *Rasskazy iz russkoi istorii XVIII veka. 1767 god* [Stories from Russian History of the 18th Century. 1767]. In *Russkii vestnik*. Vol. 35. October, pp. 303–340.

Solov'ev, S. M. (1896). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 7 kn.* [The History of Russia since Ancient Times. 7 Books. 29 Vols.]. St Petersburg, Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za". Book 6. Vol. 26, stlb. 1–280.

Sudienko, M. (Rep.). (1861). *Bumagi do upravleniya Malorossieyu grafa P. A. Rummyantseva-Zadunaiskogo otnosyashchiesya* [Papers Relating to the Administration of Little Russia by Count Rummyantsev-Zadunaisky]. In *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. January–Mart. Book 1, pp. 137–165.

Svedeniya, novyya pis'ma i bumagi, kasayushchiyasya Ekateriny II-i i eya tsarstvovaniya [Information, New Letters, and Papers Relating to Catherine II and Her Reign]. (1869). In *Osmnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik[.] izdavaemyi Petrom Bartenevym (izdatelem "Russkago Arkhiva")*, v 4 kn. Moscow, Tipografiya T. Ris. Book 3, pp. 355–393.

Vasil'chikov, A. A. (1880). *Semeistvo Razumovskikh* [The Razumovsky Family]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 1. X + 486 + CIII + XX p.

DOI 10.15826/qr.2018.2.304
УДК 94(470)+94(477)+94(100)"1914/1919"+323.1(09)

СОПЕРНИЧЕСТВО РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ*

Алексей Миллер

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

COMPETITION BETWEEN RUSSIAN AND UKRAINIAN NATIONALISM BEFORE AND DURING WORLD WAR I – THE HISTORY AND POLICY OF MEMORY**

Alexey Miller

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia

This article analyses the factors and actors that played a decisive role in the competition between the all-Russian and Ukrainian projects of national development between 1906 and 1926. The study concerns the territories quite often referred to as the Western outskirts of the Russian state. It was there that the Russian state faced the first and most serious challenge from the side of Polish nationalism. It was in that region that they started using nationalist tools. This resulted in the emergence of Russian nationalism as an ideological movement, which was to a considerable extent a reaction to the problems of the periphery of the country. It was in this crucible of the Russian-Polish and later Russian-German competition that the Ukrainian, Lithuanian, and Belarusian national projects started to form. The article consists of two parts. The first describes the situation in Ukraine before the war with reference to a few significant sources, while the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

** *Citation:* Miller, A. (2018). Competition between Russian and Ukrainian Nationalism before and during World War I – the History and Policy of Memory. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304.

Цитирование: Miller A. Competition between Russian and Ukrainian Nationalism before and during World War I – the History and Policy of Memory // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304 / Миллер А. Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304.

second focuses on World War I. The article aims to consider a number of issues that have not been studied previously, especially in contemporary national historical narratives.

Keywords: Russian nationalism; Ukrainian nationalism; national development projects; Russian Empire; Ukraine; World War I; memory policy.

В статье анализируются факторы и акторы, сыгравшие решающую роль в соревновании общерусского и украинского проектов национального строительства с 1906 по 1926 г. Рамки исследования охватывают территории, которые зачастую именуется «западными окраинами» Российского государства. Здесь ему был брошен самый первый и самый мощный вызов – со стороны польского национализма. Именно в этом регионе стали использоваться националистические инструменты в политике российского правительства. По этой причине русский национализм возник как идеологическое течение, в значительной степени в качестве ответа на проблему западных окраин государства. Именно здесь, в тигле русско-польского, а затем и русско-германского соперничества выплывали украинский, литовский и белорусский национальные проекты. Статья состоит из двух разделов. Первая часть, полагаясь на небольшой, но серьезный корпус исследований, представляет ситуацию на территории Украины накануне войны. Вторая посвящена периоду Первой мировой войны. Исследование направлено на решение ряда вопросов, оставшихся в значительной степени не освещенными в научной литературе, особенно в современных национальных исторических нарративах.

Ключевые слова: русский национализм; украинский национализм; проекты национального строительства; Российская империя; Украина; Первая мировая война; политика памяти.

Западные окраины Российской империи служили лабораторией для целого ряда национальных проектов в течение XIX и начала XX в. Именно здесь империи был брошен самый первый и самый мощный вызов – со стороны польского национализма. Именно здесь империя начала использовать националистические инструменты в своей собственной политике, пусть и бессистемно [Miller, 2014, p. 309–368]. Для оценки влияния Первой мировой войны на развитие различных национальных проектов на западных окраинах империи чрезвычайно важно иметь ясное понимание сложившихся в канун войны обстоятельств, что сопряжено с серьезными трудностями, поскольку многие аспекты предвоенной ситуации в этом регионе остаются малоизученными. В историографии существует тенденция преувеличивать силу националистических движений в имперском приграничье.

До 1905 г. украинский, литовский и белорусский национальные проекты в своих целях и методах оставались почти исключительно движениями в сфере культуры. В преддверии Манифеста 17 октября

1905 г. ряд политических партий требовал национальной автономии и даже неофициально поддерживал идеалы федерации. Кандидаты от части этих партий были избраны в Первую и Вторую Государственные думы [Западные окраины]. Тем не менее, всплеск активности националистических партий, наблюдавшийся с 1905 по 1907 г., постепенно ослабевал, частично из-за усиления административного давления и неспособности мобилизовать поддержку масс [Guthier].

Польское влияние на западных территориях сократилось в результате антипольских правительственных мер после январского восстания 1863 г., но было все еще весьма значительным, хотя польским активистам не удалось установить долгосрочное сотрудничество с украинским, белорусским и литовским национальными движениями. После 1907 г. русский национализм активнее всего развивался в Юго-Западном крае. Идея общерусской нации позволила привлечь к движению много малороссов. Поляки, евреи и сторонники украинского национализма, которых в русских националистических кругах Малороссии звали «мазепинцами», в зависимости от обстоятельств становились основным врагом на юго-западных территориях¹. Главная борьба за идентичность в этом регионе шла между русскими националистами (малороссами) и украинцами, которые поддерживали идею отдельной украинской нации [Каппелер, с. 125–144; Котенко, Мартынюк, Миллер, с. 392–443].

Правительственные органы активно поддерживали русских националистов, особенно во время премьерства Петра Столыпина, когда количество националистических организаций неуклонно возрастало. Число членов Союза русского народа на Волыни накануне войны намного превышало 100 тыс., главным образом из-за влияния православного духовенства на крестьян. Крупные русские националистические организации, объединявшие высшие сословия, процветали в Киеве и Одессе. Киевский клуб русских националистов (ККРН), созданный в 1908 г. под патронажем Столыпина, к 1910 г. был уже весьма влиятельным, и его члены выигрывали выборы в Городскую и Государственную думу. Вскоре ККРН стал претендовать на общее лидерство среди русских националистических организаций в империи, ссылаясь, среди прочего, на свои успехи в избирательных кампаниях. Лидер организации А. Савенко еще в 1908 г. писал:

...В то время как великорусские губернии отправили даже и в Третью думу значительное число революционеров, Малороссия посылала в Таврический дворец почти исключительно русских националистов. В то время как великорусские Москва и Санкт-Петербург являются расадниками революции, центр Малороссии Киев – это центр русского патриотического движения [Савенко].

¹ См. опубликованное собрание антиукраинских текстов этого периода: [Украинский сепаратизм в России].

Такая точка зрения считалась вполне оправданной накануне войны. На памятнике Столыпину в Киеве, открытом в 1913 г. перед оперным театром, где он был убит в 1911 г., были выгравированы слова премьер-министра: «Твердо верю, что затеплившийся на Западе России свет русской национальной идеи не погаснет и вскоре озарит всю Россию». В сочетании с жестким административным давлением, осуществляемым правительством, и изменением избирательного законодательства сильное присутствие русских националистов в этом регионе привело к резкому сокращению националистов нерусского толка в Думе².

В течение всего послереволюционного периода, и особенно после 1907 г., конституционным демократам пришлось добиваться поддержки от окраинных националистов в приграничье в их борьбе против русского правого национализма. Одним из аспектов этой тактики была поддержка реорганизации империи по принципу национальной автономии, хотя альянс кадетов и националистов на приграничных территориях не имел идеологической базы. Стороны не могли найти общий язык по вопросу об автономии, а идеи федеративного устройства кадеты поддерживать отказывались.

Тактика, используемая кадетами в Думе, — держать под контролем угрозу радикализации националистических движений на окраинах империи, идя на умеренные уступки — сталкивалась с неослабевающей оппозицией справа. Придерживаясь такой тактики, во время обсуждения украинского вопроса в феврале 1914 г. глава кадетов Павел Миллюков призвал: «Бойтесь Донцова! Если вы будете продолжать вашу политику, Донцовы будут исчисляться не единицами и не десятками, а сотнями, тысячами и миллионами»³. Предводитель ККРН Анатолий Савенко, который был главным правым противником Миллюкова в этих дебатах, предупредил, что украинское движение представляет «большую и реальную опасность для единства России». По вопросу о признании украинцев как отдельной нации, отличной от России, Савенко отметил:

Как только народ признается отдельным, он должен, согласно основной идее столетия, пользоваться правом на самоопределение; он должен обрести свое собственное культурно-национальное и политическое существование.

Он призывал к невмешательству в борьбу правительства против украинского движения и настаивал на корректности малорусской версии идентичности, осуждая украинское движение как раскольни-

² История русского правого национализма остается недостаточно изученной, несмотря на несколько недавно опубликованных важных работ [Кириянов; Степанов; Черная сотня]. Особенно это касается истории русского правого национализма на западных окраинах империи и его влияния на массы.

³ Дмитро Донцов в то время был главным идеологом украинского интегрального национализма.

ческое для «одного единого 100-миллионного народа». Далее Савенко подчеркнул, что потеря неправославных *инородческих* окраин империи не столь опасна для России, как раскол русской нации [Государственная дума, IV созыв, сессия 2, ч. 2, стб. 901–915, 927–933]. Правые националисты с радостью приняли в Думу крестьян, критиковавших «украинство» от имени всего малорусского крестьянства, и публично объявили о своей приверженности идее общерусской нации⁴.

Таким образом, перед Первой мировой войной западные окраины империи находились в состоянии неустойчивого равновесия. Местные органы власти не могли реально надеяться «искоренить» антирусских националистов, но и не были готовы к компромиссу. На протяжении нескольких лет до начала конфликта правительство и русские националисты сочетали административное давление с активной пропагандой. В украинской активистской литературе этого периода описывается немедленная, экзистенциальная и неизбежная угроза русификации. Один из ключевых активистов украинского движения в Киеве Евген Чикаленко написал в своем дневнике в 1909 г.: «Города наши так *омосковлены*, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Все города и местечки на Украине страшно обрусели» [Чикаленко, т. 1, с. 47–48, 281–282]. Он также писал своему соратнику Петру Стебницкому в Санкт-Петербург: «Что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусееет, и миллионами» [Чикаленко, Стебницкий, с. 72].

Начало войны

Общественные настроения в первый год войны характеризовались ростом имперского патриотизма и русского национализма. Реальные размеры массовой политической мобилизации военно-патриотического типа мало изучены, хотя в нескольких научных работах подчеркивается рост интереса к политике в целом, и в этом контексте – к националистическим чувствам среди сельского и городского населения [Sanborn, 2000, p. 267–289; Sanborn, 2002; Seregny, p. 290–315]. В начале войны русская армия не несла очевидных поражений, поэтому первый год войны показал рост русского национализма.

Война оказала противоречивое воздействие на националистические проекты пограничных территорий. С одной стороны, административное давление резко увеличилось – многие перио-

⁴ Григорий А. Андрийчук, представлявший Подолию, заявил: «Всякую украинскую пропаганду мы отвергаем, ибо никогда не считали и не считаем себя нерусскими. И с какой бы хитростью ни старались услужливые гг. Милюковы вселить в нас сознание розни с великороссами, им это не удастся. Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские» [Государственная дума, III созыв, сессия 3, ч. 1, стб. 3081]. «Мы – русские, и никто не вправе про нас сказать иначе», – подчеркивал другой крестьянский депутат, представитель Волынской губернии Матвей Андрейчук [Государственная дума, III созыв, сессия 4, ч. 1, стб. 1280].

дические издания и местные отделения украинской культурной организации «Просвита» были закрыты, а несколько активистов, в том числе Михаил Грушевский, были отправлены в ссылку, хотя некоторые из них пытались демонстрировать лояльность к империи в надежде избежать репрессий и чтобы получить уступки от правительства в конце войны⁵. С другой стороны, война создала атмосферу опасной неопределенности. Для сепаратистски ориентированных националистов война стала стимулом в создании причудливых планов о месте, соответствующем их нациям в послевоенной реорганизации Европы.

В начале осени 1914 г. Российская армия оккупировала Восточную Галицию, в том числе Львов/Лемберг. Аннексия Галичины была одной из ключевых целей России до войны, особенно для ирредентистов, которые считали включение этого региона в состав империи «воссоединением Красной Руси и России». Русские националисты ожидали, что оккупация Галичины сможет подорвать украинское движение. При изложении целей России в предстоящей войне в 1912 г. П. Струве подчеркнул необходимость «воссоединить и объединить с империей все части русского народа», то есть аннексировать «Русскую Галичину». Ее аннексия была необходима, по его утверждению, для «внутреннего исцеления России, поскольку австрийский повседневный уклад малороссов создал так называемый уродливый “украинский вопрос”» [Струве, с. 65–86].

Ко времени российской оккупации Галичина уже подверглась суровым санкциям австрийского правительства. Более 10 тыс. русинов, которых правительство подозревало в прорусских симпатиях, были депортированы в концентрационный лагерь Талергоф. За время войны более 20 тыс. чел. прошли через лагеря Талергоф и Терезин, ставшие первыми концентрационными лагерями на территории Европы. Несколько тысяч заключенных были казнены [Ваврик]. Одновременно с казнями правительство Австрии занималось созданием первого украинского военного формирования: легион Украинских сечевых стрельцов (Українські Січові Стрільці) принес клятву верности Австро-Венгрии 3 сентября 1914 г. В свою очередь, российские оккупационные власти закрыли все украинские периодические издания. Они также арестовали и депортировали в Россию значительное количество греко-католических священников, в том числе Митрополита Андрея Шептицкого⁶. В общей сложности около 2 тыс. чел. были подвергнуты административной депортации в центральные провинции России⁷.

⁵ В частности, влиятельный лидер польской Национально-демократической партии Роман Дмовский предпочитал лояльность империи как «меньшее зло».

⁶ Во внутренних губерниях депортированные помещались под надзор полиции.

⁷ Точная цифра неизвестна. В докладе князя Георгия Бобринского, главы Русской гражданской администрации в Галиции, указаны 1962 чел., высланных в Россию [Бахтурина, с. 193].

Такой образ действий, который вскоре стал доминировать и в других пострадавших от войны регионах, был совершенно очевидным в Галичине уже в первый год войны — при анализе существующей и потенциальной лояльности имперские структуры рассматривали этническую идентичность как важный, если не важнейший фактор. В ситуации, характеризующейся острой конкуренцией между различными националистическими проектами и одновременным отсутствием устойчивой этнической идентификации, как это было на Украине, имперские власти пытались всеми средствами подорвать влияние «нелояльных» вариантов идентичности и в то же время укрепить те из них, которые считались «лояльными».

Военные неудачи 1915–1916 гг. и их последствия

Западные окраины Российской империи стали основным театром военных действий на Восточном фронте во время Первой мировой войны. После Горлицкого прорыва немецких войск (май 1915 г.) русская армия понесла целый ряд поражений, которые вынудили ее не только покинуть Галичину, оккупированную в 1914 г., но и оставить значительную часть западных окраин империи. Внезапный сдвиг фронта на восток имел важные последствия для развития националистических проектов на этих территориях.

Исследователи отмечают несколько важных факторов, приведших к мобилизации этничности во время войны [Hagen, p. 34–57]. Первым среди них оказался феномен массового перемещения беженцев. Некоторые беженцы эвакуировались самостоятельно, в то время как другие были выселены против их воли. Многие русские националисты, особенно среди малороссов и белорусов, а также русские служащие покинули оккупированные территории, что привело к устойчивому снижению влияния русских националистических организаций. Понятно, что и австро-германские оккупационные власти не давали большую свободу действий русским националистам. В то же время, как показал Питер Гатрелл, влиятельные националистические структуры возникли среди нерусских групп беженцев из Балтии, впоследствии сыгравших важную роль в национальных движениях [Gatrell].

Центральные державы создали новую административную структуру на оккупированных территориях. Сначала украинские территории были главным образом под контролем Австро-Венгрии⁸, хотя эта тема изучена еще явно недостаточно. Благодаря публикации Веяса Люлевичуса больше известно о немецкой оккупационной политике, предполагавшей контроль северо-западных территорий и части Прибалтики, особенно в районе администрирования Ober Ost. Новая

⁸ По сей день глубокого исследования оккупационной политики Вены в этом регионе не существует. В сборнике 2011 г. под редакцией австрийских историков практически ничего на эту тему не предлагается [Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft].

администрация провела категоризацию этнической идентичности. Гражданские служащие администрации *Ober Ost* составили «Атлас народов Западной России», по их мнению, подтверждавший, что «государственная структура, которая до войны считалась единой Великой Российской империей, в значительной степени была сформирована из территорий независимых этнических групп, которые находятся не ближе к “природе москвитов”, чем к нам» [Liulevicius, p. 117].

Языковая политика немецких властей была направлена на внедрение словаря административных и правительственных терминов на местном наречии. Школы организовывались по национальному принципу, то есть на основе родного языка. Но вскоре немцы начали внедрять и немецкие термины и язык в целом, тем самым подрывая инициативу местных националистических активистов, открывавших новые школы. Новые законы входили в обиход сразу, как только они публиковались на немецком языке. Русский язык был полностью исключен из административной и общественной сферы.

Немцы стремились подорвать польское влияние на белорусов и литовцев и российское влияние на белорусов. Оккупационные власти весьма удивились, открыв для себя существование белорусского народа; они были поражены невысоким уровнем развития белорусской культуры и национального самосознания, осознав, что это обстоятельство предоставляет им возможность свободно влиять на процесс идентификации местного населения как отдельного и от поляков, и от русских. В 1916 г. Эрих Людендорф (1865–1937) издал специальную директиву для поддержки белорусской национальной идентичности через культурную политику (см. об этом: [Liulevicius, p. 121]). В проекте *Ober Ost* немцы, пытаясь играть роль наставников и руководителей местных народов, разработали школьные учебные программы, которые должны были содействовать уважению Германии и немецкой культуры как «старейшей державы».

Как указывает В. Люевичус, «культурная политика была фактически национальной политикой военного государства; она объединяла национальные культуры в немецких учреждениях по спущенным сверху параметрам: пресса, школы и рабочие помещения... Немецкая концепция “образования” (*Bildung*) применялась в ее самом буквальном значении “формирования”. Согласно официальному заявлению политотдела, “мы – те, кто внедряет *Bildung*, и больше никто”» (цит. по: [Liulevicius, p. 122]). «Культурная программа района *Ober Ost*... определяет место и этническую сущность народов их функцией, тем самым фиксируя национальную идентичность... Немецкая национальная идентичность также была четко фиксирована и представлена, по сути, как основная» [Ibid., p. 143, 144]. Деятельность немецкой оккупационной администрации в западных приграничных районах Российской империи была одним из аспектов нового немецкого геополитического видения этого пространства как части Центральной Европы (*Mitteleuropa*), а Германии – как его доминирующего центра

[Naumann]. Местные активисты теперь старались приспособить свое видение будущего национальных проектов к новой геополитической реальности, воображая и описывая место своих национальных групп в Восточной Европе под главенством Германии⁹.

Политика по отношению к военнопленным была еще одним важным фактором в росте национализма на западных окраинах империи. Примерно 3,5 млн солдат царской армии были захвачены в плен¹⁰. Администрация лагерей военнопленных уделяла особое внимание солдатам с Украины, создав несколько специальных лагерей со значительно лучшими условиями, чем предполагала общая норма. Немецкие лагеря для украинских военнопленных были расположены в Раштатте и Зальцведеле, а австрийский лагерь – во Фрайштадте [АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26]. В лагерях были размещены до 400 тыс. чел. Функционеры из украинских националистических организаций, прежде всего Союза освобождения Украины, проводили в лагерях пропагандистские мероприятия, преподавали украинский язык, готовили украинские издания. Примерно 40 тыс. военнопленных, откликнувшихся на пропагандистскую деятельность союза, были организованы в украинские формирования, имевшие специальную военную форму. В своем неопубликованном исследовании, основанном на архивах Союза освобождения Украины, Марк фон Хаген описывает среди прочего трудности, с которыми сталкивались администрация лагерей и активисты Союза, когда они пытались выделить украинцев среди общей массы военнопленных, из-за того, что термин «украинец» ничего не означал для подавляющего большинства этих людей.

Пропагандистская работа среди военнопленных также совершалась в России. В 1916 г. власти создали Особый политический отдел Министерства внутренних дел, целью которого было проведение пропаганды среди славянских военнопленных из австро-венгерской армии¹¹. Историк австрийской армии Иштван Деак подчеркивает важную роль лагерей для военнопленных в распаде Габсбургской империи [Deak]. Уже в конце 1916 г. политотдел начал уделять особое внимание украинским лагерям в Германии и Австро-Венгрии, правильно оценив уровень угрозы, которую они представляли для российской политики на западных окраинах империи. Существовала критическая разница между пропагандой в лагерях для военнопленных в России и украинских лагерях в Германии и Австрии: в России пропагандистские усилия были направлены на изменение политической лояльности заключенных, которые к тому времени имели развитую национальную идентичность (чешскую, словацкую и т. д.), а в ла-

⁹ Литовским политикам, например, вскоре пришла идея пригласить немецкого принца стать королем Литвы [Западные окраины, с. 415–416].

¹⁰ Данные, приведенные Н. Н. Головиным; другие исследователи приводят цифры от 2 до 3 млн [Головин; Россия в мировой войне].

¹¹ Подробнее об Особом политическом отделе Министерства внутренних дел см.: [Miller, 2003]; англ. перевод русскоязычного оригинала 2000 г. см.: [Miller, 2014].

герях для украинских заключенных пропаганда была сфокусирована на формировании одной определенной национальной идентичности.

В 1916 г. в Политотделе Министерства иностранных дел России обсуждалась возможность уступок украинскому движению с целью привлечь некоторых из ее лидеров на сторону России. Как только положение украинского движения на подконтрольных центральным державам территориях укрепилось, Петроград был вынужден признать этот фактор в собственной политике. Это привело к ряду символических уступок украинскому движению, с помощью которых власти стремились продемонстрировать свою готовность примириться с украинскими лидерами, остававшимися верными империи. Еще в начале августа 1915 г. термин «украинский» появился в первый раз в официальном контексте в телеграмме, отправленной от имени царя украинским активистам в Швейцарии, заявившим о своей поддержке России: «*Sa Majeste m'a donne l'ordre de vous remercier ainsi que le groupe d'Ukrainiens reunis en Suisse pour les sentiments exprimes dans votre telegramme*» («Его Величество приказали мне поблагодарить вас, а также украинцев, собравшихся в Швейцарии, за чувства, выраженные в вашей телеграмме») (Министр двора князь Фредерикс (телеграмма), 24 августа 1915 г.) [АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 27, 1.12]. В 1916 г. появились планы открыть две украинские гимназии и организовать визит наследника престола в случае новой оккупации. В проекте рекомендаций для политики в отношении униатской церкви, подготовленном Особым политотделом Министерства иностранных дел, была подчеркнута необходимость воздерживаться от каких-либо репрессивных мер [Miller, 2008]. Особый политотдел также подготовил списки украинских политиков, включая галицийских, которые могли бы принять прорусскую позицию, если бы они были убеждены, что только Россия может объединить все украинские земли. Поддержка центральными державами украинского национально-го движения, таким образом, принудила Петроград проявлять большую терпимость по отношению к движению. В такой тактике не было ничего нового: еще в 1840–1860-х гг. российские власти демонстрировали снисходительность к украинским националистам, чтобы те не переходили на сторону поляков [Miller, 2003].

В 1915–1916 гг. обозначился серьезный сдвиг в относительном весе движений в соперничестве между общерусским и украинским национальными проектами. Во время эвакуации Галичины более чем 100 тыс. местных жителей, сотрудничавших с русской администрацией или симпатизировавших России, присоединились к отступавшей русской армии¹². Вскоре большинству активистов из прорусских националистических организаций пришлось оставить оккупирован-

¹² Точные цифры неизвестны, но летом 1915 г. около 100 тыс. беженцев из Галиции были сосредоточены на Волыни. Сообщалось, что к осени 1915 г. 40 тыс. беженцев из Галиции находились в Курской губернии. В августе 1915 г. каждый день 3 тыс. русинов из Галиции прибывали на поезде в Киев [Кучера, с. 10–16; Сердюк, с. 111–132].

ную центральными державами часть западных окраин империи. Новые оккупационные власти разрушили организационную структуру русского националистического движения на этих территориях. В то же время Берлин и Вена выделили значительные административные и финансовые ресурсы на развитие организационной структуры украинского движения. Российские военные неудачи, отступление армии и меры, принятые немецкими и австрийскими оккупационными властями, подорвали престиж России в глазах неполиитизированной части местного населения, особенно крестьянства.

1917: крах имперского центра и национализация армии

После падения монархии в феврале 1917 г. у националистических проектов приграничья появились три новых мощных мобилизационных фактора. Во-первых, даже в это время монархия оставалась законным центром империи для значительной части традиционно мыслящего крестьянства, включая примерно 100 тыс. крестьян – членов Союза русского народа на Волыни. Этот привычный источник законности и лояльности теперь был утрачен. Во-вторых, слабое Временное правительство призывало к формированию новой сельской администрации, но не предлагало ни четких принципов организации, ни ясной позиции по поводу создания автономии и/или федерации. В то время как влияние русских националистов на окраинах империи было ослаблено, региональные субъекты получили новые возможности для политических действий.

Увеличение дезертирства и влияния большевиков в армии заставило верховное командование предложить ее национализацию. После приказа главнокомандующего генерала Л. Корнилова начались украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся, что это оградит армию от большевистского влияния и в то же время послужит в качестве контрмеры действиям центральных держав в украинском и белорусском вопросах. Разница между двумя процессами была в том, что украинские подразделения были созданы на территории Украины, тогда как белорусские появились прежде всего на Румынском фронте и на Балтийском флоте, где они были отрезаны от своей родины и, таким образом, лишены возможности играть такую же активную роль в региональном национальном проекте, какую сыграли украинизированные подразделения.

Павло Скоропадский, гетман Украины в 1918 г., но верный имперский генерал в 1917 г., вспоминал в 1919 г., как ему было поручена украинизация его корпуса:

Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле... Легкомыс-

ленное же отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомленность или непонимание.

Я старался обратить его внимание на серьезность вопроса, понимая, что к такому национальному чувству, какое было у украинцев, надо относиться с тактом и без эксплуатации его из-за его искренности [Скоропадский, с. 64]¹³.

Хотя Скоропадский был убежден, что настоятельной необходимости в украинизации армии летом 1917 г. не было, генерал дисциплинированно выполнил прямое указание Корнилова, став в результате гетманом Украины под германским протекторатом.

Создание национальных подразделений имело серьезные последствия для Украины, Белоруссии и Бессарабии, особенно после большевистского переворота. Период революционного кризиса превратил армию из сторонника старого режима в независимого актора. Во всех империях, переживающих кризис, армейское руководство использует свои подразделения – обычно последнюю оставшуюся организованную силу – чтобы удержать контроль хотя бы на ограниченной территории, как только они понимают, что старый режим уже не спасти¹⁴. Часто армия поддерживает при этом национальную идею. Это стало особенно важным после октября 1917 г., когда законная центральная власть империи была безвозвратно утрачена. Значительное количество русских националистов всех оттенков, сотрудничавших с правительством гетмана Скоропадского, является лучшим подтверждением этого наблюдения.

В 1918 г. многие отчаявшиеся русские антибольшевистского толка мечтали о немецкой оккупации Петрограда как о единственно возможном спасении. На такой шаг немцы не решились, хотя влиятельные военные чины, включая Людендорфа и начальника штаба территории *Ober Ost* генерал-майора Макса Гофмана, раздумывали о наступлении на Петроград, свержении большевиков и установлении в России консервативного прогерманского правительства. Им, тем не менее, удалось занять весь Донецкий бассейн и установить на этой территории украинскую власть [Корнилов].

В начале войны правительства воюющих сторон отказались от действовавших ранее ограничений. Макросистема континентальных импе-

¹³ Скоропадский вспоминал о своей молодости и семье: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссы, как тогда говорилось, знатного происхождения» [Скоропадский, с. 387].

¹⁴ В своей книге об имперском приграничье Альфред Рибер описывает армию как «клей и растворитель» имперской системы [Rieber]. Я бы уточнил это определение так: армия не становится силой распада, «растворителем», пока есть надежда на сохранение порядка в имперском масштабе. Потеряв эту надежду, однако, армия берет на себя роль организатора нового режима в отдельных регионах распадающейся империи, часто пытаясь превратить их в национальные государства.

рий на востоке Европы долгое время оставалась внутренне стабильной, потому что империи не стремились уничтожить друг друга. Более того, империи были нужны друг другу, чтобы взаимно подтвердить наследование территорий после раздела Польши [Miller, 2006, p. 11–24]. Однако в течение войны, которая быстро превратилась в беспощадную битву, империи стали активно разыгрывать этническую карту против своих врагов. Они подогревали сепаратизм внутри вражеских государств и вводили репрессивные меры против нелояльных или подозреваемых в нелояльности этнических групп среди своих подданных. Эти факторы приобрели особый смысл на Украине и в Белоруссии в контексте борьбы между различными версиями идентичности и лояльности.

Новые крупные игроки – СССР и Польша

До 1918 г. главной задачей, стоявшей перед политическими активистами, действовавшими на окраинах страны, было выяснить, какая держава победит в войне. После событий октября 1917 г. активисты-националисты пытались вести переговоры с Германией о новом статусе своих национальных проектов в рамках немецкой гегемонии в Восточной Европе. Когда стало очевидным, что поражение Германии неизбежно, лидеры национальных движений быстро обратились к Антанте. В отличие от России и Германии, Антанта не могла напрямую контролировать страны Восточной Европы. Лидеры Антанты не спешили выполнять ожидания националистов: они рассчитывали на падение большевиков и восстановление России. Поэтому в 1918 г. мировая война на этих территориях постепенно трансформировалась в целую серию гражданских войн, различавшихся по своему классовому или этническому фокусу. Такая трансформация часто включала в себя конфликты между различными военизированными формированиями за территории, которые они считали своей законной этнической вотчиной (Львів/Lwów, Вильна/Wilno/Vilnius). То же самое верно и в отношении Киева, который во время Первой мировой войны и последовавших революционных войн 14 раз переходил из рук в руки. В 1918–1919 гг. город часто занимали различные украинские военачальники. История слабых и нестабильных украинских государств в западной и центральной частях страны (от гетманской державы Скоропадского и петлюровской директории Украинской Народной Республики) показывает, что мобилизационный потенциал и организационные возможности украинского национализма были довольно ограничены. Характерно, что Н. Махно смог завоевать значительную поддержку крестьянства, не используя украинский вопрос в качестве основной идеологической концепции. Эти особенности типичны для ситуации, в которой империя оставляет свои периферийные территории скорее в результате распада центра, чем в результате деятельности антиимперских движений. Мы знаем очень мало о развитии национального строительства на востоке и юге современной Украины – в районах Харькова, Донбасса и Новороссии – в рассматриваемый период.

После того, как в 1918 г. большевики получили контроль над Украиной, они установили режим террора против русских националистов¹⁵. Именно русский национализм и социальные силы, стоявшие за ним, большевики считали своим главным врагом до конца 1920-х гг. [Vujacic, p. 156–183]. Можно сказать, что общерусская версия национальной идентичности, которая являлась ключевым элементом русского национализма в имперский период, «осиротела» с падением Российской империи. Многие достижения политики русификации в приграничье были разрушены согласно новой советской идее регионализации этничностей и *коренизации* [Kaiser; Martin, 2001].

Русские сельскохозяйственные поселения во многих приграничных регионах Кавказа, в степных районах и в Центральной Азии были объявлены идеологически нецелесообразными, а многие поселенцы переехали обратно в Центральную Россию. Казаки, выполнявшие роль вооруженного авангарда поселенческого движения, были подвергнуты жестоким репрессиям как враги Советской власти (которыми большинство из них действительно являлись). Православная церковь и духовенство, также важнейшие составляющие российского присутствия в периферийных районах, на протяжении межвоенного периода стали объектом систематических репрессий на всей территории СССР. Большевики завершили разгром наследия имперской политики и довоенного русского национализма в западном приграничье, отказавшись от концепции триединого русского народа, который должен был включать великороссов, малороссов и белорусов. Перепись населения СССР 1926 г. сделала этноним «малоросс» незаконным, сохранив как термин для самоидентификации только «украинец» [Кадио]. Термины «русский» и «великорусский» стали синонимами. Большевики внедряли совершенно другой проект политической консолидации территории бывшей империи. Как квазинациональное государство Советская Украина получила «национальную территорию» вкуче с национальной идентичностью «советский украинец», а также инфраструктуру украинской национальной культуры.

Советско-польская война 1920 г. была борьбой за контроль над Восточной Европой между двумя новыми крупными игроками; в этом конфликте украинские силы играли строго подчиненную роль. Межвоенный период в истории региона мы можем охарактеризовать как своеобразную холодную войну, во время которой «прометейская акция» Пилсудского и советский принцип «украинского Пьемонта» воспринимали на Украину как объект в геостратегической борьбе [Martin, 2005]. Тем не менее, уже в 1939 г. борьба больших империй за контроль над Восточной Европой, в которой особое значение придавалось политике по отношению к Украине, возобновилась в полную силу [Grelka].

¹⁵ Все члены ККРН, которых большевики захватили в Киеве, были расстреляны.

Можно сказать, что в течение всего послевоенного периода холодной войны Украина была важной ее темой, а в постсоветский период интенсивность соперничества за Украину между Россией и Западом все время нарастала и сегодня стала одной из основных причин острого международного кризиса. Один из элементов этого кризиса – «войны памяти», которые, без сомнения, будут разворачиваться с нарастающей интенсивностью в ближайшие годы.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26; 27, 1.12.
- Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М. : АИРО-XX, 2000. 264 с.
- Ваврик В. Р.* Терезин и Талергоф : К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М. : СофтИздат, 2001. 145 с.
- Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с. Т. 2. 242 с.
- Государственная дума. III созыв : стенограф. отчеты, 1909 г., сессия 3 : в 4 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 1. 3796 стб.
- Государственная дума. III созыв : стенограф. отчеты, 1910 г., сессия 4 : в 3 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 1. 3368 стб.
- Государственная дума. IV созыв : стенограф. отчеты, 1913–1914 гг., сессия 2 : в 5 ч. СПб. : Гос. тип., 1914. Ч. 1. 2096 стб.
- Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова и А. И. Миллера. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 608 с.
- Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 336 с.
- Капелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А. И. Миллера, В. Ф. Репринцева и Б. Н. Флори. М. : Языки рус. культуры, 1997. С. 125–144.
- Кириянов Ю. И.* Правые партии России, 1911–1917. М. : РОССПЭН, 2001. 446 с.
- Корнилов В.* Донецко-Криворожская республика : Расстрелянная мечта. Харьков : Фолио, 2011. 800 с.
- Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс» // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 392–443.
- Кучера І. В.* Добровільна і примусова міграція населення Східної Галичини в роки Першої світової війни // Гілея : Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки. Київ : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2009. Вип. 19. С. 10–16.
- Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : МАУП, 2007. 744 с.
- Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / под ред. В. П. Ефремова. М. : Центр. стат. упр. СССР, Воен.-стат. отд., 1925. 103 с.
- Савенко А. И.* Заметки : По поводу 100-летия со дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. № 320. С. 2.
- Сердюк О. В.* Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ : Інститут історії України, 2002. Вип. 4. С. 111–132.
- Скоропадський П.* Спогади : Кінець 1917 – грудень 1918 рр. Київ : Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 1995. 493 с.
- Степанов С. А.* Черная сотня в России: 1905–1914 гг. М. : ЭКСМО ; Яуза, 2005. 544 с.
- Струве П. Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Рус. мысль. 1912. № 1. С. 65–86.
- «Украинская» болезнь русской нации / ред. М. Б. Смолин. М. : Имперская традиция, 2004. 560 с.

- Украинский сепаратизм в России: идеология национального раскола / ред. М. Б. Смолин. М. : Москва, 1998. 431 с.
- Черная сотня : Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.
- Чикаленко Е. Щоденник : в 2 т. Київ : Темпора, 2004. Т. 1. 1907–1917. 426 с.
- Чикаленко Е., Стебницький П. Листування : 1901–1922 роки. Київ : Темпора, 2008. 628 с.
- Deak I. *Beyond Nationalism : A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1990. 314 p.
- Die Ukrainezwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922 / Hrsg. von W. Dornik, G. Kasianov, H. Leidinger, P. Lieb, A. Miller, B. Musial, V. Rasevyc. Graz : Leykam, 2011. 544 S.
- Gatrell P. *A Whole Empire Walking : Refugees in Russia during World War I*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1999. 317 p.
- Grelka F. *Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42*. Wiesbaden : Otto Harrasowitz Verlag, 2005. 507 S.
- Guthier S. L. *Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // Rethinking Ukrainian History* / ed. by I. L. Rudnytsky, J.-P. Himka. Edmonton : Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, 1981. P. 156–179.
- Hagen M. von. *The Great War and the Mobilization of Ethnicity // Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building* / ed. by B. R. Rubin, J. L. Snyder. L. : Routledge, 1998. P. 34–57.
- Kaiser R. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1994. 471 p.
- Liulevicius V. G. *War Land on the Eastern Front : Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 309 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire : Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2001. 528 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire; Timothy Snyder, Sketches from a Secret War : A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*. N. Haven : Yale Univ. Press, 2005. 347 p.
- Miller A. I. *The Romanov Empire and Nationalism : Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest : CEU Press, 2008. 242 p.
- Miller A. I. *The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest : CEU Press, 2014. P. 309–368.
- Miller A. I. *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest : CEU Press, 2003. 295 p.
- Miller A. I. *The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. by K. Matsuzato. Sapporo : Slavic Research Center at Hokkaido Univ., 2006. P. 11–24.
- Naumann F. *Mitteleuropa*. Berlin : Reimer, 1915. 324 p.
- Rieber A. J. *The Struggle for the Eurasian Borderlands : From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge Univ. Press, 2014. 648 p.
- Sanborn J. *Drafting the Nation : Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2002. 278 p.
- Sanborn J. *The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation : A Reexamination // Slavic Rev. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267–289*.
- Seregny S. J. *Zemstvos, Peasants, and Citizenship : The Russian Adult Education Movement and the First World War // Slavic Rev. 2000. Vol. 59. № 2. P. 290–315*.
- Vujacic V. *Stalinism and Russian Nationalism : A Reconceptualization // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23. № 2. P. 156–183*.

References

AVPRI [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 135. List 474. Dos. 26; 27, 1.12.

Bakhturina, A. Yu. (2000). *Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny* [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow, AIRO–XX. 264 p.

- Chikalenko, E. (2004). *Shodennik v 2 t.* [Diary. 2 Vols.]. Kiïv, Tempora. Vol. 1. 1907–1917. 426 p.
- Chikalenko, E., Stebnits'kii, P. (2008). *Listuvannya. 1901–1922 roki* [Correspondence. 1901–1922]. Kiïv, Tempora. 628 p.
- Deak, I. (1990). *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. N. Y., Oxford Univ. Press. 314 p.
- Dolbilov, M. D., Miller, A. I. (Eds.). (2006). *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [The Western Borderland of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p.
- Dornik, W., Kasianov, G., Leidinger, H., Lieb, P., Miller, A., Musial, B., Rasevyc V. (Hrsg.). (2011). *Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922*. Graz, Leykam. 544 S.
- Efremov, V. P. (Eds.). (1925). *Rossiya v mirovoi voine 1914–1918 (v tsifrakh)* [Russia in the World War of 1914–1918 (in Figures)]. Moscow, Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR, Voenno-statisticheskii otdel. 103 p.
- Gatrell, P. (1999). *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 317 p.
- Grelka, F. (2005). *Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42*. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag. 507 S.
- Golovin, N. N. (1939). *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine v 2 t.* [Russia's Military Efforts in the World War. 2 Vols.]. Paris, Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei. Vol. 1. 211 p. Vol. 2. 242 p.
- Gosudarstvennaya дума. III sozyv. Stenograficheskie otchety, 1909, 3 sessiya v 4 ch.* [The State Duma. 3rd Convocation. Verbatim Records, 1909. Session 4. 4 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 3796 cols.
- Gosudarstvennaya дума. III sozyv. Stenograficheskie otchety, 1910, 4 sessiya v 3 ch.* [The State Duma. 3rd Convocation. Verbatim Records, 1910. Session 4. 3 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 3368 cols.
- Gosudarstvennaya дума. IV sozyv. Stenograficheskie otchety, 1913–1914, 2 sessiya v 5 ch.* [The State Duma. 4th Convocation. Verbatim Records, 1913–1914. Session 2. 5 Parts]. (1914). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 2096 cols.
- Guthier, S. L. (1981). Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era. In *Rethinking Ukrainian History*. Edmonton, Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, pp. 156–179.
- Hagen, M. von. (1998). The Great War and the Mobilization of Ethnicity. In *Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building*. London: Routledge, pp. 34–57.
- Kadio, J. (2010). *Laboratoriya imperii: Rossiya / SSSR, 1860–1940* [Laboratory of the Empire: Russia / USSR, 1860–1940]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p.
- Kaiser, R. (1994). *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, N. Jersey, Princeton Univ. Press. 471 p.
- Kappeler, A. (1997). Mazepintsy, malorossy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imperii [Mazepians, Little Russians, Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire]. In Miller, A. I., Reprintsev, V. F., Florya, B. N. (Eds.). *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnoshenii*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 125–144.
- Kir'yanov, Yu. I. (2001). *Pravye partii Rossii, 1911–1917* [Right-wing Parties of Russia, 1911–1917]. Moscow, ROSSPEN. 446 p.
- Kornilov, V. (2011). *Donetsko-Krivorozhskaya respublika: Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Krivoi Rog Soviet Republic: The Shot Dream]. Khar'kov, Folio. 800 p.
- Kotenko, A. L., Martynyuk, O. V., Miller, A. I. (2012). „Maloross” [“Little Russian”]. In Miller, A. I., Sdvizhkov, D., Shirle, I. (Eds.). „Ponyatiya o Rossii”: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t. [“Concepts about Russia”: On the Historical Semantics of the Imperial Period. 2 Vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 2, pp. 392–443.
- Kuchera, I. V. (2009). Dobrovil'na i primusova migratsiya naseleण्या Skhidnoi Galichini v roki Pershoi svitovoi vijni [Voluntary and Forced Migration of the Population of Eastern Galicia during World War I]. In *Gileya. Istorichni nauki. Filosofs'ki nauki. Politichni nauki*. Kiïv, Natsional'nii pedagogichnii universitet imeni M. P. Dragomanova. Iss. 19, pp. 10–16.

- Liulevicius, V. G. (2000). *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 309 p.
- Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 528 p.
- Martin, T. (2005). *The Affirmative Action Empire; Timothy Snyder, Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*. N. Haven, Yale Univ. Press. 347 p.
- Miller, A. I. (2003). *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest: CEU Press. 295 p.
- Miller, A. I. (2006). The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery. In *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo: Slavic Research Center at Hokkaido University, pp. 11–24.
- Miller, A. I. (2008). *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest, CEU Press. 242 p.
- Miller, A. I. (2014). The Romanov Empire and the Russian Nation. In Berger, S., Miller, A. (Eds.). *Nationalizing Empires*. Budapest, CEU Press, pp. 309–368.
- Naumann, F. (1915). *Mitteleuropa*. Berlin, Reimer. 324 p.
- Omel'yanchuk, I. V. (2007). *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914)* [The Black-Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev, Mezhrregional'naya Akademiya upravleniya personalom. 744 p.
- Rieber, A. J. (2014). *The Struggle for the Eurasian Borderlands : From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge Univ. Press. 648 p.
- Sanborn, J. (2000). The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination. In *Slavic Rev.* Vol. 59. No. 2, pp. 267–289.
- Sanborn, J. (2002). *Drafting the Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 278 p.
- Savenko, A. I. (1908). Zametki. Po povodu 100-letiya so dnya rozhdeniya Gogolya [Notes: On Gogol's 100th Birthday]. In *Kievlyanin*. No. 320. P. 2.
- Serdyuk, O. V. (2002). Bizhenstvo v Ukraïni pid chas Perшої svitovoi vïjni [Retirement in Ukraine during World War I]. In *Problemi istorii Ukraïni XIX – pochatku XX st.* Kiïv, Institut istorii Ukraïni. Iss. 4, pp. 111–132.
- Seregny, S. J. (2000). Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and the First World War. In *Slavic Rev.* Vol. 59. No. 2, pp. 290–315.
- Skoropads'kii, P. (1995). *Spogadi. Kinets' 1917 – gruden' 1918 rr.* [Memoirs. Late 1917–December 1918]. Kiïv, Institut ukrains'koï arkhografii ta dzhereloznavstva imeni M. S. Grushevs'kogo NAN Ukrainy. 493 p.
- Smolin, M. B. (Eds.). (1998). *Ukrainskii separatizm v Rossii: ideologiya natsional'nogo raskola* [Ukrainian Separatism in Russia: The Ideology of the National Division]. Moscow, Moskva. 431 p.
- Smolin, M. B. (Eds.). (2004). „Ukrainskaya” bolezn' russkoi natsii [The “Ukrainian” Disease of the Russian Nation]. Moscow, Imperskaya traditsiya. 560 p.
- Stepanov, S. A. (2005). *Chernaya sotnya v Rossii: 1905–1914 gg.* [The Black Hundred in Russia: 1905–1914]. Moscow, EKSMO, Yauza. 544 p.
- Stepanov, A. D., Ivanov, A. A., Platonov, O. A. (Eds.). (2008). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundreds. Historical Encyclopaedia 1900–1917]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 640 p.
- Struve, P. B. (1912). Obscherusskaya kul'tura i ukrainskii partikulyarizm [All-Russian Culture and Ukrainian Particularism]. In *Russkaya mysl'*. No. 1, pp. 65–86.
- Vavrik, V. R. (2001). *Terezin i Talergof. K 50-letnei godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Thalerhof. For the 50th Anniversary of the Tragedy of the Galician-Russian People]. Moscow, Softlzdat. 145 p.
- Vujacic, V. (2007). Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization. In *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. No. 2, pp. 156–183.

The article was submitted on 25.02.2018

Translated by Anna Dergacheva

RELIGIOUS NONCONFORMITY IN MODERN RUSSIAN HISTORY

DOI 10.15826/qr.2018.2.305
УДК 325.2:279+279.125+94(470)"19/..."

ЭМИГРАЦИЯ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ: СОВЕТСКИЕ ПЯТИДЕСЯТНИКИ В ПОИСКАХ «ЛУЧШЕЙ ДОЛИ»*

Вера Ключева

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН,
Тюмень, Россия

EMIGRATION FOR RELIGIOUS REASONS: SOVIET PENTECOSTALS IN SEARCH OF "A BETTER LIFE"***

Vera Kliueva

Institute of Problems of Northern Development,
Tyumen Scientific Centre SB RAS,
Tyumen, Russia

The author considers religious emigration in the late USSR with reference to Pentecostals (Christians of Evangelical Faith), focusing on the external and internal motives of emigration, measures taken by the authorities, and the attitude towards emigrants in the Protestant community. The author refers to public documents (analytical notes and reports of the Council for Religious Affairs), the ego-documents of believers (memoirs, letters, and statements), and documents of human rights organisations. The author describes the eschatological foundations of the theology of Pentecostals which underlay emigrational sentiments.

* Работа выполнена в рамках госзадания согласно плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., приоритетное направление XII.186, программа XII.186.4, проект № 0371–2018–0033.

** *Citation:* Kliueva, V. (2018). Emigration for Religious Reasons: Soviet Pentecostals in Search of "a Better Life". In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 438–453. DOI 10.15826/qr.2018.2.305.

Цитирование: Kliueva V. Emigration for Religious Reasons: Soviet Pentecostals in Search of "a Better Life" // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 438–453. DOI 10.15826/qr.2018.2.305 / Ключева В. Эмиграция по религиозным мотивам: советские пятидесятники в поисках «лучшей доли» // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 438–453. DOI 10.15826/qr.2018.2.305.

She also singles out common reasons for emigration (violation of believers' rights, the incompatibility of a religious worldview and communist ideology, economic and everyday difficulties), as well as ones typical of Pentecostals (the absence of a legitimate union and the prophecy about Exodus). The Pentecostal emigrants followed the same pattern of action as other refuseniks, and their belief was kept up by religious rhetoric and support from foreign adherents of the same faith. As regards the Soviet religious community, its attitude to emigrants varied from support (petitions to protect them, donations) to disciplinary measures (exclusion from the community, penitence). The authorities resorted to a variety of measures to combat emigration (provocations, support of certain individuals, and pressure on family members). Their attitude to emigrants was an indicator of loyalty among registered communities or those seeking authorisation. The author concludes that the Pentecostal emigration movement did not succeed, becoming a mass one as late as the 1980s, after the socio-political situation in the country had changed. During the Cold War years, the Soviet government only allowed individual families to leave the country, using potential emigrants as proof of the fact that it respected civil rights and international treaties.

Keywords: religious dissidents; dissent; Pentecostals; emigration; Cold War; USSR.

Исследование проблемы религиозной эмиграции пятидесятников (христиан веры евангельской) в позднем СССР включает характеристику внешних причин, внутренних мотивов и стратегий эмиграции, действия властей по отношению к потенциальным эмигрантам, а также отношение к выехавшим в протестантской среде. В статье используются документы органов власти (аналитические записки и отчеты уполномоченных по делам религий), эгодокументы верующих (свидетельства, воспоминания, письма и заявления) и документы правозащитных организаций. Раскрываются эсхатологические основания пятидесятнической теологии, лежащей в основе эмиграционных настроений. Выделяются как общие причины эмиграции (нарушение прав верующих, несовместимость религиозного мировоззрения и коммунистической идеологии, экономические и бытовые трудности), так и присущие только пятидесятникам (отсутствие легитимного самостоятельного органа и неотвратимость исполнения пророчества). Верующие эмигранты придерживались тех же действий, что и прочие «отказники», убеждение дополнялось использованием религиозной риторики и поддержкой иностранных единоверцев. В советской религиозной среде отношение к эмигрантам варьировалась от поддержки (подписания писем в защиту, сбора пожертвований) до применения дисциплинарных практик (исключения из общины, покаяния). Органы власти применяли различные стратегии для борьбы с эмигрантами (провокации, поощрение отдельных лиц, давление на членов семей). Отношение к эмиграции было проверкой на лояльность внутри зарегистрированных или желавших получить легитимность общин. Сделан вывод о неуспешности эмигрантского пятидесятнического движения, ставшего массовым только в конце 1980-х гг. после изменения общественно-политической ситуации. В условиях холодной войны советское правительство, разрешая выезд только отдельным семьям,

использовало потенциальных эмигрантов в качестве подтверждения соблюдения гражданских прав и международных соглашений.

Ключевые слова: религиозные диссиденты; инакомыслие; пятидесятники; эмиграция; холодная война; СССР.

Эмиграция как способ высказывания несогласия с общественно-политической и экономической ситуацией в стране проживания была характерна для большинства авторитарных и тоталитарных режимов XX в. Право на свободу передвижения, прописанное во Всеобщей декларации прав человека («Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну»), не упоминалось в советских конституциях. Хотя СССР ратифицировал заключительный акт Совещания по безопасности в Европе, в котором подтверждалось уважительное отношение к основным правам и свободам человека (Хельсинки, 1975), разрешение на выезд зачастую становилось для власти способом манипуляции инакомыслящими. В свою очередь, апелляция к Хельсинкским соглашениям давала возможность правозащитникам обращаться к мировой общественности и требовать реализации гражданских прав человека.

Попытки выехать из страны верующие предпринимали с первых послереволюционных лет. В 1960–1980-е гг. начинается очередная волна эмиграционного движения, внутри которого отдельно выделяется религиозная эмиграция. Частично религиозные причины использовались участниками немецкой и еврейской эмиграции [Вессье, с. 251–274; Кузнецова]. Евангелики были наиболее последовательными сторонниками эмиграции по религиозным причинам, методично указывая на нарушение свободы совести. Среди верующих-пятидесятников (христиан веры евангельской) эмигрантские настроения получили распространение в середине 1960-х гг., а в 1970-е гг. они стали массовыми и заметными не только для религиозной среды.

В российской историографии к теме эмиграции обращались и светские [Сивацкий; Островская; Дударенок], и конфессиональные исследователи [Смольчук; Симкин; Перчаткин]. На наш взгляд, в этих исследованиях высвечиваются только отдельные части эмиграционного движения пятидесятников¹. В данной работе анализируются мотивы, стратегии и последствия действий верующих эмигрантов. Основными источниками выступают документы органов власти – отчеты, информационные записки, аналитические справки региональных уполномоченных по делам религий и эгодокументы верующих

¹ Краткий историографический обзор движения пятидесятников за выезд из СССР представлен в работе [Никольская, 2009, с. 283–286]. Всплеск интереса к пятидесятническим общинам СССР со стороны зарубежных исследователей наблюдался в 1970-х гг. – во время активизации пятидесятнического движения за эмиграцию [Rowe, 1977; Rowe, 1983; Severson; Burch; Pollock].

(свидетельства, воспоминания, письма и заявления)². Для лучшего понимания того, как сами верующие относились и относятся к эмиграции, привлекаются нарративы религиозных лидеров – пятидесятников, имевших опыт советской жизни³.

Истоки эмиграционного движения пятидесятников в СССР

В послевоенном СССР основным трендом религиозной политики стала легализация религиозной жизни, под которой понималось поддержание деятельности нескольких официальных конфессий. Для всего евангельского сообщества единственным вариантом существования предполагалось включение в единую организацию – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) [Белякова, 2012; Никольская, 2009, с. 135–143]. Пятидесятнические общины вошли в его состав после подписания «Августовского соглашения» в 1945 г. Платой за легализацию стал отказ от публичной глоссолалии и обряда омовения ног перед причастием. В свою очередь, евангельские христиане-баптисты признали важность крещения Духом Святым для пятидесятников [Никольская, 2010; Клюева]. Но уже в 1946 г. начался массовый выход пятидесятников из зарегистрированных общин. Некоторые верующие уходили из-за не сложившихся личных отношений в объединенной общине, других отлучали за нарушение условий соглашения во время богослужений [Beliakova, Kliueva]. К началу 1950-х гг. советские пятидесятники организационно могли состоять как в объединенных общинах ВСЕХБ (иногда такие общины только номинально назывались баптистскими и полностью состояли из пятидесятников), так и в нерегистрируемых (и, соответственно, нелегитимных для государства) церквях.

Эмиграционное движение началось среди нерегистрируемых пятидесятников. Наиболее вероятной причиной его популярности были эсхатологические мотивы пятидесятнической теологии, которые сопровождаются пророчествами и «вождением Духа Святого». Именно вера в пророчество сподвигла верующих во главе с епископом Н. Горетым на переезд из Киргизии сначала в Барнаул, а затем на Дальний Восток.

О значении предсказания упоминается и в документах органов власти. В справке Находкинского горисполкома указано, что община появилась в 1957 г. «в связи с миграцией верующих из западных районов страны по пророчеству» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2785. Л. 20].

² Письма хранятся в Архиве истории инакомыслия Международного общества «Мемориал» и частично были опубликованы в [Белякова, Добсон, 2015, с. 284–347].

³ В тексте информанты обозначены инициалами, так как некоторые интервью давались на условиях анонимности. Полевые материалы (интервью с советскими верующими-пятидесятниками) были собраны автором статьи для подготовки диссертации, посвященной истории религиозных меньшинств в СССР. Транскрипты находятся в личном архиве автора.

Тот же тезис повторяется в методических разработках Приморского общества «Знание»:

Их приезд был инспирирован сектантскими вожаками Горетым Н. П. и его приверженцами, которые... распространили среди верующих «пророчество» о том, что якобы «в порт Находку придут белые корабли – ковчеги и увезут истинно верующих в страну обетованную». Под нею подразумевались Соединенные Штаты Америки [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 15].

Сами пятидесятники упоминают, что движение за переселение началось в середине 1940-х гг. В воспоминаниях Н. Горетого говорилось:

«Белых кораблей» мы не ждали. Верили в Исход с самого 1945 года, когда впервые имели о том пророчества, но не фантазировали, на чем выедем, предоставляя Богу Самому распорядиться видами транспорта (цит. по: [Дементьев, с. 200]).

В религиозных исследованиях распространено мнение, что начало эмигрантского движения относится к концу 1950-х гг. [Островская, с. 30; Дударенок, с. 250]. На наш взгляд, конец 1950-х гг. следует считать подготовительным периодом, а первые заявления на выезд из СССР датируются началом 1960-х гг., в 1961 г. были составлены первые эмиграционные списки [Дударенок, с. 202]. Применительно к этому десятилетию следует говорить о двух центрах эмигрантского движения – в Находке (Приморский край) и Черногорске. В конце 1960-х гг. большинство верующих из Находки уехали в станицу Старотитаровскую (Краснодарский край), куда после ареста перебрался епископ Горетой, тогда как в Черногорске община продолжала существовать. К активным действиям пятидесятников подтолкнул пример еврейской эмиграционной кампании. В 1962–1963 гг. состоялась первая попытка прямого общения с зарубежными посольствами. Представители семьи пятидесятников Ващенко (г. Черногорск Красноярского края) приехали в американское посольство с требованием предоставить им политическое убежище в США [Симкин, 2010].

Позднее эмиграционные настроения распространились по всей стране. Их интенсивность в различных регионах зависела от численности верующих и их взаимоотношений с зарегистрированными общинами. В 1970–1980-е гг. заявления о выезде из страны стали подавать также и верующие из Краснодарского края, прибалтийских республик, Средней Азии, Грузии. В начале 1980-х гг. появился еще один центр эмигрантских настроений – село Чугуевка (Приморский край). Во многом экспансия и широта распространения таких взглядов были связаны с хорошо налаженными коммуникациями внутри сообщества верующих, с постоянным общением лидеров и активистов. Таким образом, из локального акта эмиграционные настроения постепенно распространились по многим нерегистрируемым церквям страны.

Причины эмиграции

Мотивация массовой эмиграции основывалась прежде всего на нарушении в СССР прав верующих. Кроме того, выделяются причины, присущие только пятидесятникам – невозможность создания легитимной самостоятельной оргструктуры и существование пророчества об Исходе. Для первых эмигрантов важна была экзистенциальная причина: пророчество должно исполниться любым способом. Л. Симкин приводит слова пятидесятника Е. Бресендена, эмигрировавшего в 1975 г.:

На эту безбожную страну должна была излиться чаша гнева Господня. Так уже однажды случилось в Содоме. И вновь перед возмездием Господь выводил из грешной земли праведников (цит. по: [Симкин, 2012]).

Эсхатологическую версию транслируют и правозащитники:

Можно предположить, что их стремление покинуть страну объясняется не только постоянными преследованиями властей, но также и убеждением, что в день Страшного суда все истинно верующие должны находиться близ Гроба Господня [Хроника].

Кроме того, имплицитно верующие воспринимали свою жизнь в Советском Союзе как постоянный выбор между атеистическим и религиозным:

У нас здесь нет выбора: или мы становимся преступниками перед государством, отказываясь подчиниться требованиям Положения о регистрации и соблюдая все заповеди Христа, или мы становимся преступниками перед Богом, подчиняясь требованиям государства [Документы, с. 157].

Среди важных причин пятидесятники называли неприемлемость перехода под «государственную руку» (регистрацию общины). Более того, если в середине 1940-х гг. они настаивали на возможности создания самостоятельного союза, то к 1970-м гг. стали выступать против любой регистрации, включая автономную, из-за опасения полной подконтрольности «безбожным» властям. Выходом из сложившейся ситуации представлялась миграция, однако эсхатологическая версия не исключает и бытовых причин.

Лейтмотивом в заявлениях и в открытых письмах-требованиях на выезд выступают отсутствие свободы совести и массовые преследования по религиозным причинам. Верующие прямо писали:

...Ввиду того, что я верующий, и жить в Советском Союзе не могу, так как религия и коммунизм несовместимы, потому что я испытываю постоянное гонение со стороны властей и хочу свободно проповедовать свою религию... [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16].

Среди современных пятидесятников (прежде всего у консервативных представителей движения) воспроизводится следующее представление о причинах эмиграции:

От тех репрессий некоторые уже изнывали. Там было движение – в Находку двинули. И поэтому они просили – мы отказываемся от гражданства, мы хотим в свободную страну уехать (В. О., муж., 1958 г. р., Пермь).

Для подтверждения своих слов верующие рассказывали о гонениях, которым подвергались их семьи. Довольно типичным является следующее описание:

...Так как мой муж христианин, да еще священнослужитель, за это его и меня по указанию КГБ стали безо всяких причин произвольно увольнять с работы, как футбольный мяч стали гонять нас с работы на работу, из одного города в другой [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16. № 5а].

Невозможность разрешить идеологические разногласия подчеркивались верующими и при общении с правозащитниками. Об этом говорил Б. Перчаткин, один из активистов эмиграционного движения:

Если в программе партии записано, что коммунизм и религия несовместимы, и цель этой страны – построение коммунизма... то, естественно, нам не на что надеяться, в никакое улучшение нашего положения, даже если нам теперь пообещают его, мы не верим, принимая во внимание весь многолетний опыт наших дедов, отцов и наш собственный. Единственный выход для нас — эмиграция [Документы, с. 158].

Важной причиной стала невозможность давать детям религиозное воспитание, а также притеснения и травля их в советской школе. Об этом тоже упоминали потенциальные эмигранты [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16]. Указывались и частные причины – воссоединение с родственниками или необходимость лечения, что выступало дополнительным аргументом для обоснования выезда. Некоторые верующие озвучивали еще одну причину, вероятно, сформированную под влиянием официальной пропаганды об образе жизни в США: «желание заниматься миссионерством и нести благовест в Америку» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1167. Л. 18]. В целом отношение к эмиграции было сформулировано одной из пятидесятниц Находки, высказавшейся, что «Родина у каждого верующего на небе, и они ничего не теряют, покидая страну» [Там же. Л. 13].

Реализация гражданского права на свободу передвижения: инструкция по применению

За несколько десятилетий борьбы за эмиграцию выработался своеобразный алгоритм, принятый всеми евангеликами. После заявлений о намерениях, выразившихся в подаче прошения на выезд, следовал отказ от советского гражданства и, соответственно, бойкот всех мероприятий советской власти: сдача паспортов, неучастие в выборах, отказ от службы в армии. Репрессии подпитывали готовность к эмиграции. Одновременно составлялись коллективные или индивидуальные письма, адресованные международным организациям и советскому правительству.

Форсированием событий стало налаживание отношений советских евангеликов и диссидентского (правозащитного) движения в 1970-е гг. Первое упоминание о пятидесятниках встречается в 32-м выпуске «Хроники текущих событий» в июле 1974 г. [Хроника]. Благодаря правозащитникам сведения о борьбе верующих распространились среди неформальных общественно-политических движений и сообществ, и религиозные отказники стали получать моральную и информационную поддержку, тогда же были установлены контакты с западными журналистами.

В конце 1970-х гг. в западной христианской печати регулярно появлялись статьи о положении советских верующих. В английской газете *Christianity today* от 18 августа 1979 г. была напечатана статья «Отпустите наших людей», в которой говорилось:

...Ряды христиан, стремящихся получить визы на выезд из Советского Союза, растут с каждой неделей... по крайней мере, 20 000 пятидесятников хотят покинуть страну [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 8. Д. 4. Л. 3–4].

Помогали и диссиденты, уезжавшие из страны. В 1976 г. пятидесятники с помощью правозащитников подготовили сборник «Выходи из нее, народ мой» объемом более 500 машинописных страниц с биографиями пятидесятников, стремившихся уехать. Рукопись увез с собой А. Гинзбург. Другим результатом контакта стали совместные заявления. В частности, в 1979 г. Б. Перчаткин выступал на пресс-конференции еврея-отказника В. Елистратова.

Также во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. применялись и экстремальные методы – голодовка и проникновение в американское посольство. Такие приемы привлечения внимания могли быть успешными лишь тогда, когда информация о них получала международную известность. Например, Б. Перчаткин в сентябре 1977 г. давал интервью корреспонденту «Голоса Америки», в котором предупреждал о коллективной голодовке, если членам церкви не разрешат эмигрировать [Дударенок, с. 256]. Упоминание об этой голодовке сохранилось в пятидесятническом самиздате. Ее держали 97 верующих

с 4 по 14 октября 1977 г. [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16]. В 1983 г. десятидневную голодовку объявили верующие из Чугуевки. В ней участвовали и дети-школьники, отказавшиеся от еды на один день [Дементьев, с. 225]. Результаты голодовки могли быть различными. Голодающие из Находки добились желаемого результата: власть приняла документы на оформление выезда из СССР у тех, кто имели вызовы [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16 (Информационный бюллетень № 2 Совета церквей пятидесятников. Ноябрь 1977 г.)], тогда как голодающие из Чугуевки оказались обмануты властями. Нарушение экстерриториальности иностранных посольств происходило дважды – в 1962–1963 и 1978–1983 гг., участниками этих событий были верующие из Черногорска – семьи Ващенко и Чмыхаловых [Симкин, 2012; Дементьев; Pollock].

Пятидесятники рано перешли к тактике коллективных списков, составляя перечни, в которых упоминались десятки и сотни человек. Уже в воспоминаниях Н. Горетого указывается, что в списке 1961 г. было около тысячи человек. Нам это число представляется завышенным, так как в целом на Дальнем Востоке к 1962 г. было немногим более тысячи пятидесятников, объединенных в 33 общины и группы [Дударенок, с. 251]. Вряд ли все они планировали уехать из страны. Уже к середине 1970-х гг. тактика коллективного действия стала наиболее востребованной: заявления на выезд подавались от имени отдельной церкви или от всей деноминации. В материалах Христианского комитета защиты прав верующих упоминается письмо от верующих с просьбой о помощи, которое заканчивается так: «Письмо подписали от имени восьми тысяч подавших заявления на эмиграцию 69 человек...» [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16. Папка «Христианский комитет защиты прав верующих». Т. 4. С. 576]. В 1979 г. был составлен список из 1700 фамилий «христиан пятидесятников и баптистов, отказавшихся от советского гражданства» [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16 (Список имен отказавшихся от советского гражданства)]. Зачастую коллективные заявления приурочивались к международным событиям, прежде всего к Хельсинкскому (1975) и Белградскому (1977) совещаниям. Например, находкинские пятидесятники подали заявление о коллективном выезде в США за несколько дней до совещания в Белграде [Дударенок, с. 257].

Потенциальные эмигранты для создания международного резонанса приглашали журналистов на свои акции. В 1981 г. группа пятидесятниц провела демонстрацию перед приемной Президиума Верховного Совета СССР, где также требовала выезда из страны. Как отмечалось в справке:

...Эту провокационную вылазку фиксировали на кино- и фотопленку корреспонденты американских и европейских газет, аккредитованные в Москве и заранее оповещенные участниками этой провокации [Белякова, Добсон, 2015, с. 346–347].

Отношение к эмиграции в евангельском сообществе

Пятидесятникам приходилось выстраивать отношения не только с единомышленниками, но и с другими членами общины. Встречается упоминание о создании в общинах специальных инициативных органов – «советов эмиграции» [Документы, с. 97]. Существование этих советов не получило своего подтверждения в воспоминаниях верующих и в советских документах. В зарегистрированных (автономных и в составе ВСЕХБ) общинах к потенциальным эмигрантам применялись дисциплинарные практики: публичное обличение (осуждение), покаяние (признание своей греховности) и как крайняя мера – исключение (отлучение) из членов церкви. Главными акторами подобных действий выступали представители руководства общин. Часто они действовали по рекомендации или по прямому указанию органов власти. Примером публичного осуждения является случай с пресвитером А. Мельничуком из станицы Ленинградской (Краснодарский край). В 1977 г. он вместе с Н. Горетым был сторонником эмиграции и убеждал в этом своих единомышленников. Против него выступили лидеры пятидесятников Краснодара, которые на собрании верующих «подвергли публичному обличению Мельничука как ставшего на путь нехристианского поведения» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1367. Л. 81–82].

О требовании покаяния как обязательного условия возвращения в общину было заявлено представителями находкинской церкви, из которой вышло более 200 членов, желавших эмигрировать. Когда они после неудачных попыток выехать попытались вернуться обратно, им было предложено сначала покаяться [Дударенок, с. 257]. Сложилась патовая ситуация: верующие не ощущали себя виновными и, соответственно, отказались каяться, тогда как пресвитер считал необходимым показательное наказание несогласных. В результате часть пятидесятников, планировавших эмигрировать по религиозным мотивам, начали обосновывать свои действия стремлением к воссоединению семей.

Среди исключенных оказалось большинство руководителей эмиграционного движения Приморья (Б. Перчаткин, Е. Бресенден, братья Ващенко). Во Владивостоке были отлучены М. Пименов и В. Мезенцев, также активно выступавшие за выезд из СССР [Дементьев, с. 219]. Это могло бы стать сильной мерой воздействия, так как, по мнению самих верующих, отлученных не принимали в зарубежных церквях. Об этом сообщал П. Шатров, представитель пятидесятников во ВСЕХБ [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 961. Л. 8]. Но эта мера не достигла своей цели, так как в зарубежных церквях, особенно в эмигрантских, подобное отлучение действительным не считалось.

Для обсуждения принципиальных вопросов и координации действий в регионы специально приезжали пятидесятнические лидеры. В 1976–1979 гг. своих единомышленников посещал представитель братства

нерегистрируемых пятидесятников епископ В. Белых (Киевский епископат). В Приморский край, чтобы сгладить конфликт и уменьшить эмиграционные настроения, в 1974–1978 гг. несколько раз приезжали представители ВСЕХБ [Документы, с. 158–159].

Эмиграционный вопрос использовался и для решения внутренних проблем пятидесятнического братства. Конфессиональный историк В. Франчук высказывает мнение, что в 1977–1978 гг. власть опасалась интенсификации эмигрантского процесса и рассчитывала, что лидеры смогут контролировать верующих и не допустят массового движения за выезд, поэтому она была готова к переговорам с руководителями братства. Как только движение пошло на спад, степень заинтересованности властей в решении «пятидесятнического вопроса» уменьшилась [Франчук, с. 820]. В 1977 г. лидеры автономных общин, пытаясь продолжить процесс легализации пятидесятничества через избрание старших служителей, обращались к председателю Совета по делам религий В. Куроедову с просьбой провести всесоюзное совещание служителей. Для обоснования его необходимости они приводили следующий довод:

В некоторых общинах среди верующих распространяются нездоровые взгляды на эмиграционный вопрос, который требует правильного разъяснения и оценки с евангельской точки зрения [Там же, с. 813].

Современные пятидесятники, как ни странно, неодобрительно относятся к советскому эмиграционному движению. В одном из высказываний 2000-х гг., принадлежащем пресвитеру, рукоположенному в советское время, говорится:

Раз мы призваны жить именно в этой стране, мы никогда не говорили, что это плохая страна. Где мы живем, значит, так надо и прожить (В. О., муж., 1958 г. р., Пермь).

Ближе к истинному положению вещей, на наш взгляд, другое высказывание:

Те, которые хотели уезжать – они получали пророчество: «Езжай». Те, кто не хотел уезжать – они получали пророчество, что не надо ехать. И не надо их никого судить, так судьбу Бог определял, так они поехали, и там они остаются верующими (В. М., муж., 1944 г. р., Малоярославец).

Борьба государства с эмиграционным движением

Власть воспринимала желание выехать как политическую акцию, инициатором которой является США. Эта мысль постоянно присутствовала в риторике чиновников:

Уже сам факт коллективного выезда верующих в США, антикоммунистическое, антинародное правительство которой организовало и подготовило его, является сугубо политической акцией. <...> К 60-летию Октября империализм решил организовать другую политическую акцию – вторую волну эмиграции из СССР, но на этот раз уже из числа верующих пятидесятников, используя их религиозные представления и фанатизм [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1167. Л. 14].

Стратегия борьбы включала несколько элементов: обращение к протестантским лидерам; воздействие через детей в школах; индивидуальную работу с каждым, подавшим заявление о выезде; провокации в отношении активистов эмигрантского движения. Органы власти рассчитывали, что авторитет религиозных лидеров сможет остановить подъем эмиграционных настроений. Особенно активно эта тема поднималась в середине 1970-х гг., когда была открыта возможность автономной регистрации общин. Осуждение эмиграции стало одним из условий проведения всесоюзного совещания пятидесятников [Документы, с. 210]. Эта же тема обсуждалась в марте 1977 г. на совещании ВСЕХБ, в котором участвовали служители автономных церквей. Сотрудникам ВСЕХБ приходилось выезжать к пятидесятникам, чтобы отговорить их от решительных действий, о чем упоминалось выше.

Одним из способов борьбы стало противопоставление законопослушных верующих и «нарушителей закона» – тех, кто хотели эмигрировать. Последних публично называли предателями и представляли несамостоятельными личностями, подпавшими под «чуждое» влияние [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1595. Л. 16]. В основу борьбы с эмигрантскими настроениями был положен метод, основанный на провокациях в отношении лидеров и активистов эмиграционного движения. Об этом прямо писали сотрудники КГБ [Дементьев, с. 218]. Наиболее активным деятелям предлагалось уехать вместе с семьей, но не звать за собой остальных. Например, Н. Горетого обещали отпустить сразу же, как только он подаст заявление, но «не надо за всех и от имени всех» выступать [Документы, с. 158]. Такое же предложение получили Б. Перчаткин и семья Ващенко. В Латвии поступили иначе. К оформлению были приняты документы пятидесятников-латышей и не приняты документы русских верующих [Архив истории инакомыслия. Ф. 101. Оп. 2. Д. 16 (Информационный бюллетень № 2 Совета церквей пятидесятников. Ноябрь 1977 г.)].

* * *

Индивидуальная работа властей с верующими привела к тому, что большая часть просивших о выдаче разрешений на выезд после официального отказа перестала настаивать на своем. Также это могло быть связано с ужесточением правил выезда: кроме получения обязательного вызова от родственников или приглашения от принимающей

стороны, необходимо было заплатить высокую пошлину за отказ от советского гражданства – 500 руб. Возможно, другой причиной стал своеобразный повседневный психологический прессинг верующих: увольнение или притеснения на работе, лишение родительских прав или давление на школьников, газетные публикации и проведение товарищеских судов, осуждавших образ жизни пятидесятников.

Категорическое запрещение выезда из страны по религиозным причинам заставило верующих поменять тактику. С конца 1970-х гг. они стали выезжать для воссоединения семей. Таким способом сумели эмигрировать некоторые лидеры эмиграционного движения, например, Г. Ващенко в 1982 г. уехал в ФРГ [ГАРФ. 6991. Оп. 6. Д. 2457. Л. 74]. В других случаях верующие уезжали в среднеазиатские или прибалтийские республики, в которых было проще оформить документы на выезд, чем в РСФСР или на Украине. На спад активности могло повлиять и отрицательное отношение пресвитеров и руководителей общин к такому поступку.

Значительной иностранной поддержки пятидесятники не имели, хотя уехавшие евангелики и участвовали в различных правозащитных акциях. Даже длительное пребывание в американском посольстве семей Ващенко и Чмыхаловых в 1978–1983 гг. не повлияло на ситуацию. В. Заватски считает, что причина могла заключаться в сложностях с налаживанием неформальных связей с нерегистрировавшимися пятидесятниками [Заватски, с. 340]. А информация, полученная по официальным каналам, не вызывала доверия и показывала верующих – сторонников эмиграции как маргинальную немногочисленную группу. В условиях холодной войны советское правительство использовало разрешение на эмиграцию как козырную карту в международных отношениях, пытаясь тем самым опровергать факты нарушения гражданских прав. Выезд даже публичных фигур был частным случаем, но не системой. Только в конце 1980-х гг. эмиграционное движение пятидесятников, как и других советских верующих, стало массовым.

Список литературы

Архив истории инакомыслия в СССР Международного общества «Мемориал». Ф. 101. Оп. 2. Д. 16. Папка «Документы из “Сборника документов ЕХБ – Пятидесятников СССР за 10 месяцев 1979–1980 гг.”», собрал и подготовил Станислав Жердев». № 5а; Папка «Выезд по религиозным мотивам»; Информационный бюллетень № 2 Совета церковью пятидесятников. Ноябрь 1977 г.; Папка «Христианский комитет защиты прав верующих». Т. 4. С. 576; Список имен, отказавшихся от советского гражданства; Информационный бюллетень № 2 Совета церковью пятидесятников. Ноябрь 1977 г.

Белякова Н. А. Государственная власть и религиозные институты в послевоенном СССР: российские правовые традиции и новые идеологические установки // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. 2012. № 4. С. 207–210.

Белякова Н. А. Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. : Исследование и источники. М. : Индрик, 2015. 512 с.

Весье С. За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 576 с.

ГАРФ. Ф. 6991.

Дементьев А. Авен-езер : Евангельское движение в Приморье : 1898–1990 годы. Владивосток : Рус. остров, 2011. 272 с.

Документы Московской Хельсинкской группы : 1976–1982. М. : Моск. Хельсинк. группа, 2006. 592 с.

Дударенок С. М. Христиане веры евангельской на российском Дальнем Востоке в советский период российской истории // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сб. ст. Вып. 4. М. : Рос. объединение исследователей религии, 2007. С. 247–272.

Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М. : ИЦ-Гарант, 1995. 737 с.

Клюева В. П. «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма : 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН ; Президент. центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 586–594.

Кузнецова А. А. Участие сибирских диссидентов в движениях за свободу выбора страны проживания и эмиграции в 1960–1980-х гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 4 (36). С. 41–46.

Никольская Т. К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40–50-х гг. XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124–133.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2009. 356 с.

Островская О. П. Феномен массовой миграции пятидесятников в г. Находку: причины и следствия // Религиоведение. № 3. 2013. С. 29–36.

Перчаткин Б. Огненные тропы : Документальная повесть о жесточайшей тирании XX столетия. 2-е изд. Сиял : [Изд. авт.], 2002. 222 с.

Сивацкий Ф. Эмиграция верующих из СССР в 60–80-е годы (на примере пятидесятнических организаций Красноярского края) // Красноярское общество «Мемориал» [сайт]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Sivacky.htm> (дата обращения: 03.06.2017).

Симкин Л. Американская мечта русского сектанта («церковь эмигрантов») : Исторические заметки-миниатюры. М. : Зебра-Е, 2012. URL: http://www.wwww.krotov.info/library/18_s/im/kin_02.htm (дата обращения: 03.06.2017).

Смольчук Ф. Из Америки в СССР и обратно : Краткая история пятидесятнического движения среди славянских иммигрантов в Северной Америке и других частях мира. Киев : Феникс, 2006. 131 с.

Франчук В. Просила Россия дождя у Господа : в 3 т. Киев : Изд-во христиан. миссии «Возрождение», 2003. Т. 3. 1006 с.

Хроника текущих событий [сайт]. № 32 (1974), № 48 (1978), № 49 (1978). URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (дата обращения: 03.06.2017).

Beliakova N., Kliueva V. Communication and Conflict in the Evangelical Community : Analysis of the Relations between Baptists and Pentecostals in the USSR in the Second Half of the 20th Century // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 236. 2016. 14 Dec. P. 315–319. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187704281631669X> (mode of access: 03.06.2017).

Burch C. Religious Policy under Andropov and Chernenko // Religion in Communist Lands. 1984. № 2. P. 198–201.

Pollock J. Ch. The Siberian Seven. Texas : Word Books, 1980. 267 p.

Rowe M. Soviet Pentecostals: Movement for Emigration // Religion in Communist Lands. 1977. № 3. P. 170–174.

Rowe M. The Soviet Pentecostal Emigration Movement // Religion in Communist Lands. 1983. № 3. P. 337–339.

Severson L. The Siberian Seven Revised : Fleshing-out Pentecostalism // Wheaton College [website]. Apr. 17, 2009. URL: <http://www.scribd.com/doc/20806137/Siberian-Seven-Revised-2> (mode of access: 03.06.2017).

References

Arkhiv istorii inakomyслиya v SSSR Mezhduнародного obshchestva "Memorial" [The Archive of the History of Dissent in the USSR of the International Society "Memorial"]. Stock 101. List 2. Dos. 16. Papka "Dokumenty iz 'Sbornika dokumentov EKHB – Pyatidesyatnikov SSSR za 10 mesyatsev 1979–1980 gg.'", sobral i podgotovil Stanislav Zherdev". No. 5a; Papka "Vyezd po religioznym motivam"; Informatsionnyi byulleten' No. 2 Soveta tserkvei pyatidesyatnikov. Noyabr' 1977 g.; Papka "Khristianskii komitet zashchity prav veruyushchikh". Vol. 4. P. 576; Spisok imen, otkazavshikhsya ot sovetского grazhdanstva; Informatsionnyi byulleten' No. 2 Soveta tserkvei pyatidesyatnikov. Noyabr' 1977 g.

Beliakova, N., Kliueva, V. (2016). Communication and Conflict in the Evangelical Community: Analysis of the Relations between Baptists and Pentecostals in the USSR in the Second Half of the 20th Century. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 236. 14 Dec., pp. 315–319. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187704281631669X> (mode of access: 03.06.2017).

Belyakova, N. A. (2012). Gosudarstvennaya vlast' i religioznye instituty v poslevoennom SSSR: rossiiskie pravovye traditsii i novye ideologicheskie ustanovki [State Power and Religious Institutions in the Post-War USSR: Russian Legal Traditions and New Ideological Establishments]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2. History. No. 4, pp. 207–210.

Belyakova, N. A., Dobson, M. (2015). *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in the Evangelical Communities of the Post-War USSR. 1940–1980s. Research and Sources]. Moscow, Indrik. 512 p.

Burch, C. (1984). Religious Policy under Andropov and Chernenko. In *Religion in Communist Lands*. No. 2, pp. 198–201.

Dement'ev, A. (2011). *Aven-ezer. Evangel'skoe dvizhenie v Primor'e v 1898–1990 gody* [Aven-ezer. Evangelical Movement in Primorye in 1898–1990]. Vladivostok, Russkii Ostrov. 272 p.

Dokumenty Moskovskoi Khel'sinskoi gruppy. 1976–1982 [Documents of the Moscow Helsinki Group. 1976–1982]. (2006). Moscow, Moskovskaya Khel'sinskaya gruppy. 592 p.

Dudarenok, S. M. (2007). Khristiane very evangel'skoi na rossiiskom Dal'nem Vostoke v sovet'skii period rossiiskoi istorii [Christians of Evangelical Faith in the Russian Far East in the Soviet Period of Russian History]. In *Svoboda sovesti v Rossii. Istoricheskii i sovremennyy aspekt*. Iss. 4. Moscow, Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii, pp. 247–272.

Franchuk, V. (2003). *Prosila Rossiya dozhdy u Gospoda v 3 t.* [Russia Asked God for Rain. 3 Vols.]. Kiev, Izdatel'stvo khristianskoi missii "Vozrozhdenie". Vol. 3. 1006 p.

GARF [The State Archive of the Russian Federation]. Stock 6991.

Khronika tekushchikh sobytii. No. 32 (1974), No. 48 (1978), No. 49 (1978). URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (mode of access: 03.06.2017).

Klyueva, V. P. (2015). "Ne oni ustupili, a s nimi soglasilis": evangel'skie khristiane-baptisty i pyatidesyatniki v pervoe poslevoennoe desyatiletie ["It Was Not They Who Lost, the Others Agreed with Them": The Evangelical Christian-Baptists and Pentecostals in the First Postwar Decade]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* Moscow, ROSSPEN, Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, pp. 586–594.

Kuznetsova, A. A. (2015). Uchastie sibirskikh dissidentov v dvizheniyakh za svobodu vybora strany prozhivaniya i emigratsii v 1960–1980-kh gg. [The Participation of Siberian Dissidents in Movements for Freedom of Choice in Country of Residence and Emigration in 1960–1980s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Istoriia. No. 4 (36), pp. 41–46.

Nikol'skaya, T. K. (2009). *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 356 p.

Nicol'skaya, T. K. (2010). Avgustovskoe soglasenie i pozitsii pyatidesyatnikov v 40–50-kh gg XX v. [The August Agreement and the Position of Pentecostals in the 1940–1950s]. In *Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 3, pp. 124–133.

Ostrovskaya, O. P. (2013). Fenomen massovoi migratsii pyatidesyatnikov v g. Nakhodka. Prichiny i sledstviya [The Phenomenon of Mass Migration of Pentecostals to Nakhodka. Cause and Effect]. In *Religiovedenie*. No. 3, pp. 29–36.

Perchatkin, B. (2002). *Ognennyye tropy. Dokumental'naya povest' o zhestochaishei tiranii XX stoletiya* [Fiery Paths. A Documentary Story about the Brutal Tyranny of the 20th Century]. Seattle, Author's ed. 222 p.

Pollock, J. Ch. (1980). *The Siberian Seven*. Texas, Word Books. 267 p.

Rowe, M. (1977). Soviet Pentecostals: Movement for Emigration. In *Religion in Communist Lands*. No. 3, pp. 170–174.

Rowe, M. (1983). The Soviet Pentecostal Emigration Movement. In *Religion in Communist Lands*. No. 3, pp. 337–339.

Severson, L. (2009). The Siberian Seven Revised: Fleshing-out Pentecostalism. In *Wheaton College* [website]. Apr. 17. URL: <http://www.scribd.com/doc/20806137/Siberian-Seven-Revised-2> (mode of access: 03.06.2017).

Simkin, L. (2012). *Amerikanskaya mechta russkogo sektanta ("tserkov' emigrantov")*. *Istoricheskie zametki – miniatyury* [The American Dream of a Russian Sectarian ("The Church of Emigrants"). Historical Notes – Miniatures]. URL: http://www.wvvv.krotov.info/library/18_s/im/kin_02.htm (mode of access: 03.06.2017).

Sivatskii, F. (1999). Emigratsiia veruyushchikh iz SSSR v 60–80-e gody (na primere pyatidesyatnicheskikh organizatsii Krasnoyarskogo kraya) [Emigration of Believers from the USSR in the 1960–1980s (with Reference to the Pentecostal Organisations of Krasnoyarsk Region)]. In *Krasnoyarskoe obshchestvo "Memorial"* [website]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Sivacky.htm> (mode of access: 03.06.2017).

Smol'chuk, F. (2006). *Iz Ameriki v SSSR i obratno. Kratkaya istoriya pyatidesyatnicheskogo dvizheniya sredi slavyanskikh immigrantov v Severnoi Amerike i drugikh chastyakh mira* [From America to the USSR and Back. A Brief History of the Pentecostal Movement among Slavic Immigrants in North America and Other Parts of the World]. Kiev, Feniks. 131 p.

Vess'e, S. (2015). *Za vashu i nashu svobodu! Dissidentskoe dvizhenie v Rossii* [For Your and Our Freedom! The Dissident Movement in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Zavatski, V. (1995). *Evangelicheskoe dvizhenie v SSSR posle Vtoroi mirovoi voyny* [The Evangelical Movement in the USSR after World War II]. Moscow, ITs-Garant. 737 p.

The article was submitted on 11.01.2018

THE “LIVED RELIGION” OF EVANGELICAL CHRISTIAN-BAPTIST WOMEN IN SOVIET SIBERIA (1945–1991)* **

April L. French,
Brandeis University,
Waltham, USA

This article draws upon oral history interviews of Evangelical Christians-Baptists (ECB) in Siberia to examine the lived religion of evangelical women from 1945 to 1991. The author conducted 41 interviews of 52 subjects, most of whom had participated in the ECB congregations of four provinces – Omsk Oblast, Novosibirsk Oblast, Krasnoyarsk Krai, and Irkutsk Oblast – during the Soviet period. By investigating the way ECB believers construct and interpret their experience of the Soviet period and the stories they tell of how faith informed women’s lives and identities at home, in their congregations, and in the Soviet workplace, this article argues that ECB women played a vital role in preserving the faith of their families and congregations within a secularist state that saw them as dangerous sectarians. In this respect, the article examines the particular subcultural pressures that ECB women experienced and their roles in active leadership within their congregations. In addition, the article reconstructs the stories of two women – one from Krasnoyarsk and one from Omsk – in order to demonstrate that some ECB women’s religious convictions were strengthened and confirmed just as much by their daily interactions with ardent atheists or Soviet and party functionaries as it was by relationships within their co-religionists.

Keywords: Evangelical Christians-Baptists; women; oral history; Soviet history; Siberia; lived religion.

* The author is grateful to Nadezhda Beliakova and Aleksei Beglov at the Center for the Study of Religion and the Church (Russian Academy of Sciences) for the opportunity to present on this topic in September 2016. The author also presented an earlier version of this article at the 2016 Baptist History and Heritage Conference in Waco, Texas, where she received feedback from Albert Wardin. Thanks to Kristen Lucken, Wendy Cadge, and Constantine Prokhorov who offered helpful advice before the interviews for this project began. Finally, thanks to the ECB believers who graciously offered their time and life stories to the author. A Fulbright Student Research Grant funded the research for this article.

** *Citation:* French, A. L. (2018). The “Lived Religion” of Evangelical Christian-Baptist Women in Soviet Siberia (1945–1991). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 454–467. DOI 10.15826/qr.2018.2.306.

Цитирование: French A. L. The “Lived Religion” of Evangelical Christian-Baptist Women in Soviet Siberia (1945–1991) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 454–467. DOI 10.15826/qr.2018.2.306.

В статье на основе интервью рассматривается религиозность женщин в евангельских общинах с 1945 по 1991 г. Всего было проведено 41 интервью с 52 информантами, которые в советское время являлись членами общин евангельских христиан-баптистов (далее – ЕХБ) на территории Омской, Новосибирской и Иркутской областей и в Красноярском крае. Реконструируется и интерпретируется личный опыт женщин-евангелисток в советское время, в частности, устанавливается, какую роль играла вера в формировании их идентичности, какое влияние оказывала на повседневную жизнь, взаимоотношения в общинах и отношения на работе. Рассматривается роль женщин для поддержания веры в кругу семьи и за ее пределами в условиях атеистического окружения. Исследуются формы давления, которые женщины ЕХБ испытали в советское время, и их активная роль лидеров в религиозных общинах. На основе реконструкции жизненного опыта двух женщин-евангелисток автор утверждает, что их религиозные убеждения укреплялись не только благодаря активному общению с членами общины, но и в результате практически ежедневного противостояния с убежденными атеистами, советскими и партийными чиновниками.

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты; женщины; устная история; советская история; Сибирь; повседневная религиозность.

Most historians of the Evangelical Christian-Baptist (ECB) denomination in the former Soviet Union have focused on the story of male leaders or of congregations more generally [Sawatsky; История евангельских христиан-баптистов в СССР; Савинский; Альманах по истории русского баптизма; Coleman; Никольская; Prokhorov]. Yet the story of ECB women, who regularly constituted 75 to 80 percent of their church membership in the late Soviet period, has until recently been marginalized (noteworthy recent exceptions: [Кондрашина; Dobson; Белякова, Добсон; Beliakova, Dobson]). Drawing upon oral history interviews conducted with individuals who attended ECB congregations in Siberia, this article considers the underexamined aspects of ECB women's "lived religion" in the late Soviet period. Lived religion, as defined by Robert Orsi [Orsi, p. XXXIX], is "the work of social agents/actors themselves as narrators and interpreters (and reinterpreters) of their own experiences and histories, recognizing that the stories we [scholars] tell about others exist alongside the many and varied stor[ies] they tell of themselves" (see also: [Lived Religion in America]).

This article will focus on three of these modes – ECB women as mothers, as participants in their congregations, and as workers in the Soviet workplace. By investigating the way ECB believers construct and interpret their lived experience of the Soviet period and the stories they tell of how faith informed women's lives and identities at home, in their congregations, and in the Soviet workplace, this article will examine (a) the influence of women's encounters with party and state actors upon their religious convictions and (b) the role women played in their families and congregations.

Methodology

Historians have recently utilized oral history in their work on Soviet-era Protestants [Подвиг веры; Белякова, Добсон; Beliakova, Dobson; Белякова, Ключева]. In particular, Nadezhda Belyakova and Miriam Dobson, have observed that the believers they interviewed were “motivated by a desire... to report the truth [of their situations] and to preserve their memory for future generations”, as well as “to present pertinent information to the secular public about the life and history of evangelical communities” [Dobson, p. 37]. Not only is oral history useful for the preservation of believers’ lived experience, but it is also an effective means by which scholars can explore “the female dimension of religiosity... [and] the central role performed by women as key conduits of belief”, as Sarah C. Williams argues [Dobson, p. 27].

The author conducted 41 interviews from December 2014 to July 2015 with 52 ECB subjects, only some of which are cited in this article. Most interview subjects had regularly participated in ECB communities in Siberia – particularly Omsk Oblast, Novosibirsk Oblast, Krasnoyarsk Krai, and Irkutsk Oblast – in the Soviet period.

Brandeis University (IRB Protocol #14165) regulated these interviews, the goal of which was to offer ECB believers the opportunity to tell their stories while assessing how their religious convictions influenced their daily lives. The interviewer began each interview with an open-ended request that the interviewee tell the story of their spiritual journey. During the course of fulfilling that request, most interviewees naturally addressed their experiences with God, life at home, relationships and teachings in their congregations, and encounters with unbelievers in educational institutions and the workplace. If they did not naturally discuss such things, the interviewer would ask them more direct questions.

Although the registered and unregistered status of congregations fluctuated in the post-war period, interview subjects included 30 women and 11 men who were usually part of registered congregations and 7 women and 3 men who were usually part of unregistered congregations (after the union-wide denominational split that took place in the early 1960s)¹. Despite this imbalance, the author still gleaned information about everyday life from key individuals in the unregistered ECB churches in Irkutsk and Omsk. In addition to formal interviews, the author also conducted three informal conversational interviews with two men and one couple. Most interview subjects gave the author permission to use their full names in published work, but initials will be used in this article. The author has all recordings, informed consent forms, and transcripts in her possession. Upon completion of her published work with these interviews, she will donate the materials for those subjects who gave express permission to one archive in Russia and one archive in the USA.

¹ Of the 51 interview subjects for the author’s larger project, 22 are cited within and listed at the end of this article.

The *Baptistka* and the Atheist

One of the more remarkable interviews for this project took place in Krasnoyarsk with OPM² (1937–2015). Three weeks before the interview, doctors had given her only three weeks to live due to cancer; she died two months after the interview. On the day of the interview, she was lucid and had a resolved purpose to tell her story one final time. Her opening remark was, “It was the Communists who pushed me to the Baptists”³. She had grown up fully indoctrinated into the Communist credo. “We were patriots in spirit, at our very essence”, – she said. OPM had been a devoted member of the Communist Youth organization (Komsomol) and had fully intended to become a member of the Communist Party.

In 1955, however, OPM’s cousin invited her to an ECB prayer meeting, which met in an overcrowded, stuffy basement room where she nearly fainted from the heat. As she describes it, she “realized that there is a God, and an internal struggle began”. While she did not make a decision that day to become a Baptist, she decided she could no longer be a Komsomol member, since it was “not honest to carry a Komsomol membership card and to know that God exists”. The next day, she naïvely took her membership card to the Komsomol secretary at her factory. In response, he immediately called the factory’s Komsomol organization to gather, where her co-workers proceeded to mock her for thinking that any god existed. Looking back, OPM sees that her “inroads into the Baptist faith began from that day forward”. The eighteen-year-old endured several weeks of merciless taunting at the combine factory, with co-workers saying, “There goes an American spy!” or, “Look, here comes a *baptistka* [a Baptist girl]!” OPM said she “went to work each day as if to Golgotha” due to this incessant “persecution”. During that time, she made a firm decision, “Whether I become a believer or not, I will absolutely never be with these people!”

The district Komsomol committee eventually summoned OPM to their headquarters to interrogate her, and she surrendered her Komsomol card to them. She reported experiencing both overwhelming anxiety and a deep sense that God had acted through her: “I understood that I had done something from which there was no return”. Not long after withdrawing from the Komsomol, she chose to quit her studies at the highly competitive mechanics’ course at Krasnoyarsk’s Technical Institute, because she believed that she “could not withstand another attempt [by those in authority] to morally wound” her, and she moved 50 kilometers away from Krasnoyarsk to her mother’s village to work in a glass factory where no one knew of her connection to the Baptists. She acknowledged having regretted her decision to quit the institute for the rest of her life.

² The author has chosen to use abbreviations or pseudonyms in place of interview subjects’ full names for this particular article.

³ The author has translated all Russian sources for this article into English.

Meanwhile, according to OPM, a man was sent to the combine factory to inspect its Komsomol records and saw the minutes of the meeting where she had been taunted for having relinquished her Komsomol membership. This young man had enrolled as a student at the Krasnoyarsk Pedagogical Institute in the late 1950s and was an instructor for the city's Komsomol organization. OPM described him as "a no-nonsense *Komsomolets*". According to her, this man became so upset at how poorly the factory's Komsomol organization had dealt with the situation that he made sure its secretary was removed from his post. He somehow discovered where OPM lived, and late one bitter cold Siberian evening, he knocked on her door. When she described opening the door and seeing this man for the first time, she said, "I understood that he had come for my soul". According to her, he told the village factory's Komsomol secretary about her connections with the Baptists. After that, the co-worker whom she had intended to marry never spoke to her again. "It is devastating to endure [the loss of] one's first love, extremely difficult", she recalled. She stopped going to dances and clubs and began to attend Baptist prayer meetings with her relatives in the village and to learn Baptist hymns. When she returned to Krasnoyarsk to study at a technical college for construction, she became a regular attendee at the registered Baptist church, where she converted one day in the late 1950s, starting a relationship with God, whom evangelicals saw as their true First Love (Rev. 2 : 4).

During much of the interview, OPM described the extensive disruption that this person caused in her life, especially in the 1960s, and the way his ardency actually drove her further into the arms of the Baptist congregation, where she was finally baptized in 1967. Despite all this, she said that he "sincerely fought for the youth", being fully convinced that she and others were being led astray by a dangerous ideology. In fact, the phone rang in the middle of the interview, and when her son returned from having answered it, he announced that it had been that very person, calling to see how she was doing! As it turned out, the two had managed to build a respectful relationship over the course of six decades⁴.

This man's daughter included a brief description of her father's relationship with OPM in an interview. Her account of how the two met differs from OPM's account:

One day, on the city's radio station, father heard a broadcast that was unusual for that period. It was about a girl who had been fired from work and expelled from the institute because she became a believer, a Baptist. Outraged at such injustice, father called the radio station, discovered where this unfortunate person lived and set off to save her. He succeeded in restoring her place at work and at the institute, but the fact that [OPM] had ended up 'in the clutches of sectarians' did not give him a moment's peace. That was approximately 1960.

⁴ The author regrets not being able to interview this man, due to schedule constraints while in Krasnoyarsk. For scholarly works that incorporate interviews of Soviet scholars of religion and atheistic workers, see: [Luehrmann; Смолкин-Ротрок; Smolkin-Rothrock].

I will note, jumping ahead, that even today, elderly [OPM] continues to be friendly with my parents and has become almost like a relative to our family. But she has remained a Baptist. It was this incident that first brought [my father] into contact with those groups of believers, who in the Soviet Socialist period seemed alien and an atavism of a shady past [Григорьева].

Although the two accounts of their first meeting differ substantially, what remains constant is that the initial meeting between these two people influenced the trajectory of each of their lives and that they somehow managed to maintain a respectful relationship, despite his persistent efforts to extract her from what he perceived to be “an atavism of a shady past”.

OPM's story highlights the way one woman's everyday life was influenced and changed by her encounter with a passionate individual who was convinced that he was trying to save her from a dangerous religious group. But it also demonstrates the significance of her faith in other aspects of her everyday life. As OPM shared her story, she identified herself as a member of a family, a member of a church, and a citizen of the Soviet Union. She was a wife in a short-lived marriage to an abusive husband who was an unbeliever and a single mother of two sons whom she “always took to church”; a “sister in Christ” within her ECB congregation in Krasnoyarsk; and a dedicated worker at a military factory that could not fire her, despite her problematic faith, since she was too valuable a worker. Indeed, most interviewees identified themselves with a similar focus on the complex, intersecting spheres of home, church, and workplace, to which we now turn.

Mothers as Spiritual Models

In the Siberian Baptist home, the figure of the mother looms large. In fact, interviewees' depictions of their pious mothers were so ubiquitous that the theme of the mother as a conduit of faith to the next generation cannot be ignored. Multiple interviewees, when asked to tell about their spiritual journey, began their stories with the statement, “Well, my mother was a believer” (FG, RP, ANS, SSS, IST, LFV). Many saw their mothers as spiritual models in the way they lived out their faith in the home, in their church communities, and in wider society (ABC, LAG, “Good Son”, VEK, LNS, LFS, MNS).

In ECB communities, the pressure to raise children who would fervently believe as adults was exceptionally high. One interviewee, when asked what responsibilities women had in the *church*, replied, “Above all, a woman must be a light in her *family*. She should be... such a light that her children would come to know God [through her]” (ASD, emphasis added). This statement from a childless woman demonstrates the cultural discourse that evangelical women imbibed while taking part in their religious meetings, particularly the expectation placed upon mothers to raise their children correctly in the midst of a society that was trying to impart upon them an atheist upbringing.

Indeed, children of believing parents became sites of conflict between their parents, who were convinced that God had called them to give their children a Christian upbringing, and school officials, who were mandated from above to give children an atheist upbringing. The city of Omsk, where ECB believers and their children were persistently subjected to administrative and prophylactic oppression both before and after the union-wide ECB split, provides a clear case study for this. In May 1971, when four leaders of the Omsk unregistered ECB congregation had been arrested and were awaiting trial, a schoolgirl whose mother was a member of that church was called in to the school director's office, where she was interrogated by a pre-trial investigator who presumably wanted to find out what these four men had been teaching her at church. Her schoolmate saw what was happening and ran to inform her friend's mother FG, who ran quickly to the school, opened the door to the director's office and told her daughter to leave the room immediately. Relieved that her mother had come to her rescue, the girl left the room; FG refused to stay, leaving the school with her daughter. According to FG, a day or two later, she was summoned to the investigator's office, where she defended her actions, saying, "If our children are in any danger... we parents must defend them". At that point in the story, she turned to the interviewer and said, "Those parents who would say, 'Let the children figure things out for themselves,' it is their children who have left [the church] for the world and have become unbelievers. We must defend our children" (Interview with FG).

In the early 1980s, when LNS (the daughter of one of the four who had been arrested in 1971) was in grade four, she endured merciless taunting and beatings at the hands of her classmates many days on her way home from school. One day, when her class was standing around a small table for a lunch of rice porridge, one of her classmates yelled, "*Baptistka!* We need to beat Baptists!" He rammed the table into LNS and trapped her against the wall behind her, repeating this several times before throwing his bowl of porridge at her. Covered in porridge and mortified at the way she was treated, LNS fled the cafeteria, grabbed her things, and decided she would never return to school again. Upon hearing about this, LNS's mother told school officials, "I will write a letter to the government, because such things absolutely must not continue". This was no veiled threat. LNS's mother LLS had been an assistant for the Siberian contingent of the Council of Prisoners' Relatives since 1975 and had been writing and signing protest letters to Soviet officials since at least 1968 [Родственники узников Западной Сибири]. She was, therefore, accustomed to writing, signing, and mailing letters to government officials concerning the violation of the human rights of her family and co-religionists. According to LNS, school officials begged her mother not to write such a letter and promised things would change. They transferred the culprit to another school. LNS, who returned to school, admitted that although such severe treatment ceased, she still regularly faced less severe harassment while at that school.

Concerning the subcultural expectation of raising children to be strong believers, many ECB women proved equal to the task. YKS extolled his mother as a spiritual model. After praising her for her hard work at feeding twelve children while living in dire poverty in a small urban center in the Omsk Oblast, he discussed her spiritual example:

Concerning spirituality, I see [my mother] in such an uncomplaining motherly ministry that she [took on the role] as a pastor's wife uncomplainingly... For a woman, this role demanded back-breaking labor [because fathers in ministry were gone so often... Mama was a saint... Mama was a model of a Christian woman, a humble model of a woman, a model of a mother. When she was left alone with her children, because they [local authorities] had taken our father, fellow sisters in Christ would come to our home. They would open the Bible, read it, discuss things, weep a little, and pray together (Interview with YKS)⁵.

Like YKS's mother, ECB women who were housewives took on much of the task of providing their children with a spiritual upbringing, knowing that their children's future choices to believe or not to believe would be seen as a reflection of the success of their efforts (LSS, VAS). In contrast, working mothers – who faced the same pressure for their children to become strong believers – discussed the daily challenges they faced and the subsequent difficulties in providing a Christian upbringing within the home (APB, OPM). Yet, even those who admitted that their mothers were so busy with the double burden of workplace and home life that they were unable to directly impart a Christian upbringing to their children – aside from taking them to church regularly – were quick to note that they valued their mothers' holy living, whether exhibited through their loving nature, generosity, and hospitality; the way they responded graciously to hostile coworkers or supervisors; or the way their neighbors saw them as “angels” (LAG, “Good Son”, SSS).

ECB Women in Ministry

Not only was women's spiritual influence crucial at home, but it was also essential in their worshipping communities, particularly in their ministry to children and youth and in their discipleship of other women. In Novosibirsk, through a series of formal and informal interviews, the author discovered that two key ECB leaders attributed their early spiritual formation as preachers and leaders to two women who led their youth group in the 1970s. These men, who adhere to a strict interpretation of Scripture with respect to male leadership in churches, claimed proudly and respectfully that these two women taught them how to preach (EAG; see also: [Кононенко]). Meanwhile, the younger of the two women, SSS, down-

⁵ YKS's father was sentenced to five years in prison in 1961. He would later become a key provincial and national leader for the registered ECB denomination.

played her ministry in an interview, suggesting that she merely encouraged the two young men in their first attempts at leading Bible study and preaching.

During another interview, RP praised her first discipler, a German woman who was a deaconess in the registered ECB church in Omsk. RP received the following letter from her when she was baptized in 1976 (recited by heart during the interview):

(RP),

You have now stepped forth to follow the Lord. Tell this to your household firmly and decisively, but peacefully, with love. Follow the Lord. Feed on the Word of God. Read it often. Remain in fellowship with the church. Do not forsake gathering [with fellow believers]. Even the smallest transgression is dangerous. Take it quickly to Christ. The Lord will forgive every sin, every transgression, whether large or small. Bow before Him, ask forgiveness. And do not be afraid.

Love you,

(NP).

Rufina's sponsor gave her a notebook full of scriptural affirmations. In the context of a severe shortage of Bibles and no opportunities for an official theological education, such notebooks often worked in conjunction with Baptist hymnals to form the backbone of women's theological knowledge.

Historian Constantine Prokhorov considers the demographic preponderance of women one of several "serious internal weaknesses" of late-Soviet ECB churches [Prokhorov, p. 20]. Yet, the roles played by women like SSS in Novosibirsk and NP in Omsk were vital for the ongoing health of their ECB congregations. Indeed, women in Soviet Siberia were an integral part of their communities, sustaining theological cohesion, an evangelistic impulse, and spiritual and social bonds through their readiness to "lead from within".

ECB Women in the Soviet Workplace

The Soviet workplace was a regular site of encounter between evangelical believers and "the outside world". Standard images of ECB women in the Soviet Union consist either of dutiful housewives with large broods of children or of elderly retirees. Yet, women from each ECB congregation were employed in jobs such as nursing, sewing, agriculture, and factory work, demonstrating that this reductionist image must be expanded.

ASD worked at a factory in Omsk during the Great Fatherland War (WWII). In 1944, her coworker invited her to a Baptist gathering at a private home. ASD loved the hymns, and the sermon touched her so much that the following week, she took her entire family – her parents, brother and sister-in-law. Soon, they had all converted. She was baptized in June 1945, along with nine other people, including Georgii Vins (1928–1998),

who would later become a well-known leader of the unregistered Council of ECB Churches.

By the end of the war, ASD had enrolled in a medical technical college and passed her courses at the top of her class. She started working at a prison hospital run by the Ministry of Internal Affairs. In 1949, she married a factory worker who had been baptized a year earlier. ASD worked for over thirty years as a nurse, most of those years at a medical clinic, after transferring from the prison hospital. All the while, she was an active member of her church, singing alto in the choir, organizing special events, hosting visiting preachers, and serving as a night attendant. ASD loved her job, recalling that she constantly prayed for her coworkers and patients. She explained that since she wanted to glorify God in everything, she did the best work she could, always having superiorly starched uniforms; writing reports concisely and accurately; and politely interacting with everyone she encountered, even when they were impolite toward her. In so doing, she was trying to live by the biblical concept of “working as unto the Lord” (Col. 3 : 23).

During the interview, ASD recounted two stories of particular importance. The first story involved a time when the party secretary of the Oktiabrskii District in Omsk denounced her in a speech at the sixtieth-anniversary celebration of the October Revolution. The party secretary announced, “A *baptistka* in our organization receives illegal literature from America and attends an unregistered prayer house. We have assigned a radiologist [at her workplace] to re-educate (ASD)”. At the pronouncement, the crowd gasped, and a co-worker turned to ASD, saying, “We never knew you were an enemy of the people!” She claims to have felt at that moment like Christ on the cross when all his friends had abandoned him. The next day, the clinic’s head doctor and party secretary, two women ASD knew well, approached her at work to discuss the denunciation. She denied having received any literature from the United States and explained that she was in fact a member of the *registered* ECB church, which could be easily proven by the congregational lists kept by the provincial commissioner of the Council for Religious Affairs⁶. The clinic’s party secretary said, “How dare that person say such lies about you!” She then turned to the head doctor and said, “I’ve been summoned to a meeting with the city’s party committee. Shall I report that you have educated (ASD)?” The head doctor laughed, “Yes, she has been re-educated”. The clinic’s party secretary vigorously defended ASD the next day before her superiors. Recounting these events four decades later, ASD interpreted her employer’s defense as divine favor, saying, “I see God’s hand in this”.

Second, ASD recalled having been put in charge of preparing a patient for a surgical procedure to be conducted by a well-respected surgeon in the city. Following the surgery, she overheard an exchange between the surgeon and another nurse at the medical clinic. The surgeon said, “I just love

⁶ Confirmed in the archival record: [ИАОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 43. Л. 3—5 об.; Оп. 1. Д. 49. Л. 6—22].

that nurse (ASD)". The nurse replied, "But she is a *baptistka!*" According to ASD, the surgeon replied, "It's fine that she is a *baptistka*. She is reliable and honest, and I appreciate her".

ASD's stories demonstrate three patterns in evangelical women's employment. First, their religious beliefs regularly had a positive influence on the quality of their work. Second, some state and party officials occasionally ignored "sectarian" women's contributions to the workplace and instead portrayed them as treasonous criminals. Finally, employers or co-workers could play an important role in the retention or dismissal of evangelical women workers. ASD's example of her superiors defending her against false accusations or suspicions was not altogether atypical (TGP, SSS, VAC), indicating that not every state or party functionary saw their co-workers' or employees' faith as sufficiently dangerous to lead them to take active measures against so-called sectarians.

* * *

Oral history allows researchers to understand the everyday life of those who were often deemed "dangerous sectarians" by those whose records are kept in Soviet archives. The constructed narratives of OPM and ASD indicate that ECB women's daily interactions with zealous atheists strengthened their religious convictions. Both women's stories reflect a certain ambiguity with respect to their encounters with Komsomol and Communist Party members. In OPM's case, although her repeated encounters with atheists "pushed" her toward the Baptists and away from the Communist Party, she and a key player in the atheistic frontline maintained at least a modicum of mutual respect. In ASD's case, despite the fact that a high-ranking party official several degrees removed from her medical clinic reported misinformation about her in a public setting that impacted her negatively by inciting fear and suspicion in her co-workers, her supervisors were willing to defend her to those ranked above and below them.

In addition, ECB women played a vital role in preserving the faith of their families and congregations. From a very young age, ECB women were inculcated with the expectation that mothers are responsible for raising their children to be faithful believers. Women often experienced this as external pressure, but many interview subjects acclaimed their mothers as spiritual models of good character. Moreover, despite the theological conviction that only men could lead congregations, women played an active role in teaching and mentoring men and women via their ministry to youth and their discipleship of other women.

The constructed narratives of ECB believers shed significant light on the way they understood and interpreted women's roles and experiences. ECB women – in their roles as mothers, "sisters in Christ", and youth leaders – actively sought to shape the religious foundations of future generations, thereby preserving the Baptist faith. In their role as workers, ECB women saw their work ethic and collegial relationships in the Soviet workplace as

informed by their faith, despite the suspicion they experienced from certain co-workers and employers. And although some believers left their churches after encounters with atheistic workers, some women look back on such encounters as catalysts for the further shaping and strengthening of their religious convictions (see: [Мы были баптистами]).

List of interviews (alphabetical by first initial, preserved in author's personal archive)

- ABC (b. 1941), Krasnoyarsk, March 19, 2015.
 ANS (b. 1926), Novosibirsk, April 22, 2015.
 APB (b. 1935), Minusinsk, March 9, 2015.
 ASD (b. 1923), Omsk, December 11, 2014.
 EAG (b. 1954), Novosibirsk, May 9, 2015.
 FG (b. 1934), Omsk, June 9, 2015.
 "Good Son" (b. 1940s), Minusinsk, March 8, 2015.
 IST (b. 1958), Irkutsk, March 31, 2015.
 LAG (b. 1957), Novosibirsk, May 11, 2015.
 LFS (b. 1950), Krasnoyarsk, February 26, 2015.
 LFB (b. 1950), Irkutsk, April 13, 2015.
 LLS (b. 1931), Omsk, June 2 and 9, 2015.
 LNS (b. 1971), Omsk, June 2, 2015.
 MNS (b. 1923), Novosibirsk, April 29, 2015.
 OPM (1937-2015), Krasnoyarsk, March 19, 2015.
 RP (b. 1938), Omsk, December 17, 2014.
 SSS (b. 1950), Novosibirsk, April 27, 2015.
 TGP (b. 1921), Omsk, June 7, 2015.
 VAC (b. 1949), Minusinsk, March 10, 2015.
 VAS (b. 1960), Irkutsk, April 14, 2015.
 VEK (b. 1932), Minusinsk, March 9, 2015.

Список литературы

- Альманах по истории русского баптизма : в 4 вып. / сост. М. С. Каретникова. СПб. : Библия для всех, 1999–2009. Вып. 1. 313 с. Вып. 2. 431 с. Вып. 3. 352 с. Вып. 4. 302 с.
 Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах в послевоенном СССР. 1940–1980-е гг. : Исследование и источники. М. : Индрик, 2015. 511 с.
 Белякова Н. А., Клюева В. П. Духовные поиски евангельских верующих в послевоенного СССР // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 311–329.
 Григорьева Л. И. «В религиозное образование я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла» : интервью с Людмилой Ильиничной Григорьевой // Телескоп [сайт]. 2013. № 5–6. URL: www.socioprognoz.ru/files/File/1/grigorieva.pdf (дата обращения: 14.04.2017).
 ИАОО. Ф. Р-2603. Оп. 1. Д. 43, 49.
 История евангельских христиан-баптистов в СССР. М. : ВСЕХБ, 1989. 624 с.
 Кондрашина Е. Женщины в общинной жизни протестантских церквей в СССР (1945–1991 гг.) // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. Вып. 1. С. 151–171.
 Кононенко Ю. Может ли девушка руководить молодежью? // 95 лет Церкви ЕХБ в Новосибирске. Новосибирск : Посох, 1998. С. 33.
 Мы были баптистами / под ред. В. И. Голубовича. М. : РОССПЭН, 1960. 111 с.
 Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002. 356 с.

- Подвиг веры: уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР / сост. и ред. К. Прохоров. Омск : Наука, 2010. 400 с.
- Родственники узников Западной Сибири : Заявление Председателю Совета Министров т. Косыгину (8 августа 1968 г.) // Keston Center for Religion, Politics, and Society. SU-Ini-6-8-S. 3 p.
- Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии : в 2 т. СПб. : Библия для всех, 2001. Т. 2. 1917–1967 гг. 440 с.
- Смолкин-Потрок В. Интервью с профессором Николаем Семеновичем Гордиенко // Путь ученого : Николай Семенович Гордиенко / под ред. М. Ю. Смирнова. М. : Особая книга, 2013. С. 25–61.
- Beliakova N., Dobson M. Protestant Women in the Late Soviet Era : Gender, Authority, and Dissent // *Canadian Slavonic Papers*. 2016. Vol. 52, no. 2. P. 117–140.
- Coleman H. J. *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. 305 p.
- Dobson M. Child Sacrifice in the Soviet Press : Sensationalism and the ‘Sectarian’ in the Post-Stalin Era // *The Russian Rev.* 2014. Vol. 73. P. 237–259.
- Lived Religion in America : Toward a History of Practice / ed. by D. D. Hall. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997. 254 p.
- Luehrmann S. *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2011. 276 p.
- Orsi R. *The Madonna of 115th Street : Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. N. Haven : Yale Univ. Press, 2002. 287 p.
- Prokhorov C. *Russian Baptists and Orthodoxy, 1960–1990 : A Comparative Study of Theology, Liturgy, and Traditions*. Carlisle : Langham Monographs, 2013. 487 p.
- Raleigh D. J. *Soviet Baby Boomers : An Oral History of Russia’s Cold War Generation*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. 420 p.
- Sawatsky W. *Soviet Evangelicals since World War II*. Scottsdale ; Pennsylvania: Herald Press, 1981. 528 p.
- Smolkin-Rothrock V. ‘The Confession of an Atheist Who Became a Scholar of Religion’ : Nikolai Semenovich Gordienko’s Last Interview // *Kritika*. 2014. Vol. 15, no. 3. P. 597–620.
- Williams S. C. *The Problem of Belief : The Place of Oral History in the Study of Popular Religion* // *Oral History*. 1996. Vol. 24, no. 2. P. 27–34.

References

- Beliakova, N., Dobson, M. (2016). Protestant Women in the Late Soviet Era: Gender, Authority, and Dissent. In *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 52. No. 2, pp. 117–140.
- Belyakova, N. A., Klyueva, V. P. (2016). Dukhovnye poiski evangel'skikh veruyushchikh v poslevoennom SSSR [The Spiritual Explorations of Evangelical Believers in Post-War USSR]. In *Dialog so vremenem*. No. 55, pp. 311–329.
- Belyakova, N. A., Dobson, M. (2015). *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh v poslevoennom SSSR. 1940–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in the Evangelical Congregations of Post-War USSR, 1940–1980s]. Moscow, Indrik. 511 p.
- Coleman, H. J. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 305 p.
- Dobson, M. (2014). Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the ‘Sectarian’ in the Post-Stalin Era. In *The Russian Rev.* Vol. 73, pp. 237–259.
- Golubovich, V. I. (Ed.). (1960). *My byli baptistami* [We Used to be Baptists]. Moscow, ROSSPEN. 111 p.
- Grigor'eva, L. I. (2013). ‘V religiovedenie ya niotkuda ne prikhodila. Ya v nem rodilas’, sformirovalas’ i vyrosla’: Interv'yu s Lyudmiloi Il'ichnoi Grigor'evoi [‘I Did not Arrive at Religious Studies from Anywhere. I Was Born, Shaped, and Raised within Them: An Interview with Lyudmila Il'ichna Grigor'eva]. In *Teleskop*. No. 5–6. URL: www.socioprognoz.ru/files/File/1/grigorieva.pdf (mode of access: 14.07.2017).
- Hall, D. D. (Ed.). (1997). *Lived Religion in America: Toward a History of Practice*. Princeton, Princeton Univ. Press. 254 p.

- IAOO [State Historical Archive of Omsk Oblast]. Stock R-2603. List 1. Dos. 43, 49.
- Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* [The History of the Evangelical Christians-Baptists in the USSR]. (1989). Moscow, Vsesoyuznyi sovetskiy gosuchebno-nauchnyi tsentr. 624 p.
- Karetnikova, M. S. (Ed.). (1999–2009). *Al'manakh po istorii Russkogo Baptizma v 4 vyp.* [Almanac on the History of the Baptist Faith in Russia. 4 Issues.]. St Petersburg, Bibliya dlya vsekh. Iss. 1. 313 p. Iss. 2. 431 p. Iss. 3. 352 p. Iss. 4. 302 p.
- Kondrashina E. (2014). Zhenshchiny v obshchinnoi zhizni protestantskikh tserkvei v SSSR (1945–1991 gg.) [Women in the Congregational Life of Protestant Churches in the USSR (1945–1991)]. In *Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 32. Iss. 1, pp. 151–171.
- Kononenko, Yu. (1998). Mozhet li devushka rukovodit' molodezh'yu? [Can a Young Woman Lead Youth?]. In *95 let Tserkvi evangel'skikh khristian-baptistov v Novosibirsk* [95 Years of the ECB Church in Novosibirsk]. Novosibirsk, Posokh, p. 33.
- Luehrmann, S. (2011). *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 276 p.
- Nikol'skaya, T. K. (2002). *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 356 p.
- Orsi, R. (2002). *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. N. Haven, Yale Univ. Press. 287 p.
- Prokhorov, C. (2013). *Russian Baptists and Orthodoxy, 1960-1990: A Comparative Study of Theology, Liturgy, and Traditions*. Carlisle, Langham Monographs. 487 p.
- Prokhorov, K. (Ed.). (2010). *Podvig very: unikal'nye svidetel'stva o zhizni khristian v SSSR* [Feats of Faith: Unique Testimonials of the Lives of Christians in the USSR]. Omsk, Nauka. 400 p.
- Raleigh, D. J. (2012). *Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia's Cold War Generation*. N. Y., Oxford Univ. Press. 420 p.
- Rodstvenniki uznikov Zapadnoi Sibiri [Relatives of Prisoners of Western Siberia.]. (1968). Zayavlenie Predsedatelyu Soveta Ministrov t. Kosyginu (8 avgusta) [Declaration to the Chair of the Council of Ministers, Comrade Kosygin from Relatives of Prisoners from Western Siberia (8 August)]. In *Keston Center for Religion, Politics, and Society*. SU-Ini-6-8-S. 3 p.
- Savinskii, S. N. (2001). *Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov Ukrainy, Rossii, Belorussii v 2 t.* [The History of the Evangelical Christians-Baptists of Ukraine, Russia, and Belarus. 2 Vols.]. St Petersburg, Bibliya dlya vsekh. Vol. 2. 1917–1967 gg. 440 p.
- Sawatsky, W. (1981). *Soviet Evangelicals since World War II*. Scottdale, Pennsylvania, Herald Press. 528 p.
- Smolkin-Rothrock, V. (2014). 'The Confession of an Atheist Who Became a Scholar of Religion': Nikolai Semenovich Gordienko's Last Interview. In *Kritika*. Vol. 15. No. 3, pp. 597–620.
- Smolkin-Rotrok, V. (2013). Interv'y u s professorom Nikolaem Semenovichem Gordienko [An Interview with Professor Nikolai Semenovich Gordienko]. In Smirnov, M. Yu. (Ed.). *Put' uchenogo: Nikolai Semenovich Gordienko* [A Scholar's Way: Nikolai Semenovich Gordienko]. Moscow, Osobaya kniga, pp. 25–61.
- Williams, S. C. (1996). The Problem of Belief: The Place of Oral History in the Study of Popular Religion. In *Oral History*. Vol. 24. No. 2, pp. 27–34.

The article was submitted on 02.04.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.307
УДК 279.17+274/278+94(470.5)"20"

**«НИКТО СИЛЬНО НЕ ДАВИЛ, А ЛЮДИ СЛУШАЛИ
ВЕСТЬ О ЦАРСТВЕ»: «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИСТОРИКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ***

Елена Главацкая

Надежда Попова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“NOBODY PRESSED HARD, AND PEOPLE LISTENED
TO THE MESSAGE OF THE KINGDOM”. JEHOVAH’S
WITNESSES OF SVERDLOVSK REGION:
A HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDY****

Elena Glavatskaya

Nadezhda Popova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the history of the *Jehovah’s Witnesses* religious movement in Sverdlovsk region between the late 20th and early 21st centuries. This is an attempt to study the most closed and unwanted religious minority in contemporary Russia. The study references mass media materials, websites, including those officially owned by *Jehovah’s Witnesses*, magazines, and other print media used as instructive materials. The authors also conducted field research, mak-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а.

** *Citation*: Glavatskaya, E., Popova, N. (2018). “Nobody Pressed Hard, and People Listened to the Message of the Kingdom”. *Jehovah’s Witnesses of Sverdlovsk Region: A Historical and Anthropological Study*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 468–484. DOI 10.15826/qr.2018.2.307.

Цитирование: Glavatskaya E., Popova N. “Nobody Pressed Hard, and People Listened to the Message of the Kingdom”. *Jehovah’s Witnesses of Sverdlovsk Region: A Historical and Anthropological Study* // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 468–484. DOI 10.15826/qr.2018.2.307 / Главацкая Е., Попова Н. «Никто сильно не давил, а люди слушали весть о Царстве»: «Свидетели Иеговы» Свердловской области в историко-антропологическом освещении // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 468–484. DOI 10.15826/qr.2018.2.307.

ing observations and collecting interviews among *Jehovah's Witnesses* in 2014–2016. The information obtained helps them reconstruct the history of *Jehovah's Witnesses* in the region and determine their number, social status, age, and gender. The article shows that their numbers grew rapidly in the early 1990s. Active confrontation with the Orthodox Church and the tightening of state policy towards this movement started in the first decade of the 21st century. This brought about the further isolation of the religious group and influenced their religious practices. It is established that the number of *Jehovah's Witnesses* in the region reached 3,000 followers in 2016, with the largest community of over 1,000 members being based in Yekaterinburg. The core of their religious practices is the study of the Bible on their own, together with their families, or as part of their weekly gatherings and sermons. This religious minority provides spiritual support and answers to a number of social issues that neither the state nor other denominations have been able to cope with so far.

Keywords: *Jehovah's Witnesses*; religious life in contemporary Russia; religious minority; Urals; Protestantism.

Статья посвящена истории появления и развития религиозного движения «Свидетели Иеговы» на территории Свердловской области в конце XX – начале XXI в. Это первый опыт академического исследования одного из наиболее закрытых и негативно оцениваемых религиозных сообществ современной России. Работа построена на анализе материалов СМИ, интернет-ресурсов, в том числе официально принадлежащих самим «Свидетелям Иеговы», а также их печатных изданий. Информация, полученная в ходе полевых исследований в 2014–2016 гг., позволила частично реконструировать историю этого религиозного движения в регионе на протяжении нескольких десятилетий, численность его участников, состав и практики. Установлено, что активный рост числа членов и количества групп «Свидетелей Иеговы» на территории Свердловской области происходил со второй половины 1990-х до начала 2000-х гг. Противостояние с представителями православной общественности, начавшееся в середине первого десятилетия XXI в., и ужесточение государственной политики в отношении этого движения привели к усилению замкнутости и отчасти изменили его практики. Установлено, что численность «Свидетелей Иеговы» по области в 2016 г. достигала 3 тыс. чел., самая крупная община – более тысячи человек – сложилась в Екатеринбурге. Основу религиозных практик движения составляли индивидуальное, семейное, а также коллективное изучение Библии во время еженедельных встреч и проповеди. Это религиозное меньшинство осуществляло духовную поддержку и давало ответы на ряд социальных вызовов, с которыми государству, другим деноминациям и обществу пока не удалось справиться.

Ключевые слова: «Свидетели Иеговы»; религиозная жизнь в современной России; религиозное меньшинство; Урал; протестантизм.

Изменение политической ситуации и законодательства в отношении религии в России в начале 1990-х гг. открыло возможности миссионерской деятельности в стране и инициировало духовный поиск в широких слоях населения. Это привело к появлению новых деноминаций и активному развитию тех, которые долгое время находились на нелегальном положении. «Свидетели Иеговы» были одним из таких новых для России религиозных движений. Оно четко ассоциировалось с Западом, негативно воспринималось большей частью населения, а в 2017 г. было запрещено как экстремистское.

На протяжении двух десятилетий они стали заметным элементом религиозного ландшафта Свердловской области: развернули активную работу по организации съездов и проведению проповедей, приобрели значительное число последователей, не раз оказывались объектом атак православных активистов, привлекали внимание представителей СМИ и правоохранительных органов Свердловской области. Работ академического плана, посвященных их появлению и истории развития на Урале, практически нет, и этот пробел частично восполняет публикуемая статья¹. Работа основана на анализе интернет-ресурсов «Свидетелей Иеговы», Русской православной церкви, материалов СМИ. Значительная информация была получена в ходе полевых исследований, проведенных Н. Ю. Поповой в 2014–2016 гг.²

«Общество Свидетелей Иеговы» — международная религиозная организация, возникновение которой связано с именем американского проповедника Чарлза Т. Рассела, основавшего в 1870 г. движение Исследователей Библии (*Bible Students movement*), а позднее и печатный орган «Сторожевая башня» (*Watch Tower*)³. В конце XIX в. кружки исследователей Библии появились почти во всех странах Центральной и Восточной Европы, откуда проникли в Россию [Свидетели Иеговы в России, с. 241; Бережко, Слупина, с. 25]. В 1913 г. представительство исследователей Библии было зарегистрировано в Великом Княжестве Финляндском [Иваненко, 2002, с. 108], но после обретения Финляндией независимости эти общины оказались за пределами

¹ Исключение составляет магистерская диссертация Н. Ю. Поповой, материалы которой легли в основу данной статьи.

² Все полученные материалы, интервью и результаты наблюдений находятся в личном архиве Н. Ю. Поповой (далее – ЛА Поповой).

³ «Свидетели Иеговы» имеют единую организационную структуру и практики, постоянно развивающееся вероучение, отличающееся от других христианских деноминаций. Источником знаний о Боге они признают только Библию и придерживаются унитарной доктрины: лишь Иегова является Богом-Творцом, Иисус Христос – Его творением, Сыном, а Святой Дух – действующей силой. Ключевым событием будущего, согласно их вероучению, станет Армагеддон, после которого 144 тыс. последователей Христа вознесутся на небо и станут его соправителями в Небесном Царстве, другие праведники останутся жить на земле вечно. В ожидании конца света Свидетели Иеговы ведут здоровый образ жизни. Особенностью вероучения является то, что кровь воспринимается ими как жизнь, данная Богом, поэтому верующие отказываются от ее употребления, в том числе в медицинских целях. Несение воинской службы считается противоречащим вере.

России. Когда в 1920-е гг. в Советской России прошла компания по регистрации религиозных организаций, «Исследователям Библии», группы которых появились после 1917 г. в западных районах страны, было в ней отказано. Современное название общества «Свидетели Иеговы» было принято лишь в 1931 г. после его значительной реорганизации.

Первые группы «Свидетелей Иеговы» появились в СССР накануне Второй мировой войны, когда в его состав были включены территории Западной Украины, Бессарабии и Прибалтики. Смягчение конфессиональной политики в СССР в 1944–1950 гг. на «Свидетелей Иеговы» не распространялось, поскольку последователи этого учения воспринимались как участники не столько религиозных, сколько политических объединений [Советов]. В силу этого они постоянно находились под особым надзором органов государственной безопасности. Отказ от службы в армии и проповедь пацифизма в условиях войны неизбежно влекли наказание: Свидетелей Иеговы осуждали за «антисоветскую деятельность» на длительные сроки и выселяли в Сибирь [Иваненко, 1999, с. 130–131]. Таким образом, ссылка, как и в случае с евангельскими христианами и баптистами [Главацкая, Попова], стала одним из основных каналов проникновения Свидетелей Иеговы на Урал. Согласно материалам Архива УФСБ РФ по Свердловской области, в поселке Баранча в конце 1959 г. была группа верующих иеговистов в количестве 25 чел. Также небольшие группы были в Волчанске, Нижнем Тагиле, Новой Утке, Талице, Каменске-Уральском, Полевском, Камышлове и Верхней Пышме. Эти собрания были ликвидированы в результате мероприятий «по разложению группы», проведенных местными партийными организациями [Мотревич], что, впрочем, не обязательно означало их фактическую ликвидацию.

Материалов о судьбе общин в Свердловской области в 1960–1980-е гг. пока обнаружить не удалось. Данные о местных собраниях появились лишь в начале 1990-х гг. О более ранних этапах истории местных групп никто из опрошенных в 2014–2016 гг. представителей движения информацией не располагал. Таким образом, реконструировать историю местного сообщества можно лишь начиная с 1990-х гг. и на основе материалов прессы и полевых исследований в общинах.

«Свидетели Иеговы» – сложный объект для исследователя. Верующие опасались говорить о прошлом своих общин, называть фамилии и имена, не соглашались на использование видео- и аудиоаппаратуры и с беспокойством относились к попыткам вести записи интервью. По мнению одного из участников интервью, подобные действия четко ассоциировались с практикой допроса, а человек, желающий вникнуть в жизнь общины, вызывал недоверие [ЛА Поповой. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 2]. Такая реакция была связана с историей движения и негативным опытом взаимодействия с властными структурами в последнее десятилетие. Регулярное открытие следственных дел в отношении Свидетелей Иеговы начиная с 2008 г. усилило их замкнутость.

В процессе полевых исследований удалось изучить десять собраний «Свидетелей Иеговы» методом включенного наблюдения (всего 24 наблюдения) и бесед в свободной форме (опрошено 9 мужчин и 14 женщин в возрасте от 10 до 56 лет). Полученная информация позволила частично реконструировать историю общин региона на протяжении нескольких десятилетий, определить их численность и состав, изучить формы деятельности.

«Свидетели Иеговы» Свердловской области в период с 1990-х по 2016 г.

По свидетельствам верующих, первые последователи «Свидетелей Иеговы» появились в Екатеринбурге практически сразу после распада СССР. Несмотря на относительно небольшой период времени, прошедший с этого события, очевидцев и участников первых проповедей выявить не удалось. Это объясняется высокой мобильностью проповедников. Разъездные надзиратели⁴ и возвещатели⁵, сформировав в населенном пункте ядро новой общины, отправлялись осваивать новые территории для проведения проповеди. В результате их деятельности в России в начале 1990-х гг. резко увеличилось число групп «Свидетелей Иеговы». Этому способствовали изменение государственной политики в отношении религии и официальная регистрация объединений [Кантеров].

Екатеринбургская община была зарегистрирована управлением Министерства РФ по налогам и сборам по Свердловской области в 1994 г., получив статус местной религиозной организации «Свидетелей Иеговы» (далее – МРО) [МРО «Свидетелей Иеговы»]. Согласно сведениям верующих, к 1995 г. собрания (сообщества) имелись также еще в 13 городах Свердловской области⁶, некоторые из этих собраний были достаточно активными. Так, в Ирбите в 1996–1997 гг. члены собрания еженедельно проводили поквартирные обходы. Проповеди «от двери к двери» вели в основном пожилые женщины, которые приходили парами и приносили выпуски журнала «Пробудитесь!» – официального печатного издания движения [ЛА Поповой. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. В 1998 г. прошли регистрацию городские собрания «Свидетелей Иеговы» Первоуральска, Краснотурьинска, Серова, Нижнего Тагила и Нижней Туры. Неприятие насилия, алкоголя и наркотиков, ставших настоящим бедствием в стране, а также идеи о грядущем вечном земном рае и отсутствии адских мук для грешни-

⁴ Надзиратель – старейшина. Разъездные надзиратели выполняли функции наблюдения и попечения за какой-либо частью служения или территорией.

⁵ Возвещатель (Царства Иеговы) – член собрания, участвующий в проповеди и сдающий о ней отчеты.

⁶ Города Верхняя Пышма, Нижний Тагил, Первоуральск, Краснотурьинск, Нижняя Тура, Лесной, Тавда, Серов, Североуральск, Ревда, Камышлов, Асбест и Ирбит [ЛА Н. Ю. Поповой. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 1].

ков сделали это движение популярным в среде россиян, а способы его продвижения с помощью проповедей активных миссионеров и раздачи популярной литературы оказались весьма успешными. Верующий из Екатеринбурга так описал свой приход к движению в 1994 г.:

...Я обратил внимание на то, как в публикациях «Свидетелей Иеговы» объясняются вопросы, которые меня очень сильно волновали. Например, почему в мире так много зла, почему Бог допускает страдания, что происходит с человеком после смерти. Меня интересовали вопросы, какое будущее ждет людей, как поступать мудро. Удивительным образом я нашел ответы на эти вопросы в публикациях («Свидетелей Иеговы». – Е. Г., Н. П.) [Плюснина].

К концу 1990-х гг. собрания «Свидетелей Иеговы» стали заметным явлением в городском пространстве Екатеринбурга. Одной из форм их деятельности была организация конгрессов, собиравших по несколько тысяч человек, где выступали региональные лидеры, разыгрывались театрализованные постановки, проводились крещения тех, кто прошел изучение Библии и в течение двух-трех лет принимал участие в проповедях [ЛА Поповой. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 2]. По данным представителей Русской православной церкви (далее – РПЦ), на конгрессах могло присутствовать до 8 тыс. верующих [Зайцева]. Сам факт проведения конгресса был свидетельством активного роста численности верующих в конце 1990-х гг. и высокой потребности населения в этой форме духовного общения.

У «Свидетелей Иеговы» Екатеринбурга, как и у большинства протестантских общин, появившихся на карте города в 1990-х гг., не было своего помещения, и для собраний, проводившихся дважды в неделю, они арендовали залы ДК им. Гагарина и ДК «Эльмаш». По воспоминаниям одной из участниц движения, собрания в ДК им. Гагарина насчитывали до 200 чел. [Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. Л. 1]. Первая половина 1990-х гг. была «золотым временем» в истории движения, по мнению члена екатеринбургского собрания: «Никто сильно не давил, а люди слушали весть о Царстве» [Там же]. Со второй половины 1990-х гг. ситуация начала меняться, что проявилось в усилении противостояния с православными активистами. В результате «Свидетелям Иеговы» пришлось поменять место проведения собраний [Зайцев]. Городские власти заняли нейтральную позицию в отношении движения, соблюдая законодательно провозглашенную свободу вероисповедания. В 2001 г. глава Екатеринбурга А. Чернецкий выделил землю под строительство Зала Царства – здания для собраний и богослужений «Свидетелей Иеговы» в Орджоникидзевском районе на пустыре возле лесопарка Калиновский [Глава Екатеринбургa], которое так и не было построено, поскольку верующим не удалось получить согласие жителей близлежащих домов [Представители ПАСЕ].

Число активных «Свидетелей Иеговы» в Екатеринбурге к 2002 г., по данным лидера этой организации в Уральском регионе Сергея Филимонова, достигало 1200 чел., а на летний ежегодный трехдневный конгресс ожидалось прибытие 8,5 тыс. чел. [В Екатеринбурге разгорается скандал]. Конгресс действительно собрал более 8 тыс. чел., несмотря на пикетирование, организованное представителями миссионерского отдела Екатеринбургской епархии. Собрание проходило в течение нескольких часов, причем среди его участников были пенсионеры и женщины с грудными детьми, то есть наиболее незащищенные социальные группы населения. Во время конгресса было проведено массовое крещение в специально установленном бассейне [Съезд Свидетелей Иеговы]. В 2002–2003 гг. прошли регистрацию и перерегистрацию несколько общин «Свидетелей Иеговы» в вышеупомянутых городах Свердловской области⁷.

Определенным рубежом во взаимоотношениях с властью и обществом для российских Свидетелей Иеговы стал 2004 г. Ликвидация религиозной организации в Москве вызвала эффект домино в регионах: несколько МРО были также закрыты, верующим предъявляли обвинения в распространении экстремистских материалов. Под влиянием закрепившихся стереотипов прошла волна срывов богослужений. В Екатеринбурге летом 2004 г. было сорвано проведение традиционного ежегодного трехдневного конгресса. Стадион, где должно было состояться мероприятие, был «оцеплен “людьми в гражданском”, которые не позволяли участникам пройти внутрь. А когда они все-таки проникли на стадион, традиционные выступления были сорваны» [Екатеринбург. Областной конгресс]. В пикетировании принимали участие православные активисты, которые держали оскорбительные плакаты, обвинявшие Свидетелей Иеговы в сотрудничестве с фашистами. Одна из членов общины вспоминала об этом в 2016 г.: «...и православные пришли, фашистами называли нас» [Л.А. Поповой. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 1]. Этот факт подтверждают и фотографии, сделанные А. Пименовым во время сорванного конгресса 2004 г. [Екатеринбург. Областной конгресс]. Между тем, общеизвестным является факт того, что представители движения «Свидетели Иеговы» преследовались фашистским режимом, многие закончили жизнь в концлагерях за отказ сотрудничать [Garbe, p. 100, 102, 514]. Вслед за этим событием последовала череда отказов в аренде помещений для проведения собраний [Мэрия Полевского]. Проведение традиционного ежегодного областного конгресса 2016 г. также было пикетировано и сорвано православными активистами.

По мнению представителей движения «Свидетелей Иеговы», решающим в их судьбе стал факт внесения поправок в закон об экстре-

⁷ Екатеринбургская религиозная организация «Свидетелей Иеговы» была перерегистрирована управлением МНС России по Свердловской области 27 января 2003 г. Ее учредителями стали 997 членов общины [РО Свидетелей Иеговы].

мизме в 2006 г. В новой редакции к экстремизму могло быть отнесено публичное высказывание об исключительности своей веры. Активное применение нового закона в отношении «Свидетелей Иеговы» Свердловской области началось в 2008 г. Прокатилась серия процессов по их обвинению в распространении экстремистской литературы. Представители правоохранительных органов приходили на богослужения, изымали литературу (в частности журналы «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!»). Эксперты из числа сотрудников ФСБ признавали их публикации экстремистскими, и суд, как правило, с ними соглашался [Плюснина]. Так, летом 2008 г. несколько верующих г. Асбеста были доставлены в милицию, подвергнуты обыску, вся литература была у них конфискована [Свидетели Иеговы. Новая волна, с. 6]. Спустя год уголовное дело в отношении руководителя общины «Свидетелей Иеговы» в Асбесте было прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Религиоведческая экспертиза 27 печатных изданий «Свидетелей Иеговы» «негативных установок в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или отдельных лиц» не обнаружила, «признаков экстремистской деятельности» не установила [Прекращено уголовное дело]. Несмотря на решения суда в пользу «Свидетелей Иеговы» Асбеста, действия правоохранительных органов продолжились в других городах Свердловской области. Так, в феврале 2009 г. в г. Богдановиче в отделение милиции были доставлены и допрошены трое глухих верующих [Свидетели Иеговы. Новая волна, с. 6]. В Новоуральске сотрудники правоохранительных органов приходили в дома верующих, переписывали собравшихся, вели видеозапись, принуждали их давать объяснительные [Там же, с. 10; Новоуральские милиционеры]. Задержания верующих и изъятие религиозной литературы прошли в Красноуфимске, Полевском, Камышлове и Серове [Задержания «Свидетелей Иеговы»; «Свидетели Иеговы» используют...; Осторожно: экстремизм].

«Свидетели Иеговы», обеспокоенные этой ситуацией, провели акцию по привлечению внимания общественности к своему положению. Они подготовили и распространили буклет под названием «История повторяется? Вопрос к россиянам», в котором рассказывалось об истории движения и преследовании верующих. Тем не менее, изменить ситуацию не удалось. Как показали социологические исследования, судебные процессы, проведенные в начале 2000-х гг. против «Свидетелей Иеговы», вне зависимости от их окончательных решений способствовали формированию негативного отношения граждан к этому движению [Baird, Javeline].

В мае 2015 г. прокуратура г. Серова провела проверку местной религиозной организации «Свидетелей Иеговы». В квартире бывшего учредителя, женщины 1939 г. рождения, сотрудники ведомства обнаружили и изъяли более 50 изданий, входящих в федеральный перечень экстремистских материалов. Суд признал пенсионерку виновной в хранении экстремистских материалов в целях массового

распространения и назначил штраф. В отношении самой религиозной организации прокуратура вынесла предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности [Свердловский облсуд]. Серовские «Свидетели Иеговы» предприняли попытку оспорить решение прокурора, однако суд не удовлетворил их жалобу [Экстремистскую литературу изъяли].

В марте 2016 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации вынесла официальное предупреждение управленческому центру «Свидетелей Иеговы» в России, согласно которому «религиозное объединение подлежит ликвидации» в случае неустранения в двухмесячный срок нарушений, под которыми подразумевался экстремизм. «Свидетели Иеговы» увидели в этом решении угрозу полного запрета своей организации в России и закрытия общин [Российские власти]. Попытка оспорить предупреждение Генпрокуратуры не увенчалась успехом [Суд отказал]. Власти Свердловской области также отреагировали на эти события: в июне-августе 2016 г. в областном суде прошли слушания о запрете религиозных публикаций [В Серове], а в июле община Нижнего Тагила была привлечена к ответственности и штрафу в размере 100 тыс. руб. «за хранение экстремистской литературы» [Община Свидетелей Иеговы].

Новое антиэкстремистское законодательство, принятое летом 2016 г., повлияло и на миссионерские практики «Свидетелей Иеговы». Из обихода верующих исчезли традиционные для движения проповеди, во время которых сооружались стойки с литературой в наиболее людных местах. «Пакет Яровой» значительно ограничил духовную жизнь «Свидетелей Иеговы» и других протестантов, поскольку проповедь являлась неотъемлемой частью их практик и теологии.

Структура, численность, состав и практики «Свидетелей Иеговы»⁸

На территории Свердловской области к 2016 г. сложилось девять зарегистрированных общин (местных религиозных организаций, или МРО) «Свидетелей Иеговы» и более 20 религиозных групп, не прошедших регистрацию. Все они структурно входили в юрисдикцию российского филиала управленческого центра в поселке Солнечное под Санкт-Петербургом. Самые крупные общины «Свидетелей Иеговы» имелись в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Верхней Пышме. Каждая из них включала несколько территориальных или национальных собраний численностью от 40 до 100 чел. На территории Свердловской области, помимо русских, действовали татарское, киргизское, таджикское, китайское и английское собрания. По сведениям, полученным

⁸ Исследования проводились в шести собраниях Екатеринбурга: «Нижнеисетское», «Уралмаш», «Северное», «Восточное», «Эльмаш», «Семь Ключей»; в г. Верхняя Пышма – в «Западном»; В Нижнем Тагиле – в «Центральном», а также в собрании г. Полевского.

от верующих, в Екатеринбурге также сложилось армянское собрание [ЛА Поповой Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 3]. Практически во всех собраниях, где было проведено исследование, до 2/3 составляли женщины, около половины верующих были в возрасте 40–60 лет, примерно 30 % составляла молодежь. Кроме того, на собраниях присутствовали дети и подростки, поскольку многие верующие приходили целыми семьями [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 4. Л. 1; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Около 30 % членов общин являлись пенсионерами, и до 30 % – студентами средних и высших учебных заведений. Согласно сведениям, полученным от верующих, большинство из них – уроженцы Екатеринбурга и Свердловской области. Их собрания часто посещали верующие из Тюменской области, но миссионеров-иностранцев за два года исследований замечено не было. Что касается религиозной принадлежности до присоединения к собранию, то большинство верующих были атеистами. Те немногие, что пришли к «Свидетелям Иеговы» из числа православных или мусульман, посчитали необходимым подчеркнуть факт формальной принадлежности к прежним религиозным сообществам [Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 1].

Религиозная жизнь собраний «Свидетелей Иеговы» была сосредоточена вокруг еженедельных встреч по будням в Залах Царств – арендованных помещениях для занятий по изучению Библии. В выходные дни там же проводились различные мероприятия, бракосочетания и похороны. В ритуале бракосочетания старейшина рассказывал о библейских принципах брака, напутствовал молодых. Во время похорон произносились слова утешения и объяснялось учение «Свидетелей Иеговы» о смерти и воскресении. После этого исполнялась песня или молитва [Иваненко, 1999, с. 167]. Крестились Свидетели Иеговы исключительно в сознательном возрасте и только после того, как человек утвердился в вере: обычно после нескольких лет изучения Библии и активной деятельности в качестве возвестителя [ЛА Поповой Ф. 11. Оп. 2. Д. 1. Л. 1]. Крещения, как правило, проводились публично путем погружения в специальный бассейн во время ежегодных региональных конгрессов.

Программа встреч выходного дня начиналась с молитвы, произносимой руководителем службы, по окончании которой все члены собрания исполняли гимны. Завершала «публичную встречу» 30-минутная речь руководителя службы на библейскую тему – одну из тех, что предлагались управленческим центром для всех собраний. Вторая часть программы посвящалась изучению публикаций журнала «Сто-рожевая башня», который в настоящее время запрещен к распространению в Российской Федерации. Руководитель зачитывал определенный параграф из журнала, после чего интерпретировал прочитанное, подкрепляя свое мнение примерами из жизни, ссылками на Библию. Далее руководитель обращался к дидактическому материалу, приведенному в конце параграфа: задавал вопросы верующим, проверяя степень усвоения прочитанного. Встреча завершалась исполнением

гимнов и общей молитвой [Л.А. Поповой Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2]. После того, как журнал был запрещен в 2016 г., его название исчезло с обложки, однако само «изучение» продолжалось с использованием статей, опубликованных в безымянном журнале без выходных данных. Залы Царств действовали за счет добровольных пожертвований, при этом сбора средств в связи с проведением встреч не организовывалось. Поддержание своего зала в чистоте и порядке воспринималось как почетная обязанность, и после окончания встречи все участники активно принимали участие в уборке [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

Семья у «Свидетелей Иеговы» считается малым собранием, где духовное общение особенно важно. Для сплочения семьи и духовного развития всех ее членов еженедельно проводится «семейное поклонение», которое состоит из чтения Библии вслух и обсуждения духовных тем. В некоторых семьях могут использоваться такие формы проведения «семейного поклонения», как костюмированные инсценировки. Завершается все совместным ужином. Самостоятельное изучение Библии и активное участие в проповеди являются важнейшими практиками в религиозной жизни «Свидетелей Иеговы». Самая известная форма проповеди, «от двери к двери», по мнению верующих, имеет библейское происхождение. Действительно, согласно Священному Писанию, апостолы ходили от дома к дому с благой вестью [Мф. 10 :11–13; Деян. 5 : 42; Деян. 20 : 20]. Проповедь заключалась в поквартирном обходе жителей дома с целью познакомиться их с идеями о предстоящем «Царстве Иеговы». Если жильцы проявляли интерес, то их приглашали на встречи для изучения Библии. Если хозяев квартиры не оказывалось дома, то возвещатели оставляли для них письмо в почтовом ящике со стандартной информацией о «грядущем Армагеддоне, возможности спасения и райской жизни на земле», а также адреса мест, где можно было бы заняться изучением Библии. Каждый возвещатель вел дневник, в котором отмечал продолжительность проповеди «от двери к двери», количество распространенной литературы, число заинтересовавшихся, а также описывал проблемы, возникавшие во время поквартирных обходов. Эти сведения использовались при планировании издательской деятельности и оценке ситуации. Так, активное неприятие жителей Свердловской области проповедей «от двери к двери» привело к тому, что руководители в 2014 г. приняли решение отказаться от них и заменить на «служение с тележками», во время которого верующие предлагали религиозную литературу.

Поскольку «Свидетели Иеговы» считают проповедь своей главной гуманитарной задачей, миссией и формой помощи человечеству, они не вели отдельных благотворительных программ. Все их усилия, индивидуальные и коллективные, были направлены на организацию изучения Библии, доступного всем. Так, при национальных собраниях «Свидетелей Иеговы» были организованы группы по изучению

языков: английского, армянского, таджикского. В собраниях Нижнего Тагила и Богдановича регулярно проводились служения для глухонемых [ЛА Поповой Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 3; Ф. 11. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; Д. 5. Л. 1]. Кроме того, некоторые собрания «Свидетелей Иеговы» активно принимали участие в уборке улиц. Возможно, это связано с особым представлением об устройстве райской жизни не только на небе для избранных, но и на Земле, где все должно быть прекрасно.

Таким образом, историю развития сообщества «Свидетелей Иеговы» в Свердловской области можно разделить на несколько этапов. Период с начала 1990-х гг. до середины 2000-х гг. – время активного распространения общин, регистрации религиозных организаций, увеличения числа верующих, массовых мероприятий и конгрессов на фоне идеологического противостояния с православной общественностью. Вторая половина 2000-х гг. – существование общин в условиях резкого обострения отношений с православными активистами, судебного преследования руководителей и запрещения проведения массовых мероприятий. Именно в это время изменилось отношение общественности к представителям движения, чему немало способствовали регулярно проводившиеся судебные разбирательства, широко освещавшиеся СМИ. С 2008 г. в отношении участников и руководителей движения стали систематически использоваться обвинения в пропаганде экстремизма и распространении литературы экстремистского содержания.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, движение «Свидетели Иеговы» являлось заметным элементом в религиозном ландшафте города и области. Согласно полученным в ходе полевых исследований данным, на территории Свердловской области действовали как минимум 17 городских общин: в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Нижней Туре, Верхней Пышме, Североуральске, Полевском, Асбесте, Новоуральске, Красноуфимске, Камышлове, Богдановиче, Карпинске, Ирбите, Сухом Логу, Тавде, Ревде, Краснотурьинске, Серове. Эти общины объединяли около 30 отдельных собраний и порядка 3 тыс. чел. В условиях постоянного давления объединения «Свидетелей Иеговы» постепенно становились все более замкнутыми, что осложнило возможность получить более точную информацию об их численности, составе и положении общин. Между тем, это движение сыграло важную роль в жизни определенной части населения, предлагая моральную поддержку одним и возможность самосовершенствования другим, давая ответы на ряд социальных вызовов, с которыми государству, другим деноминациям и обществу не удалось справиться. Члены собраний Свердловской области были местными жителями, большая часть которых до присоединения к «Свидетелям Иеговы» были атеистами, многие – из социально наименее защищенных слоев населения. Основные религиозные практики собраний были связаны с индивидуальным и коллективным изучением текста Библии и проповеднической деятельностью. «Свидетели Иеговы» по всей Свердловской области в основном поль-

зовались синодальным переводом Библии. Переводы на современный русский язык, сделанные архимандритом Макарием в 1830–1840-е гг. и изданные «Свидетелями Иеговы» в 1996 г. большим тиражом в Италии специально для распространения в России, были достаточно редки и имелись даже не у каждого возвещателя [ЛА Поповой. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. Л. 1; Зайцева].

Анализ динамики развития религиозной ситуации в Свердловской области дает основания предположить, что рост числа сторонников «Свидетелей Иеговы» стабилизировался в последнее десятилетие и не имел серьезных оснований к дальнейшему росту.

Список литературы

Бережко К., Слупина В. Истоки движения Свидетелей Иеговы на территории СССР // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 9. СПб. : Рос. объединение исследователей религии, 2011. С. 24–36.

В Екатеринбурге разгорается скандал вокруг «Свидетелей Иеговы» // Credo [интернет-портал]. 17.07.2002. URL: <https://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=898> (дата обращения: 15.09.2016).

В Серове признаны экстремистскими два издания Свидетелей Иеговы // Сова-центр [сайт]. 14.06.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/06/d34773/> (дата обращения: 10.09.2016).

Глава Екатеринбурга выделил организации «Свидетели Иеговы» землю // Новый день [сайт]. 19.07.2001. URL: http://urfo.org/ekb/13_27402.html (дата обращения: 12.10.2017).

Главацкая Е., Попова Н. Российский религиозный неконформизм в конце XIX – первой четверти XX в. : баптисты и евангельские христиане на Урале // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

Екатеринбург. Областной конгресс 2004 года // Блог Алексея Пименова [сайт]. 11.10.2012. URL: <http://alekseypimenov.blogspot.ru/2012/10/2004.html> (дата обращения: 18.04.2016).

Задержания «Свидетелей Иеговы» во время акции за свободу вероисповедания // Сова-центр [сайт]. 10.03.2010. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2010/03/d18159/> (дата обращения: 10.09.2016).

Зайцев В., свящ. Религиозная панорама Екатеринбурга, или взгляд традиционалиста на «нетрадиционное» развитие духовности на Урале // Synergia [сайт]. URL: <http://www.synergia.itn.ru/iegova/kaknenado/zaysev.htm> (дата обращения: 11.02.2015).

Зайцева Н. Свидетели Иеговы // Православная газета [сайт]. URL: <http://orthodox.etel.ru/1999/17/17svieg.htm> (дата обращения: 13.09.2017).

Иваненко С. И. О людях, никогда не расстающихся с Библией. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1999. 271 с.

Иваненко С. И. Свидетели Иеговы – традиционная для России религиозная организация. М. : Арт-Бизнес-Центр, 2002. 208 с.

Кантеров И. Я. Свидетели Иеговы // Элбакян Е. С. Религиоведение : словарь. М. : Академ. проект, 2007. С. 446.

Личный архив Н. Ю. Поповой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 3, 4; Оп. 2. Д. 2–4; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 3; Ф. 3. Оп. 2. Д. 1, 2; Ф. 4. Оп. 2. Д. 2; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 1, 2, 5. (ЛА Поповой).

Мотревич В. П. Христианские конфессии и общины в Свердловской области в послевоенные годы : По материалам Архива УФСБ РФ по Свердловской области // Документ. Архив. История. Современность : сб. ст. Вып. 9. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 338–354.

МРО Свидетелей Иеговы г. Екатеринбург // Квериком [сайт]. URL: <http://querycom.ru/companу/0031554> (дата обращения: 19.11.2016).

Мэрия Полевского не разрешила организации «Свидетели Иеговы» арендовать в городе помещение // АН Евроазиатские новости [сайт]. 21.09.2005. URL: <http://eanews.ru/news/society/i131865/> (дата обращения: 11.10.2015).

Новоуральские милиционеры сорвали богослужение «Свидетелей Иеговы» // Новоуральск [сайт]. 29.03.2010. URL: http://novouralsk.su/News/news_events/themes/391 (дата обращения: 02.10.2015).

Община Свидетелей Иеговы в Нижнем Тагиле оштрафована за хранение запрещенной литературы // Сова-центр [сайт]. 15.07.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/07/d35045/> (дата обращения: 09.11.2016).

Осторожно: экстремизм // Камышловские известия [сайт]. 05.08.2014. URL: <http://kam-news.ru/ostoroxhno-ekstremizm.html> (дата обращения: 08.11.2016).

Плюснина М. «Делается всё, чтобы искоренить свободу вероисповедания в России»: «Свидетели Иеговы» – о возможных последствиях признания организации экстремистской // ZNAK.com [сайт]. 04.04.2017. URL: https://www.znak.com/2017-04-04/svideteli_iegovy_o_vozmozhnyh_posledstviyah_priznaniya_organizacii_ekstremistskoy (дата обращения: 20.12.2017).

Представители ПАСЕ потребовали открыть в Екатеринбурге «Зал царств» // Regnum : информ. агентство [сайт]. 12.10.2004. URL: <http://regnum.ru/news/polit/340403.html> (дата обращения: 08.07.2016).

Прекращено уголовное дело в отношении Свидетелей Иеговы г. Асбеста // Сутяжник [сайт]. 04.08.2009. URL: <http://sutyajnik.ru/news/2009/08/1266.html> (дата обращения 19.05.2016).

РО Свидетелей Иеговы в г. Екатеринбурге // Справочник по российским компаниям и их руководству [сайт]. URL: http://охуcom.biz/ru/ro_svideteley_iegovy_v_g_ekaterinburge/5088460 (дата обращения: 22.05.2016).

Российские власти готовы пойти на беспрецедентный шаг – ликвидацию Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России // Официальный сайт Свидетелей Иеговы [сайт]. 07.04.2016. URL: <https://www.jw.org/ru/новости/пресс-релизы/по-регионам/россия/угроза-закрыть-центр-свидетелей-иеговы/> (дата обращения: 22.05.2016).

Свердловский облсуд признал законным предупреждение Свидетелям Иеговы из Серова // Сова-центр [сайт]. 26.05.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/05/d34646/> (дата обращения: 09.11.2016).

«Свидетели Иеговы» используют в своей деятельности информационные материалы, признанные экстремистскими // БезФормата.RU [сайт]. 14.01.2011. URL: <http://polevskoy.bezformata.ru/listnews/materiali-priznannie-ekstremistskimi/402689/> (дата обращения: 08.11.2016).

Свидетели Иеговы в России // Религии России : словарь-справ. / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М. : Энциклопедия, 2014. С. 241.

Свидетели Иеговы : Новая волна религиозной нетерпимости в России. СПб. : Управленч. центр Свидетелей Иеговы в России, 2009. 16 с.

Советов И. М. (Одинцов М. И.). Свидетели Иеговы в России: от преследований к признанию // Российское объединение исследователей религии (РОИР) [сайт]. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-175/> (дата обращения: 09.11.2017).

Суд отказал Свидетелям Иеговы в требовании аннулировать предупреждение Генпрокуратуры // Свидетели Иеговы в России [сайт]. 12.10.2016. URL: <https://www.jw-russia.org/news/16101213-48.html> (дата обращения: 08.11.2016).

Съезд свидетелей Иеговы // Ural.Ru [сайт]. 22.07.2002. URL: <http://www.ural.ru/news/ural/2002/07/22/news-19436.html> (дата обращения: 17.04.2016).

Экстремистскую литературу изъяли у представительницы организации «Свидетелей Иеговы» в Свердловской области // Интерфакс-Урал [сайт]. 25.05.2016.

URL: <http://interfax-russia.ru/Ural/news.asp?id=729707&sec=1671> (дата обращения: 28.05.2016).

Baird V., Javeline D. The Persuasive Power of Russian Courts // *Political Research Quarterly*. Vol. 60. 2007. № 3. P. 429–442.

Garbe D. Between Resistance and Martyrdom : Jehovah's Witnesses in the Third Reich. Madison, Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 2008. 834 p.

References

Baird, V., Javeline, D. (2007). The Persuasive Power of Russian Courts. In *Political Research Quarterly*. Vol. 60. No. 3, pp. 429–442.

Berezhko, K., Slupina, V. (2011). *Istoki dvizheniya Svidetelei Iegovy na territorii SSSP* [The Origins of the Jehovah's Witnesses Movement in the USSR]. In *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyy aspekt*. St Petersburg, Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii. Iss. 9, pp. 24–36.

Yekaterinburg. Oblastnoi kongress 2004 goda [Yekaterinburg. Regional Congress. 2004]. In *Blog Alekseya Pimenova* [website]. (2012). 11.10.2012. URL: <http://alekseypimenov.blogspot.ru/2012/10/2004.html> (mode of access: 18.04.2016).

Ekstremistskuyu literaturu iz"yali u predstavitel'nitsy organizatsii "Svidetelei Iegovy" v Sverdlovskoi oblasti [Extremist Literature Confiscated from a Female Member of Sverdlovsk Region Jehovah's Witnesses]. (2016). In *Interfaks-Ural* [website]. 25.05.2016. URL: <http://interfax-russia.ru/Ural/news.asp?id=729707&sec=1671> (mode of access: 28.05.2016).

Garbe, D. (2008). *Between Resistance and Martyrdom: Jehovah's Witnesses in the Third Reich*. Madison, Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press. 834 p.

Glava Ekaterinburga vydal organizatsii «Svideteli Iegovy» zemlyu [The Head of Yekaterinburg Provides Jehovah's Witnesses with Land]. (2001). In *Novyi Den'* [website]. 19.07.2001. URL: http://urfo.org/ekb/13_27402.html (mode of access: 12.10.2017)

Glavatskaya, E., Popova, N. (2016). Rossiiskii religiozni nonkonformizm v kontse XIX – pervoi chetverti XX v. : baptisty i evangel'skie khristiane na Urale [Russian Religious Non-Conformism in the Late 19th and Early 20th Centuries : Baptists and Evangelical Christians in the Urals]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 4, pp. 190–206. DOI 10.15826/qr.2016.4.200.

Ivanenko, S. I. (1999). *O lyudyakh, nikogda ne rasstayushchikhsya s Bibliiei*. [People who never Put the Bible aside]. Moscow, Art-Biznes-Tsentr. 271 p.

Ivanenko, S. I. (2002). *Svideteli Iegovy – traditsionnaya dlya Rossii religioznaya organizatsiya* [Jehovah's Witnesses – A Traditional Religious Organisation for Russia]. Moscow, Art-Biznes-Tsentr. 208 p.

Kanterov, I. Ya. (2007). *Svideteli Iegovy* [Jehovah's Witnesses]. In Elbakyan, E. S. (Ed.). *Religiovedenie. Slovar'*. Moscow, Akademicheskii proekt. P. 446.

Lichnyi arkhiv N. Yu. Popovoi [N. Yu. Popova's Private Archive]. Stock 1. List 1. Dos. 1, 3, 4; List 2. Dos. 2–4; Stock 2. List 1. Dos. 1; List 2. Dos. 3; Stock 3. List 2. Dos. 1, 2; Stock 4. List 2. Dos. 2; Stock 5. List 1. Dos. 1; Stock 11. List 1. Dos. 1; List 2. Dos. 1, 2, 5.

Meriya Polevskogo ne razreshila organizatsii "Svideteli Iegovy" arendovat' v gorode pomeshchenie [Polevskoy City Administration did not Allow Jehovah's Witnesses to Rent a Place]. (2005). In *AN Evroaziatskie novosti* [website]. 21.09.2005. URL: <http://eanews.ru/news/society/i131865/> (mode of access: 11.10.2015).

Motrevich, V. P. (2008). Khristianskie konfessii i obshchiny v Sverdlovskoi oblasti v poslevoennye gody. Po materialam Arkhiva UFSB RF po Sverdlovskoi oblasti [Christian Denominations and Communities in Postwar Sverdlovsk Region. Sverdlovsk Regional FSB Archival Documents]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*. Iss. 9. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, pp. 338–354.

MRO Svidetelei Iegovy g. Ekaterinburg [Jehovah's Witnesses in Yekaterinburg]. (N. d.). In *Kverikom* [website]. URL: <http://querycom.ru/company/0031554> (mode of access: 19.11.2016).

Novoural'skie militantsorvali bogoslužhenie "Svidetelei Iegovy". The Novouralsk City Police Interrupted Jehovah's Witnesses Worship]. (2010). In *Novoural'sk* [website]. 29.03.2010. URL: http://novouralsk.su/News/news_events/themes/391 (mode of access: 02.10.2015).

Obshchina Svidetelei Iegovy v Nizhnem Tagile oshtrafovana za khranenie zapreshchennoi literature [Nizhny Tagil Jehovah's Witnesses Fined for Banned Literature]. (2016). In *Sova-tsentr* [website]. 15.07.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/07/d35045/> (mode of access: 09.11.2016).

Ostorozhno: ekstremizm [Attention: Extremism]. (2014). In *Kamyshlovskie izvestiya* [website]. 05.08.2014. URL: <http://kam-news.ru/ostoroxhno-ekstremizm.html> (mode of access: 08.11.2016).

Plyusnina, M. (2017). "Delaetsya vse, chtoby iskorenit' svobodu veroispovedaniya v Rossii". "Svidetelei Iegovy" – o vozmozhnykh posledstviyakh priznaniya organizatsii ekstremistskoi ["Everything is Being Done to Eradicate Religious Freedom in Russia". Jehovah's Witnesses on the Consequences of their Organisation being Qualified as Extremist]. In *ZNAK.com* [website]. 04.04.2017. URL: https://www.znak.com/2017-04-04/svidetelei_iegovy_o_vozmozhnykh_posledstviyakh_priznaniya_organizatsii_ekstremistskoy (mode of access: 20.12.2017).

Predstaviteli PASE potrebovali otkryt' v Ekaterinburge "Zal tsarstv" [PACE Demanded Yekaterinburg Kingdom Hall to be Opened]. (2004). In *Informatsionnoe agentstvo Regnum* [website]. 12.10.2004. URL: <http://regnum.ru/news/polit/340403.html> (mode of access: 08.07.2016).

Prekrashcheno ugovnoe delo v otnoshenii Svidetelei Iegovy g. Asbesta [The Case about Asbest Jehovah's Witnesses Activity Closed]. (2009). In *Sutyazhnik* [website]. 04.08.2009. URL: <http://sutyajnik.ru/news/2009/08/1266.html> (mode of access: 19.05.2016).

Religioznaya organizatsiya Svidetelei Iegovy v g. Ekaterinburge [Religious Organsation Jehovah's Witnesses in Yekaterinburg]. (N. d.). In *Spravochnik po rossiiskim kompaniyam* [website]. URL: http://oxycom.biz/ru/ro_svideteley_iegovy_v_g_ekaterinburge/5088460 (mode of access: 22.05.2016).

Rossiiskie vlasti gotovy poiti na bespretsedentnyi shag – likvidatsiyu Upravlencheskogo tsentra Svidetelei Iegovy v Rossii [Russian Authorities Close Jehovah's Witnesses Centre]. (2016). In *Ofitsial'nyi sait Svidetelei Iegovy* [website]. 07.04.2016. URL: <https://www.jw.org/ru/novosti/пресс-релизы/по-регионам/россия/угроза-закрыть-центр-свидетелей-иеговы/> (mode of access: 22.05.2016).

S"ezd svidetelei Iegovy [Jehovah's Witnesses' Congress]. (2002). In *Ural.Ru* [website]. 22.07.2002. URL: <http://www.ural.ru/news/ural/2002/07/22/news-19436.html> (mode of access: 17.04.2016).

Sovetov, I. M. (M. I. Odintsov). *Svidetelei Iegovy v Rossii: ot presledovaniya k priznaniyu* [Jehovah's Witnesses in Russia: From Persecution to Recognition]. In *Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii (ROIR)* [website]. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-175/> (mode of access: 09.11.2017).

Sud otkazal Svidetelyam Iegovy v trebovanii annullirovat' preduprezhdenie Genprokuratury [Court Dismisses Jehovah's Witnesses' Appeal for the Annulment of the General Prosecutor's Official Warning]. (2016). In *Svidetelei Iegovy v Rossii* [website]. 12.10.2016. URL: <https://www.jw-russia.org/news/16101213-48.html> (mode of access: 08.11.2016).

Sverdlovskii obslud priznal zakonnyim preduprezhdenie Svidetelyam Iegovy iz Serova [Sverdlovsk Regional Court Considers the Warning Issued against Serov Jehovah's Witnesses Lawful]. (2016). In *Sova-tsentr* [website]. 26.05.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/05/d34646/> (mode of access: 09.11.2016).

"Svidetelei Iegovy" ispol'zuyut v svoei deyatel'nosti informatsionnye materialy, priznannye ekstremistskimi [Jehovah's Witnesses Use Extremist Literature]. (2011). In *BezFormata.RU* [website]. 14.01.2011. URL: <http://polevskoy.bezformata.ru/listnews/materialy-priznannie-ekstremistskimi/402689/> (mode of access: 08.11.2016).

Svideteli Iegovy v Rissii [Jehovah's Witnesses in Russia]. (2014). In Zabiako, A. P., Krasnikov, A. N., Elbakyan, E. S. (Eds.). In *Religii Rossii. Slovar'-spravochnik*. Moscow, Entsiklopediya. P. 241.

Svideteli Iegovy. Novaya volna religioznoi neterpimosti v Rossii [Jehovah's Witnesses: A New Wave of Religious Intolerance in Russia]. (2009). St Petersburg, Upravlencheskii tsentr Svidetelei Iegovy v Rossii. 16 p.

V Ekaterinburge razgoraetsya skandal vokrug "Svidetelei Iegovy" [A Scandal around Jehovah's Witnesses in Yekaterinburg]. (2002). In *Credo* [Internet-portal]. 17.07.2002. URL: <https://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=898> (mode of access: 15.09.2016).

V Serove priznany ekstremistskimi dva izdaniya Svidetelei Iegovy [Two Publications by Jehovah's Witnesses are Qualified as Extremist Materials in Serov]. (2016). In *Sova-tsentr* [website]. 14.06.2016. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2016/06/d34773/> (mode of access: 10.09.2016).

Zaderzhaniya "Svidetelei Iegovy" vo vremya aktsii za svobodu veroispovedaniya [Detention of Jehovah's Witnesses during a Rally for Religious Freedom]. (2010). In *Sova-tsentr* [website]. 10.03.2010. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2010/03/d18159/> (mode of access: 10.09.2016).

Zaitsev, V. (N. d.). Religioznaya panorama Ekaterinburga, ili vzglyad traditsionalista na "netraditsionnoe" razvitie dukhovnosti na Urale [Religious Situation in Yekaterinburg, or a Traditionalist's Perception of the Evolution of Unconventional Spirituality in the Urals]. In *Synergia* [website]. URL: <http://www.synergia.itn.ru/iegova/kaknenado/zaycev.htm> (mode of access: 11.02.2015).

Zaitseva, N. (N. d.). Svideteli Iegovy [Jehovah's Witnesses]. In *Pravoslavnaya gazeta* [website]. URL: <http://orthodox.etel.ru/1999/17/17svieg.htm> (mode of access: 13.09.2017).

The article was submitted on 10.01.2018

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2018.2.308

УДК 94(100)"1914/1919"+94(47)"1917"+75.021.34–053.2/.6

**РИСУЯ ЭПОХУ: ДЕТИ, ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ
В ПРОПАГАНДЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ШКОЛЬНИКОВ
1914–1917 гг.***

Владислав Аксенов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

Юлия Жердева

Самарский государственный экономический университет,
Самарский областной художественный музей,
Самара, Россия

**DRAWING THE EPOCH: CHILDREN, WAR,
AND REVOLUTION IN PROPAGANDA AND THE ART
OF SCHOOL CHILDREN BETWEEN 1914 AND 1917**

Vladislav Aksenov

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Yulia Zherdeva

Samara State University of Economics,
Samara Regional Art Museum,
Samara, Russia

This article considers children's experiences of war and revolution and its reflection in their drawings. The authors construct two pictures of the war, one official, which used the images of children for purposes of propaganda, and the other unofficial, which reflected the war through children's imagination. The authors con-

* *Citation:* Aksenov, V., Zherdeva, Yu. (2018). Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308.

Цитирование: Aksenov V., Zherdeva Yu. Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308 / Аксенов В., Жердева Ю. Рисуя эпоху: дети, война и революция в пропаганде и творчестве школьников 1914–1917 гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308.

clude that the children's view of war is mostly mythopoetic, and that the drawing process was quite often a game for them. Although children's drawings do not allow us to conclude that negative changes took place in their authors' minds, they do contain images that later became symbols of the Revolution and the Civil War. Children's art from 1917 demonstrates that the year of revolution affected children more than World War I.

Keywords: World War I; Revolution of 1917; children's drawings; mass consciousness; propaganda; patriotism.

В статье рассматриваются детский опыт войны и революции и его отражение в детском рисунке. Сопоставляются две картины войны: официальная, использовавшая детские образы в пропагандистских целях, и неофициальная, представленная детскими фантазиями на военные темы. Авторы приходят к выводу о преобладании мифопоэтического восприятия войны детьми, отмечают, что сам процесс рисования часто носил игровую форму. Хотя детские рисунки не позволяют констатировать негативные изменения в детской психике, в них встречаются образы, ставшие символами последующей революции и Гражданской войны. Детское изобразительное творчество 1917 г. демонстрирует, что 1917 г. оставил более сильный след на детских впечатлениях, чем Первая мировая война.

Ключевые слова: Первая мировая война; революция 1917 г.; детский рисунок; массовое сознание; пропаганда; патриотизм.

Первая мировая война не только имела глобальные макроисторические последствия, но и существенно повлияла на сознание миллионов вовлеченных в нее людей. В исторической литературе, помимо исследования психологии взрослых – крестьян, солдат, рабочих, – в последнее время уделяется все больше внимания проблеме детского восприятия войны [Щербинин; Сальникова; Асташов; Аксенов, 2013; Пархоменко; Синова; Ватник].

Особенности восприятия Первой мировой войны детьми практически сразу попали в поле зрения ученых и педагогов того времени. В журнале «Вестник воспитания» регулярно публиковались исследования педагогов-психологов, а также письма родителей и учителей, делившихся наблюдениями относительно изменений в детской психологии. В 1915 г. журналист и литературный критик К. И. Чуковский, ставший позднее известным детским писателем, задавался вопросом: «Все многомиллионное детское царство в Европе и Азии захвачено ныне войной. Что станет с этим роковым поколением, возрастающим среди громов и пожаров?» [Чуковский]. Тогда же русский психолог и педагог М. М. Рубинштейн предупреждал: «Война по всему ее характеру способна заложить в душе детей такие семена, из которых в будущем могут вырасти сорные травы, способные заглушить все злаки, все, взлелеянное многовековыми усилиями миллионов людей» [Рубинштейн, с. 5].

В моделях детского поведения в годы Первой мировой войны условно можно выделить «героическое» и «трагическое» начало. Первое во многом было реакцией на военно-патриотическую пропаганду, второе – следствием менявшейся под гнетом военного времени привычной повседневности, разрушавшей семейное благополучие. Нередко в одной и той же форме активности ребенка проявлялись оба указанных начала. К примеру, уличные игры на военную тематику, в которых дети реконструировали события на фронте, известные им по рассказам взрослых, обретали не характерную для довоенного времени жестокость. Увлекавшиеся «юные бойцы» иногда довольно сильно колотили представителей «вражеской команды», из-за чего никто не хотел играть за «немцев» и «австрийцев». Детская агрессия нередко выливалась на уличных животных, которым поневоле доставалась роль врагов [Там же, с. 25]. Согласно проведенному киевским Фрёбелевским обществом анкетированию, 88 % мальчиков до 11 лет играли в войну. Среди девочек этот процент был ниже – 50 % (до 9 лет), причем многие девочки отказывались играть в войну по причине чрезмерной жестокости мальчиков. Девочки признавались, что мальчики «ужас, что делают в игре: царапаются, дерутся» [Зеньковский, с. 51–52].

Другим примером «героической» модели поведения является практика массового бегства детей на фронт, о чем регулярно сообщали газеты. По данным Фрёбелевского общества, 40,5 % мальчиков желали идти на войну [Там же, с. 62]. Но переоценивать их патриотизм не стоит: педагоги-современники отмечали, что мальчики часто бежали на войну «за медалями», в то время как «гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках медицинских сестер» [Левитский, с. 14; Соколов-Микитов, с. 129]. Довольно скоро детей постигало разочарование: прифронтовые будни оказывались куда менее интересными, чем рисовало юное воображение. Но даже и не помышлявшие о лаврах героев дети часто становились жертвами военного времени: ухудшившееся материальное положение родителей усугубляло внутрисемейные конфликты, вследствие которых учащиеся-подростки нередко применяли самый последний аргумент – суицид [Аксенов, 2013].

Официальная визуальная пропаганда активно использовала образ юного защитника Отечества. В популярных иллюстрированных журналах «Огонек», «Искра», «Нива» печатались фотографии маленьких бойцов, награжденных орденами и медалями. Часто им приписывались выдуманные или гиперболизированные подвиги: в одном случае юный разведчик с тремя товарищами в конной схватке «уложил» 12 немцев, в другом в одиночку вывел из строя артиллерийскую батарею противника. Однако за это юным героям жаловали отнюдь не выдуманные награды: нередким было награждение георгиевскими крестами 12-летних мальчиков. Образ ребенка на войне позволял пропаганде добиваться максимально сильного эмоционального воздействия на зрителя, вследствие чего в иллю-

стрированных изданиях появлялись фотографии не только бравых юных героев, но и раненых детей [Жердева, с. 539].

Дети с особенным интересом изучали фотографии своих сверстников на фронте, в результате чего формировалась своеобразная детская романтизированная, далекая от действительности картина войны [Сальникова, с. 423]. Часто в ней именно детям отводилась центральная роль. Как и взрослые, дети задумывались о причинах войны и, как и взрослые, ответы находили в стереотипных поведенческих практиках, известных по личному опыту. М. М. Рубинштейн приводил диалог лежащих в кроватках двух мальчиков, шестилетнего Вити и семилетнего Володи:

Витя: «А зачем он (Вильгельм) начал воевать?» Володя: «Да он и не хотел. Знаешь, он ушел в город за покупками, а сыновья его остались одни; вот они взяли и объявили войну». После некоторого молчания и, по-видимому, раздумья над данным ему объяснением Витя произнес: «Ну, а что же смотрела их мама?» [Рубинштейн, с. 20].

Пятилетняя девочка в Киеве на вопрос, кто начал войну, ответила, что солдаты, а потом добавила, что еще Шура и Сережа [Зеньковский, с. 55]. «Детский след» войны усматривался молодежью в известиях о том, что убийцей австро-венгерского эрцгерцога был сербский гимназист. В этом случае говорилось о компании русских гимназистов, убивших наследника, вероятно, по хулиганским причинам: «Два русских гимназиста ехали в поезде и убили австрийского наследника, оттого и пошла война» [Там же, с. 56].

Укоренению этой наивной картины войны способствовали патриотические рисунки художников В. А. Табурина и Н. А. Богатова, эксплуатировавших детскую тематику. Их акварели публиковались в виде патриотических открыток, чьими персонажами неизменно являлись дети, через призму отношений между которыми авторы пересмысливали войну. В работах Богатова угадываются мотивы детских забав на военную тему. Так, проигранную врагом битву художник представлял как ссору во время игры двух карапузов: у ног плачущего ребенка в немецкой каске валяется поломанная игрушечная пушка, а его товарищ в лаптях и косоворотке стоит довольный с засученными рукавами (ил. 1 на цв. вклейке). Подпись к изображению соотносит сюжет детской ссоры с военным конфликтом: «Плачет горько мальчик Вилли – его здорово побили». На другой открытке показан момент боя с сидящим в «окопе» юным бойцом: «окоп» сконструирован из перевернутых стола, стула и подушек, покрытых скатертью. Еще одна композиция использует мотив детских игр: на руках мальчика в военной амуниции висит испуганный щенок. Подпись не внушает оптимизма относительно его дальнейшей судьбы: «Достал языка» (ил. 2 на цв. вклейке). Присутствует и лирический мотив – на одном рисунке мальчонка, сидя на полу под горшком с цветком, пишет «пись-

мо на родину», на другом задумавшаяся девочка сидит за столом у окна, а на стену позади нее проецируется изображение героя на коне.

Военно-патриотическая пропаганда предполагала известную динамику гендерных отношений: привлекательным для женского пола должен был стать образ воина, в то время как уклонившийся от призыва или, тем более, дезертир терял свои мужские качества. Соответственно этой позиции Богатов пишет акварель, на которой девочка локтем грубо отмахивается от ухажера со словами: «Уходи-ка, паренек, ты любви не достоин – у меня есть мил-дружок – богатырь и храбрый воин». На открытке В. А. Табурина «Уж лучше не свykаться, коль нужно расставаться» изображался драматический момент прощания девочки-медсестры и раненого ребенка-солдата (ил. 3 на цв. вклейке).

Таким образом, визуальная пропаганда создавала мифологизированный образ «детской войны», для которого были характерны преувеличение детского участия, игровой характер событий, наивная героика, национально-патриотический пафос.

Параллельно взрослым рисункам «детской войны» писалось полотно войны и самими детьми. Семья, улица, школа – все было наполнено духом военного времени. Школа привлекала учащихся к благотворительной деятельности, организовывала переписку детей с солдатами, поднимала военную тематику на уроках истории, литературы, рисования. Учителя рисования отмечали, что война настолько поглотила учащихся, что они обращались к ней даже тогда, когда рисунки давались на вольные темы, или переводили мирные темы на военный лад. Так, учащиеся киевского Фрёбелевского общества на тему Рождества самостоятельно сюжетом своих рисунков выбрали «Елку в лазарете» или «Встречу Рождества на позициях». Согласно анкетированию, 76 % детей черпали знания о войне именно из изобразительных источников, причем после десятилетнего возраста интерес к визуальной информации только усиливался, поэтому неудивительно желание юных художников выразить свое восприятие войны посредством рисунка [Зеньковский, с. 50].

Современники обратили внимание на исключительную ценность детского рисунка как документа эпохи. Педагог и искусствовед В. С. Воронов в 1914 г. начал коллекционировать рисунки школьников о войне и через год провел первую выставку, собравшую положительные отзывы в прессе [Лукьянов, с. 308–309]¹. Зрители отмечали, что детский рисунок является самостоятельным культурным феноменом со своими характерными признаками. Изучая семантику дет-

¹ Авторы выражают признательность сотрудникам Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея – заведующей отделом Наталье Николаевне Скорняковой и старшему научному сотруднику, хранителю коллекции русской графики XVIII – начала XX в. Евгению Александровичу Лукьянову – за возможность работы с коллекцией В. С. Воронова, благодарят за ценные уточнения и предоставленные для публикации иллюстрации.

ского рисунка, исследователи пишут о его символизме как следствии мифопоэтического мышления ребенка, а также о психосоматической природе самого процесса рисования [Некрасова-Каратеева, с. 210]. Детский рисунок становится высказыванием, в котором преобладают черты бессознательного, позволяющие исследовать психологию автора. И хотя ряд детских рисунков создавался под впечатлением уже увиденных картинок, повторяя их сюжетный и композиционный уровни, внимание к деталям помогает обнаружить оригинальный пласт творчества.

Источниками изобразительных мотивов детского рисунка служили сказки, современная визуальная среда (лубок, открытка, фотография, кинематограф, журнальные иллюстрации) и повседневный опыт. Дети переосмысливали образы «взрослого мира», создавая собственную воображаемую реальность войны. Значительная часть детских рисунков была вполне оригинальной и по содержанию, и по композиции. В. С. Воронов считал возможным говорить даже о своеобразной объективности детского рисунка: «Карандаш ребенка по-своему объективен. Он далек от мысли растрогать вас, хотя и достигает этого постоянно; если ребенок-художник предпочитает одну черту другой, то делает он это безо всякой авторской предвзятости, руководствуясь лишь своим впечатлением и интересом в данную минуту» [Воронов, 1915, с. 45]. В детских рисунках на военную тему соединяются несколько сторон психологического содержания: образная, повествовательная, декоративная и конструктивная. При этом эмоционально-образное начало, отражающее психологические переживания или настроение ребенка, явно уступает повествовательному и конструктивному содержанию. На военных детских рисунках изображены в первую очередь повествовательные сюжеты. Они не дают возможности проследить хронологию изменения сюжетов, поскольку рисунки не имеют точной датировки и не всегда могут быть соотнесены с военными действиями, однако позволяют выделить несколько преобладающих мотивов.

Детские рисунки посвящались как фронту, так и тылу. Батальные сцены преобладали над всеми остальными, и дети чаще всего изображали войну на суше (сцены полевых сражений, осады крепостей, поле боя после сражения, сторожевой или пограничный пост), реже – морской или воздушный бой. Фронт в детских рисунках дополнялся картинками отдыха русских солдат на привале, у полевой кухни или у костра, за чтением писем, игрой на гармонии или партией в шашки. Такие сцены динамичны и полны деталей, изображение которых вовсе не обязательно имеет фигуративную форму, они могут оставлять лишь видимые следы изобразительной деятельности (точки, штрихи, пятна), которые воспринимались автором как знаки или подобию реальных форм. Некоторые авторы особенно тщательно продумывали план сражения и расстановку сил и во-

оружения на поле боя. Чем старше становились дети, тем больше подробностей они замечали и могли хорошо нарисовать [Война в рисунках детей, с. 98–110].

В отдельную группу фронтовых рисунков можно выделить изображения военных – это целая галерея портретов русских генералов, офицеров, казаков и солдат, немецких офицеров, французских артиллеристов и матросов, турецких и австрийских солдат (ил. 5 на цв. вклейке). Для большинства подобных рисунков характерно особое внимание к деталям амуниции, подробностям военной экипировки, знакам отличия и особенностям военной формы разных стран. Применяют к этой группе изображения отдельно стоящих орудий и военной техники, для которых также характерна скрупулезная прорисовка элементов. Эти изображения были во многом фантазийными, но явно создавались под большим визуальным впечатлением, которое производили на детей новые орудия (бронированные автомобили, цеппелины, пулеметы, аэропланы) и рассказы о них.

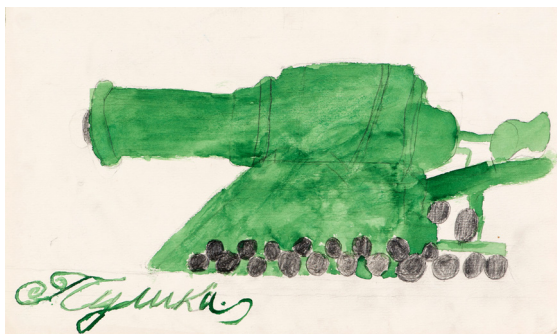
Значительную часть детских рисунков составляют сцены тыловой жизни. Основными героями их были раненые и военнопленные. Это всегда жанровые сценки, в большинстве своем весьма реалистичные и воспроизводящие городское пространство – лазарет в мужском городском училище, санитарный трамвайный вагон для раненых (ил. 7 на цв. вклейке).

Нередко общий контур повествования в детском рисунке задавала сказка, привнося в него этические категории, понятные ребенку (добро побеждает зло, справедливость торжествует над несправедливостью, милосердие выше войны), и создавая героев, заменяющих царевичей богатырями-казаками, а царевен – сестрами милосердия. Даже батальные сцены приобретали сказочные мотивы. Например, мрачная картина поля боя, наполненного окровавленными трупами немецких солдат, разбросанными повсюду ружьями, саблями и портупьями, дополняется лиричной сценой перевязки раненого русского солдата сестрой милосердия (ил. 6 на цв. вклейке). Фигуры эти помещены в самом центре композиции, а за ними находится пасторальное изображение лесной опушки, на которой автор весьма достоверно обозначил деревья и даже грибы под ними. Такое внимание к деталям и лиризм композиции вполне типичны для детских сюжетов со сказочными героями.

Современники были обеспокоены изображенными на детских рисунках сценами насилия, видя в них проявление негативных психологических процессов. Однако В. С. Воронов справедливо отмечал, что для большинства детей война представлялась грандиозной шумной игрой, и указывал на условно-игровой характер подобных сюжетов: «Если же, увлеченный блестящими красками боя и движения, юный школьник и рисует отрубленную голову, то делает он это без всякого содрогания и ужаса, совершенно так же, как бы он рисовал разломанную игрушку» [Воронов, 1915, с. 53].

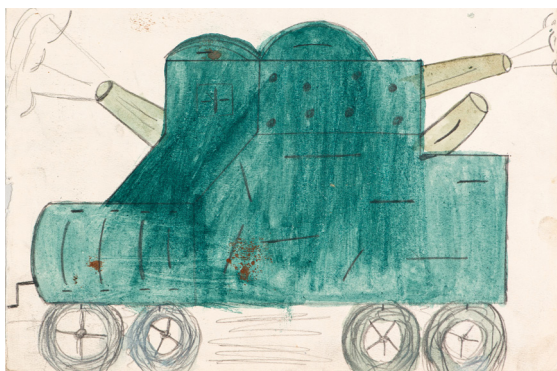
Характерным примером «сказочной» интерпретации военных сюжетов является портрет популярного героя войны казака Кузьмы Крючкова. На рисунке он стоит под огромным деревом, усыпанным плодами, напоминающими «молодильные яблоки», к стволу дерева приставлена лестница, а над ним сияет солнце, гигантские лучи которого опускаются прямо к земле (ил. 8 на цв. вклейке). Только подпись автора рисунка («Крючков козак») не дает отнести изображение к персонажу сказки. Другой рисунок изображает былинного богатыря в древнерусском шлеме, со щитом и пикой.

Более прямолинейным было влияние на детский рисунок массовой печатной продукции, в основном открыток, лубка и фотографий

«Пушка». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 18,8 × 31,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/367 (Коллекция В. С. Воронова)

“Cannon”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 18.8 × 31.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/367 (V. S. Voronov’s collection)

«Бронированный автомобиль». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 17,7 × 26,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/9 (Коллекция В. С. Воронова)

“Armoured vehicle”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 17.7 × 26.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/9 (V. S. Voronov’s collection)

из иллюстрированных журналов. Так, в детских рисунках появилась «австрийская пушка», источником образа которой была растиражированная прессой фотография с изображением захваченного у австрийцев орудия. Детское воображение внесло, правда, некоторые коррективы, наделив орудие архетипическими чертами царь-пушки и разбросав вокруг нее ядра.

Интерес мальчиков к технической стороне войны понятен, при этом в рисунках иногда возникали удивительно точные образы войны, вошедшие впоследствии во «взрослое» символическое пространство. Так, на одном рисунке весь лист занимает оцетинившийся в разные стороны пушками броневик. В 1917 г. образ черного автомобиля-броневика (на детском дореволюционном рисунке он

«позитивного» зеленого цвета) стал визуализацией эсхатологических ожиданий городских обывателей [Аксенов, 2017].

Впечатлявшие детей детали военной жизни изображались порой как элементы орнамента, а не как реальные предметы. Такова, например, пирамида из ружей, которая детьми часто изображалась на рисунках солдатского отдыха (ил. 9 на цв. вклейке). Для детей этот объект, видимо, стал неременным атрибутом отдыха солдат, иногда чисто визуальным, а не реальным объектом (своего рода маркером действия). На одном рисунке эта ружейная конструкция висит на стене дома, в котором отдыхают солдаты (ил. 10 на цв. вклейке).

Повседневный опыт детей заметно повлиял на изображение ими сцен тыловой жизни, часто самых реалистичных и достоверных. Даже солдатский отдых передавался как детская игра. Солдаты изображались катающимися с горки, играющими в снежки зимой. На рисунках они выглядели вполне взрослому: непременно усатые (обычно с большими черными усами), в шинелях, перевязанных портупьями, в меховых шапках и валенках. При этом движения и позы были переданы типично детскими: одни солдаты неуклюже скатываются с горки на спине, животе или прямо на ногах, другие – почти по-детски, без замаха, кидаются снежками.

«Солдаты, катающиеся с горки и играющие в снежки». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,0 × 33,0 см // ГИМ. Инв. № II 5071/220 (Коллекция В. С. Воронова)

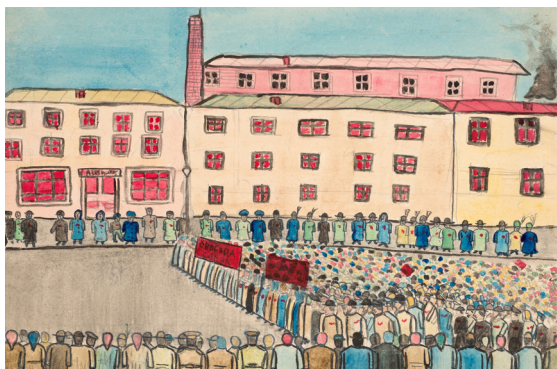
“Soldiers sliding from an ice-hill and playing snowballs”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.0 × 33.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/220 (V. S. Voronov’s collection)

В отличие от военных действий, непосредственными свидетелями которых дети не являлись, революция 1917 г. иначе отразилась в детском творчестве. Известно, что несовершеннолетних детей всех возрастов было довольно много на улицах Петрограда в февральские дни: 27 февраля были отменены уроки в школах, многие школьники, гимназисты сразу не вернулись домой, а отправились гулять вместе с толпами манифестантов. Мальчишек особенно привлекала возможность найти оружие, которое было расхищено из Арсенала, брошено полицейскими, спешно переодевавшимися в гражданскую форму. Свидетели вспоминали, что по вечерам, когда на улицах жгли костры, вокруг них стояли и несовершеннолетние дети с оттопыренными карманами, из которых они доставали патроны и подбрасывали в огонь [Jones, p. 134].

Дети пытались внести посильный вклад в революцию. В Петроградской городской думе отряды 10–15-летних бойскаутов выполня-

ли роль посыльных, занимались канцелярскими делами, а некоторые даже стояли на постах с оружием в руках [Кельсон, с. 163]. Большую роль играло, как всегда, любопытство, перевешивавшее страх перед уличной стрельбой. Позже маленький мальчик признался: «Как только началась революция, я не мог сидеть дома. И меня тянуло на улицу» [Воронов, 1927, с. 7]. Появились и новые игры, навеянные революционными событиями: копируя поведение взрослых, дети начали играть в «революцию и городских», «сделали себе разные флаки и знамены ходили с ними и преследовали полицию» (здесь и далее сохранены стиль и орфография оригинала. – В. А., Ю. Ж.) [Там же]. Естественно, что эти события отражались как в рисунках, так и в школьных сочинениях, написанных по горячим следам. Учащиеся 8–10 лет вспоминали в апреле 1917 г.: «Вдруг все взяли и свергнули императора и министров и сделали свободу. Было очень весело всем»; или: «На улице народ улыбался и один из народа плакал от радости. Никто не ругался»; «очень было радостно и хорошо всем людям» [Там же, с. 5, 11].

В детских рисунках за 1917 г. февраль и март написаны ярко, красный цвет в них доминирует. Весьма показательна работа «Демонстра-

«Демонстрация возле фабрики с лозунгом “Свобода слова!”». Детский рисунок. Неизвестный автор.

Февраль–март 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,3 × 36,8 см // ГИМ. Инв. № И П 5073/203 (Коллекция В. С. Воронова)

“Demonstration near a factory with the slogan “Freedom of Speech!””. Child’s drawing. Unknown author. February – March, 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 24.3 × 36.8 cm // GIM. Inv. No. I П 5073/203 (V. S. Voronov’s collection)

Источниками детского творчества были революционные плакаты, иллюстрированные карикатурные журналы, некоторые сюжеты и композиционные построения которых обнаруживаются в их творчестве. На одном из рисунков Россия в образе царевны не пускает в дом с надписью «Свобода» большевика и анархиста. Все персонажи изображены в ключе, характерном для художников «Нового Сатирикона», «Стрекозы», «Будильника» и других журналов: Россия – в национальном костюме, кокошнике, полы платья подписаны словом

ция возле фабрики», на которой неизвестный ученик использовал очень тонкий метафорический прием: символом Февральской революции стало красное солнце свободы, однако вместо того, чтобы рисовать солнце, юный художник изобразил его отсветы в прямоугольных окнах, которые рифмовались с красными прямоугольными плакатами манифестантов. Символично выглядит голубое небо над красной фабрикой.

«Россия», анархист – в широкополой шляпе и плаще-накидке, большевик – в кепке и короткой куртке-тужурке (ил. 11 на цв. вклейке).

Однако нередко дети находили свои собственные оригинальные трактовки образов: на одном из рисунков буржуй изображен франтом в малиновом сюртуке с розочкой, в пенсне, с тростью и коробкой конфет. Н. Н. Гончарова несколько наивно полагала, что «основная мысль, воплотившаяся в образе буржуа с коробкой конфет, – полная никчемность его. Это бездельник, франт и кутила» [Москва. 1917 год, с. 25]. Такой подход не учитывает психологию ребенка, тоскующего по сладостям. В условиях сахарного кризиса, когда в Петрограде и Москве было запрещено производство конфет, пирожных и прочих «вкусностей», человек с коробкой конфет мог нести для юного автора положительную коннотацию. Большевик же предстал в образе боевого офицера, выступающего против войны, а Маша-«большевичка» оказывалась румяной девицей с золотым ожерельем с драгоценными камнями и сережками. Гончарова полагает, что юного художника на последний образ натолкнули глиняные игрушки-свистульки (ил. 12 на цв. вклейке).

Революция 1917 г. изменяла привычную повседневность детей средних городских слоев. В условиях ухудшавшегося снабжения городов продовольственными товарами многим из них приходилось ходить в магазины, простаивая в очередях по пять-шесть часов:

Когда я стоял в очереди, дрожа, с карточкой в руках, и мне не доставалось хлеба, я стал вставать в 4 часа, а впоследствии с самого утра и то приходилось вставать двухсотым [Дети русской эмиграции, с. 111].

Ученица 6-го класса английской школы для русских девочек Тамара Васильева вспоминала в 1923 г.:

В год революции я жила в Петрограде и училась в гимназии. Постепенно жизнь стала ухудшаться, приходилось самим работать дома, стирать и готовить обеды. Мне было тогда 11 лет. И вот все заботы по дому легли на меня [Там же, с. 66].

В условиях продовольственного кризиса появлялись даже исключительно «детские» очереди – за молоком, за яйцами и некоторыми другими продуктами [РГА КФД. Ед.хр. 2-3167, 2-3168, 2-20720]. Хотя детей можно было увидеть и в лавках за табаком и прочим «взрослым» товаром. Неудивительно, что очереди стали сюжетом рисунков школьников (ил. 13 на цв. вклейке).

Осенью-зимой 1917 г. детские акварели как бы «выцветают». Пропадают яркие чистые краски, реже встречаются небо, солнце. Палитра, вероятно, передает внутреннее эмоциональное состояние художника, с которым созвучна и сюжетная сторона рисунков: дети рисуют убитых защитников Временного правительства, похороны юнкеров и проч. Примечательно, что в детских воспоминаниях об октябрьских событи-

ях присутствуют те же сюжеты, что и относительно февраля, – прекращение школьных занятий, возможность собирать патроны, оружие, однако им сопутствует совсем иная, не праздничная коннотация:

В октябре началось большевистское выступление, и занятия прекратились. Это был какой-то ад. Но этот ад был мне интересен, я впервые услышал стрельбу из орудий, собирал пули, осколки от снарядов [Дети русской эмиграции, с. 185].

Рисуя смерть на войне, дети часто создавали абстрактные пейзажи, условно обозначая лес, поле, речку или дом, а смерть на рисунках 1917 г., как правило, вписана в контекст конкретного места. Маленькие художники фиксируют названия магазинов и лавок, улиц и площадей, демонстрируя, что смерть для них из абстракции превратилась в реальность, стала частью повседневности. Очень интересен эффект, которого неосознанно добился ребенок: нарисованные в последнюю очередь живые постовые оказались полупрозрачными призраками, сквозь которые виднеются трамвайные пути, в отличие от «реальных» мертвецов, лежащих на тротуаре (ил. 14 на цв. вклейке).

Революция 1917 г. стала более личным, «персональным» событием в детском опыте, чем Первая мировая война, что отразилось в характерных особенностях детского рисунка. Вероятным объяснением является то, что революция нанесла большую, чем война, психологическую травму, и это подтверждается психологическими экспериментами. В 1924 г. в г. Орле было проведено исследование над почти 150 учащимися из разных социальных групп 10–16 лет, то есть теми, кому в 1917 г. было по 3–9 лет. Во время эксперимента давалось слово-раздражитель, к которому предлагалось подобрать синонимы. К слову «революция» наибольшим количеством детей были даны синонимы «война», «бой», а далее, по мере убывания, «стреляют», «стрельба», «солдаты идут», «забастовка», «тревога», «кричит», «ружье», «народ», «бунт», «худо» и т. д. [Осипова, с. 46]. На каждый из данных синонимов-ассоциаций приходилось по несколько авторов, в то же время были даны и иные варианты, не включенные в группы: «люди бегут», «бьют людей», «убивают», «неприятно», «погибают», «мальчика убили во время революции», «убью тебя», «беспорядок», «голод», «получили свободу» и пр.

В пропаганде 1917 г. продолжали эксплуатироваться детские образы: в сатирических журналах милиционеров часто рисовали в виде испуганных карапузов, а В. А. Табуриин выпустил серию юмористических открыток «Дети-политики», изображавшую в шаржированных детских образах представителей разных политических партий (ил. 4 на цв. вклейке). Заимствовались и технические особенности детского письма: художники обращались к «наивным» композициям, рисовали пунктиром трассирующие следы пули, изображая уличные перестрелки. Детская картина эпохи войны и революции и детские мо-

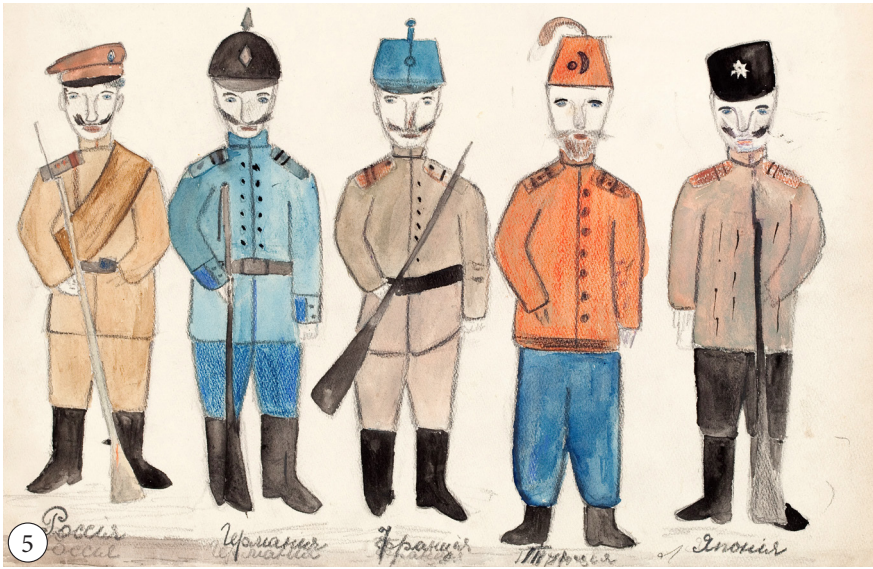
Иллюстрации к статье:

Владислав Аксенов, Юлия Жердева. Рисунки эпохи: дети, война и революция
в пропаганде и творчестве школьников 1914–1917 гг.

Illustration for the article:

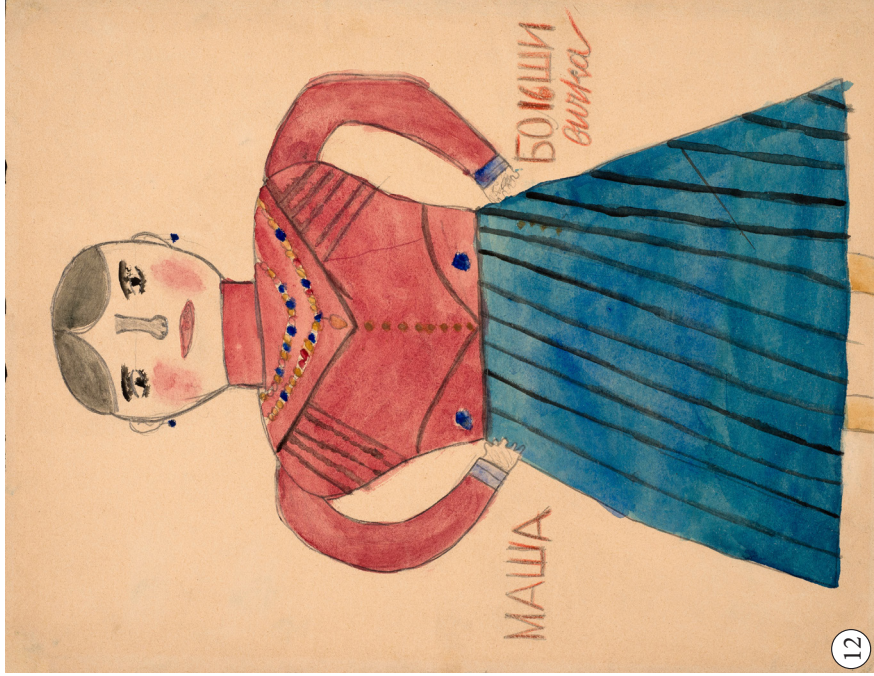
Vladislav Aksenov, Yulia Zherdeva. Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution
in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917

тивы творчества профессиональных авторов коррелировались друг с другом на эмоциональном и техническом уровнях.

Таким образом, мы видим, что детская картина эпохи развивалась параллельно детской тематике, используемой пропагандой. Н. А. Богатов, В. А. Табурин изображали боевые действия как детскую забаву, в то время как детские рисунки порой оказывались более реалистичными в плане отображения трагедии войны. В сохранившейся коллекции рисунков школьников нет однозначных свидетельств полученных детьми психологических травм, однако в ней встречаются образы, ставшие знаковыми в последующий период революции и Гражданской войны, который в более личной форме отразился в детском изобразительном творчестве.

Список иллюстраций к цветной вклейке

List of illustrations, colour inset

1. Н. А. Богатов. «Плачет горько мальчик Вилли – его здорово побили». Открытка. М., 1914–1917.

N. A. Bogatov. *Bitterly cries Willie boy, he has been beaten hard*. Postcard. Publishing house "Galereya", Moscow. 1914–1917.

2. Н. А. Богатов. «Достал языка». Открытка. М., 1914–1917.

N. A. Bogatov. *I have got a spy*. Publishing house "Galereya", Moscow. 1914–1917.

3. В. А. Табурин. «Уж лучше не свykаться, коли нужно расставаться». Открытка. М., 1914–1916.

V. A. Taburin. *It is better not to get attached to each other if we will have to part*. Postcard. Moscow. 1914–1916.

4. В. А. Табурин. «Большевик и меньшевик». Открытка. Серия «Дети-политики». М., 1917.

V. A. Taburin. *Bolshevik and Menshevik*. Postcard. Children Politicians series. Moscow. 1917.

5. Типы солдат воюющих держав (России, Германии, Франции, Турции, Японии). Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель. 25,7 × 34,7 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/742 (Коллекция В. С. Воронова).

Types of soldiers of warring powers (Russia, Germany, France, Turkey, Japan). Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, crayons, watercolours. 25.7 × 34.7 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/742 (V. S. Voronov's collection).

6. «После боя». Детский рисунок. Автор – Хорев. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 21,5 × 33,0 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/132 (Коллекция В. С. Воронова).

After the battle. Child's drawing. By Khorev. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 21.5 × 33.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/132 (V. S. Voronov's collection).

7. «Перенесение раненого солдата из санитарного вагона трамвая в лазарет». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 30,0 × 24,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/492 (Коллекция В. С. Воронова).

Transportation of a wounded soldier from the sanitary car of a tram to the infirmary. Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 30.0 × 24.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/492 (V. S. Voronov's collection).

8. «Крючков козак». Детский рисунок. Автор – Козлов. 1914 г. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши // ГИМ. Инв. № И II 5071/264 (Коллекция В. С. Воронова).

Cossack Kryuchkov. Child's drawing. By Kozlov. 1914. Paper, graphite pencil, crayons // GIM. Inv. No. I II 5071/264 (V. S. Voronov's collection)

9. «Палаточный лагерь русских войск». Детский рисунок. Автор Ю. Герасименко. 1914–1915 гг. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель. 23,5 × 32,3 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/10 (Коллекция В. С. Воронова).

Camp of the Russian troops. Child's drawing. By Yu. Gerasimenko. 1914–1915. Paper, graphite pencil, crayons, watercolours. 23.5 × 32.3 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/10 (V. S. Voronov's collection)

10. «Солдаты отдыхают». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,0 × 34,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/781 (Коллекция В. С. Воронова)

Soldiers at rest. Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.0 × 34.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/781 (V. S. Voronov's collection)

11. «Свободная Россия и большевики». Детский рисунок. Автор А. Константинов. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,0 × 24,0 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/176 (Коллекция В. С. Воронова).

Free Russia and Bolsheviks. Child's drawing. By A. Konstantinov. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 34.0 × 24.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/176 (V. S. Voronov's collection)

12. «Маша-большевичка». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,0 × 26,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/341 (Коллекция В. С. Воронова)

Masha-Bolshivichka. Child's drawing. Unknown author. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 34,0 × 26,5 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/341 (V. S. Voronov's collection).

13. «Очередь в булочную С. Титова». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,7 × 33,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/141 (Коллекция В. С. Воронова)

A queue to S. Titov's bakery. Child's drawing. Unknown author. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 24.7 × 33.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/141 (V. S. Voronov's collection).

14. «Телефонная станция и убитые». Детский рисунок. Автор П. Григорьев. Декабрь 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,7 × 34,8 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/400 (Коллекция В. С. Воронова).

The exchange and the killed. Child's drawing. By P. Grigoriev. Dec., 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.7 × 34.8 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/400 (V. S. Voronov's collection).

Список литературы

Аксенов В. Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.

Аксенов В. Б. От игры к самоубийству: социальная активность молодежи в период Первой мировой войны // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2. С. 51–65.

Астаиов А. Б. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны // Какорея : Из истории детства в России и других странах : сб. ст. и материалов / сост. Г. В. Макаревич. Вып. 1. М. ; Тверь : Науч. книга, 2008. С. 101–113.

Ватник Н. С. «Германская война» и повседневная жизнь учащихся средних школ России в 1914–1917 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2014. С. 260–265.

Война в рисунках детей // Дети и война. Киев : Киев : Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 97–110.

Воронов В. Война в рисунках детей // Вестн. воспитания. 1915. № 2. С. 33–79.

Воронов В. Февральская революция в детских записях // Вестн. просвещения. 1927. № 3. С. 3–11.

Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Петрушева ; под ред. С. Г. Блинова, М. Д. Филина. М. : Терра, 1997. 496 с.

Жердева Ю. А. Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А. Н. Кривцова и ее роль в формировании визуальной культуры войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2014. С. 534–541.

Зеньковский В. В. О влиянии войны на детскую психику // Дети и война. Киев : Киев. Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 38–66.

Жельсон З. С. Милиция февральской революции : Воспоминания // Былое. 1925. № 1 (29). С. 161–179.

Левитский В. М. Беспорядочные дети и война // Дети и война. Киев : Киев. Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 6–20.

Лукьянов Е. А. Великая война глазами детей : Коллекция детских рисунков времен Первой мировой войны из собрания ГИМ // Первая мировая война : Исследования. Документы / ред.-сост. И. Л. Журавская. М. : Гос. ист. музей, 2014. С. 308–317.

Москва. 1917 год. Рисунки детей – очевидцев событий : Из коллекции Государственного исторического музея / сост. и авт. текста Н. Н. Гончарова. М. : Сов. Россия, 1987. 251 с.

Некрасова-Каратеева О. Л. Детский рисунок: комплексное искусствоведческое исследование : дис. ... докт. искусствоведения. СПб. : [Б. и.], 2005. 429 с.

Осипова В. Н. Речевые рефлексы у детей // Пед. журн. 1924. № 3–6. С. 46.

Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию» : Юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 142–145. РГАКФД. Ед. хр. 2-3167, 2-3168, 2-20720.

Рубинштейн М. М. Война и дети // Вестн. воспитания. 1915. № 2. С. 1–32.

Сальникова А. А. Конец сказки : Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой, Ю. Ю. Хмелевской. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 418–437.

Синова И. «Мальчики под военной грозой притихли...»: патриотизм и девиация детей в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 121–123.

Соколов-Микитов И. С. Гимназистки // Соколов-Микитов И. С. На теплой земле. М. : Госполитиздат, 1954. 852 с.

Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 949–952.

Щербинин П. П. Модели поведения детей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: опыт и структура адаптации, социокультурные деформации // Гуманитарные науки: проблемы и решения : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. СПб. : Нестор ; Тамбов : ТГУ, 2006. С. 58–67.

Jones S. *Russia in the Revolution : Being the Experiences of an Englishman in Petrograd During the Upheaval*. L. : Herbert Jenkins Lim., 1917. 340 p.

References

Aksenov, V. B. (2013). Ot igry k samoubiistvu: sotsial'naya aktivnost' molodezhi v period Pervoi mirovoi voiny [From a Game to Suicide: The Social Activity of Youth during World War I]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Istoriya. Iss. 2, pp. 51–65.

Aksenov, V. B. (2017). "Chernoe avto" kak simvol revolyutsionnogo nasiliya v 1917 g.: fobiya, mifologema, emotsional'nyi stimul [The "Black Auto" as a Symbol of Revolutionary Violence in 1917: Phobia, Mytheme, and Emotional Stimulus]. In *Antropologicheskii Forum*. No. 32, pp. 112–141.

Astashov, A. B. (2008). Deti idut na voinu: iz istorii "detskogo voprosa" v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Children Go to War: From the History of "the Children's Question" in Russia in the Years of World War I]. In Makarevich, G. V. (Ed.). *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh*. Sbornik statei i materialov. Iss. 1. Moscow, Tver', Nauchnaya kniga, pp. 101–113.

Chukovskii, K. (1915). Deti i voina [Children and War]. In *Niva*. No. 51, pp. 949–952.

Goncharova, N. N. (Comp). (1987). *Moskva. 1917 god. Risunki detei-ocheviditsev sobytii. Iz kolleksii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Moscow. 1917. Drawings of Children Eyewitnesses of the Events. From the Collection of the State Historical Museum]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 251 p.

Jones, S. (1917). *Russia in the Revolution. Being the Experiences of an Englishman in Petrograd during the Upheaval*. L., Herbert Jenkins Lim. 340 p.

Kel'son, Z. S. (1925). Militiya fevral'skoi revolyutsii. Vospominaniya [The Militia of the February Revolution. Memoirs]. In *Byloe*. No. 1 (29), pp. 161–179.

Levitskii, V. M. (1915). Besprizornye deti i voina [Homeless Children and War]. In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 6–20.

Luk'yanov, E. A. (2014). Velikaya voina glazami detei. Kolleksiya detskikh risunkov vremeni Pervoi mirovoi voiny iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [The Great War through Children's Eyes. A Collection of Children's Drawings of the Times of World War I from the State Historical Museum]. In Zhuravskaya, I. L. (Ed.-comp.). *Pervaya mirovaya voina. Issledovaniya. Dokumenty*. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, pp. 308–317.

Nekrasova-Karateeva, O. L. (2005). *Detskii risunok: kompleksnoe iskusstvo-vedcheskoe issledovanie* [Children's Drawings: Complex Art Criticism]. Dis. ... doktora iskusstvovedeniya. St Petersburg, S. n. 429 p.

Osipova, V. N. (1924). Rechevye refleksy u detei [Speech Reflexes in Children]. In *Pedagogicheskii zhurnal*. No. 3–6, p. 46.

Parkhomenko, V. (2013). "Proshchaite, dorigie roditeli, ya edu oboronyat' Rossiyu". Yunye dobrovol'tsy na frontakh Pervoi mirovoi ["Farewell, Dear Parents, I am Going to Defend Russia". Young Volunteers in the Fronts of World War I]. In *Rodina*. No. 8, pp. 142–145.

Petrusheva, L. I., Blinov, S. G., Filin, M. D. (Eds.). (1997). *Deti russkoi emigratsii: kniga, kotoruyu mechtali i ne smogli izdat' izgnanniki* [The Children of Russian Emigration: The Book Exiles Dreamt of Publishing but Could Not]. Moscow, Terra. 496 p.

RGAKFD [The Russian State Film and Photo Archive]. Storage Units 2-3167, 2-3168, 2-20720.

Rubinstein, M. M. (1915). Voina i deti [War and Children]. In *Vestnik vospitaniya*. No. 2, pp. 1–32.

Sal'nikova, A. A. (2007). Konets skazki. Pervaya mirovaya i Grazhdanskaya voiny v vospriyatii detei-sovremennikov [The End of the Fairy Tale. World War I and Civil Wars in the Perception of Child Contemporaries]. In Narskii, I. V., Nagornaya, O. S., Nikonova, O. Yu., Khmelevskaya, Yu. Yu. (Eds.). (2007). *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii. Sbornik statei*. Chelyabinsk, Kamennyi pojas, pp. 418–437.

Shcherbinin, P. P. (2006). Modeli povedeniya detei v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.: opyt i struktura adaptatsii, sotsiokul'turnye deformatsii [Behaviour Models of Children during World War I: The Experience and Structure of Adaptation and Sociocultural Deformations]. In *Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya. Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei*. Iss. 4. St Petersburg, Nestor, Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 58–67.

Sinova, I. (2014). “Mal'chiki pod voennoi grozoyu pritikhli...”: patriotizm i devyatsiya detei v gody Pervoi mirovoi [“The Boys Have Become Silent under a Military Thunderstorm...”: Patriotism and Deviation of Children in the Years of World War I]. In *Rodina*. No. 8, pp. 121–123.

Sokolov-Mikitov, I. S. (1954). Gimnazistki [Grammar-school Girls]. In Sokolov-Mikitov, I. S. *Na teploi zemle*. Moscow, Gospolitizdat. 852 p.

Vatnik, N. S. (2014). “Germanskaya voina” i povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya srednikh shkol Rossii v 1914–1917 gg. [“The German War” and Everyday Life of the High School Pupils of Russia in 1914–1917]. In Artizov, A. N., Levykin, A. K., Petrov, Yu. A. (Eds.). *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow, 30 Sept. – 3 Oct. 2014). Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, pp. 260–265.

Voina v risunkakh detei [War in Children's Drawings]. (2015). In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 97–110.

Voronov, V. (1915). Voina v risunkakh detei [War in Children's Drawings]. In *Vestnik vospitaniya*. No. 2, pp. 33–79.

Voronov, V. (1927). Fevral'skaya revolyutsiya v detskikh zapisyakh [The February Revolution in Children's Records]. In *Vestnik prosveshcheniya*. No. 3, pp. 3–11.

Zen'kovskii, V. V. (1915). O vliyaniii voiny na detskuyu psikhiku [About the Influence of War on Children's Mentality]. In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 38–66.

Zherdeva, Yu. A. (2014). Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya senatora A. N. Krivtsova i ee rol' v formirovanii vizual'noi kul'tury voiny [The Extraordinary Commission of Inquiry of Senator A. N. Krivtsov and Its Role in the Formation of the Visual Culture of War]. In Artizov, A. N., Levykin, A. K., Petrov, Yu. A. (Eds.). *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow, 30 September – 3 October 2014). Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, pp. 534–541.

The article was submitted on 19.02.2018

**THE FRAGILITY OF DOMESTIC SPACE
WITHIN CORRUPTIVE NON-PLACE
IN ANDREI ZVYAGINTSEV'S *LEVIATHAN****

Andrew James McGregor

Robert John Lagerberg

University of Melbourne,
Victoria, Australia

In this article the authors analyse Andrei Zvyagintsev's feature film *Leviathan* (2014) from the perspective of domestic space using Marc Augé's theory of non-places. As in Zvyagintsev's film *Elena*, the film uses a framing technique, placing the domestic space in question, in this case the site of Nikolai's house, in the film's central role. From the outset the house is depicted as somehow fragile and unprotected from the outside world, and, as the plot progresses, this vulnerability increasingly comes into play. The main instigation for the events which follow comes from the town's corrupt mayor, who plans to purchase Nikolai's house for a fraction of its true value and build a church on its site. This action brings Nikolai's former army colleague Dmitry, now a successful Moscow lawyer, into the action, leading directly to infidelity on the part of Nikolai's wife (Liliya), and, ultimately, her death, presumably at the hands of the corrupt mayor. The external corrupting force of non-place and non-language, seen clearly in scenes such as that at the city court, where the clerk reads the court's decision at an improbably fast tempo, increasingly enters Nikolai's home and family situation, and, ultimately, undermines, then destroys, the integrity of private domestic space and the lives and identities of those who inhabit it.

Keywords: Post-Soviet Russia; National Identity; Domestic Space; *Leviathan*; Andrei Zvyagintsev; Non-places; Marc Augé.

Авторы анализируют художественный фильм Андрея Звягинцева «Левиафан» (2014) с точки зрения изображения в нем домашнего пространства, опираясь на теорию «ничейных пространств» Марка Оже. Подобно тому,

* *Citation:* McGregor, A. J., Lagerberg, R. J. (2018). The Fragility of Domestic Space within Corruptive Non-Place in Andrei Zvyagintsev's *Leviathan*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 504–515. DOI 10.15826/qr.2018.2.309.

Цитирование: McGregor, A. J., Lagerberg, R. J. The Fragility of Domestic Space within Corruptive Non-Place in Andrei Zvyagintsev's *Leviathan* // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 504–515. DOI 10.15826/qr.2018.2.309.

как это происходит в «Елене», в «Левиафане» режиссер использует технику кадрирования, благодаря которой домашнее пространство – в данном случае дом Николая – играет ключевую роль. Снаружи дом выглядит уязвимым и незащищенным от внешнего мира, и по мере развития сюжета эта уязвимость обретает все более важное значение. События фильма разворачиваются вокруг коррумпированного мэра города, который хочет выкупить дом Николая за бесценок и построить на его месте церковь. Николай прибегает к помощи старого сослуживца Дмитрия, теперь успешного адвоката, что впоследствии ведет к измене Лилии, жены Николая, и ее гибели, предположительно от руки мэра. Разрушающая сила не-места и не-языка, проявляющаяся, среди прочего, в сценах из городского суда, где секретарь с неправдоподобной скоростью зачитывает постановление суда, постепенно проникает и в домашнее и семейное пространство Николая, подрывая и постепенно разрушая его, а также жизнь и личности его обитателей.

Ключевые слова: постсоветская Россия; национальная идентичность; домашнее пространство; Левиафан; Андрей Звягинцев; не-место; Марк Оже.

The Russian feature film *Leviathan* (Andrei Zvyagintsev, 2014) was released in 2014 to generally very positive acclaim, both by critics and at various film festivals. For example, Peter Bradshaw in *The Guardian*, in a glowing appraisal, awarded it the maximum five stars (see: [Bradshaw]); it was selected to compete for the 'Palme d'Or' in the main competition section at the 2014 Cannes Film Festival, it won the best film of the year at the 2014 London Film Festival and was nominated for (but did not win) an Academy Award for Best Foreign Language Film at the 87th Academy Awards. In Russia itself, the film has attracted both positive and negative critical responses, though, as A. Fedorov makes clear, such reactions are generally dependent on the respective political views of critics: more conservative views have tended towards a more hostile reception of the film, something heightened by the fact that the film received state funding, yet proceeded to 'bite the hand that feeds', while more liberal views have taken a rather macabre pleasure in the pessimistic picture of Russia depicted so masterfully by Zvyagintsev and his impressive cast of actors [Fedorov].

Other, more academic, approaches to the film have concentrated on the theological, especially the biblical theme of the Book of Job (Ch. 41) and the whale, thus corresponding also to the literal meaning of the title of the film 'Leviathan'. This feature is visually reinforced by the stranded carcasses of whales seen at various points in the film and the conversation between Nikolai and Father Vasilii concerning Job's fate. D. Kondyuk, for example, examines the film from the point of view of apophatic theology and the relationship of the film's characters with the Other (God) [Kondyuk]. Ultimately, however, the characters, particularly Nikolai, though seemingly searching for answers to their metaphysical questions, are unable to find any, primarily because they are emotionally closed to the possibility of hearing any such answers, thus making their questions apophatic and rhe-

torical in essence: a good example of this is Nikolai's almost rhetorical question, 'Why, Lord?' (*За что, Господу?*), as he stares out to sea immediately after Liliya's corpse is found. Little to date, however, seems to have been made of the title's other allusion, i. e. Hobbes's *Leviathan*, though clearly the notion of the social contract and the ubiquitous body of the state entering into even the most intimate details of people's private lives is one which requires further research. C. Părău touches on it in an article which examines *Leviathan* in terms of the ways in which the 'work of narrative' and the question of post-Christian guilt are played out in the construction of post-modern narratives of the Fall [Părău]. As the author states, 'The narrative of the Fall, in this film, is constructed around the political idea of the social contract defined as a contract with the Devil, from which there is no escape or turning back until one loses everything. <...> The "work of narrative" in *Leviathan* is another attempt to make visible an inhuman eye, the eye of the "sea monster", the governmental collective body's eye, watching from behind things or from behind the order of things' [Ibid., p. 137].

Thus, while much of the criticism, in both senses of the word, has concentrated either on theological aspects of the film or its commentary on Russia's current socio-political situation, the approach of this article is somewhat different. Zvyagintsev's cinematic work is complex and multi-layered, and, therefore, able to be analysed from a whole range of intellectual perspectives. The aim of this paper is to some extent similar to our previous analysis of Zvyagintsev's *Elena*, in so far as it sets out to investigate the main location of the film (i. e. Nikolai's house) in an attempt to identify the role of place/non-place and its relationship to identity [McGregor, Lagerberg]. This is not to dismiss any political message, but merely to approach a complex film from one particular, aesthetic angle. The setting of the film in Russia's sparsely populated north and, indeed, the house itself, which is spacious and rural, perhaps also distance the plot from a more stereotypical view of Russia.

A theoretical approach which is particularly well suited to an analysis of cultural concepts connected with (domestic) spaces in the modern context is Marc Augé's theory of *non-places*, as developed in his seminal work *Non-Places: An Introduction to Supermodernity* [Augé].¹ Though, clearly, there are differences between the two recent films directed by Zvyagintsev, *Elena* and *Leviathan*, it is also evident that both films concentrate, from the point of view of plot alone, on the theme of domestic space. This is immediately apparent from the respective opening and closing frame shots in both films (the modern apartment in *Elena*, (the site of) Nikolai's house in *Leviathan*), as well as the central structural and thematic importance of domestic spaces in both films (the two main apartments in *Elena*, Nikolai's house (and its location) in *Leviathan*).

¹ Augé's work was originally published in French in 1992 by Seuil under the title *Non-Lieux, Introduction à une anthropologie de la surmodernité*, which was subsequently translated into English and published in 1995 by Verso under the title *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Reference in this chapter is made to the second edition of the English translation, which was published in 2008 by Verso.

This paper will, therefore, examine *Leviathan* in the light of Augé's work, in particular the extent to which his theory of *non-places* may, in certain instances in this supermodern globalised world, be as applicable to the domestic space as it is to the increasingly ubiquitous and dehumanising public spaces of airports, hotels, shopping centres and other typical *non-places*. While the home may be defined as private and personal, as opposed to public and impersonal, it will be argued here that, as in the film *Elena*, the domestic space is depicted as a space constantly under threat of being undermined and, ultimately, destroyed, along with the identity and lives of those who inhabit the given space. It will be argued here that the domestic space, far from being a comforting and reassuring destination in itself, can be read as liminal [Thomassen, p. 322], as transitory, as a space 'in-between' or constantly under threat of invasion and corruption from the leviathan of *non-place* which surrounds it.

Augé defines *place* as 'relational, historical and concerned with identity'. It stands to reason, therefore, that he should define *non-place* as 'a space which cannot be defined as relational, or historical, or concerned with identity' [Augé, p. 63]. Augé hastens to point out, however, that the distinction between *place* and *non-place* is not to be imagined as a mutually exclusive binary opposition:

[The non-place] never exists in pure form; places reconstitute themselves in it; relations are restored and resumed in it... Place and non-place are rather like opposed polarities: the first is never completely erased, the second never totally completed; they are like palimpsests on which the scrambled game of identity and relations is ceaselessly written [Augé, p. 64].

Indeed, as it shall be argued in this chapter in relation to the domestic space: 'The possibility of *non-place* is never absent from any place' [Augé, p. 86]. The focus of this paper is, then, on the role of *non-place* in *Leviathan*, in particular the corrosive effect of the exterior *non-place* (the state or Hobbesian 'Leviathan') on the interior *place*, which ultimately subsumes and, thereby, destroys the latter along with the lives in it. While the film takes place in a particular Russian setting, we would argue that the overall theme takes precedence over the specific Russian context, a fact borne out by the unusual geographical setting in Russia's north, i. e. at the social and spatial periphery of the country. At the heart of the film's argument is, then, the notion of *place* within (*non-*)*place*, a paradox and impossibility depicted in the course of the film by the fragility and ultimate destruction of the latter.

Just as in the film *Elena*, as mentioned above, *Leviathan* uses a framing technique which employs the central domestic space in the film, Nikolai's house, or, at least, its site, since, of course, at the film's end the house itself will be destroyed and replaced by an Orthodox church. At the film's opening the camera first explores the harsh north-Russian environment, in particular the sea, before concentrating on the house itself. As in *Elena*, the scene takes place in the early hours of morning just before dawn, and

the house is thus depicted in semi-darkness and without dialogue: human existence is secondary to nature, it is enveloped by it both physically and temporally. In this way, the domestic space itself features as the key element in the film, filtered from the vast world outside and containing human lives within itself. At the same time, however, the somewhat unstable aspect of Nikolai's home becomes clear: it has no fence or clear boundaries, it stands on a slope within a harsh environment (as shown in the opening frames of the film) and the first action, so to speak, involves a departure in a car by an as yet unknown person. Indeed, in course of the film the constant arrivals and departures from Nikolai's house serve to develop further the sense of transience and instability which characterise the house. Though it is a domestic space, from the outset its fragility is apparent both from its physical location in a harsh environment and the sense of movement away from it, and, therefore, its status as *place* is constantly under threat. As the film progresses, there is an increasingly clear motif of the corrupting influence of the wider space (society/state) on the micro-space of domesticity (home) and the lives it contains.

The plot itself is set in motion (thus, the *завязка*) and resolved (thus, the denouement (*развязка*)), so to speak, by the house itself, in particular, the efforts – ultimately successful – of the corrupt mayor to exploit Nikolai by purchasing it for less than its actual value and building a church on the site. This is done in collusion with the rather venal, not to mention, unethical bishop. Although, at the very beginning of the film this is not yet clear to the audience, the initial car journey from and back to the house results directly from it. Nikolai is, in fact, driving to the local railway station to pick up an old friend who now works as a lawyer in Moscow and will be able to aid him in his bid to resist the mayor's (Vadim Sergeevich Sheleviat) efforts to oust him from his home and leave him with only a portion of the money he would receive for the house if he chose to sell it under normal circumstances. From the outset, therefore, the already rather delicate balance of family and domestic space is undermined by the exterior *non-place*, i. e. the state or the 'Leviathan' in the persona of the mayor, since Nikolai's family consists, in fact, of his son, Roman, and the boy's stepmother, i. e. his second wife. Space within any state (or Hobbesian 'Leviathan') cannot be hermetically sealed, and the corrosive influence from the outer circle seeps into the interior spaces of domesticity, ironically here, in the person of Dmitry, i. e. Nikolai's friend.

Although it is underplayed at the film's beginning, one of the most direct effects of the mayor's actions is the arrival of Dmitry and his essentially intrusive presence in what is already a somewhat strained domestic situation. The erosion of Nikolai's domestic space thus begins both at the macro and micro level. Liliya, it soon becomes clear, is Nikolai's second wife and, therefore, the stepmother of Roman. In a tense early scene, Roman refuses to greet his stepmother with a 'good morning', prompting a stern rebuke from her, and in turn the comment 'She's not my mother' (*Не мать она мне*) and a slap on the head from his father when he arrives

back home with Dmitry. As the plot progresses, Dmitry undermines and ultimately destroys Nikolai's marriage by sleeping with Liliya. This in turn leads to Nikolai's demise at the macro level by giving the mayor the perfect motive for framing Nikolai for his wife's murder, i. e. Nikolai's threat to kill her in earshot of other characters at the picnic, as well as the (quasi-) rape of his own wife which gives the police the evidence for the purported rape and murder. The macro *non-space* leads directly into the already fragile domestic space, destroying the latter space in every possible way, ultimately even literally by a wrecking machine as its arm pulls the house to pieces. Interestingly, in an early scene, when the mayor arrives uninvited at Nikolai's house in order to intimidate him, Nikolai prophetically refers to his car as a 'hearse' (*катафалк*): in virtually the final scene of the film, a cortege of such 'official' black cars is shown crossing the bridge at the site of Nikolai's former house, an image rich in irony and allusion.

In addition to the fragility of Nikolai's domestic space in terms of the composition of the people living there, the physical features of his home also contribute to its sense of liminality. In particular, its lack of fencing or other boundaries, its position on a slope and its proximity to the river and a bridge give it a sense of unsettledness. Indeed, on multiple occasions in the film, the exterior of the house is presented in connection with the arrival or departure of cars. The first view of the house at dawn involves the silent departure of the main protagonist, Nikolai, and the film's conclusion shows a cortege (the hearse, *катафалк*, mentioned above) of cars leaving the site of the newly built church and proceeding across the bridge. In one of the earliest scenes in the film, Liliya waters her plants and does her make-up in the gaze of the traffic officer who waits below for Nikolai to arrive home: one of the features of the house is the large amount of windows which make the interior highly visible from the exterior, thereby heightening the foreboding sense of vulnerability, both in terms of the house's physical structure (threatened with demolition) and the fragile structure of the family living within it - a second marriage undermined by adultery and a recalcitrant son, as well as by external pressures exerted by the invasive, destabilising forces of a corrupt State (Fig. 1).

1. The house. Still from *Leviathan*. A. Zvyagintsev. 2014

This liminality and vulnerability to what lies outside reaches its climax at the end of the film as the wrecking machine reaches, claw-like, into the house, knocking over the furniture and destroying the windows as it does so, the exterior *non-space* now entering and enveloping the private domestic space. The innovation of filming of this scene of destruction from within the home being demolished reinforces, with powerful and dramatic effect, the sense of invasion of personal and domestic space. Building demolitions are typically filmed from a safe distance, suggesting an efficient, clinical operation in which safety is paramount, and from which the onlooker remains at a reassuring physical and psychological distance. To witness the physical destruction of the family's domestic space from within generates an almost unbearably unnerving effect on the viewer. The fact that the house has evidently not been emptied of furniture nor of the family's belongings prior to the demolition adds to the sense of violation of the family's living space. The subjective vulnerability of the viewpoint imposed by the filming of the destruction from within, and the immediacy of the act committed without due preparation of the space, represents a clear lack of consent on the part of the family whose home is being destroyed. This invasion and violation of clearly-marked and unprepared domestic space is tantamount to a rape of that space as well as to its murder, in effect, therefore, a metaphor for what has now occurred in Nikolai's personal life.

The fragility of Nikolai's domestic space and the intrusion of the exterior *non-place* is well illustrated some 26 minutes into the film when Nikolai and Dmitry drink vodka and the former shows his friend a photo of the house dating back many years. 'Here is my entire life' (*Здесь вся моя жизнь*) he says, before first Liliya cuts him short in a rather patronising manner, and then the mayor with his thugs appears on his property, drunk, abusive and threatening. It seems that even the smallest attempt to explain the sense of place which he feels with his own domestic space is misunderstood, while, at the same time, the actual domestic space is in the process of being taken from him. The next day the two friends drive into town to hear the court decision in their case as they vow to 'fight the entire town' (*со всем городом воевать*), as Liliya later puts it. In one of the most striking scenes of the film, the essential dysfunctionality of the world at large is laid bare as the court's decision is read out by a clerk of the court at great length and at breakneck speed, the only pauses taken are literally to take breath. The language of the state becomes *non-language*, it loses all meaning and connectedness with its surroundings by its uncompromising refusal to engage in normal human communication. As the state becomes a monstrous leviathan, a monster crushing everything in its path, language becomes a hideous travesty of its own true essence, little more than an automated text. This linguistic dysfunctionality is then mirrored by actual dysfunctionality, as Dmitry searches through the legal institutions of the town to find anyone in a position of authority, only to be told that there is no one (*Нету никого*).

The role of nature in the film is also not without significance. It frames the film, in particular with the nocturnal image of the sea and waves crashing

on to the shore. Essentially the imagery portrayed is of cold indifference which, ultimately, will have the last word: at the film's conclusion, all that has happened in the course of the film now appears irrelevant in the wider scheme of time and space. As individual people are subject to the laws and customs of the particular Leviathan they live in, so the Leviathan state itself is ultimately locked in by space and time and will eventually be reduced to nothing but bones, like wrecked hulls of ships and the carcasses of whales stranded along the littoral. Just prior to her death, Lilia stares out into this abyss and sees a live whale, but the earlier imagery of the dead whale underlines both her own and Nikolai's imminent fate.

The use of the symbolic figure of the dead whale is reminiscent of the scene of the beaching of a monstrous sea creature at the conclusion of Federico Fellini's *La dolce vita* (1960). The creature, or at least its carcass (in fact, it is not clear if the creature is still alive or already dead), in Fellini's film can be seen to represent the corruption of the protagonist Marcello's (Marcello Mastroianni) ultimately unsatisfying unabashed hedonism of his party-going jet-set lifestyle, especially when contrasted with the purity of the image of the Umbrian angel Paola in the very last shot of the film, from whom Marcello bids an unconvincing and rather pathetic farewell as he resigns himself to a meaningless and apparently morally reprehensible life of self-indulgence. Likewise, in *Leviathan*, the carcass of the whale represents the rotting decay of a corrupt society, this time at the hand of a powerful and intrusive State and of a self-serving religious hierarchy that has strayed all too far from its core values. There is a certain irony in the fact that in order to depict the rotten 'state of the State', as symbolised by a decaying whale carcass (i. e. an element of nature, which suggests that corruption is an entrenched, engrained and indeed 'natural' part of the local landscape), Zvyagintsev had to have the model man-made out of metal, as, presumably, no naturally occurring skeletal remains were convincing enough as a depiction of the magnitude of man-made corruption at play in the context of the film, and, presumably in contemporary Russia. Therefore, the apparently 'natural' symbol takes its place, like the church that will replace the family home, as part of the 'built' environment; it too is contrasted with the natural beauty of the landscape, which can be seen to survive, endure and outlast even the most reprehensible acts of the darker elements of mankind.

Perhaps the only other significant scene of nature in the film is when several of the characters drive to a bleak, but picturesque spot for a picnic. On this occasion, it would be hard to claim that humans are portrayed here in harmony with their surroundings: the prominent activity of the day, other than drinking, is firing rifles. While actual violence from these firearms is only suggested and the shooting is only for target practice (though portraits of former state leaders are also considered), the mood is somewhat threatening. In fact, what transpires is a key element in Nikolai's ultimate demise: his friend Dmitry is spotted having sex with Liliya by the children, who misconstrue the act as one of violence. Though we are not given access to the subsequent violence, Dmitry is severely beaten up, as the subsequent scenes reveal: he lies in bed in a hotel with Liliya, his face

a hideous canvas of cuts and bruises. Even nature, therefore, gives an element of danger and violence to the sense of domestic space and balance.

With this scene of adultery, Nikolai's domestic space is effectively destroyed, not physically, but from the point of view of its existing structure and relationships, and his demise is now assured. From both the outside and then the inside, his domestic space has been usurped and violated. In spite of everything, however, Lilia is drawn back to the house and her marriage, but the corrupting influence from without is unstoppable. Roman increasingly becomes a stranger in his own house, often escaping to the sanctuary of a now crumbling and non-functioning church, while Nikolai's relationship with Lilia is now so strained that their final amorous encounter is, in fact, a non-consensual sex scene, witnessed by Roman and leading to his total alienation from his father and home. Ironically, of course, this same scene takes place as the contents of the house are being packed away, following the decision of the court in the mayor's favour. The domestic space is now clearly in the area of *non-space*, domestic relationships are being terminated as the physical home itself is dismantled (Fig. 2).

2. Roman near the skeleton. Still from *Leviathan*. A. Zvyagintsev. 2014

Within the dichotomy of space and non-place, an interesting subtext is played out with the theme of religion and the two priests. While the bishop is connected with officialdom, and his language (see below) represents non-meaning, the priest who Nikolai encounters towards the conclusion of the film, as he enters his darkest hour, is clearly in a different category. While the bishop is essentially venal and his language couched in platitudes aimed at achieving his own ulterior motives (the construction of the church and, presumably, the maintenance of his luxurious lifestyle), Father Vasilii speaks with clear religious conviction and humanity. In spite of Nikolai's vicious jibes - 'Where is your God... your merciful God?' (*Где твой Бог... милосердный?*) - , he remains lucid and sympathetic, explaining to Nikolai the meaning of the legend of Job and his path from suffering to joy. The general appearance of this priest, his demeanour, clothes and modest house, all suggest authenticity, while the bishop seems to exude falseness. Genuine identity in this film is, therefore, linked with disconnectedness

from the official world at large and its corrupting influence which leads to a negation of space, language and identity. In another variation of this theme, the old and decrepit church where Roman and his friends go to socialise, which is ironic, by modern western hedonistic standards, exudes a certain spirituality and sanctuary, while the newly built church, which is seen in the film's conclusion, represents falsehood in both its conception and current state. Indeed, after Liliya's unexplained disappearance, Nikolai also sits in the church with the boys for a few minutes, drunk, but able to contemplate the religious painting which still adorns the walls in the flickering firelight.

The final spoken scene in the film is heavily ironic: an inaugural service is held at the newly built church which now stands on Nikolai's former domestic space, and the bishop delivers a lengthy sermon, which, inter alia, discusses two types of truth, that which is real, *истина* (from Greek *αλήθεια*), and that which is just, *правда* (*δικαιοσύνη, δίκαιον*), and comes immediately after a scene in which the mayor sits in a restaurant and orders more vodka to celebrate the news that Nikolai has been sentenced to 15 years in prison with hard labour. The camera also takes in the congregation, with, at one point, the mayor informing his young son that this is their Lord and 'He sees everything' (*Он всё видит*). It is all, of course, heavily ironic, in fact, once again, a kind of *non-language*. The unjust way in which Nikolai has been divested of his home and his subsequent framing for murdering his wife with a lengthy spell in prison with hard labour is, as it were, discussed in the very location where a few weeks before he had been living a relatively happy life, making the philosophical sermon about different types of truth and acting not through strength, but through love (*He силой, а любовью*) (2.07') entirely and tragically preposterous. The concepts of truth and justice, then, are absurd in the extreme, as is the notion that a just God sees this and does nothing. This *non-language* of the bishop is the counterpart of the legal *non-language* mentioned above which occurs when the second decision of the court is read out at breakneck speed by the female clerk. It is also related to the obfuscation of truth which is conducted in the police station when Nikolai is interrogated and charged. Although the policeman speaks rationally and clearly, the hopeless situation becomes clear to the viewer and the inebriated Nikolai, and the resulting dramatic irony as we see and grasp Nikolai's clear bewilderment and grief is a powerful statement on the tragic demise of the 'little man' in the face of the Leviathan of state power. The final voice heard in the film is the bleak cry of a raven over the deserted and windswept landscape.

* * *

In this article, Andrei Zvyagintsev's film *Leviathan* is analysed from the perspective of Marc Augé's place/non-place. The film's use of framing technique establishes the site of Nikolai's house as the main thematic focus. From the outset, Nikolai's home is depicted as a somewhat liminal, exposed and vulnerable space, both in physical and abstract terms: the house itself is not separate from the outside world, while the relationships inside the house

are already strained. The actions of the mayor lead directly to the arrival of Dmitry in this already fragile domestic space, and force Nikolai to engage in a discourse of non-language in the world outside. Soon, however, it is clear that the 'little man' is powerless in the face of the Leviathan of power, particularly one which erodes identity and home and subverts language, place and even truth. *Leviathan* is, then, primarily concerned with the fragility of place and domestic space. At the film's conclusion, Nikolai is imprisoned for the (non-)murder of his wife, the space which Nikolai has held as his own all his life is bulldozed, and, as an elegy, the bishop, on the very site of the victim's recent abode, expounds on the essence of truth and love, as opposed to lie and strength, as the congregation gazes and nods in almost robotic fashion. The bleak message of the film is of the home as a transitory, liminal space, vulnerable to the corruption and destruction from the external and ever-increasing force of the outside world, the Leviathan of officialdom, which negates all that is inherent to and necessary for human identity. It would seem that through the death of truth (in favour of non-truth), of marriage (in favour of a charade of marriage, or indeed of a non-marriage), and of the family (wrested from its nuclear whole by divorce and re-marriage, and left as a dysfunctional and disintegrating non-family), the individual, in the face of the State, becomes a non-entity (indeed, a non-individual), collateral damage, as it were, in the State's quest for self-perpetuation at all costs. Take the individual out of the equation and the State will thrive in its non-truth, turning domestic space into a place which, given the corrupted means by which it came into being, is, effectively, a non-place.

Список литературы

Augé M. Non-Places : An Introduction to Supermodernity. 2th ed. L. ; N. Y. : Verso, 2008. 98 p.

Bradshaw P. Leviathan Review – a Compellingly Told, Stunningly Shot Drama // The Guardian [website]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2014/nov/06/leviathan-review-story-of-job> (mode of access: 02.06.2017).

Fedorov A. Leviathan and Sunstroke: Opinions of the Russian Film Critics // Intern. J. of Media and Information Literacy [website]. 2017. № 1. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2919224 (mode of access: 25.07.2017).

Kondyuk D. Sensing and Longing for God in Andrey Zvyagintsev's *The Return* and *Leviathan* // Religions. 2016. № 7. Paper 82. URL: <http://www.mdpi.-com/2077-1444/7/7/82/htm> (mode of access: 25.07.2017).

McGregor A., Lagerberg R. Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena* // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4. № 2. P. 80–94. DOI 10.15826/qr2016.2.159.

Părău C. Through the "Eye of the Machine": Poetics of the Inhuman in Andrey Zvyagintsev's Films // Ekphrasis. 2016. № 1. P. 129–138.

Thomassen B. Liminality // Routledge Encyclopedia of Social Theory / ed. by A. Harrington, B. L. Marshall, H.-P. Müller. L. : Routledge, 2006. P. 322–323.

Список фильмов

Звягинцев А. «Левиафан». Россия : Компания «Нон-Стоп Продакшн». 2014. 141'.

References

Augé, M. (2008). *Non-Places: An Introduction to Supermodernity*. Ed. 2. L., N. Y., Verso. 98 p.

Bradshaw, P. (2014). *Leviathan Review – a Compellingly Told, Stunningly Shot Drama*. In *The Guardian* [website]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2014/nov/06/leviathan-review-story-of-job> (mode of access: 02.06.2017).

Fedorov, A. (2017). 'Leviathan and Sunstroke: Opinions of the Russian Film Critics'. In *Intern. J. of Media and Information Literacy*. No. 1. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2919224 (mode of access: 25.07.2017).

Kondyuk, D. (2016). 'Sensing and Longing for God in Andrey Zvyagintsev's *The Return* and *Leviathan*'. In *Religions*. No. 7. Paper 82. URL: <http://www.mdpi.com/2077-1444/7/7/82/htm> (mode of access: 25.07.2017).

McGregor, A., Lagerberg, R. (2016). 'Aspirations of Home in Post-Soviet Russia: Domestic Spaces and National Resonances in Andrey Zvyagintsev's *Elena*'. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 80–94. DOI 10.15826/qr2016.2.159.

Părău, C. (2016). 'Through the "Eye of the Machine": Poetics of the Inhuman in Andrey Zvyagintsev's films'. In *Ekphrasis*. No. 1, pp. 129–138.

Thomassen, B. (2006). Liminality. In Harrington, A., Marshall, B. L., Müller, H.-P. (Eds.). *Routledge Encyclopedia of Social Theory*. L., Routledge, pp. 322–323.

Film References

Zvyagintsev, A. (2014). *Leviathan*. Russia, Non-Stop Production. 2014. 141'.

The article was submitted on 29.01.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.310

УДК 821.161.1–3Достоевский+811.411.16'08+81'255.2

**ДОСТОЕВСКИЙ С ЕВРЕЙСКИМ КОЛОРИТОМ:
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
В ПЕРЕВОДЕ И. Х. БРЕННЕРА***

Рина Лapidус

Университет Бар-Илан,
Рамат-Ган, Израиль

**DOSTOYEVSKY IN QUASI-JEWISH GARB: CRIME AND
PUNISHMENT AS TRANSLATED BY Y. H. BRENNER**

Rina Lapidus

Bar-Ilan University,
Ramat-Gan, Israel

The author analyses the Hebrew translation of Dostoyevsky's *Crime and Punishment* by Jewish writer Y. H. Brenner published in the early 20th century, the time when Modern Hebrew was forming. The article considers the linguistic peculiarities of the Hebrew text compared to the original. The author reveals considerable differences in the linguistic and stylistic methods. In his translation, Brenner uses excerpts from Jewish prayers as parallels to the original Orthodox prayers, phrases from traditional Jewish books, and elements of the Jewish way of life. For example, to translate Raskolnikov's adamant decision to carry out his plan and kill the pawnbroker, Brenner uses a Talmudic expression with easily recognisable Jewish religious associations. By doing so, Brenner makes his translation sound more elevated than the original. Despite the stylistic and semantic deviations from the original, Brenner's translation is very accurate in rendering the spirit of Dostoyevsky's book: this is not a coincidence, since Brenner's worldview was close to that of the Russian writer. The introduction of idioms and associations characteristic of the Hebrew world and borrowings from the Jewish Bible and

* Citation: Lapidus, R. (2018). Dostoyevsky in Quasi-Jewish Garb: *Crime and Punishment* as Translated by Y. H. Brenner // *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 516–534. DOI 10.15826/qr.2018.2.310.

Цитирование: Lapidus R. Dostoyevsky in Quasi-Jewish Garb: *Crime and Punishment* as Translated by Y. H. Brenner // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 516–532. DOI 10.15826/qr.2018.2.310 / Лapidус Р. Достоевский с еврейским колоритом: «Преступление и наказание» в переводе И. Х. Бреннера // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 516–534. DOI 10.15826/qr.2018.2.310.

Talmud adds Jewish colour to the dialogues and musings of the characters, which changes the style of the novel considerably and introduces a noticeable shift in its spiritual tonality. Despite all the differences between the translation and the original, the Hebrew text does transmit the special ambience of Dostoyevsky's novel.

Keywords: F. Dostoyevsky; *Crime and Punishment*; Y. H. Brenner; translation into Hebrew; Jewish garb.

Представлен подробный анализ перевода на иврит романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», сделанного еврейским писателем И. Х. Бреннером в начале XX в., в период становления современного иврита. Рассмотрены языковые особенности ивритского текста в сопоставлении с оригиналом. Выявлены существенные отличия языковых и стилистических средств перевода от оригинала. В качестве параллелей упоминаемых в оригинале православных молитв Бреннер широко использует фрагменты еврейских молитв, выражения из традиционных еврейских книг, из религиозного еврейского быта. Например, твердое решение Раскольникова реализовать свой план и убить процентщицу у Бреннера переводится талмудическим выражением, несущим в себе еврейский религиозный смысл. Таким образом, Бреннер придает своему переводу более возвышенный стиль, отсутствующий в оригинале. Несмотря на стилистические и семантические отступления от оригинала, перевод Бреннера верно передает дух книги Достоевского, и это не случайно, ведь во многом мироощущение Бреннера было близко мироощущению русского писателя. Введение в ткань произведения идиом и ассоциаций, присущих миру иудаизма, а также заимствований из еврейской Библии и Талмуда придает еврейский колорит диалогам и размышлениям персонажей, что существенно изменяет стилистику романа и создает заметный сдвиг в его духовной проблематике. Невзирая на все различия с оригиналом, перевод Бреннера все же сумел передать специфическую проблематику и атмосферу произведения Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Преступление и наказание»; И. Х. Бреннер; перевод на иврит; еврейский колорит.

Йосеф Хаим Бреннер, еврейский писатель и публицист, родившийся на Украине, писал главным образом на иврите¹. До переселения в Палестину (1909) Бреннер писал о стремительно ассимилиру-

¹ Йосеф Хаим Бреннер, еврейский писатель и публицист, писавший главным образом на иврите, родился в местечке Новые Млыны (Украина) в 1881 г. Учился в начальной еврейской школе («хеде»), а затем в еврейском религиозном училище («иешибот»). В 1901–1904 гг. Бреннер служил в царской армии, в 1905 г. примкнул к сионистской социалистической партии «Поалей Цион» и вскоре, став ее активным деятелем, нелегально уехал в Лондон, где основал журнал «Ха-меорер» («Будильник»), просуществовавший около двух лет (1906–1907). В 1908 г. переехал во Львов (тогда Лемберг, Австро-Венгрия), а в 1909 г. переселился в Палестину, активно сотрудничал в периодических изданиях еврейского рабочего движения. В 1920 г. он стал редактором ежемесечного журнала «Ха-адама» («Земля»), издававшегося рабочей партией «Ахдут ха-авода». Погиб 2 мая 1921 г. во время антиеврейских беспорядков в г. Яффо (см.: [Краткая еврейская энциклопедия, с. 533–534]).

ющихся еврейских интеллигентах Российской империи, склонных к праздному фразерству, беспомощно зацикленных на каком-либо «одном пункте». Герои его произведений – мечтатели-идеалисты, которых безотрадная действительность либо обрекла на разочарование, либо привела на порог безумия.

Категорическое неприятие реалий еврейской жизни в диаспоре и стремление к национальному возрождению на земле предков привело Бреннера в Палестину, однако и здесь его ждали разочарования. В произведениях писателя отображены его сомнения в успешности попыток создать евреев нового типа, сообщество которых построит на исторической родине новую жизнь, основанную на созидательном труде. Герои Бреннера, пионеры-первопроходцы, носители догматически-сионистской идеологии, либо намеренно уподобляются окружающим их арабам-бедуинам, либо в конце концов приходят все к тем же беспочвенным мечтаниям, свойственным евреям диаспоры. Бреннер перевел на иврит «Преступление и наказание» Достоевского и ряд других произведений русской и мировой литературы.

Трагическая смерть Бреннера всколыхнула интерес к его творчеству. Литературная критика высоко оценила искренность и бескомпромиссный реализм его произведений. Некоторые современные литературоведы считают Бреннера предтечей экзистенциалистского направления ивритской литературы. Исследователи неоднократно подчеркивали разностороннее влияние, которое оказали на Бреннера Л. Н. Толстой и особенно Ф. М. Достоевский.

* * *

Научная литература о воздействии Достоевского на творчество Бреннера весьма обширна. Применяя различные методы анализа, литературоведы указывали на явное сходство экзистенциальных мотивов в произведениях Бреннера с творчеством Достоевского, отмечая в то же время различия в их духовном облике [Рамраз-Раух, с. 111–130, 187–190; Sagiv-Feldman, pp. 91–104; Сагив-Фельдман, с. 217–238]. Однако ни в израильских, ни в российских исследованиях практически не рассматривалась деятельность Бреннера как переводчика произведений Достоевского, прежде всего выполненного им полного перевода романа «Преступление и наказание»². К сожалению, авторы научных работ почти не упоминают ни о глубоком проникновении переводчика в духовную суть и художественное своеобразие романа, ни о его подходе к передаче текстологических особенностей, по существу, игнорируя вопрос о том, каким важным звеном в развитии переводов на иврит выдающихся произведений русской литературы был труд Бреннера.

² Эта тема подробно изложена в работах автора настоящей статьи. См.: [Лapidус, 1985; Лapidус, 1993; Лapidус, 2004].

Исследование перевода «Преступления и наказания» помогает понять, какие средства избирал Бреннер для воздействия на тогдашнего ивритского читателя. Используя стилистические «одеяния», позаимствованные из еврейской традиции, переводчик приближал великий русский роман к мировоззрению своих читателей. Работа Бреннера повлияла на формирование методов перевода у целой плеяды блестящих переводчиков русской литературы на иврит, особенно на Авраама Шленского. Более того, изучение перевода «Преступления и наказания» открывает не известные до сих пор стороны литературного стиля Бреннера.

Главное внимание в статье обращено на присущий бреннеровскому переводу еврейский колорит. Он создается идиомами, аллюзиями на понятия иудаизма, многочисленными заимствованиями из языка мудрецов Талмуда, а также из еврейской Библии. Впрочем, библейские мотивы и реминисценции оставили след и в романе Достоевского – христианском и русском по духу. Сопоставление оригинала с переводом показывает, что в ивритском перевоплощении моральная проблематика книги Достоевского включена в контекст традиционной еврейской системы ассоциаций³.

Влияние на Бреннера творчества Достоевского, и в особенности романа «Преступление и наказание», прослеживается на всех этапах его жизни и литературной деятельности [Бринкер, с. 18, 129, 230]. Первые впечатления от чтения Достоевского находим уже в его юношеском письме. 20 июня 1899 года Бреннер пишет своему другу Шимону Быховскому: «Ты спрашиваешь, прочитал ли я “Преступление и наказание” Достоевского и его “Униженные и оскорбленные”. Да, прочитал. Что касается первой – у меня нет слов, чтобы описать мое впечатление от психологической глубины этой бесценной и возвышенной книги» [Бреннер, т. 3, с. 220].

Впечатление от романа «Преступление и наказание» заметно в автобиографической повести Бреннера «Ба-хореф» («Зимой», 1902) [Бринкер, с. 117–118, ссылка 4]. Ее герой Иеремия Файерман рассказывает о первой встрече с учителем русского языка и о том, как тот с явным волнением сказал: «Я достал хорошую книгу, “Преступление и наказание” Достоевского». Позднее Файерман размышляет о том, что ему необходимо лучше изучить русский язык, чтобы глубже понять тонкие оттенки смысла, заложенные в тексте: «Если бы я лучше знал русский, я бы лучше понимал глубину мыслей автора» [Там же, с. 28, ссылка 5].

Бреннер не ограничился чтением произведений Достоевского; со временем он приложил немало усилий к тому, чтобы сделать их достоянием еврейского читателя. Уже в 1906 г. он сообщил друзьям в России о своем страстном желании перевести «Записки из мертвого дома» (письмо Бреннера от 10 января 1906 г.) [Бреннер, т. 3, с. 238].

³ В данном случае речь идет лишь о примерах, которые наиболее точно иллюстрируют данное явление. Некоторые из фразеологических оборотов и словосочетаний, которыми пользовался Бреннер, были привычными для современных переводчиков на иврит. Одновременно с этим Бреннер создал неологизмы, обогатившие язык.

Есть также сведения о том, что четыре года спустя он работал над переводом «Преступления и наказания» (письмо от 16 мая 1911 г.) [Бреннер, т. 3, с. 366]. В его личной переписке за 1911 г. есть свидетельство о завершении работы над переводом (письмо к профессору Лаховеру от 3 сентября 1911 г.). [Там же, с. 368]]. В том же году Бреннер опубликовал несколько глав своего перевода в ежемесячнике «Га-ахдут» («Единство»), выходившем в Иерусалиме при его постоянном участии. В 1913 г. в журнале были опубликованы еще несколько глав романа с добавлением заголовков, не присутствовавших в оригинале, например, «Рассказ Мармеладова». Но полный перевод романа вышел в свет только в 1924 г., через 13 лет после его создания, когда переводчика уже не было в живых.

Взгляды Бреннера на то, как нужно переводить на иврит русскую литературу, особенно Достоевского, изложены в статье, опубликованной после появления «Записок из Мертвого дома» в переводе А. З. Рабиновича [Бреннер, т. 2, с. 274–276]. Автор пишет о необходимости переводить на иврит произведения мировой литературы, в первую очередь труды Достоевского, приводя следующее объяснение: «Поскольку мы не можем дать народу Израиля землю и в то же время мы хотим что-то сделать в меру своих сил для цели становления национальной идентификации народа – нам осталась только книжная область. А если говорить о книгах, какие произведения могут быть глубже и величественнее, чем книги Достоевского?» [Там же, с. 275].

Бреннер считал, что следует переводить Достоевского без каких-либо купюр или смысловой адаптации применительно к запросам целевой аудитории. Речь идет о тех случаях, когда автор допускает враждебные или отрицательные высказывания в адрес евреев или когда авторский текст пронизан ярко выраженной христианской направленностью, чуждой еврейскому читателю. Он возражал против пропусков, сделанных по этой причине в переводе Рабиновича. И хотя Бреннер открыто заявлял, что некоторые христианские тенденции в книгах Достоевского ему не по душе, он, тем не менее, стремился перевести роман максимально точно, во всей полноте, чтобы донести до своего читателя дух и смысл оригинала. Вместе с тем Бреннер признавался, что верность Достоевскому для еврейского переводчика – это «сложная и в то же время горькая задача, для выполнения которой необходима духовная общность – в определенной мере, конечно, – или, по крайней мере, большой пиетет по отношению к этому великому славянскому психологу и философу» [Там же].

В примечаниях к статье о переводе Рабиновича Бреннер ясно и кратко сформулировал базисные положения, на которые, по его мнению, должен опираться переводчик, чтобы добиться воссоздания русского оригинала на иврите. Языковые особенности не имеют, по мнению Бреннера, большого значения; цель перевода должна заключаться в том, чтобы «применить все наши литературные силы и передать всеми возможными способами еврейскому читателю настоящий

голос немецкого, русского и т. п. писателя», поскольку «первостепенное в успехе перевода на иврит – это передача особой духовной атмосферы, характеризующей того или иного писателя» [Там же, с. 273, ссылка]. Бреннер также утверждает, что не следует обходить чуждые еврейскому читателю или сложные для его восприятия отрывки с помощью витиеватых стилистических ухищрений. «Главное, – пишет он, – это попытаться понять, как бы написали Толстой, Достоевский, Чехов, если бы они писали на иврите. Тут нужно очень остерегаться, чтобы не идти по накатанной стандартной дороге в то время, когда ситуация требует, чтобы переводчик шел по узким извилистым тропинкам каждого индивидуального русского писателя» [Там же].

Исследование перевода романа «Преступление и наказание» в свете провозглашенных Бреннером принципов позволяет выяснить, насколько он реализовал их на практике. Его перевод, опубликованный в 1924 г., был встречен восторженно. Характерен взволнованный отзыв последователя Бреннера Мордехая Кушнира: «Опять для меня настали дни уединения с Бреннером. Этот перевод – перевод и произведение в одно и то же время. Многого можно почерпнуть из него. И научиться переводить» [Кушнир, с. 89].

Писатель Яков Рабинович опубликовал разбор бреннеровского перевода. Отметив, что известная книга Достоевского «вошла к нам в переводе переводчика, который как будто специально был создан для нее», он указал на главное достоинство работы: «Бреннер занялся переводом Достоевского, и вышло нечто органичное. Бреннеровские добавления не ослабили атмосферу, а сделали книгу более понятной, нашей» [Раф-Раф, с. 91–92]. Вместе с тем Рабинович не уклоняется от критических замечаний касательно стилистических проблем перевода. Он обращает внимание на средства создания еврейского колорита: «внутренние недостатки, талмудические выражения, придающие иногда диалогам особый, неприземленный привкус... Лучше было бы, конечно, воздержаться от них» [Там же]. Намеки Рабиновича относительно еврейского колорита бреннеровского труда требуют прояснения и расшифровки. Однако с тех пор исследователи не предпринимали попыток подробно рассмотреть стилистические особенности перевода.

* * *

В переводе Бреннера следует различать два слоя лингвистических и понятийных ассоциаций: почерпнутые из языка мудрецов талмудической эпохи, с одной стороны, и связанные с еврейской Библией, с другой⁴. Подобного рода «инкрустации» из мира иудаизма сообща-

⁴ В статье сначала приводится текст перевода Бреннера в транслитерации, далее в круглых скобках – обратный перевод на русский, выполненный автором статьи. Текст оригинала цитируется по изданию: [Достоевский, 1972]. Текст перевода цитируется по изданию: [Достоевский, 1924]. Здесь и далее ссылки на источники даны в круглых скобках, первая – на перевод, вторая – на оригинал; если указана только одна цифра, то имеется в виду текст перевода.

ют роману определенный еврейский колорит, сразу ощущаемый любым, кто изучал еврейскую религиозную литературу. Это особенно заметно в диалогах, которыми изобилует текст Достоевского. Широкое использование языковых ассоциаций, не присутствующих в оригинале, оживляет диалоги, а иногда привносит новые черты в образы героев романа, в их духовный мир. Еврейский колорит перевода затушевывает или скрывает христианское мышление, свойственное Достоевскому. Сравнение двух текстов, Достоевского и Бреннера, приводит к выводу, что в переводе язык героев романа принадлежит к более высокому языковому регистру, нежели в оригинале. Бреннер, в юношестве впитавший дух иешибота, наделяет героев развитой ассоциативностью, что вносит изменения в их мышление, тем самым отличая перевод от оригинала⁵.

Бреннер зачастую применяет, особенно в диалогах, устоявшиеся ивритские и арамейские обороты, употребляющиеся в талмудических дискуссиях. Так, для передачи словосочетания «это означает, что...» часто используется арамейское выражение *шма мина* («из этого следует», букв. – «слушай из этого») (Вавилонский Талмуд, трактат Песахим 4А)⁶. Например, «Следовательно (*шма мина*), Кох и Пестряков убили» (141; 164). Использует Бреннер и выражение *ве им тимца ломар* («а если сможешь доказать»), характерное для талмудических дискуссий. Настойчивое стремление переводчика к употреблению этого оборота иногда приводит к отклонению от оригинала: вместо «...а впрочем, черт с ними со всеми!» у Бреннера читаем: «...а если сможешь это доказать (*ве-им тимца ломар*), то пусть их всех черт поберет!» (195; 216) (Трактат Шаббат 136А).

Внутренние сомнения и колебания героя описываются арамейским талмудическим выражением *шикла ве-тарья* («обсуждение»). Так, для передачи фразы «соображали и раздумывали мы» (39; 70) в переводе появляется: «мы обсуждали это в наших мыслях» (*шакалну ве-тарину бе даатейну*). Если в оригинале написано «действительно как бы...», то в переводе используется привычный для Талмуда риторический вопрос *машал ле ма ха-давар доме* (букв. – «уподобление: на что это похоже?») (316; 346).

Пренебрежительные слова Разумихина «вся эта болтовня – себя-тешение» передаются в переводе с вставкой, восходящей к Талмуду: *сису беней меай* (букв. – «радуйтесь, мои внутренности» – выражение удовольствия) (155; 177) (Трактат Бабба Мециа 83Б). Реплика Разумихина Раскольникову в момент, когда он возвращает тому аннулированный вексель («...вот, возьмите, надорвана мною как следует») передается в переводе таким образом: «...и посмотри, что я порвал его, как полагается по еврейскому закону» (131; 155). В разговоре о ду-

⁵ Об использовании Бреннером в публицистике идиом из еврейской Библии и Талмуда см.: [Версес, с. 183–189].

⁶ Далее, если не оговорено иное, все трактаты относятся к Вавилонскому Талмуду.

шевном состоянии Раскольникова Разумихин замечает: «Я теперь всю подноготную понял», а на иврите – опять идиома из талмудических дискуссий: *ахшав ярадти ани ле-омко шель ха-давар* (букв. – «сейчас я погрузился вглубь этого дела») (196; 217) (Трактат Бабба Мециа 117А; Трактат Бабба Кама 39А). Приведенные примеры наглядно показывают, что употребление талмудической фразеологии придает переводу Бреннера сугубо еврейский колорит, далекий от оригинала.

Бреннер часто пользуется арамейскими устоявшимися выражениями. Так, Порфирий Петрович напоминает Раскольникову об их «странной» встрече, когда у Раскольникова «нервы поют и подколенки дрожат». Здесь, отказываясь от буквального перевода метафоры «нервы поют», Бреннер заменяет ее арамейским оборотом *шинай да ле-да накшан* (букв. – «мои зубы стучат друг о друга») (451; 462). Подобное предпочтение арамейских выражений заметно и в описании настроения жены Мармеладова Катерины Ивановны, переходившей от надежды к отчаянию: *ми-игра рама ле-бира амикта* (букв. – «с высокой горы в глубокую яму») (383; 396) (Трактат Хагига 5Б). Склонность переводчика к высокому регистру, к талмудическим и арамейским оборотам проявляется и в замене синонимического ряда «без всякого интереса, безо всякого личного расчета, совершенно бескорыстно» на общепринятое в контексте еврейской религиозной практики выражение, употребляемое для обозначения бескорыстного служения Богу: *ше ло ал менат лекабел прас* (букв. – «не для того, чтобы получить награду») (384; 398)) (Мишна, трактат Авот 1 : 3). Окончательное решение Раскольникова реализовать свой замысел сформулировано у Бреннера так: *Зо-хи гезера де-ло авида ли-бател* (букв. – «Это указание свыше, которое не может быть отменено») (44; 75)) (Трактат Кетубот 3Б). Иногда в переводе Бреннера появляются целые предложения, составленные из коротких арамейских выражений. Например, когда Свидригайлов говорит: «Я поэтому... спрятался, как школьник», это передается по-арамейски: *Ке бар бей рав ме-хай таама* (471; 482), причем слово «школьник» переводится как «ребенок, обучающийся в еврейской религиозной школе». Интересно, что в репликах персонажей арамейские слова употребляются чаще, чем в повествовательной части романа, хотя и в авторской речи можно найти арамейские слова и обороты.

Идиоматические выражения, заимствованные из языка мудрецов Талмуда, приводили к несовпадениям с оригиналом, но придавали переводу более естественный для тогдашнего еврейского читателя облик. Подобные несовпадения были нередко связаны с еврейской окраской деталей. Так, Свидригайлов говорит о передаче денег родственникам Софьи Ивановны: «...деньги, причитающиеся им, выданы мною на каждого, под расписки, куда следует, в верные руки», а в переводе сказано, что деньги переданы «в верные руки, с подписью по всем правилам еврейского закона» (500; 511). Переводчик стремился подыскать еврейский эквивалент русским фразеологизмам.

Так, поговорка «все пойдет как по маслу» переведена таким образом: «все придет на свое место с миром» (230; 247).

В переводе встречается немало случаев эмоционального или количественного усиления по сравнению с оригиналом, что связано с тяготением Бреннера к высокому стилю. Например, вместо выражения «уже давно» употребляется арамейское *ze idan ve adanim* (букв. – «срок и сроки») (31; 63), что придает тексту более высокую стилистическую окраску. Иногда усиление и даже преувеличение возникает в переводе за счет синонимического удвоения. Так, у Достоевского о Петре Петровиче сказано: «негодный сплетник», а в переводе это передано более энергично: «идет сплетник и возводит напраслину» (248; 264). Простая констатация факта «но, зная мерку» приобретает на иврите несколько торжественное звучание благодаря введению устойчивого словосочетания «не переполнял меру» (255; 271). Атмосфера исповеди, характерная для романа, также передана в переводе в более резком тоне, с помощью особых эмоционально окрашенных оборотов, свойственных ивриту. Например, заявление «Так даю показание» заменяется в переводе синонимическим удвоением: «Вот я признаю и исповедуюсь» (167; 189).

Лексические добавления, витиеватость стиля в переводе Бреннера по сравнению с описательно-суховатым языком оригинала – это не только следствие продуманной концепции перевода, но и результат склонности переводчика к образным выражениям, позаимствованным из языка еврейской Библии или мудрецов Талмуда. Нередко Бреннер пользуется приемом смыслового развития. Так, если в русском оригинале «и только изредка чуть-чуть отворяют дверь», то в ивритском переводе появляется образное добавление, почерпнутое из языка талмудических мудрецов: «...и только изредка кто-то из них открывал дверь на щелку шириной в иголку» (123; 148) (Мидраш Песни Песней 5 : 2). Метафорические вставки в переводе, где присутствует усиление по сравнению с оригиналом, можно обнаружить и в следующих примерах. К словам Замятова «А вот поймите-ка его, подите, теперь!» в переводе добавляется идиоматическое выражение «Вам ли поймать улетевшего ворона!» (170; 192) (см.: Трактат Хуллин 89А). Размышления Раскольникова «а переступить-то не переступил» приобретают неожиданную окраску: «но границу еврейского закона я не переступил» (280; 296) (Тосефта, трактат Хуллин 2 : 23). Исполненное чувства утверждение Раскольникова «не я в этом виноват» заменяется метонимическим выражением «не на моей шее висит ярмо вины» (270; 286–287) (Трактат Санхедрин 7Б).

В тексте Бреннера встречаются также эпиграмматические выражения и гиперболизированные обороты в духе наследия мудрецов Талмуда. Например, в оригинале «стотысячную черточку пропустишь», тогда как в переводе «если ты ошибешься на одну стотысячную кончика иголки в соблюдении еврейского закона» (279; 296). Бреннер отказывается от использования русской фольклорной метафоры,

присутствующей в оригинале. Так, в описании фантазий Раскольникова, погруженного в безделье, у Достоевского сказано: «Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе». В переводе это выражение заменяется оборотом, более понятным еврейскому читателю: «Лежа целыми днями и ночами в моем углу и думая... о яйце, которое курица снесла еще в субботу» (40; 6)⁷.

Различие между русским оригиналом и ивритским переводом особенно бросается в глаза, когда Бреннер использует арамейские пословицы и поговорки, которые не совсем точно соответствуют замыслу автора. Например, слова Лебезятникова: «Ну мог ли, мог ли я иметь все эти мысли и рассуждения», – Бреннер переводит: «Разве я должен перечислять все мысли, которые посетили мою голову тогда, подобно тому, как мелкий торговец перечисляет свой товар?» (403; 417) (Трактат Гиттин 33 А). Сходное явление наблюдается при переводе предложения о том, что Разумихин «был пьян, а потому... ругал перед девушкой... из глупопоспешной ревности ее жениха», которое Бреннер передает таким образом: «Вино, вошедшее в Разумихина, вывело тайну». В переводе – явная аллюзия на талмудическую поговорку: «Вошло вино – вышла тайна» (217; 196) (Трактат Эрувин 65А). То же присловье встречается и в другом месте романа: «Вошло вино – вышла вся правда», что соответствует пословице «Истина в вине» (*лат.* «In vino veritas»). Так что иногда идиоматика оригинала и перевода совпадает.

Зачастую Бреннер заменяет устоявшиеся сравнительные обороты, широко употребляющиеся в русской народной речи, на сравнения, заимствованные из Талмуда. Например, у Достоевского женщина, пришедшая прибирать каморку Раскольникова, говорит ему: «А ты что, умник, лежишь как мешок», тогда как у Бреннера использована талмудическая сравнительная конструкция «Зачем ты лежишь как камень, который некому перевернуть» (32; 64) (Трактат Санедрион 14В). Решительные мысли Раскольникова насчет того, что он «сегодня же выжмет всего Порфирия как лимон» переведены талмудическим сравнением «раскрою его потроха как рыбу» (277; 93) (Трактат Песахим 49В). Приведенное в оригинале сравнение «Вот и улика в пирамиду египетскую!» заменяется в переводе на заимствованное из талмудических источников: «С балку маслодавильни» (276; 296) (Мишна, трактат Недарим, 3 : 3; Вавилонский Талмуд, трактат Недарим 25А). Русская поговорка «По одежке протягивай ножки» в размышлениях Раскольникова заменяется на парафраз талмудического присловья: «Если нет крыльев, чтобы летать, – ползи» (45; 77) (Тосефта, трактат Хуллин 3 : 23).

⁷ Суббота – святой день по еврейскому закону. См.: (трактат Бейца 2А; трактат Киддушин 66А).

* * *

Вследствие постоянного обращения переводчика к еврейским стилистическим и мировоззренческим понятиям в тексте перевода заметна общая тенденция к возвышению стиля будничных описаний. Это явление представляет собой часть более значительной системной трансформации, обусловленной внедрением в перевод традиционных еврейских понятий, что часто приводит к отходу от реалий оригинала, а также к смысловому развитию и усилению по сравнению с ним. Например, у Достоевского Раскольников и Порфирий Петрович во время спора о вечных ценностях «на воздушных париках», а в переводе Бреннера они «блуждали по высшим мирам» (262; 278). Тенденция к привнесению в текст еврейских духовных ценностей прослеживается и в таком примере: о планах Раскольникова в оригинале говорится: «да ведь это буки»; в переводе же это переходит в совершенно иную ассоциативную систему: «ведь все это закон, который будет действовать во времена Мессии» (то есть никогда) (49; 80).

Лексика и фразеология, заимствованная из талмудической литературы, неразрывно связана с традиционным еврейским образом жизни и присущей ему системой понятий, что накладывает значительный отпечаток на перевод. Так, если Достоевский пишет про Марфу Петровну: «поняв всё превратно», то в переводе она перевоплощается в «извратившую [слова] Священного Писания» (39; 67). Человек, который описан в романе как всецело посвятивший себя науке, предстает в переводе как «готовый принести себя в жертву ради изучения Священного Писания» (55; 86); нищие и голодающие люди называются на иврите «держатели пост» (55; 86); в оригинале Свидригайлов «съесть не мог ни куска (хлеба)», а в переводе – не способен съесть «даже минимальную меру объема пищи, разрешенную в религиозный пост, размером примерно с маслину» (505; 516).

Среди еврейских представлений, в которые Бреннер «облачил» роман Достоевского, выделяется группа понятий духовно-религиозного плана. Например, в переводе особым весом обладают такие ивритские термины, как «усмирение греховного начала» и «высшее наказание» в том значении, какое придается им в рамках иудаизма. Между тем, в оригинале именно эти слова и соответствующие им понятия трактуются с христианской точки зрения. Подобная терминология наиболее часто встречается в диалогах, хотя присутствует и в авторской речи. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих это положение. Вопрос Свидригайлова: «Для чего я буду себя сдерживать?» – сформулирован в переводе так: «Зачем мне натравливать доброе начало на греховное?» (472; 483). Нотация, которую прочел Разумихин Зосимову из-за того, что тот не может ни в чем уступить, выдержана у Бреннера в терминах усмирения греховного начала: «И ты не можешь преодолеть греховное начало ни в чем?!» (215; 231).

О горячем желании Мармеладова завести беседу с Раскольниковым в переводе сказано: «Сильное греховное начало этого человека направлено на то, чтобы завести беседу» (14; 47).

Центральные проблемы романа – чувство вины и соразмерность наказания – сформулированы в переводе в типичных терминах иудаизма, что порой придает тексту большую драматичность. Мнение Петра Петровича, что нужно уметь прощать, выражено в переводе обобщенно: «Нужно судить обо всем в лучшую сторону». Прочувственные слова Мармеладова о своей жене («И я не осуждаю») переведены цветистой фразой («Я не сужу ее на сторону прегрешения») (24; 56).

Понятия «закон», «(Высший) судья» и «(Высший) суд» также получают в переводе новое наполнение в соответствии с еврейским религиозным контекстом. Отчаянная просьба Катерины Ивановны к Петру Петровичу защитить ее от нападков хозяйки, завершающаяся словами: «...на это есть суд... Она ответит» – формулируется в духе ивритского идиоматического оборота: «...на это есть (Высший) суд и есть (Высший) судья» (394; 408). Предупреждение Раскольникову, что «заимодавец волен... поступить по закону» переведено как «вести себя по всей строгости (религиозного) закона» (104; 129). Слова, обращенные Свидригайловым к Раскольникову: «...заинтересовала... некоторая мысль... которую вы... проводите только намеком, неясно», – получает в переводе заметное усиление: «...и какие греховные мысли были» (255; 281). Понятие «наказание» заменяется в переводе на термин «уголовное право» (букв. – «законы о душах»). Возможно, Бреннер хотел подчеркнуть, что речь идет о строгом суде, приговором которого может явиться смертная казнь – наказание, полагающееся по российскому закону осужденному за убийство. Иронический оборот «прогуляться в Сибирь» переводится у Бреннера так: «быть посланным в землю дальнюю»; характерно, что это выражение используется в Библии применительно к козлу отпущения (544; 552). А грешник, испытывающий страдания, говорит в переводе об «очищении от греха» (521; 531)⁸. Мотив сожаления о содеянном, самобичевания также выражен в ивритском переводе более интенсивно, причем в этом контексте возникают ассоциации со «страхом перед небесным судом», например: «исповедуются во всеуслышание и принимают на себя все виды соответствующего раскаяния... дабы услышали и убоялись» (269; 295) (Алнакава, Менорат Ха-Меор, Нью-Йорк, гл. 3, с. 114-115; Числ. 17 : 2-13).

Герои Достоевского говорят будничным языком, тогда как Бреннер придает их беседам колорит возвышенности и святости. Так, словам Пульхерии Ивановны: «Но я пойду к здешней хозяйке, я умолю ее, чтоб она дала мне и Дуне угол на эту ночь», – соответствует на иврите: «Вознесу пред нею свою мольбу» (205; 222). Введение ассоциативных оборотов в духе традиционного еврейского мировоззрения бросается в глаза в нескольких местах перевода. Выражение Раскольникова, что

⁸ Ср.: «очищение моего страдания» (Альшейх, трактат Хелкат Мехокек; Иов 14 : 18).

его сестра Дуня не отдаст свою нравственную свободу «за весь Шлезвиг-Гольштейн», это гипербола, связанная с политической ситуацией в Европе XIX в. У Бреннера эта ассоциация заменяется совершенно иной, в контексте иудаизма: девушка не продаст свою свободу «за 310 миров» – намек на понятие «у каждого праведника есть 310 миров» (47; 78) (Мишна, трактат Укацин, 3:12; Мидраш Мишлей 8 : 9).

Широко представлены в переводе Бреннера вставки из еврейских молитв и аллюзии на них. Прежде всего они возникают как параллели отрывкам и терминам православной молитвы, включенным в оригинал, но нередко и дополняют оригинальный текст в соответствии со стилистической и концептуальной установкой переводчика. Например, на похоронах Катерины Ивановны священник читает молитву «Упокой, Господи», в переводе же он читает заупокойную еврейскую молитву «Бог, полный милосердия, сотвори истинное успокоение...» (443; 454). Словам Пульхерии Ивановны о Марфе Петровне «да упокоит Бог ее душу!» соответствует на иврите формулировка еврейской поминальной молитвы: «Пусть будет ее душа связана в связку жизни» (316; 330). Слова священника «Бог милостив» заменяются в переводе на повторяющуюся формулу из еврейских молитв: «Господь Бог милосердный и милостивый» (189; 211). Молитва Раскольникова «Боже мой, покажи мне мою дорогу» заменяется обращением, взятым из псалмов: «Бог... покажи мне путь, по которому я пойду» (Пс. 27 : 13; 86 : 11; 119 : 33) (64; 96).

Бреннер часто пользуется отрывками из еврейских молитв для описания каждодневных ситуаций, которые у Достоевского никак не связаны с молитвой. Так, надежда Порфирия Петровича на то, что Раскольников вскорости сдастся полиции, выражена в переводе формулировкой, напоминающей еврейскую поминальную молитву «Кадиш» (454; 466). О гражданском браке, который более не действителен, говорится по образцу молитвы Судного дня «Коль нидрей»: «И сейчас этот брак недействителен и не существует» (381; 394). Слова Замятова «я совершенно в этом уверен» заменены формулировкой одного из принципов иудаизма «я верую полной верой» (168; 191).

* * *

Бреннер предпочитал библейской идиоматике фразеологию иврита талмудического периода. Вместе с тем в беллетристических произведениях писателя заметно, что он многое впитал из языка Библии. В переводе «Преступления и наказания» фундамент библейского иврита дополняется талмудическими ассоциациями. Используя богатства библейского языка, Бреннер придает большую интенсивность чувствам героев. Кроме того, библейские обороты вносят в текст новые ассоциативные слои, отсутствующие в оригинале. Все это поднимает описываемую реальность на новую духовную высоту. Иногда высокий языковой регистр перевода добавляет тексту шуточный

привкус, смягчающий мрачную атмосферу книги, однако в основном он лишь заостряет патетические и трагические мотивы в художественном пространстве романа.

Библейские эпитеты и цитаты, относящиеся к судьбе народа Израиля, использованы в переводе «Преступления и наказания» для описания обыденных ситуаций. Беседуя с девушкой, пойманной за проституцию, полицейский сетует на развращение нравов, цитируя библейское описание поколения потопа: «извратила всякая плоть свой путь на земле» (53; 84) (Быт. 6 : 12). Слова упрека, обращенные Моисеем к сынам Израиля, трансформируются в переводе в укор Разумихина Зосимову: «Отучнел ты, растолстел, разжирел, и не можешь ты преодолеть свое греховное начало ни в чем» (214–215; 231) (Втор. 32 : 15). В таком переносе есть некая толика пародии, ведь возвышенное метонимичное выражение из Библии использовано в переводе для реалистичного описания тела конкретного человека. Также мысли Раскольникова: «...переждать где-нибудь на незнакомой лестнице?» облачены в переводе в пророчески-величавую форму: «подождайте, пока минет Божий гнев» (90; 119) (Ис. 26 : 20). А разудалое прислобие «Пить, так пить все разом» получает в переводе патетическое звучание в духе слов пророка Исаяи: «если пить отравленный кубок, выпью его вместе с осадком, до конца» (527; 538) (Ис. 51 : 17).

Пропась между возвышенной стилистикой перевода и будничными описаниями Достоевского отнюдь не была нацелена на то, чтобы произвести сатирическое впечатление. Но порой расхождение между торжественным контекстом, откуда Бреннер черпает языковые ассоциации для своего перевода, и обыденностью ситуаций, описанных в оригинале, привносит в текст пародийный оттенок. Так, Разумихин, движимый простыми и непосредственными влечениями, иногда ведет себя необузданно, отчего о нем говорят как о «богатыре»; в переводе Бреннера этому герою дается библейское прозвище: «муж распрей – и слава у него среди силачей» (56 : 86) (Мишлей 26 : 21; Амос 2 : 15). Заявление Порфирия Петровича, что он «уже не пьет», передается в переводе посредством цитаты, относящейся к назорейству Самсона: «вино и сикера не войдут в мои уста» (450; 462) (Суд. 13 : 4; 7 : 15). Иногда библейский стиль становится более уместным для описания житейских ситуаций в романе. Таковы воспоминания Раскольникова о больной девочке, к которой он привязался в детстве, построенные в ивритском тексте на основе описания отношений между Давидом и Ионатаном: «связалась тогда моя душа с ее душою» (237; 254) (I Самуил 18 : 1). Преданность Сони Раскольникову, готовность идти за ним повсюду находят параллель в словах героини Писания Руфи, обращенных к ее свекрови Наоми (Руфь 1 : 16): «я всегда последую за тобой, куда ты пойдешь» (416; 428). Поведение Раскольникова передается на иврите посредством ассоциаций с уходом праотца Иакова из отчего дома: «и поднял свои ноги и пошел» (7–8; 40) (Быт. 29 : 1).

Из-за излишней склонности Бреннера к библейским идиоматическим оборотам с их метафоричностью и ориентацией на притчу некоторые описания и диалоги получают в переводе более высокую стилистическую окраску за счет добавления особенностей, которые отсутствуют в оригинале или даны в нем лишь намеком, а в переводе раскрыты со всей очевидностью. Например, окрашенные церковнославянским колоритом мечтания Мармеладова о будущем искуплении грехов («Прощаются же и теперь грехи твои многи») еще сильнее подчеркиваются в переводе с помощью введенного библейского сравнения: «все твои грехи будут отбелены как шерсть» (26; 58) (Ис. 1 : 18). Слова матери Раскольникова «прижму я тебя к моему сердцу» переданы в переводе с инкорпорацией сравнительного оборота из Песни Песней: «я обниму тебя и положу как печать на сердце свое» (42; 74) (Мидраш Песни Песней 8 : 6).

Эмоциональные ситуации, которые у Достоевского описаны реалистично, в переводе представлены более ярко и напряженно ввиду опоры на библейскую образность. К описанию «девочка дрожала... как лист» в иврите добавлено библейское сравнение: «как лист, гонимый ветром» (29; 62) (Левит 26 : 36; Иов 13 : 25). Заявление Мармеладова «о том я умалчиваю» передано метонимическим выражением в духе Библии: «я ставлю преграду моим устам» (20; 53) (Пс. 39 : 2). Упоминание о девушке, которая «уже испытала бедственное положение», приобретает в переводе более драматичный колорит из-за введения метафоры: «видела беду в скипетре гнева Божьего» (40; 71) (Плач Эйха 3 : 1). В оригинале – просто «краснею», но в переводе – «стыд покрыл мое лицо» (155; 177) (Иер. 51 : 51; Пс. 69 : 8). Уверенность Раскольникова в том, что его сестра Дуня будет хранить свою нравственную свободу любой ценой, передается в переводе языковыми ассоциациями, взятыми из слов пророка Амоса (47; 78) (Амос 2 : 6; 8 : 6).

Угрызения совести Раскольникова описаны в переводе в духе страданий Иова, чего нет в оригинале. У Достоевского Раскольников чувствует, что «сознание своего бессилия... почти придавило его», а у Бреннера вместо этого: «почти достиг я врат смерти» (ср.: Иов 38 : 17; Пс 107 : 17). И далее в ивритском тексте Раскольников выражает произошедший с ним религиозно-нравственный переворот стихами из Книги Иова («вода отесала камень») (Иов 14 : 19), тем самым придавая своим чувствам еще большую драматичность.

Беседы и мысли второстепенных персонажей также претерпевают в переводе заметную интенсификацию. Жалоба на то, что кто-то «собственноручно избил» жену Мармеладова, передается на иврите языком пророка: «ударил мою жену кулаком злодейства» (16:50) (Ис. 58 : 4). В оригинале Петру Петровичу «пришла было мысль... наказать обеих дам (сестру и мать Раскольникова) так, чтобы разом дать все почувствовать», которая превращается в ивритском тексте в грозное предупреждение в библейском духе: «дабы услышали, и убоялись, и не поступали более дерзко» (302; 316) (Втор. 17 : 13; см. также: Быт. 43 : 30; 1 Цар. 3 : 26).

Аналогичная интенсификация заметна и в описаниях чувств персонажей. Описывая ощущения ребенка, Достоевский пишет: «он ломает свои руки», Бреннер же пользуется оборотом, который буквально означает: «его сердце думало разбиться». Этот оборот восходит к библейскому описанию корабля пророка Ионы, который «думал разломаться» (то есть почти разломался) (62; 92) (Иона 1 : 4). В описании ужаса Лизаветы, сестры процентщицы, увидевшей Раскольникова, у Достоевского сказано, что она «раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула». В бреннеровском переводе эта ситуация описана с использованием известной цитаты из псалмов о тех, кто позабудет святой город Иерусалим: «желала сказать что-то, но ее язык как будто прилип к гортани» (80; 109) (Пс. 137 : 6). Присущие библейскому языку синонимические повторы также вносят свою лепту в эмоциональную интенсификацию, характерную для перевода. Ласковое обращение Мармеладова к своей дочери: «Сонечка, голубка моя» меняется в ивритском тексте на «голубка моя, невинная моя» (23; 56) (Песн. 52; 6 : 9) в подражание Песни Песней. Иногда Бреннер меняет фигуральное выражение, присутствующее в оригинале, на другое, опираясь на фигуральные обороты Ветхого Завета (Пс. 92 : 13; 1 Цар 5 : 13).

Бреннер часто включает в свой перевод библейские цитаты, при этом иногда происходят смысловые изменения. Так, например, размышляет Раскольников (на иврите): «Я бы убил эту проклятую старуху, а всё её имущество – разграбить!» (124; 149) (2 Хроники 20 : 25; Эстер 3 : 13; 5 : 11). Так, Бреннер заменяет сказанное в первоисточнике о подавленном настроении Раскольникова после убийства: «старый страх опять объял всего его, с ног до головы» на библейский оборот, буквально – «от стопы ноги его до его головы» (112; 137) (Ис. 1 : 6). В горькие размышления матери Раскольникова о том, что тот забросил учение, переводчик вставляет цитату из описания беременной Ревекки, почувствовавшей распрю сыновей, враждующих в ее чреве: «Если так – то зачем мне рожать?» (130; 154). Сходный прием наблюдаем в переводе реплики Мармеладова: «но когда я достиг нищеты – нет праведника на земле, за грех бедности не палкой будешь изгнан из Рая, а метлой уничтожения тебя выметут из общества людей...» (16; 49) (Еккл. 7 : 20; Иов 30 : 5; Ис 14 : 23).

Библейские реминисценции касаются не только лексики и фразеологии, самый строй художественной речи Бреннера пронизан ритмом библейского повествования, опирается на присущий ему синтаксис (Быт 13 : 10; 18 : 2; 24 : 63; 31 : 10; 43 : 29).

* * *

Изучение перевода Бреннера приводит к выводу, что он создал текст, отличный от оригинала. Постоянные обращения к языку Ветхого Завета и мудрецов Талмуда придают роману «Преступление и наказание» новые ассоциативные нотки, отсутствующие в перво-

источнике. В переводе роман насыщен еврейской образностью, сообщающей ему более возвышенный колорит. Переживания и ситуации, через которые проходят герои, переданы более яркими красками.

Усиленный и усложненный по сравнению с оригиналом язык используется как для описания обыденного существования, так и для выражения возвышенных устремлений героев. Иногда между низменной реальностью и языком ее описания пролегает настоящая пропасть, что создает впечатление пародии на стиль Библии и Талмуда. Несмотря на стилистические и семантические отступления от оригинала, перевод Бреннера верно передает дух книги Достоевского, и это не случайно, ведь во многом Бреннер был близок мироощущению Достоевского.

Перевод «Преступления и наказания» был с одобрением принят как современниками Бреннера, так и читателями следующего поколения, поскольку они были глубоко связаны с иудаизмом и его традиционной литературой, даже если и отошли от религии.

В заключение отметим, что в переводе Бреннера роман Достоевского «Преступление и наказание» порой оказывает на ивритского читателя, знающего русский язык, даже более глубокое воздействие, нежели оригинал.

Список литературы

[Абуаб И. Менорат Ха-Меор // Абуаб И. Собр. соч. : в 3 т. Нью-Йорк : Яд Биньямин, 2010. Т. 1. 368 с.]

אבואב, יצחק, מנורת המאור, ניו-יורק: יד בנימין, תשע"א, ב-3 כרכים, כרך א', תנ"ט עמ'.

[Альшейх М. Б.-Х. Хелкат Мехокек : Иов // Альшейх М. Собр. соч. : в 4 т. Бруклин : Вайс, 1979. Т. 1. 103 с.]

אלשיך, משה בן-חיים, הלקת מחוקק: איוב, בתוך: מ' אלשיך, כל כתביו ב-4 כרכים, ברוקלין: וייס, 1979.

[Бреннер И. Х. Полное собрание сочинений : в 3 т. Тель-Авив : Девир, 1962. Т. 1. 500 с. Т. 2. 460 с. Т. 3. 516 с.]

ברנר, י"ח, כל כתביו ב-3 כרכים, תל-אביב: דביר, תשכ"ב, כרך א' – 500 עמ', כרך ב' – 460 עמ', כרך ג' – 516 עמ'.

[Бреннер И. Х. // Краткая еврейская энциклопедия : в 11 т. Иерусалим : Изд-во Еврейск. ун-та в Иерусалиме, 1976. Т. 1. С. 533–534.]

ברנר, י"ח, האנציקלופדיה העברית, ירושלים: האוניברסיטה העברית בירושלים, 1976, כרך א', 534-533.

[Бринкер М. До Тавернианского переулка. Тель-Авив : Ам Овед, 1990. 339 с.]

ברינקר, מנחם, עד הסימטה הטרכבריינית, תל-אביב: עם עובד, 1990.

[Версес Ш. Публицистика И. Х. Бреннера и ее символика // Тетради Бреннера 3–4 : сб. ст. Тель-Авив : Девир, 1985. С. 183–189.]

ורסס, שמואל, "הפובליציסטיקה של י"ח ברנר וסממניה", מחברות ברנר, ג-ד, כל כתבי ברנר, תל-אביב: דביר, תשמ"ה, עמ' 189–183.

[Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / пер. И. Х. Бреннера. Варшава : Штибль, 1924. 550 с.]

דוסטויבסקי, פ"מ, החטא ועונשו: רומן בששה חלקים עם אפילוג, תרגום י"ח ברנר, ורשה: שטיבל, תרפ"ד, עמ' 550.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М. : Худож. лит., 1972. 559 с.

[Еврейская Библия : Бытие, Второзаконие, Числа, Исая, Иов, Песня Песней, Псалмы. Иерусалим : Корен, 1983. 9290 с.]

תשמ"ג. מקרא: בראשית, שמות, ויקרא, ישעיהו, איוב, שיר השירים, תהלים, ירושלים: קורן,

- [Кушнir M. В эти дни // Хедим. 1924. № 3 (1). С. 88–89.]
 קושניר, מרדכי, "בימים אלה", הדים, ג' (א), תאפ"ד, עמ' 88–89.
- [Lapidus P. О Левиафане и Диком Быке, аллюзии Иосефа Хаима Бреннера на Федора Достоевского // Весы. 1985. № 1–2 (69). С. 31–33.]
 לפידוס, רינה, "על לווייתן ושור הבר: לסוגיית זיקתו של יוסף חיים ברנר לפידודוס דוסטיובסקי, מאזניים, נ"ט, תשמ"ה, עמ' 31–33.
- Lapidus P. Русские влияния на ивритскую литературу в период между 1870–1970 годами. М. : ИМЛИ РАН, 2004. 267 с.
- [Lapidus P. Русские понятия и языковые формы в «Мисавив ла-некуда» («Вокруг пункта») И. Х. Бреннера // Поворотные пункты в ивритской литературе и их связь с другими литературами : сб. ст. / под. ред. З. Шамира, А. Гольцмана. Тель-Авив : Тель-Авив. ун-т, 1993. С. 157–165.]
 לפידוס, רינה, "מושגים ותבניות-הלשון הרוסיים ב'מסביב לנקודה' ל"ח ברנר", בתוך: נקודות מפנה בספרות העברית וזיקתן למגעים עם ספרויות אחרות, בעריכת זיוה שמיר ואבנר הולצמן, אוניברסיטת תל-אביב, תשנ"ג, עמ' 157–166.
- [Ramraz-Rauch G. Бреннер и современная литература. Тель-Авив : Экед, 1979. 201 с.]
 רמז-ראוך, גילה, "ח ברנר והספרות המודרנית, תל-אביב: עקד, 1979.
- [Раф-Раф (Яков Рабинович). Комментарии и оценки («Преступление и наказание») // Хедим. 1924. № 3 (1). С. 90–93.]
 93–90 עמ' 93–90.
- Sagiv-Feldman Y. Между мифическим и трагическим – «Вокруг пункта» как ответ на перевод Бреннера «Преступление и наказание» // Тетради Бреннера 3–4 : сб. ст. Тель-Авив : Девир, 1985. С. 217–238.
- [שגיב-פלדמן, י', 'בין המיתי לבין הטראגי', "מסביב לנקודה" כתגובה על "החטא ועונשו", מחברות ברנר, ג-ד (תשמ"ה), עמ' 217–238.]
- Sagiv-Feldman Y. From Dostoyevsky to Brenner // Hebrew Annual Rev. 1979. № 3. P. 91–104.

References

- Abuav, I. (2010). Menorat Ha-Meor. In Abuav, I. *Collected Works*. 3 Vols. N. Y., Yad Binyamin. Vol. 1. 368 p.
- Alshech, M. B.-Ch. (1979). *Helqat Mehoqeq*. In Alshech, M. B.-Ch. *Collected Works*. 4 Vols., Brooklyn, Weiss. Vol. 1. 103 p.
- Brenner, Y. H. (1962) *Collected Writings*. 3 Vols. Tel-Aviv, Devir. Vol. 1. 500 p. Vol. 2. 460 p. Vol. 3. 516 p.
- Brenner, Y. H. (1976). In *The Short Jewish Encyclopedia*. 11 Vols. Jerusalem, Publ. of Hebrew Univ. in Jerusalem. Vol. 1, pp. 533–534.
- Brinker, M. (1990). *Till the Tibberian Line*. Tel-Aviv, Am Oved. 339 p.
- Dostoyevsky, F. M. (1972). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 559 p.
- Dostoyevsky, F. M. (1924). *Crime and Punishment: Novel in Six Parts with Epilogue* / transl by Y. H. Brenner. Warsaw, Shtibl. 550 p.
- Hebrew Bible. Genesis, Exodus, Leviticus, Isaiah, Job, Song of Songs, Psalms*. (1983). Jerusalem, Koren. 9290 p.
- Kushnir, M. (1924). In These Days. In *Hedim*. No. 3 (1), pp. 88–89.
- Lapidus, R. (1985). About Leviathan and the Wild Bull, the Allusions of Josef Chaim Brenner to Fedor Dostoevsky. In *Scales*. No. 1–2 (69), pp. 31–33.
- Lapidus, R. (1993). Russian Concepts and Language Patterns in the Novel *Around the Point* by Y. H. Brenner. In Shamir, Z., Goltsman, A. (Eds.). *Turning Points in Hebrew Literature and its Linkage to Other Literatures. Collected of Articles*. Tel Aviv, Tel Aviv Univ., pp. 157–166.
- Lapidus, R. (2004). *Russkie vliyaniya na ivritskuyu literaturu v period mezdu 1870–1970 godami* [Russian Influences on Hebrew Literature between 1870 and 1970]. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. 267 p.
- Ramzach-Rauch, G. (1979). *Brenner and the Modern Literature*. Tel-Aviv, Eked. 201 p.

Raph-Raph (Yakov Rabinovich). (1924). Remarks and Notes (Concerning *Crime and Punishment*). In *Hedim*. No. 3 (1), pp. 90–93.

Sagiv-Feldman, Y. (1979). From Dostoyevsky to Brenner. In *Hebrew Annual Rev.* No. 3, pp. 91–104.

Sagiv-Feldman, Y. (1985). Between the Myth and the Tragedy: “Around the Dot” as a Response to the Translation by Brenner of “The Crime and the Punishment”. In *Brenner’s Notebooks. 3–4. Collection of Articles*. Tel-Aviv, Devir, pp. 217–238.

Werses, Sh. (1985). Articles by Brenner and their Characteristics. In *Brenner’s Notebooks. 3–4. Collection of Articles*. Tel-Aviv, Devir, pp. 183–189.

The article was submitted on 19.04.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.311
УДК 821.161.1–3+82'06+044.774

ГИПОВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ КОРОТКОЙ ПРОЗЫ*

Лилия Нефёдова

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

Татьяна Котлярова

Костанайский филиал Челябинского государственного университета,
Костанай, Казахстан

HYPERVERBALISATION AS A PRINCIPLE OF MEANING CONSTRUCTION IN SHORT LITERARY TEXTS**

Liliya Nefedova

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Tatyana Kotlyarova

Kostanay Branch of Chelyabinsk State University,
Kostanay, Kazakhstan

The authors consider short prose, an intensively developing multifaceted genre of both traditional and digital literature. There are no strict limitations as regards its volume, so it may vary from a number of pages to a sentence. To function, texts with high levels of “hypoverbalisation” (intentional scarcity of verbal representa-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ.

** *Citation*: Nefedova, L., Kotlyarova, T. (2018). Hypoverbalisation as a Principle of Meaning Construction in Short Literary Texts. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 535–549. DOI 10.15826/qr.2018.2.311.

Цитирование: Nefedova L., Kotlyarova T. Hypoverbalisation as a Principle of Meaning Construction in Short Literary Texts // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 535–549. DOI 10.15826/qr.2018.2.311 / Нефёдова Л., Котлярова Т. Гиповербализация как принцип построения содержательной программы короткой прозы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 535–549. DOI 10.15826/qr.2018.2.311.

tion) rely on the assumption that readers share some common core knowledge and life experience, including knowledge of other literary texts, with the author and are capable of logical analysis and reflection. Thus, in short prose, the reader in fact becomes a co-author, reconstructing the facts and events of the text, and an interpreter, structuring and shaping the space of the text. The main methods to compress the text are references to the reader's life experience, background pragmatic and scholarly knowledge, and precedent phenomena. The paper focuses on the particularly interesting phenomenon of discourse transformation. A text created by author-1 as a non-literary text is perceived by reader-1 and identified as a text with literary value; in this case, reader-1 becomes author-2 and presents a text residing on another level to the reader. The public's attention to this kind of literature has given rise to a number of websites that publish quotes from real emails, text messages, forums, chats, life stories, short philosophic essays, and comments on events. Such quotations often include metalinguistic humour, which may indicate users' increased interest in transformational processes in the contemporary Russian language. It is also a demonstration of their linguistic creativity, reflected in the coining of new lexical units, providing existing words with new meanings, and the innovative use of graphics.

Keywords: literary text; short prose; hypoverbalisation; author-reader interaction; linguistic creativity.

Предметом рассмотрения автора стала короткая, или малая проза – интенсивно развивающееся многоаспектное явление, относящееся как к традиционной, так и к сетевой литературе. Это понятие не имеет строгих количественных характеристик, к нему могут относиться тексты разного объема, от нескольких страниц до одного предложения и даже его части. Тексты с высокой степенью гиповербализации (минимизации вербальной презентации) предполагают наличие у читателя определенного общего с автором фонда знаний, читательского опыта, а также способности к логическому мышлению и рефлексии. При чтении короткой прозы читатель, по сути, превращается в соавтора, достраивая фактуально-событийную сторону произведения, а затем становится интерпретатором, осваивающим пространство понимания текста и создавая его проекцию. Основными способами, позволяющими автору сократить произведение, являются отсылки к жизненному опыту читателя, фоновым знаниям прагматического и научного характера, прецедентным феноменам. Особый интерес представляет процесс дискурсивной трансформации, заключающийся в том, что текст, создающийся автором-1 как нелитературный, может быть воспринят читателем как достойный преобразования в литературное произведение; в этом случае читатель-1 превращается в автора-2 и представляет текст читателям второго уровня. Внимание публики к подобного рода литературе стало причиной появления в интернет-пространстве многочисленных развлекательных сайтов, на которых публикуются цитаты из реальных электронных писем, СМС, с форумов, из чатов, а также «истории из жизни», короткие философские рассуждения, комментарии каких-либо событий и т. д. Отме-

чается появление особого «металингвистического юмора» как свидетельства интереса авторов и читателей к процессам, происходящим в русском языке на современном этапе, и стремление к лингвокреативности, проявляющейся в создании новых лексических единиц, переосмыслении значений, инновационном применении графических средств.

Ключевые слова: литературный текст; короткая проза; гиповербализация; отношения «автор – текст – читатель»; лингвокреативность.

Феномен короткой прозы востребован современной читательской аудиторией. Точного определения таких текстов в современной научной терминологии не существует, поскольку к малой прозе могут относиться достаточно разноплановые произведения – от традиционного рассказа или новеллы до цитат или «историй из жизни» на многочисленных специализированных сайтах («Цитатник Рунета», *CleverMinds* и др.). В количественных характеристиках употребляется уточнение: «Очень короткие тексты. В сторону антологии» [Очень короткие тексты]; «Короче: очень короткая проза» [Горалик, 2008] и т. д. В аннотации к сборнику сочинений Л. Горалик читатель метафорически информируется об особенностях произведений: «В основе “микрорассказов” Горалик (в американской традиции они назывались бы *flash stories*, “рассказы-вспышки”) – обостренно-сильное переживание текущего момента» [Там же, с. 2]. Е. А. Абашкина отмечает, что в отношении конституирующего определения данного типа текстов «может стать продуктивным подход со стороны, которую подсказывает само определение “малая проза” – со стороны величины текста» [Абашкина].

Таким образом, основной типологической характеристикой текста может быть признан объем, воспринимаемый и автором, и читателем как меньший, чем в обычном литературном тексте. Создатель интернет-проекта «Современная малая проза» Д. Кузьмин отмечает, что в наши дни «ясно обозначилась усталость от романа как жанра тоталитарного, предлагающего некую цельную картину мира» [Очень короткие тексты]. Реализацию права участия в создании смыслового пространства произведения реципиент получает при чтении текстов, содержательная программа которых основана на принципе *гиповербализации*¹. Результатом освоения содержательности текста как «единства содержания и смыслов» [Богин] является понимание текста и построение читательской проекции.

Читатель, имеющий дело с таким гиповербализованным, подчиненным принципу экономии текстом, может превратиться в соавтора, воссоздающего событийную сторону текста, а уже потом –

¹ Под содержательной программой понимается конкретное сочетание приемов текстопостроения, пробуждающих и направляющих рефлексию читателя в заданное автором и текстом русло [Котлярова, с. 6].

в интерпретатора, постигающего глубинный смысл произведения. Стремление современного читателя к соавторству было замечено многими писателями. Макс Фрай (С. Мартынчик), в полном объеме используя идею привлечения читателя к творчеству, пишет в «Идеальном романе»:

Нам показалось, что любое литературное произведение, сокращенное до названия и последнего абзаца, может превратить любимый всеми нами и знакомый с детства процесс чтения в нечто совершенно новое и незнакомое. Имея в своем распоряжении только заголовок и конец литературного произведения, читатель, тем не менее, может пережить в своем воображении чтение всего гипотетического романа... [Фрай].

В книге представлены примеры различных литературных жанров, которые, по мнению автора, больше всего интересуют публику: детективы, мистика, фантастика, фэнтези, женские романы и др. Вот пример такого «идеального» женского романа:

Жасминовая изгородь.

«Как ты думаешь, Арчибалд, он вернется?» – спросила Стелла. И двоюродный покачал головой: «Никогда» [Там же].

Конечно, этот «роман» – своего рода *reductio ad absurdum* – остроумный эксперимент, но он наглядно показывает созидательные возможности реципиента. Такое необычное гиповербализованное произведение построено на довольно часто появляющемся у читателей желании заглянуть в конец книги, одной из причин которого является проверка способностей в реконструкции событий, предшествующих финалу.

Креативный потенциал «суперкороткой» прозы и раньше привлекал внимание многих писателей. Яркий пример – история (возможно, выдуманная) об Эрнесте Хемингуэе, который поспорил, что сможет написать самый короткий рассказ, способный растрогать любого. Он выиграл спор: «Продаются детские ботиночки. Неношеные» (“For sale: baby shoes, never worn”) [Haglund]. Представляется, что Э. Хемингуэй, по сути, обозначил своим рассказом тенденцию, которая оказалась очень жизнеспособной с появлением Интернета, дающего возможность публиковать произведения и наблюдения не только профессиональным писателям, но и всем пользователям. Речь идет о тенденции дискурсивной трансформации, когда статус литературного приобретают тексты, порожденные в рамках других дискурсов. Автор представил в качестве рассказа стилизованное объявление, которое для реципиента становится отправной точкой построения читательской проекции, включающей реконструкцию трагических событий, предшествовавших ситуации продажи.

Спор с участием Э. Хемингуэя был продолжен в дальнейшем организаторами конкурсов на самый интересный короткий рассказ англо-

язычных писателей из шести слов, некоторые из которых переведены на русский язык. Типичные примеры таких рассказов представлены на сайте AdMe.ru (сайте «о творчестве во всех его вариантах – от высокого искусства до крутых объявлений на подъездах»):

Незнакомцы. Друзья. Лучшие друзья. Любовники. Незнакомцы.
«Вы ошиблись номером», – ответил знакомый голос.
Пассажиры, сейчас с вами говорит не капитан.
Я встретил родственную душу. А она – нет.
Продаю парашют: никогда не открывался, слегка запятнан.
Это наша золотая свадьба. Столик на одного.
Сегодня я снова представился своей матери.
Путешественник еще подавал сигналы. Земля – нет.
Я принес домой розы. Ключи не подошли.
Моя мама научила меня бриться.
На разбитом ветровом стекле было написано: «Молодожены».
Наша спальня. Два голоса. Я стучусь.
Я спрыгнул. А затем передумал.
Извини, солдат, мы продаем ботинки парами.
Он кормит из бутылочки убийцу своей жены [Пронзительные рассказы].

Среди русскоязычных авторов жанр микрорассказа, микроновеллы, микроэссе (типология гиповербализованных текстов не завершена) также довольно популярен, такие произведения появляются как в интернет-версиях, так и в печатном виде. Одним из ярких представителей «суперкороткой» прозы является Линор Горалик, опубликовавшая несколько сборников такого плана («Говорит:» (2004), Недетская еда» (2004), «Короче» (2008), серии «Сквозь пальцы», «Про людей»). Большинство текстов, включенных в сборники, содержат один или несколько абзацев, но есть и подобные упомянутому выше рассказу Э. Хемингуэя, состоящие всего из одного предложения или эллиптической конструкции, которая может быть восстановлена читателем на основе его социального опыта, фоновых знаний, логических способностей.

Рассмотрим пример из цикла «Говорит:», в котором представлены фрагменты «подслушанных» автором разговоров, поэтому каждый текст начинается с многоточия и со строчной буквы: «...жена пришла, а кошка пахнет чужими духами» [Горалик, 2017а]. Этих нескольких слов достаточно, чтобы описать ситуацию супружеской измены, предательства, которое оказалось раскрытым благодаря описанному факту. В данном случае явно предполагается, что все знают о свойстве кошачьей шерсти сохранять запахи, а также о том, что женщины, как правило, неравнодушны к кошкам, поэтому «гостя» взяла кошку на руки и таким образом оставила след своего присутствия. В данном случае читателю достаточно бытовых знаний, чтобы содержательная программа текста оказалась реализованной, и реципиентом были построены смыслы «измена», «предательство», «тайное становится явным».

В некоторых случаях микрорассказы имеют название, которое, представляя собой сильную позицию текста, помогает понять прочитанное по принципу герменевтического круга, основанного на диалектике части и целого в художественном тексте [Гадамер, с. 72]. Увидев название, реципиент уже может строить определенные предположения по поводу текста, а после прочтения всего произведения это название становится более мотивированным.

Рассмотрим рассказ «Панадол» из сборника «Короч»: «Тогда он пошел в спальню и перецеловал все ее платья, но это тоже не помогло» [Горалик, 2017б]. Прочитав название «Панадол», реципиент сразу же понимает, что речь идет о том, что кто-то нуждается в болеутоляющем средстве. Автор, видимо, выбрал именно это «говорящее» название из большого количества современных обезболивающих средств, поскольку в других случаях название не может быть употреблено как метафора. Для определения внутренней формы данной лексической единицы от читателя требуется определенный уровень лингвистической компетенции (знакомство со значением словообразовательных элементов латинского и греческого происхождения: пан- (*греч.*) – весь, всякий, а- – отрицательная частица, -дол- (*лат.*) – боль, страдание). Таким образом, для человека, имеющего соответствующие лингвистические знания, мотивировка названия очевидна: «средство от любой боли». Читатель однозначно понимает, что герой пытается справиться с душевной болью, приняв какие-то лекарства (слово «тоже» обладает семантической пресуппозицией – какие-то действия с целью уменьшить боль уже были предприняты) и совершает еще одну трогательную попытку справиться с болью утраты («перецеловал все ее платья»). В чем именно заключается горе, читатель решает сам: любимая ушла к другому, случилось несчастье (болезнь, катастрофа и т. п.).

Следующий пример – из цикла «Сквозь пальцы – 62»:

В момент, когда сознание наконец твердо говорит: «ХВАТИТ ПРОКРАСТИНИРОВАТЬ!», бессознательное широким жестом рассыпает по полу килограмм мелкого изюму [Горалик, 2017в].

В данном случае текст становится еще более требовательным к уровню энциклопедических знаний читателя: он должен знать о «модной» психологической проблеме – прокрастинации (*от лат. procrastinatio* — задержка, откладывание), а также быть знакомым с основами психоанализа (оппозиция «сознание – бессознательное»). Только в этом случае ему будет понятна самоирония автора и, возможно, будет установлена аналогия с подобными проблемами в его жизни. Также предполагается, что благодаря своему жизненному опыту и воображению читатель может представить, что значит рассыпать (и затем собрать) «килограмм мелкого изюму».

Особо следует отметить случаи, когда для понимания требуются фоновые знания о жизни автора, то есть текст как бы адресован опре-

деленному кругу близких людей. Так, в рассказе Л. Горалик «Мирное время» (цикл «Короче») содержится всего одна фраза:

– Иногда, – сказала она, – мне становится скучно есть просто так, и тогда я иду в ресторан с какой-нибудь эдакой кухней [Горалик, 20176].

Понять, почему текст назван «Мирное время», может только читатель, знающий об обстановке в Израиле, где писательница жила достаточно долго – автор испытывает рефлексия, ведущую к смысловому построению: «радости мирной жизни» vs «разрушительная сила военных действий». Таким образом, экстралингвистическая информация (сведения о биографии автора и условиях жизни мирного населения в Израиле) становится частью содержательной программы текста, без которой невозможно построение читательской проекции.

Рассказы, состоящие из нескольких абзацев, имеют более сложную содержательную программу, требующую от читателя определенных усилий для восстановления хода событий и для построения транслируемых автором смыслов. В качестве примера обратимся к рассказу Л. Горалик «Пофамильно» (цикл «Короче»):

Она все сидела и смотрела на эти бумажки, на эти невозможные бумажки, – приказы, награждения, донесения, фотографии, – на эти бумажки с именами, давно превратившимися в разбухший от черной крови миф, на эти приказы, подписанные той же фамилией, которую она носила в девичестве (ошибка в одну букву, так ее записали в свидетельстве о рождении, он был в ярости), на эти фотографии, где он стоит среди тех, чьи лица потом стирали с многофигурных напыщенных полотен, а потом среди тех, кто стирал эти лица с тех самых полотен, и стоит он всегда чуть правее центра, в таком страшном, весомом месте, и не улыбается, в отличие от тех, других, привычных ей фотографий, где он держит ее на одной руке, Ленку – на другой, где бабушка смеется, встав на цыпочки, положив подбородок ему на плечо. Была уже ночь, а она все сидела и смотрела на эти проклятые бумажки, пахнущие тлением и чем-то еще, канцелярским и мертвым одновременно – потусторонней канцелярией, вот чем. Она все сидела и думала – как можно было не понимать? Как она могла не понимать? Вдруг она вспомнила про Тошку: ей было пять лет, когда у нее умерла собачка Тошка, и он, чтобы не расстраивать ее, сказал, что Тошку назначили заведующей колбасным магазином. Она не пересматривала этот факт лет до пятнадцати. Она не была тупой, просто это же он так сказал, а кроме того, невозможно же, ну. Невозможно же [Горалик, 20176].

Героиня рассматривает документы – «проклятые бумажки», которые переворачивают ее представления о добре и зле, поскольку из них она узнает, что ее любимый добрый дедушка был человеком, повинным в страданиях и смерти многих людей. Читатель должен догадаться о жизни героини, предшествовавшей этой ночи, а для этого

нужно знать исторические события, связанные с «именами, давно превратившимися в разбухший от черной крови миф». В новелле представлены фрагментарные воспоминания женщины, на которые она теперь смотрит по-новому, с позиции открывшейся ей ужасной тайны. Читателю предстоит вместе с героиней задуматься над тем, как и почему один и тот же человек может быть добрым дедушкой, который, чтобы внучка не переживала о смерти любимой собачки, придумал историю о ее назначении «заведующей колбасным магазином», а на службе был бесчеловечным работником «потусторонней канцелярии». Данная метафора требует фоновых знаний об эпохе репрессий, которая, будучи живой в памяти старшего поколения и получив многоаспектное отражение в искусстве, стала историей для молодого читателя, знания которого в данной сфере не всегда достаточны для понимания смысла анализируемого фрагмента. Что скрывается за выводом героини («Невозможно»), читателю также предстоит понять самостоятельно.

В литературе Интернета появилось новое понятие «сетература», обозначающее те литературные произведения, которые существуют только в интернет-среде. Среди жанров сетературы наиболее популярна прозаическая миниатюра. Особенно интересны тексты, размещаемые на многочисленных сайтах, подобных «Цитатнику Рунета». Хотя структурная единица в данном случае условно называется «цитатой», это не означает, что все тексты – это действительно цитаты из электронной переписки, здесь также представлены наблюдения авторов, их рассуждения по поводу каких-либо новостей, событий, научных достижений и т. д., а также случаи из жизни. В большинстве случаев графическое оформление текста позволяет сделать вывод о его типе: если автор не обозначен, значит, скорее всего, это наблюдение, рассуждение, комментарий событий, размещенный непосредственно продуцентом. Если это действительно цитата, обычно используется условное обозначение участников коммуникации (xxx, yyy, zzz), и таким образом обеспечивается анонимность; довольно часто размещается фрагмент переписки с сохранением никнеймов, что, впрочем, также обеспечивает относительную анонимность. В некоторых случаях никнейм все-таки может дать определенную информацию об авторе сообщения (или ту информацию, которую планирует автор). Технические возможности сайта позволяют структурировать текстовое наполнение, читатели могут оценить текст положительно или отрицательно и, тем самым, повысить или понизить его рейтинг, благодаря чему появляется возможность выбора: читать случайные цитаты, только с положительным рейтингом и т. д. При всем тематическом и структурном разнообразии тексты сайта создают определенное семантическое пространство, отображающее реальность с точки зрения тысяч участников. Создание более подробной типологии текстов, представленных на подобных сайтах, позволит научно осмыслить особенности литературного процесса в интернет-пространстве.

Появление на сайте цитат из реальной переписки представляет собой дискурсивную трансформацию текста, который первоначально создавался автором-1 не как литературное произведение, но какими-либо особенностями привлекшего внимание читателя-1, который, принимая решение разместить цитату на сайте, превращается в автора-2, что предполагает появление неограниченного количества новых читателей второго уровня.

Обозначим этапы дискурсивной трансформации:

1. Автор-1 создает нелитературный текст.
2. Читатель-1 читает текст, обращая внимание на особенности его формы и/или содержания.
3. Читатель-1 превращается в автора-2, цитируя текст на специальном сайте, при этом текст трансформируется в художественный.
4. Читатели второго уровня оценивают текст, определяя его рейтинг, и в случае положительных оценок способствуют появлению новых читателей.

Факт размещения текста на сайте цитат заставляет читателя анализировать не только информативную, но и образную, экспрессивную сторону текста, понять, что же заставило автора (или цитирующего) обратить на него внимание. Таким образом, восприятие текста функционально трансформирует его в художественный с возможностью оценки его эстетической значимости. Представляется, что данный вид трансформации соответствует некоторым тенденциям современного искусства, например, *Arte Povera*, в основе которого лежит процесс создания объектов и инсталляций из обыденных предметов, воспринимаемых как объекты искусства [Бычкова].

Определение степени эстетической значимости данных текстов может базироваться на корреляции количества полученных положительных оценок и художественной ценности произведений и дает возможность выявить тенденции эстетических требований современного читателя к подобного рода литературному творчеству. Рассмотрение содержательных программ «цитат» позволяет внести вклад в изучение процесса понимания литературного текста с высокой степенью компрессии. Отметим, что данный тип текстов предполагает смену традиционных ролей автора и читателя в отношении текстовой деятельности: как правило, читатель прибегает к информационной компрессии при передаче содержания объемного произведения, способность к этому действию является результатом успешного освоения содержательной программы текста. В жанре сверхкороткой прозы к компрессии прибегает автор, а читатель «разворачивает» проекцию, достраивая ее на основании опыта, знаний, когнитивных и логических способностей.

Рассмотрим несколько текстов, представляющих собой цитаты из электронной переписки (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены).

Панда Рина: Не капси на меня
 дивная: Я НА ТЕБЯ НЕ КАПСЮ иногда просто забываю выключить.
 А чего вы все, молодежь, так больших букв пугаетесь? Так же лучше видно O_o [Цитата #63446].

Текст отражает особенности коммуникативной интернет-культуры, выработавшей определенные правила поведения: использование капитального шрифта равноценно крику, повышению тона собеседника, то есть считается проявлением невежливости. Таким образом, «Не капси на меня» означает примерно «Не кричи на меня», «Говори со мной нормальным тоном». Глагол *капсить*, то есть печатать сообщения с нажатой на клавиатуре клавишей *Caps Lock*, образован по аналогии с существующими глаголами второго спряжения на *-ить* в инфинитиве и получил полную парадигму спряжения [Словарь компьютерного сленга]. В данном тексте мы также видим определенное проявление конфликта поколений: по ответу второй участницы понятно, что она старше («вы все, молодежь» означает исключение продуцента из данной категории) и не вполне владеет компьютером, эта информация имплицитно выражена в словах «иногда просто забываю выключить» (имеется в виду клавиша *Caps Lock*). Тем не менее, коммуникантка уже усвоила некоторые традиции данного вида общения – в конце добавлен эмотикон («смайлик») на основе языковых графических символов «O_o», выражающий удивление и недоумение (иконический знак, похожий на широко открытые от удивления глаза). Также ситуация забавна определенной парадоксальностью: младшее поколение делает замечание старшему, хотя традиционно старшие учат младших нормам поведения. Цитата превратилась в интересную зарисовку современной жизни, отразив изменения, которые технический прогресс внес в процесс коммуникации и межличностные отношения.

Следующий пример представляет собой цитату из обсуждения фильма «Прибытие» на многофункциональном сайте «Хабр»:

AllexIn:

Если вы хоть чуть-чуть интересовались темой, «как составить понятное послание инопланетному разуму», также если вы лингвист или хоть что-то знаете о математике – не смотрите. Будете весь фильм фейспалмить на моментах типа тыкания в себя рукой или писанины руками имен...

bjordnd:

Если вы специалист в робототехнике, не смотрите «Матрица»

Если вы физик-теоретик, не смотрите «Интерстеллар»

Если вы конструируете космические корабли, не смотрите «Звездные войны»

Если вы работаете в ФБР, не смотрите «Семь» и «Молчание ягнят»

Если вы сидели в немецком концлагере, не смотрите «Жизнь прекрасна»

Если вы участвовали в высадке в Нормандии, не смотрите «Спаси рядового Райана»

Если вы сидели в тюрьме, не смотрите «Побег из Шоушенка»

Если вы чванливый эксперт, вообще держитесь подальше от массовой культуры [Цитата #63554].

Таким образом, обсуждение достоинств и недостатков конкретного фильма превращается в философский спор о сущности массовой культуры и даже искусства в целом. В ответ на реплику первого собеседника второй, применяя фигуру синтаксического параллелизма, формулирует шесть аналогичных советов, цель которых – показать абсурдность идеи полного соответствия фильма реальным событиям, научным фактам и логике. Седьмая реплика – речевая агрессия по отношению к собеседнику, представленная в обобщающем формате, но, тем не менее, показывающая, что ее автор относит собеседника к категории «чванливых экспертов», которым следует «держаться подальше от массовой культуры». В тексте использованы лексические единицы, обозначающие прецедентные феномены – названия фильмов и то, что связано с их сюжетом. Таким образом, от читателя, чтобы оценить иронию коммуниканта с никнеймом *bjornd* и воспринять идеи «искусство не должно копировать жизнь», «в художественном произведении автор имеет право отклоняться от фактов реальной действительности, создавая альтернативную реальность произведения», «важны идеи и концепции, а не конкретные детали» и т. д., требуются определенные фоновые знания. В данном тексте также не обошлось без интернет-жаргона: употреблен глагол «фейспалмить», образованный от английского *facepalm* (букв. – «лицо – ладонь»), жест, когда человек закрывает лицо ладонью для выражения отчаяния, разочарования, стыда) по уже упоминавшейся словообразовательной модели.

Особую группу, на наш взгляд, представляют тексты, отражающие стремление автора к лингвокреативности, или рефлексии, направленную на функционирование языка как знаковой системы. Данное направление можно обозначить как «металингвистический юмор». Пример:

«Кожаный салон климат контроль элек. стеклопод. Цет. зам. сигналка автозапуском муз. пионер дивиди проиг. подробности позвонку.»

xxx: как статья «позвонком», чтобы узнать подробности? [Цитата #63437].

Второй коммуникант обыгрывает ошибочное слитное написание предложной конструкции «по звонку», которое может быть понято как дательный падеж существительного «позвонок». Его иронию и языковую игру можно рассматривать как имплицитный протест против безграмотности, призыв ответственно относится к создаваемым текстам.

В следующих примерах представлены результаты авторской лингвокреативной деятельности:

xxx: У тех, кто ноет из-за жары, наступила горячая пора: придется за несколько дней нануть, как в обычные годы за целое лето [Цитата #63658].

Автор выражает свое отношение к особенностям погоды (дождливое, холодное, ненастное лето) и иронизирует по поводу того, что люди в любом случае недовольны ею: наконец-то наступило долгожданное тепло, но все равно найдутся те, кто будут ныть, жалуясь на жару. Глагол несовершенного вида «ныть» в норме не имеет пары совершенного вида с приставкой *на-*, зафиксированной в словарях, но автор по аналогии с существующими парами («писать – написать», «собирать – насобирать», «варить – наварить» и т. д.) образует потенциальное слово «нануть», порождающее юмористический эффект.

Стремление к созданию новых лексических единиц по аналогии, на оноματοпоэтической основе, попытки осмыслить процессы, происходящие в языке, можно наблюдать в следующих текстах:

xxx: И вообще, это не ночной дождь, это грациозная пантера выходит на ночную охоту! [Цитата #63402].

aaa: а у меня новый самокат! такой вшурх! вшурх! а на каменистом асфальте – бырпрлбыдрпырп! [Цитата #62845].

Познакомился с чуваком по фамилии Ежов. Когда я сказал, что правильно «Ежей», он почему-то обиделся [Цитата #53660].

Он обращается со мной, как с ежом. Типа утюю. А я такое бдыщ и в иголках. И зырк [Цитата #53121].

xxx: Как правильно – «ехать в автобусе» или «ехать на автобусе»?

ууу: Жители Индии смотрят на вас с непониманием, как можно не знать разницы? [Цитата #53651].

xxx: Сидя в приемной реабилитационного центра на массаж, в очередной раз убедился, насколько велик и могуч русский язык. Чего только стоит вопрос пробегающей мимо медсестры «КУДА СИДИМ?»

xxx: Причем, ответ «СИЖУ ТУДА» звучит вполне нормально [Цитата #37134].

Можно предположить, что высокий рейтинг подобных цитат говорит о равнодушном отношении ряда пользователей к родному языку, о стремлении сделать его ярче, выразительнее и, возможно, защитить от негативных тенденций, разрушающих культуру общения и даже представляющих опасность для языковой системы.

Очевидно, что текст воспринимается на фоне реальности и в связи с ней, что позволяет в гиповербализованном тексте выразить весь спектр смыслов, идей, пробудить читательскую рефлексию, превратить читателя в соавтора и интерпретатора. Текст, представляя собой

продукт речемыслительной деятельности автора и материал речемыслительной деятельности интерпретатора, является материальным образованием, но оно несет в себе содержание, смысл, то есть нечто нематериальное. Более того, содержательная сторона гиповербализованного текста всегда реализуется не только вербальными средствами. В данном случае наглядное подтверждение получает точка зрения Н. С. Валгиной: «Автор обычно вербализует “разность”, полученную в результате “вычитания” из замысла предполагаемых знаний интерпретатора. Интерпретатор же, в свою очередь, “суммирует” эту разность с собственными знаниями» [Валгина, с. 15]. Вследствие того, что автор, как и читатель, является носителем определенной суммы фоновых знаний, процесс «вычитания» может происходить неосознанно, автоматически. Но если автор ошибается в определении (неосознанном или осознанном) объема фоновых знаний читателя, то читатель либо воспринимает содержание текста фрагментарно, либо понимание вообще оказывается невозможным, вплоть до восприятия данного текста как не-текста. Художественный текст, в том числе текст с высокой степенью гиповербализации, имеет антиномичные характеристики: он одновременно ограничивает пространство понимания своей содержательной программой и, тем не менее, дает свободу читателю, предполагая вариативность построения читательских проекций в пределах этого пространства.

Список литературы

Абашкина Е. А. Проблема «сверхмалой» прозы // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. № 2 (2). С. 417–420.

Богин Г. И. Обретение способности понимать : Введение в филологическую герменевтику. Тверь, [Б. и.], 2001 // Педагогическая библиотека [сайт]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

Бычкова Л. Арте повера // Лексикон неонклассики : Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М. : РОССПЭН, 2003. 607 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/aesthetica/buchkov-estetika-lexicon.htm> (дата обращения: 07.08.2017).

Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 280 с.

Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 367 с.

Горалик Л. Говорит... // Линор Горалик : тексты и др. [сайт]. URL: <http://linorgoralik.com/govorit.html> (дата обращения: 09.08.2017а).

Горалик Л. Короче : (сто двенадцать довольно коротких рассказов) // Линор Горалик : тексты и др. [сайт]. URL: <http://linorgoralik.com/koroche.html> (дата обращения: 07.08.2017б).

Горалик Л. Короче : Очень короткая проза. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 144 с.

Горалик Л. Сквозь пальцы – 62 // Линор Горалик : тексты и др. [сайт]. URL: <http://linorgoralik.com/62.html> (дата обращения: 09.08.2017в).

Котлярова Т. Я. Особенности построения читательской проекции художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск : [Б. и.], 2007. 22 с.

Очень короткие тексты : В сторону антологии / сост. Д. Кузьмин. М. : Новое лит. обозрение, 2000. 400 с.

Пронзительные рассказы из шести слов // AdMe [сайт]. URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/pronizitelnye-rasskazy-iz-shesti-slov-726460/> (дата обращения: 08.08.2017).

Словарь компьютерного сленга // Академик [сайт]. URL: https://comp_slang.academic.ru/ (дата обращения: 08.08.2017).

Фрай М. Идеальный роман // Русская фантастика [сайт]. URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/frei_m13.htm?2/7 (дата обращения: 28.07.2017).

Цитата #37134 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/37134> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #53121 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/53121> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #53651 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/53651> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #53660 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/53660> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #62845 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/62845> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #63402 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/63402> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #63437 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/63437> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #63446 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/63446> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #63554 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/63554> (дата обращения: 08.08.2017).

Цитата #63658 // Лучший цитатник Рунета [сайт]. URL: <http://bashorg.org/quote/63658> (дата обращения: 08.08.2017).

Haglund D. Did Hemingway Really Write His Famous Six-Word Story? // Slate's Culture Blog [website]. URL: <http://www.slate.com/culture/2018/04/watch-constance-wu-in-the-official-crazy-rich-asians-trailer-video.html> (mode of access: 26.04.2018).

References

Abashkina, E. A. (2013). Problema “sverkhmaloi” prozy [The Issue of Very Short Prosaic Texts]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. No. 2 (2), pp. 417–420.

Bogin, G. I. (2001). Obretnenie sposobnosti ponimat'. Vvedenie v filologicheskuyu germenевtiku [Finding the Ability to Understand. An Introduction to Philological Hermeneutics]. Tver', S. n. In *Pedagogicheskaya biblioteka* [website]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (mode of access: 07.08.2017).

Bychkova, L. (2013). Arte povera [Arte povera]. In Bychkov, V. V. (Comp.). *Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka*. Moscow, ROSSPEN. 607 p. URL: <http://yanko.lib.ru/books/aesthetica/buchkov-estetika-lexicon.htm> (mode of access: 07.08.2017).

Frei, M. (N. d.). Ideal'nyi roman [An Ideal Novel]. In *Russkaya fantastika* [website]. URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/frei_m13.htm?2/7 (mode of access: 28.07.2017).

Gadamer, G. G. (1991). *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Moscow, Iskusstvo. 367 p.

Goralik, L. (2008). *Koroche: Ochen' korotkaya proza* [Shorter: Very Short Prose]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 144 p.

Goralik, L. (N. d.). Govorit... [He Speaks...]. In *Linor Goralik: teksty, i dr.* [website]. URL: <http://linorgoralik.com/govorit.html> (mode of access: 09.08.2017).

Goralik, L. (N. d.). Koroche: (sto dovol'no korotkikh rasskazov) [Shorter: A Hundred of Rather Short Stories]. In *Linor Goralik: teksty, i dr.* [website]. URL: <http://linorgoralik.com/koroche.html> (mode of access: 07.08.2017).

Goralik, L. (N. d.). Skvoz' pal'tsy – 62 [Through One's Fingers – 62]. In *Linor Goralik: teksty, i dr.* [website]. URL: <http://linorgoralik.com/62.html> (mode of access: 09.08.2017).

Haglund, D. (N. d.). Did Hemingway Really Write His Famous Six-Word Story? In: *Slate's Culture Blog* [website]. URL: <http://www.slate.com/culture/2018/04/watch-constance-wu-in-the-official-crazy-rich-asians-trailer-video.html> (mode of access: 26.04.2018)

Kotlyarova, T. Y. (2007) *Osobennosti postroeniya chitatel'skoi proektsii khudozhestvennogo teksta* [Peculiarities of the Creation of a Reader's Projection of a Literary Text]. Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Chelyabinsk, S. n. 22 p.

Kuz'min, D. (Comp.). (2000). *Ochen' korotkie teksty. V storonu antologii* [Very Short Texts. In the Direction of an Anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Pronzitel'nye rasskazy iz shesti slov [Touching Stories of Six Words]. (N. d.). In *AdMe* [website]. URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-pisateli/pronizitelnye-rasskazy-iz-shesti-slov-726460/> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #37134. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/37134> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #53121. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/53121> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #53651. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/53651> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #53660. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/53660> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #62845. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/62845> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #63402. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/63402> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #63437. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/63437> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #63446. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/63446> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #63554. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/63554> (mode of access: 08.08.2017).

Quote #63658. In *Luchshii tsitatnik Runeta* [website]. URL: <http://bashorg.org/quote/63658> (mode of access: 08.08.2017).

Slovar' komp'yuternogo slenga [Dictionary of Computer Slang]. (N. d.). In *Akademik* [website]. URL: https://comp_slang.academic.ru/ (mode of access: 08.08.2017).

Valgina, N. S. (2003). *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos. 280 p.

The article was submitted on 05.03.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.312
УДК 94(571.1)"16/19":63+597.7(09)+504(09)

**ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНТОМОЛОГИИ
(XVII – НАЧАЛО XX в.)***

Сергей Туров

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**THE DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL ENTOMOLOGY
(17th – EARLY 20th CENTURIES)**

Sergei Turov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

It is impossible to study agricultural history without taking into account the experience of nature management, knowledge about the use of natural resources in traditional farming, and adaptation to local natural conditions. Another side of the issue concerns the impact of traditional agro-industrial farming on nature. When studying the formation and development of local farming, it is important to consider nature not as a background, but as a powerful and constantly evolving factor. Referring to the aforementioned interdisciplinary approach, the article shows how the traditional farming of Western Siberia adapted to local and synanthropic insects. Bedbugs and black cockroaches felt fine in a new climate, appearing in Western Siberia together with the settled lifestyle of the Russians. Russian-Chinese trade became a mediator for the red cockroach that later penetrated the European part of the country and eliminated its black enemy. Local insects caused Siberians much more trouble than synanthropic insects. Huge numbers of

* Citation: Turov, S. (2018). The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Цитирование: Turov S. The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312 / Туров С. Освоение Западной Сибири в контексте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Siberian gnats (blackflies, mosquitoes, and gadflies) complicated their everyday life and caused serious problems in local cattle breeding. The gnat was especially rampant in the northern part of the region. Insect pests, especially locusts, were also a huge challenge for agriculture. The first attempt to deploy an anti-locust chemical treatment (with kerosene) was carried out in the Trans-Urals in 1902. However, the peasants lost their battle against the locusts. In moments of despair, public conscience might have developed the idea that the locusts were revenging themselves on peasants, so it would be better to stop the fight.

Keywords: Western Siberia; traditional farming; traditional way of life; knowledge about nature; insects.

Изучение аграрной истории невозможно без изучения комплекса знаний, умений по использованию в традиционном хозяйстве природных ресурсов и адаптации к определенным (локальным) природным условиям. Другая сторона проблемы – воздействие традиционной агропромышленной хозяйственной структуры на природные системы. В рассмотрении формирования и развития локальных хозяйственных структур природная среда должна учитываться не как фон, а как мощный постоянно изменяющийся фактор. В статье на базе сформулированной выше междисциплинарной методики прослеживается адаптация традиционного хозяйственного комплекса Западной Сибири к миру насекомых – как местных, так и синантропных. В новом климате хорошо чувствовали себя клопы и черные тараканы, которые появились в Западной Сибири вместе с оседлым бытом русских. Торговля с Китаем стала проводником для рыжего таракана, который проник впоследствии и в Европейскую часть страны, попутно уничтожая своего черного соперника. Значительные неприятности доставляли сибирякам местные насекомые. Несметные полчища сибирского гнуса (мошка, комар, овод) являлись серьезнейшей проблемой для местного скотоводства. Особенно свирепствовал гнус на севере региона. Немало проблем сельскому хозяйству доставляли насекомые-вредители, и в особенности саранча. Первый опыт химической обработки полей и пастбищ от саранчи был предпринят в Зауралье в 1902 г. (керосин). Однако в целом битву с саранчой крестьяне проигрывали. В минуты отчаяния в общественном сознании сложилось представление о том, что саранча мстит за борьбу с ней, которую лучше прекратить.

Ключевые слова: Западная Сибирь; традиционное хозяйство; традиционный быт; природоведческие знания; насекомые.

Человек, осваивая новые территории, словно тянет за собой шлейф из не известных ранее на этих территориях диких и одомашненных животных, растений и насекомых. Докучливые обитатели человеческого жилья – тараканы, клопы, сверчки – попали в Сибирь вместе с русской колонизацией. Дорусский сибирский быт был по преимуществу кочевым, а в «инородческих» чумах и юртах, продуваемых всеми ветрами,

эта нечисть не выживала, в отличие от вшей и блох, которые были едва ли не непременной принадлежностью быта местного населения [Описание живущих Сибирской губернии, с. 145]. Вместе с русским бытом в Сибирь пришел не привычный сегодня рыжий таракан (прусак), а так называемый черный. Первое документальное упоминание о тараканах находим в присланном в Сибирский приказ из приполярной Мангазеи сообщении о случившемся в 1642 г. пожаре:

Волею Божию, государь, половина города выгорела дотла, а из остальной половины ползут тараканы в поле. И видно быть и на той половине гневу Божию, и долго ль коротко ли и той половине горети, что и от старых людей примечено [Белов, с. 94].

К середине XVIII в. тараканы добрались до самого северного русского населенного пункта в Западной Сибири – низовьев р. Таз, то есть до самых северных русских населенных пунктов в Западной Сибири на ту пору. На юге региона границу продвижения черных тараканов в 1770 г. зафиксировал П. С. Паллас:

...В новонаселенных между Тоболом и Ишимом деревнях тараканов совсем нет, а по Иртышу они не далее как до Омской крепости расплодись; хотя их там за несколько времени и великое множество водилось; напротив же того, клопы и сверчки по Иртышу уже везде развелись... [Паллас, с. 103].

На востоке Сибири черный таракан продвинулся как минимум до Иркутска, причем сюда он приехал в буквальном смысле слова на плечах сибиряков. По легенде С. И. Черепанова (1810 г. р.), в Иркутск черных («кофейных») тараканов привез его дед. Якобы однажды, находясь в Ирбите, дед Черепанова впервые увидел этих насекомых и не придумал ничего лучшего, как поймать пару, завернуть их в бумажку и поместить в шкатулку с тем, чтобы показать затем в Иркутске своим знакомым и домашним. Кончилась эта сомнительная затея тем, что по приезде домой он открыл шкатулку, а тараканы из нее буквально брызнули. Выжили и размножились они по той причине, что в шкатулке хранились, помимо прочего, просфоры [Черепанов, с. 6–7]. В общественном сознании бытовали и другие версии появления этих насекомых в Сибири. По свидетельству Эрика Ласмана (между 1764 и 1768 г.), барнаульцы и жители окрестных деревень считали таракана лесным насекомым на том основании, «что видят их иногда ползущими по улице...» [Письма, относящиеся до Сибирского края, с. 46].

Вероятно, черный таракан со временем захватил бы и земли «между Тоболом и Ишимом», но у него появился грозный соперник:

В Усть-Каменогорске за несколько лет примечены некоторые маленькие азиатские тараканы... о которых думают, что они принесены сюда ташкентскими товарами. Сия досадная и вредная гадина так скоро здесь

расплодилась, что все почти дома ими полны. Ниже буду я иметь случай объявить, что те же тараканы при новом открытии китайской торговли начали размножаться от востока даже за Сибирь; и они так малы и плоски, что в малейших щелях скрыться могут, то не может почти быть, чтоб в короткое время и в России через проходящие из Сибири товары сею гадиною обременены не были. И чаятельно, что и крепости на Иртыше недолго уже от оных свободны останутся, хотя доселе большие западные азиатские тараканы угнездиться там и не могли, и повыше Томска на Иртыше нигде не попадаются... Оных отличают от обыкновенных кофейных тараканов, которых здесь не столь, названием прусские тараканы. И заподлинно знают, что они перевезены сюда купцами, на китайских границах торгующими, между товарами [Паллас, с. 257, 430].

Тараканы двигались в Западную Сибирь с двух направлений и к 1760-м гг. освоили все ее пространство. По-видимому, в это время началась «великая тараканья война», в результате которой мелкий рыжий таракан сначала вытеснил крупного «кофейного» (черного) из Сибири, а затем и из Европейской части страны. Дело в том, что маленький (в сравнении с черным) плоский рыжий таракан без труда находил и уничтожал кладки личинок черного таракана, а сам откладывал личинки в местах, недоступных сопернику. Таким образом, подтвердился прогноз П. С. Палласа о том, что в будущем «рыжие азиатские тараканы» освоят и Европейскую Россию. Отсюда, по-видимому, рыжий таракан двинулся в Европу, где и по сей день его именуют «русским». Но это произошло позднее, а пока рыжий таракан завоевал Западную Сибирь. Впрочем, сибиряков мало занимала «тараканья война», большинство, скорее всего, ее попросту не заметили. В конце концов, какая разница, какие насекомые одолевают твоё жилище, главное – найти способ от них избавиться. Таракан – теплолюбивое насекомое. По этой причине тараканов было принято вымораживать в зимнее время с наступлением холодов, оставляя на некоторое время жильё без отопления [Зеленин, с. 1029–1030]. Именно подобным образом настоятельно рекомендовал поступить тобольским обывателям губернатор Д. И. Чичерин в 1776 г.:

Как ныне наступило время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут, вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от полиции о том же объявить [Кузнецов, с. 181].

Клопов выводили, наполняя дом ветками цветущей черемухи. Что касается вшей, то с ними вполне непринужденно расправлялись аборигены Севера. Спутник П. С. Паласа «академический студент» Василий Зуев в своем известном «Описании живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов...» оставил на сей счет следующее свидетельство:

...За подлинное я сам видел между остяками и самоедцами, что бабы у мужиков ищут вшей... коих и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что они де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости [Описание живущих Сибирской губернии, с. 145].

Но и у русских существовали достаточно экзотические способы избавиться от насекомых, круто замешанные на суевериях. Например, камышловские крестьяне в середине XIX в. считали:

...Чтобы вывести из дому тараканов или клопов, нужно одного привязать за толстую веревку и тянуть двум мужчинам, при этом не смеяться; для вывода клопов еще несколько их кладут в гроб покойника; а для вывода тараканов такая примета: когда жених и невеста выезжают к венцу, то в дом, из коего выехали, надобно ввести таракана [Зеленин, с. 1029–1030].

Во все времена серьезной проблемой в Сибири были кровососущие насекомые (гнус). Еще путешественники в XVIII в. отмечали эту докучливую особенность сибирского быта: «Я нигде не видел таких ядовитых комаров и оводов, какие здесь, на Иртыше, так что по их ужалении всегда зловерный и гнойный пузырь», – писал академик П. С. Паллас в 1770-х гг. [Паллас, с. 15–16]. Еще одно свидетельство конца XVIII в. подтверждает это мнение известного исследователя-путешественника:

Положение Тобольской губернии и паче вышеозначенных уездов есть хотя местами и гористое, но весьма сырое, болотистое и лесное место, от чево и рождаются великое множество разного рода насекомых, как-то комары, слепни, оводы, пауты и такое великое множество ядовитых мошек, что едва солнце бывает видно [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

В середине XIX столетия И. Завалишин писал об истинном биче в Барабинском лесостепи – мошке, тучи которой «с придачей комара и кровопийц больших паутов сопровождают табуны и стада, изнурая их в летние жары до невероятности» [Завалишин, с. 54–55]. Таким же, если не хуже, было положение и на севере региона:

...В июне и июле в лесных и сырых округах появляются мириады крылатых насекомых и в таком значительном количестве, что они, носясь между лесов тучами, часто затемняют воздух. Скот, в особенности лошади... в это время хudeют, подвергаются многим болезням и часто падают, потому что во все это время не едят, а только тщетно отбиваются хвостом, головой и ногами от страшных туч этих вампиров, среди самых обильных и сочных трав, или заходят в воды, над которыми всегда шелестит ветерок, разгоняющий оводов, или прибегают во дворы и становятся над куревами [Колмогоров, с. 20].

Впечатляющую подробную картину нарисовал анонимный, но весьма осведомленный автор в конце XVIII в. Особенно ему жаль лошадей, которые

...приходят от того в изнурение и изнеможение или валяются, чтоб, как ни есть, от острия жала избавиться таковых неприятелей, и пребывают весь день в движении и бес корма. В ночное же время, при упадении росы, когда они насекомые от сырости и свежести воздуха попрятуются по своему свойству, тогда лошадь начинает есть. <...> И при том чрез короткое время и есть ей бывает нечево, ибо, бегая, вытаптывают и выбивают до того всю траву (в огороженной поскотине. – С. Т.)... от чего некоторые лошади, выбиваясь из сил, недвижимы бывают и не в состоянии обороняться хвостом и головою от насекомых, которым и достаются...] и, не стерпя нападения, от миллионного, так сказать, множества насекомых, жалостно умирают [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

Так же сильно доставалось и овцам:

...Ибо овец не в состоянии по частой их шерсти уезвлять, разбедают им, вскрыв, задние проходы, до того, что заводятся черви. А более всего набиваются в ноздри овцам и баранам, от чего производят им чихание. Как бедные, чихая, испуская из себя с стремлением дух, принуждены бывают с таковою ж силою, какой и в себя втягивать, и тем более притягивают самовольно, так сказать, сию мелкую мошку как в ноздри, так и в горло. От чего и начинают вертеться, ибо зуд, происходящий в ноздрах и хрящах, беспрестанно беспокоя оную, доводит ее до сего действия. От чего отстав и тако замучившись, умирают [ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805].

«Насекомые-убийцы» свирепствовали и в тундре. Например, летом 1928 г. в Ямальской тундре было столько комаров, что отмечались случаи, когда слабые олени гибли, измученные комарами [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 161]. Не лучше дела обстояли и в лесной полосе Северного Зауралья, где, по словам местных оленеводов, «тундровый олень не в состоянии пасть в равнинной части в летнее время (причины – гнус)» [Там же. Д. 47. Л. 56].

«Курева» (дымокуры) были единственным средством отогнать насекомых от скота и являлись необходимым элементом сибирского скотоводства:

Когда едешь, например, летом через Барабу... то вся окрестность кажется далеко застланною дымным туманом, от которого солнце кажется каким-то кровавым шаром. У всех околиц поднимаются густые столбы дыма от зажженных навозных куч, складенных в глубокие ямы и прикрытых сверху дерном, чтобы они дымились, а не пылали [Завалишин, с. 12].

Не менее широко окуливание применялось и в лесной полосе края: «...курево (кучи зажженного гнилого лесу и навозу) в домах, во дворах и на пастбищах...» [Колмогоров, с. 20]. На юге региона строились специальные помещения для защиты скота от летнего зноя и насекомых. Тюменский купец-меценат Чукмалдин вспоминал в конце XIX в. о поре своего детства:

Я помню даже, что на выгоне были устроены для всего скота деревни обширные навесы, покрытые дерном, под названием «холодильников», куда в каждый жаркий день и прятался скот от оводов и зноя [Чукмалдин, с. 340].

Самые ранние упоминания «холодильников» из известных нам относятся к концу XVIII – началу XIX в. для Ялуторовского уезда Тобольской губернии. Первое датировано 1798 г. [ГУТО ГАТ в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 12. Л. 143]. В другом источнике даже содержится, правда, весьма упрощенное, но все же описание этих сооружений: «...выстроены при пастбищах на поле ис лознику прогоны, называемые по-здешнему холодильники, и от солнечного зноя покрыты» [Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 69 об.]. А на севере края крестьяне сводили лес с единственной целью – приобрести обширные выгоны, на которых скот мог бы хотя отчасти получить защиту от гнуса [Колмогоров, с. 20]. Так поступали в округах Томском, Колыванском и Каинском, а в особенности в Тарском, Тобольском, Тюменском и Туринском:

Опытом доказано, что чем более полей и лугов, обнаженных от лесов, тем более и сильнее проходят по ним ветры, которые разгоняют эти страшные тучи насекомых и заставляют их укрываться у лесов; скот, пасущийся на этих открытых и ветреных местах, по крайней мере, не хуеет, не подвергается болезням, на зиму в теле и в здоровом состоянии и к весне годен в полевую работу [Там же, с. 20–21].

Крестьяне отмечали, что с увеличением численности населения и, соответственно, степени окультуренности местности насекомых становилось значительно меньше. В этом, например, уверяли Е. С. Филимонова русские крестьяне Барабы в начале 90-х гг. XIX в. Они рассказывали, что за 50–100 лет до этого летом по Барабинскому лесостепью можно было продвигаться только следующим образом:

...Лошадь обвязывалась со всех сторон пучками березовых веток и затем сильно настегивалась. При быстрой езде, когда ветви и листья их приводились в движение, насекомые, пораженные таким странным шумом и не находя в то же время возможности подобраться к животному, отлетали в сторону [Филимонов, с. 13].

Во все времена немало проблем сельскому хозяйству доставляли насекомые-вредители. Однако самой страшной угрозой было насекомое эпической прожорливости и столь же эпической размножаемости – саранча. В частности, в западносибирской лесостепи обитает сибирская кобылка (*Gomphocerus sibiricus*), нестадное саранчовое семейства *Acrididae*. Однако не только местная саранча доставляла неприятности сибирским хлеборобам в засушливые годы. В Южном Казахстане искони обитают два вида опасной стадной саранчи: марокканская саранча (*Dociostaurus maroccanus*) и туранский прус (*Calliptamus turanicus*). Первое описание нашествия казахстанской саранчи в южные районы Западной Сибири принадлежит академику П. С. Палласу (1770 г.):

По дороге от Подпускной до Кривозерной станицы ничего не было столь примечательного, как множество малой саранчи, которая по всей степи кучами ползала, так что целые полосы в 50 и 60 сажен совершенно дочерна ею были покрыты... Сих насекомых было на всех сухих каменистых буграх... также и на сухой соленой низменности столь невероятное множество, что они, особливо около Грачевской станицы, кроме твердого песчаного осота, жаростойкой ветреницы... и старых полынных стеблей, всю зелень, и траву, и сам молочай дочиста пожрали. За Белокаменской видно их уже гораздо менее, но сказывают, что во всей сей полосе до того места ежегодно сей род саранчи столь необыкновенным образом размножается и иногда отлетает, ибо они иногда в нижних странах Иртыша пожирают весь молодой хлеб [Паллас, с. 171–172].

Явление саранчи в засушливые годы было столь привычно, что на общем фоне снижения урожайности ущерб, нанесенный непосредственно саранчой, отдельно не учитывался. Так, в Тобольской губернии от холодных ветров, заморозков, града, засух, наводнений и нашествий саранчи погибло хлебов в 1810 г. на 97 тыс. десятин, в 1816 г. – на 105 тыс. десятин, в 1819 г. – на 1 млн десятин [Пундани, с. 57]. В 1846 г. отмечалось, что в Кривошеинской волости Колыванского округа Томской губернии саранча уничтожила «разного рода ярового хлеба» 914,5 десятины [Смесь, с. 157]. Правительство обратило внимание на эту проблему только в начале 70-х гг. XIX в. в связи с очередным нашествием саранчи в приуральское и зауральское лесостепье. Но только в начале 1880-х гг. были проведены некоторые исследования и опробованы методы борьбы с саранчой [Ершов, с. 12–13]. Юг Тобольской губернии подвергся очередному катастрофическому нашествию саранчи в 1884–1892 гг. В 1891 г. саранча уничтожила здесь не только хлеб и траву, но еще камыш, осоку, ливну на деревьях и т. п. [Выдержки из отчета, с. 17]. По расчетам Н. М. Ядринцева, в 1891 г. только в Ишимском уезде она повредила до 60 % посевных площадей [Ядринцев, с. 20]. В 1894 г. крестьяне Курганского округа в ознаменование страшного нашествия саранчи установили

каменный обетный крест, в надписи, имевшейся на нем, можно было прочесть следующее:

Кобылка появилась в 1884; к 1890 году она распространилась по всему Курганскому округу и уничтожила много хлеба. Народ обеднел, посева убавились, старые хлеба съели, и получился голод... Урожай 1892 года прекратил бедствие голода... В 1892 году посеяно было 175 938 десятин – только половина обыкновенного сева Курганского округа. С 1892 года увеличился посев озимей... Всего по Курганскому округу в восемь лет кобылка высекала до 500 000 десятин [Выдержки из отчета, с. 18–19].

Сначала саранча выедала яровые хлеба. В меньшей степени повреждались озимые, овес, гречиха, просо, конопля, горох, картофель, мак. Не отмечалось повреждений культурных крестоцветов [Носов, с. 96].

Однако саранча в первую очередь уничтожала траву на лугах и покосах, а уже затем шла на хлеб. Таким образом, большие потери хлебов свидетельствуют о том, что саранча уже уничтожила траву и заставила голодать скот летом, а также лишила крестьян возможности сделать запасы сена на зиму. Так, в 1913 г. пастбища в Курганском округе были «высечены» кобылкой так, что скот голодал, и коровы перестали давать молоко [Носов, с. 43].

Очаги наибольшего распространения саранчи в Тобольской губернии совпадали с местностями, в которых особенно значительно было развито скотоводство. В Тобольской губернии общий отзыв крестьян был таков: «Для нас не так страшен неурожай хлеба, как неурожай трав. Уродилась трава – мы с деньгами: и себя прокормим, и скот будет сыт и цел» [Носов, с. 20].

Многие крестьяне практически не боролись с саранчой, видя в ней «Божью кару», более того, почитали подобную борьбу за грех [Носов, с. 46; ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 12986. Л. 14]. Считалось, что саранча падает с неба и выпускает яд на растения и землю. Бытовало также представление о том, что саранча мстит за борьбу с ней. О том, что саранча появляется из яичек, находящихся в кладке под землей (кубышке), крестьяне не знали. И только в тех селениях, где специалисты указывали на кубышки крестьянам, последние пробовали их уничтожать. Но население не считало эту меру необходимой, на работу отряжались престарелые крестьяне [Носов, с. 18]. Только в 1891–1892 гг. крестьяне по настоянию властей для борьбы с саранчой стали применять осеннюю перепахку полей, сбор кубышек, отлов и сжигание саранчи. Особенно возражали сибиряки против осенней глубокой перепахки полей с целью уничтожения кубышек. «От осенней пахоты земля портится, в ней соку не бывает на весну, поэтому, произведя запашку яиц, можно остаться на следующее лето без хлеба», – говорили они. Кроме того, малоимущие крестьяне не могли себе позволить занимать лошадей осенью, когда они были необходимы на других, с точки зрения хозяев, более важных работах [Носов, с. 59]. Все меры, применявшиеся

по настоянию властей, в конечном счете как крестьянами, так и властями были признаны тщетными [Там же, с. 75–79]. И это при том, что кобылка уничтожалась в огромных количествах. В 1892 г. в Курганском округе «наловили пологами» 155 951 пудов саранчи [Там же, с. 19]. В том же году только в Камышловской волости было поймано 5 тыс. пудов кобылки. С одной десятины пшеничного поля налавливали по 18 пудов, и все-таки кобылки не убавлялось [Скалозубов, с. 8].

Однако сибирякам удавалось до некоторой степени справляться с бедствием. Крестьяне замечали, что озимые наиболее устойчивы при нашествии саранчи. Поэтому в годы активизации саранчи они резко увеличивали озимый клин в запашке. Крестьяне подметили также, что саранча предпочитает поздние и слабые хлеба ранним, а значит – сильным. Они знали также, что саранча избегает густых и затемненных посевов и объедает их только с краев, очень медленно продвигаясь в глубь полосы с густым высоким хлебом. Хлеб, росший на хорошо вспаханной или удобренной земле, лучше противостоял саранче и часто вновь отрастал в случае, если саранча объедала его ранней весной. Поэтому крестьяне старались вспахать получше и посеять пораньше. Правда, по силам это было по преимуществу только зажиточным хозяевам [Выдержки из отчета, с. 21–22]. Согласно данным И. Носова, в 1893 г. в деревнях Старорямово, Новорямово, Гагарино Бердюжской волости Ишимского округа у зажиточных дворохозяев, лучше обработавших землю, посеявших вовремя хорошие семена, саранча повредила от 23 до 50 % всходов, а у бедных, засеявших землю при худших условиях, от 63 до 90 % [Носов, с. 96]. Крестьянами было замечено, что саранча обычно пропадает от так называемой медвяной росы, которая выпадала около Иванова дня (между 10–15 июня по старому стилю). Сибиряки вели постоянный поиск средств борьбы с саранчой. Так, в начале 1890-х гг. в Оренбургской губернии среди сельских жителей распространилось мнение, что обсеивание хлебов гречихой и просом (полосками) спасает хлеб от саранчи. Считалось даже, что, поев гречихи или проса, саранча погибает.

Действительно, гречиху и просо саранча ест неохотно. Однако это обстоятельство не мешает ей откладывать «кубышки» на полях, засеянных этими культурами [Носов, с. 55]. Первый опыт химической обработки банальным керосином полей и пастбищ от саранчи в Зауралье был предпринят в 1902 г. В 1913 г. после подобной химобработки на одной квадратной сажени обнаруживалось до 1,5 тыс. трупов этого насекомого [Выдержки из отчета, с. 17, 19. 43; ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 12986. Л. 14].

Итак, фактор «насекомые» вносил значительные коррективы в процесс аграрного освоения Западной Сибири. Сибирский гнус не только осложнял быт, но и создавал серьезные проблемы местному скотоводству, особенно овцеводству. В зоне северной тайги Зауралья по этой причине невозможно было оленеводство. Нашествия саранчи приводили к катастрофам, вполне сопоставимым по своим последствиям с другими природными катаклизмами – засухами или наводнениями.

Претерпевала трансформации природная среда региона в связи с появлением ранее не известных здесь видов синантропных насекомых – клопов и тараканов, которые благодаря торговым связям и бытовому укладу освоили не только Сибирь, но и Европейский континент. На севере Западной Сибири следствием борьбы с гнусом стало исчезновение значительных участков леса.

Список литературы

- Белов М. П.* Мангазея. Л. : Гидрометеиздат, 1969. 128 с.
- Выдержки из отчета о борьбе с кобылкой в Тобольской губернии в 1913 году состоящего по Департаменту земледелия старшего специалиста по борьбе с вредителями сельского хозяйства Ф. Н. Лебедева // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск : Губерн. тип., 1913. С. 15–21.
- ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8, 47.
- ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 2; Оп. 13. Д. 12.
- Ершов В. И.* Враги сельского хозяйства в Оренбургской губернии // Вестник русского сельского хозяйства. 1893. № 4. С. 10–21.
- Завалишин И.* Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Тип. Грачева и К, 1865. Т. 2. 277 с.
- Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России : в 7 т. СПб. : Императ. акад. наук, 1822. Т. 5. 498 с.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 3. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1916. 1280 с.
- Колмогоров Г.* Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журн. М-ва внутр. дел. 1856. № 10. С. 12–29.
- Кузнецов Е. В.* Сибирский губернатор Д. И. Чичерин // Рус. старина. 1891. № 71. С. 179–182.
- Носов И.* Отчет отряда преподавателей Красноуфимской сельскохозяйственной школы и учеников Красноуфимского промышленного училища, приглашенных на лето 1893 года в Тобольскую губернию для мероприятий по борьбе с кобылкой // Ежег. Тобол. губерн. музея. Вып. 1. Тобольск : Губерн. тип., 1893. С. 1–101.
- Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 137–223.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской академии наук : в 3 ч., в 5 кн. СПб. : Императ. акад. наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 576 с.
- Письма, относящиеся до Сибирского края, от Линнея к Лаксману и от Лаксмана к Шлецеру и Бекману // Сиб. вестн. 1829. Ч. 9. С. 151–166.
- Пундани В. В.* Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Курган : Курган. гос. ун-т, 1999. 270 с.
- Скалозубов Н.* Отчет о работе по борьбе с кобылкой в 1895 г. в Тобольской губернии // Ежег. Тобол. губерн. музея. Вып. 5. Тобольск : Губерн. тип., 1895–1896. С. 1–23.
- Смесь // Журн. М-ва внутр. дел. 1845. Ч. 15. С. 157.
- ТГИАМЗ ФНР. Инв. № 805, 12986.
- Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии // Материалы для истории экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 17. СПб. : Тип. «Счетовод» Г. Букешина, 1892. 247 с.
- Черепанов С. И.* Отрывки из воспоминаний сибирского казака : Пребывание в Сибири 1810–1848. Казань : Типо- и литография А. И. Линимайер, 1879. 83 с.
- Чукмалдин Н. М.* Мои воспоминания : Избр. произв. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 367 с.

Ядринцев Н. М. О способах и средствах борьбы с кобылкой в южных округах Тобольской губернии. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. 23 с.

References

- Belov, M. P. (1969). *Mangazeya* [Mangazeya]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 128 p.
- Cherepanov, S. I. (1879). *Otryvki iz vospominanii sibirskogo kazaka. Prebyvanie v Sibiri 1810–1848* [Extracts from a Siberian Cossack's Memoirs. A Stay in Siberia in 1810–1848]. Kazan', Tipo- i litografiya A. I. Linimaier. 83 p.
- Chukmaldin, N. M. (1997). *Moi vospominaniya. Izbrannye proizvedeniya*. [My Memoirs. Selected Works]. Tyumen', SoftDizain. 367 p.
- Ershov, V. I. (1893). Vragi sel'skogo khozyaistva v Orenburgskoi gubernii [Pests in Orenburg Province]. In *Vestnik russkogo sel'skogo khozyaistva*. No. 4, pp. 10–21.
- Filimonov, E. S. (1892). Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Severo-Zapadnoi Baraby, ili Spasskogo uchastka Kainskogo okruga Tomskoi gubernii [The Economic Life of State Peasants and Foreigners in North-Western Baraba, or the Spassky Area of Kainsk District in Tomsk Province]. In *Materialy dlya istorii ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Zapadnoi Sibiri*. St Petersburg, Tipografiya "Schetovod" G. Bukeshina. Iss. 17. 247 p.
- GAYaNAO [The Yamal-Nenets Autonomous District State Archive]. Stock 12. List 1. Dos. 8, 47.
- GUTO GAT [State Institution of Tyumen Region "State Archive in Tobolsk"]. Stock 329. List 1. Dos. 2; List 13. Dos. 12.
- Kolmogorov, G. (1856). Ocherk lesov i lesnykh promyslov Severo-Zapadnoi Sibiri [The Sketch of Forests and Forest Trade in North-Western Siberia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 10, pp. 12–29.
- Kuznetsov, E. V. (1891). Sibirskii gubernator D. I. Chicherin [Siberian Governor D. I. Chicherin]. In *Russkaya starina*. No. 71, pp. 179–182.
- Nosov, I. (1893). Otchet otryada prepodavatelei Krasnoufimskoi sel'skokhozyaistvennoi shkoly i uchениkov Krasnoufimskogo promyshlennogo uchilishcha, priglasennykh na leto 1893 goda v Tobol'skuyu guberniyu dlya meropriyatiy po bor'be s kobyalkoi [A Report Written by the Teachers' Team from the Krasnoufimsk Agricultural School and by the Students of Krasnoufimsk Industrial College, Invited to Spend the Summer of 1893 in Tobolsk Province in order Participate in Anti-Locust Events]. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Iss. 1, pp. 1–101.
- Opisanie zhivushchikh Sibirskoi gubernii v Berezovskom uезде inovercheskikh narodov ostyakov i samoedtsov, sochinennoe studentom Vasiliem Zuevym (1999) [The Description of the Non-Christian Peoples, the Ostyaks and the Samoyeds, Living in Siberian Province in Beryozov District, Written by Student Vasily Zuev]. In *Puteshestviya po Obskomu Severu*. Tyumen', Izdatel'stvo Yu. Mandriki, pp. 137–223.
- Pallas, P. S. (1786). *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoi Akademii Nauk v 3 ch., v 5 kn.* [Traveling to Different Places of the Russian State at the Order of St Petersburg Academy of Science. 3 Parts. 5 Books]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 2. Book 2. 576 p.
- Pis'ma, odnosyashchiesya do Sibirskogo kraya, ot Linneya k Laksmanu i ot Laksmana k Shletseru i Bekmanu [Letters on Siberian Region, from Linnaeus to Laxmann and from Laxmann to Schlözer and Beckman]. (1829). In *Sibirskii vestnik*. Part 9, pp. 151–166.
- Pundani, V. V. (1999). *Gosudarstvennaya derevnya Urala i Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The State Village in the Urals and Western Siberia in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Kurgan, Kurganskii gosudarstvennyi universitet. 270 p.
- Skalozubov, N. (1895–1896). Otchet o rabote po bor'be s kobyalkoy v 1895 g. v Tobol'skoi gubernii [The Report on Anti-Locust Activities in 1895 in Tobolsk Province]. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Iss. 5, pp. 1–23.

Smes' [Miscellaneous]. (1845). In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Part 15, p. 157. *TGIAMZ FNR* [Tobolsk State Historical Architectural Museum and Reserve. Scholarly Manuscripts Fund]. Dos. 805, 12986.

Vyderzhki iz otcheta o bor'be s kobylkoi v Tobol'skoi gubernii v 1913 godu, sostoyashchego po Departamentu zemledeliya starshogo spetsialista po bor'be s vreditelyami sel'skogo khozyaistva F. N. Lebedeva [Extracts from the Report on the Fight against Locusts in Tobolsk Province in 1913, Written by F. N. Lebedev, Senior Specialist on Pest Control of the Department of Agriculture]. (1913). In *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1914 god*. Tobol'sk, Gubernskaya tipografiya, pp. 15–21.

Yadrintsev, N. M. (1893). *O sposobakh i sredstvakh bor'by s kobylkoyu v yuzhnykh okrugakh Tobol'skoi gubernii* [On the Ways and Means to Fight Locusts in Southern Areas of Tobolsk Province]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 23 p.

Zapiski puteshestviya akademika Lepekhina [Academician Lepyokhin's Travel Notes]. (1822). In *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii v 7 t*. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 5. 498 p.

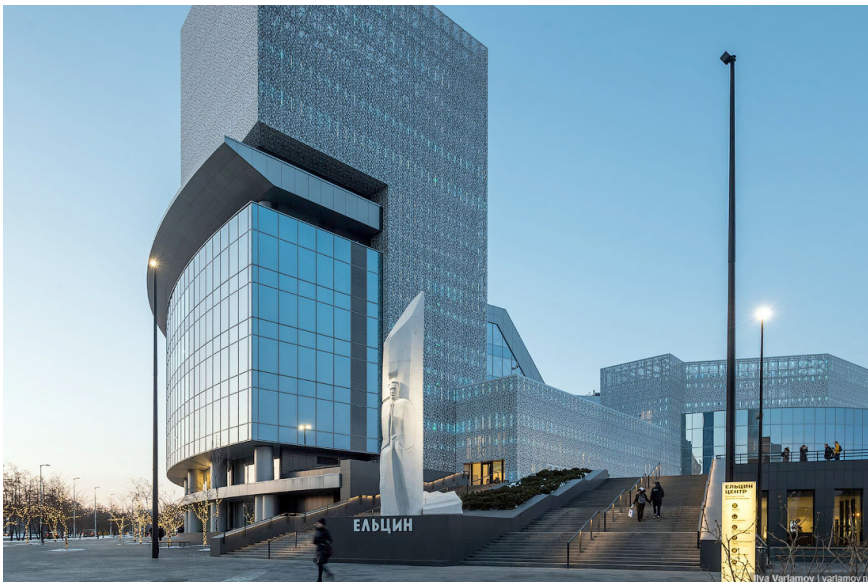
Zavalishin, I. (1865). *Opisanie Zapadnoi Sibiri v 3 t*. [Description of Western Siberia. 3 Vols.]. Moscow, Tipografiya Gracheva i kompanii. Vol. 2. 277 p.

Zelenin, D. K. (1916). *Opisanie rukopisei uchenogo arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva* [The Description of Manuscripts from the Academic Archive of the Russian Geographic Society]. Petrograd, Tipografiya A. V. Orlova. Iss. 3. 1280 p.

The article was submitted on 15.03.2018

Dialogus

Ельцин-центр. Екатеринбург. Общий вид. Фото И. Варламова
The Yeltsin Centre. Yekaterinburg. General view. Photograph by I. Varlamov

DOI 10.15826/qr.2018.2.313

УДК 94(470)"1991/1999"+94(470.5)"1976/1985"+342.511+342.34+
+929ЕльцинБ.Н.

**ЕЛЬЦИН-ЦЕНТР:
ПРИТЯЖЕНИЕ СВОБОДЫ И ВЛАСТИ***

**THE BORIS YELTSIN PRESIDENTIAL CENTRE:
THE ATTRACTION OF FREEDOM AND POWER**

This paper summarises interviews with scholars from different cities regarding the Boris Yeltsin Presidential Centre, which has been operating in Yekaterinburg since 2015. The interviews not only concern the importance of the Yeltsin Centre as a cultural and research institution, but also historical memory about the Yeltsin era, issues of glorification and hero cults in Russian history, and, more broadly, issues connected with Yeltsin's name. The key topic of the interviews was the peculiar dialectics of freedom and power which manifested themselves so vividly during Yeltsin's life. The interviews took place at different times, yet the structure and logic of the talks were similar, which makes it possible for the journal to publish them as part of one talk. The interviewees were *Andrey Zorin* (Dr. Hab. (Philology), Professor; Oxford University, United Kingdom), *Evgeny Emelianov* (PhD (History); Boris Yeltsin Presidential Centre, Yekaterinburg), *Elena Burlina* (Dr. Hab. (Philosophy), Professor; Samara State Medical University), *Boris Orlov* and *Irina Lisovets* (PhDs (History); Ural Federal University).

Keywords: Boris Yeltsin Presidential Centre; historical memory; cult of personality; liberalism; democratic freedoms.

Настоящая статья суммирует материалы бесед с учеными из разных городов на тему о работающем с 2015 г. в Екатеринбурге Президентском центре Б. Н. Ельцина. Беседы эти касались не только актуальной значимости Ельцин-центра как культурной и научной институции, но и исторической памяти о ельцинской эпохе, проблем глорификации и культа героя в отечественной истории и – в широком смысле – тех вопросов истории России, которые связаны с именем Ельцина. Лейтмотивом беседы была проблема своеобразной диалектики свободы и власти, столь ярко проявившейся в истории жизни Ельцина. Интервью были проведены в разное время,

* *Citation:* Zorin, A., Emelianov, E., Burlina, E., Orlov, B., Lisovets, I. (Partic.). The Boris Yeltsin Presidential Centre: The Attraction of Freedom and Power. In *Quaestio Rossica*, 2018. Vol. 6, № 2, p. 565–578. DOI 10.15826/qr.2018.2.313.

Цитирование: The Boris Yeltsin Presidential Centre: The Attraction of Freedom and Power / A. Zorin, E. Emelianov, E. Burlina, B. Orlov, I. Lisovets // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 565–576. DOI 10.15826/qr.2018.2.313 / Ельцин-центр: притяжение свободы и власти / А. Зорин, Е. Емельянов, Е. Бурлина, И. Лисовец // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 565–578. DOI 10.15826/qr.2018.2.313.

но структура и логика их были одинаковыми, а потому журнал публикует данные материалы в форме единой беседы, хотя реплики участников были разнесены во времени. В обсуждении приняли участие доктор филологических наук, профессор Андрей Зорин (Оксфордский университет, Великобритания), кандидат исторических наук Евгений Емельянов (Президентский центр Б. Н. Ельцина), доктор философских наук, профессор Елена Бурлина (Самарский государственный медицинский университет), кандидаты философских наук Ирина Лисовец и Борис Орлов (Уральский федеральный университет).

Ключевые слова: Президентский центр Б. Н. Ельцина; историческая память; культ личности; либерализм; демократические свободы.

Мы ждём перемен!
В. Цой

Историческая справка

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина» был основан в соответствии с федеральным законом от 13 мая 2008 г. «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». В 2015 г. в Екатеринбурге было открыто здание фонда, известное как Ельцин-центр. Оно представляет собой многофункциональный комплекс, включающий в себя Музей первого Президента России, арт-галерею, архив, библиотеку, кино- и конференц-зал и образовательный центр. Кроме того, ряд помещений Ельцин-центра на правах резидентов арендуют магазин интеллектуальной литературы «Пиотровский», кафе «1991» и др.

Зорин: Сегодняшний разговор, как мне представляется, можно разделить на несколько пластов. Это впечатления от посещения центра и в этом контексте обсуждение темы лидерства и исторической памяти, ее границ, законов глорификации, опасностей и закономерностей для ответа на социальные запросы, это место центра в системе города и значение для его населения, это, что важно сейчас, интерпретация личности самого Ельцина.

Емельянов: Я бы хотел коротко представить логику в организации центра. Главным элементом является Музей первого Президента России. Ориентиром при создании Ельцин-центра служили американские президентские библиотеки [Болтунова, с. 155]. Экспозицию музея спроектировало американское бюро Р. Аппельбаума (Ralph Appelbaum Associates – RAA), являющееся сегодня мировым лидером в этой сфере. Эта компания известна проектом «Музея холокоста»

в Вашингтоне (1993). Ее дизайнеры придумывали концепцию выставочного центра под вашингтонским Капитолием, делали американский Музей Первой мировой войны в Канзасе и лондонский Музей транспорта. В Москве РАА готовила выставочное пространство Еврейского музея и Центра толерантности. Яркая режиссура Павла Лунгина дала пространству Ельцин-центра событийный импульс, наделила его важнейшими политическими смыслами.

Основная экспозиция музея начинается с мультимедийной программы, рассказывающей об истории обретения свободы в России. Затем начинается лабиринт, посвященный метафоре «семи дней» сотворения свободы. В соотнесении с биографией первого президента показывается история страны от начала Первой мировой войны до перестройки. Пройдя лабиринт, посетители музея поднимаются на второй этаж и попадают на Президентскую площадь, куда выводят и семь разделов экспозиции. Здесь находится Зал свободы с мультимедийной экспозицией: известные люди и посетители музея рассказывают о том, что для них значит это понятие. Некоторые элементы музея повторяют ходы, типичные для президентских библиотек США: президентский кабинет и вводный фильм, дающий общую оценку исторической роли президента [Narro]. К числу таких элементов принадлежит и небольшая экспозиция с президентским транспортом и подарками Б. Н. Ельцину. Если в музеях отцов-основателей Европейского союза (К. Аденауэра, А. Де Гаспери, Ж. Монне, Р. Шумана) подобные экспозиции отсутствуют, то в музеях азиатских правителей (например, на Международной выставке дружбы в Пхеньяне или в Музее президента Туркменистана в Ашхабаде) они занимают едва ли не большую часть площадей. В российском центре Б. Н. Ельцина, как и в президентских библиотеках США, выставки подарков хотя и наличествуют, но играют лишь вспомогательную роль.

Экспозиции президентских библиотек США сфокусированы на биографии того или иного американского президента, в то время как экспозиция Музея Б. Н. Ельцина предлагает концептуальный взгляд на всю историю России от создания государства до конца XX в. Подобный подход к истории сближает Музей Б. Н. Ельцина с президентскими центрами постсоветских государств Казахстана и Азербайджана, открытыми в 2012 г. Президентский центр в Казахстане расположен в Астане и носит название Назарбаев Центр. Главным его элементом является библиотека первого президента Республики Казахстан, созданная в 2014 г. В 2016 г. в состав данной библиотеки вошёл одноимённый музей, открытый еще в 2004 г. в бывшей резиденции Н. А. Назарбаева. Азербайджанский президентский центр находится в Баку и носит название Центр Гейдара Алиева. Он расположен в авангардном здании, спроектированном знаменитой З. Хадид. Думаю, это связано с тем, что основной целью американских библиотек является глобализация института президентской власти [Hufbauer, p. 176–200]. А центры, работающие в странах СНГ, не отказываясь от подобной

Ельцин-центр. Интерьер. Фото А. Шадрин
The Yeltsin Centre. The interior. Photograph by A. Shadrin

гlorификации, демонстрируют глубокие исторические корни и традиции. Подобная задача актуальна для музеев тех стран, которые недавно обрели независимость. Только экспозиция Ельцин-центра должна подчеркнуть глубину и значимость истории не государства, а свободы и демократии в России. В США президентские библиотеки подчинены Национальному архиву и входят в федеральную систему архивных учреждений. А в России президентские центры выведены из прямого подчинения Росархиву, и важную роль в них играет Администрация президента. Именно она выступает в качестве учредителя и формирует состав попечительского совета, являющегося высшим органом управления центром. Американские образцы меняются в соответствии с особенностями российской политики и культуры.

Бурлина: Первое посещение Ельцин-центра летом 2017 г. превзошло все мои ожидания: грандиозное сооружение, не просто украшающее, но пересоздающее город, суперсовременный музейный дизайн, великолепная экскурсия. Меня нисколько не смутили медийные решения, шумно и скандально обсуждавшиеся в прессе. Потрясли инсценировки – кабинет первого Президента России, баррикады. Незабываемые маркеры современной отечественной истории...

Лисовец: Я хотела бы заметить, что Ельцин-центр предстает многофункциональным культурным комплексом принципиально нового типа, где центральная мемориальная часть – Музей первого Президента – является не кладбищем артефактов, свидетельствующих о прошлом, но пространством событий, которые происходят перед глазами посетителей, здесь и сейчас.

Посетитель Ельцин-центра любого возраста (но конечно, прежде всего молодежь) попадает в пространство живой политики, где постоянно что-то происходит – сменяются художественные и фотовыставки, демонстрируются кинофильмы и театральные представления, работают лектории самой различной направленности, наконец, существует уникальный книжный магазин, где собраны книги самого широкого профиля и где проходят встречи с их авторами. Таким образом, в пространстве центра сделан акцент на стремлении к свободе и одновременно подчеркнуто, что само это стремление было задано Ельциным.

Бурлина: У меня сложилось несколько иное мнение о недостаточной вписанности центра в культурное и информационное городское пространство. Центр существует как бы сам по себе. Организационные и структурные «разрывы» ощущаются и в Екатеринбурге. На мой взгляд, есть элемент перегруженности экспозиции. Но главное – концепция Ельцин-центра живет как бы отдельно от мейнстрима школьных и вузовских учебников. Министерства образования разного уровня заказывают учебники без координации с крупнейшим исследовательским и просветительским институтом. В итоге не только школьники и студенты, но даже экскурсии туристов, приезжающих в Екатеринбург, проходят мимо. Вот конкретный пример. Мы остановились в одной гостинице с экскурсантами, которые приехали в Екатеринбург на автобусе из Поволжья, – учителями, преподавателями вузов, сельскими предпринимателями с детьми. Туристический день в Екатеринбурге был заполнен плотно: экскурсия по городу, посещение Храма-на-Крови, построенного на месте Ипатьевского дома, поездка в Ганину Яму... Но всей этой группе в 250 человек никто не предложил посещение Ельцин-центра. Одна из путешественниц спросила потом: «Разве это так важно?»

Здесь я могу провести параллель с многофункциональными центрами в Германии, с которыми мне доводилось сотрудничать, это серия немецких музеев новейшей истории «Дом немецкой истории». Они работают в Западной Германии – в Бонне, Штутгарте, Берлине и других городах.

В Бонне «Haus der Geschichte» был построен в 1986 г. напротив Бундестага. Его идея принадлежала канцлеру Гельмуту Колю. «Дом немецкой истории» трактовался как многопрофильный комплекс – музей, исследовательский и просветительский центр, представляющий итоги развития Западной Германии от «часа ноль» (8 мая 1945 г.) до конца 1980-х гг. Здесь был реализован принцип полифункциональности, близкий концепции Ельцин-центра, ориентированного на работу с разными группами публики, прежде всего со школьниками и молодежью. «Дом» имеет собственный фонд, авторитетную команду ученых и менеджеров, которые ведут обширную работу по самым разным направлениям. В сущности, музей как многофункциональный центр координирует связи науч-

ных исследований по современной немецкой истории с широкой аудиторией.

Посещение «Дома немецкой истории» бесплатно для всех групп населения. Нет, пожалуй, ни одного гимназиста в густонаселенном регионе Бонна – Кёльна – Дюссельдорфа, который бы не побывал там. Здесь вручают европейские музейные награды, здесь проходят международные конференции и небольшие семинары, здесь можно получить услуги по поиску архивных материалов и т. д.

Широкая известность «Дома немецкой истории» определяется высококлассными современными экспозициями. «Между Диснейлендом и музейным храмом» – так определил жанр своего музея бывший директор, профессор истории Г. Шефер. Так же считает и его старший коллега К. Худсон, председатель Европейского совета музеев и основоположник новой музейной философии: «В музее может быть все, кроме скуки» (цит. по: [Бурлина, с. 60]). Школьные посещения «подверстаны» к текущей учебе: в музейных декорациях формулируются темы рефератов по истории или деловых игр по истории и по предмету «Ценности и нормы». Например, дети читают доклады депутатов в зале Бундестага или пишут эссе, побывав «в черных комнатах» с материалами Нюрнбергского процесса. Разработаны типовые уроки, проходящие именно в этом музее – например, «Заседание бундестага». Школьные учебники скоординированы с научно-имиджевыми проектами этого и других подобных музеев. Семейные посещения, как правило, направлены на то, чтобы подробно рассмотреть уголки, перекликающиеся с историей семьи.

Каким же образом рождалась в Германии идея музеев современной истории, проповедующих отрицание тоталитаризма и покаяние, направленная буквально на каждого школьника или семью? Каким образом спаяла она общество? Кто продвигал столь необычную для страны, проигравшей войну, концепцию и структуры?

Как иностранный наблюдатель я была изумлена, выяснив для себя, как долго общество шло к теме «немецкой вины». После войны тему покаяния массовые медийные ресурсы приняли далеко не сразу, хотя ее и затрагивала интеллигенция. Разумеется, сразу после войны публиковались антивоенные эссе таких авторитетных философов как К. Ясперс, будоражили умы статьи Т. Манна, театральные спектакли с участием Г. Грюндгенса [Макарова]. Одним из первых толчков к массовому переформатированию сознания оказался «Дневник Анны Франк», вышедший на немецком языке в 1950 г.

Статья крупнейшего философа и социолога Франкфуртской школы Т. Адорно «Что значит проработка прошлого?» хорошо известна русскоязычному читателю по ключевой фразе: «После Аушвица немислима поэзия». Однако статью свою (впрочем, первоначально это была радиопередача, лишь позднее вышедшая брошюрой) Адорно посвятил проектированию будущего. Главная ее идея – «проработка прошлого» должна системно осуществляться через школы,

Б. Н. Ельцин. Музейная экспозиция. Фото И. Варламова
 B. N. Yeltsin. Museum exposition. Photograph by I. Varlamov

университеты и медийные ресурсы. Адорно подчеркивал: «Когда я говорю об образовании после Аушвица, я имею в виду две области: во-первых, детское образование, особенно в раннем возрасте, а, во-вторых, общее просвещение, способное обеспечить интеллектуальный, культурный и социальный климат, в котором повторение преступлений прошлого окажется невозможным, обстановку, в которой мотивации, приведшие к ужасу прошлого, будут относительно осознаны» [Адорно, с. 322–323].

Мир сегодня устроен так, что национальные проекты нередко становятся глобальными. К. Худсон – упоминавшийся выше председатель Европейского совета музеев – патриарх американского музейного дела; многие сотрудники «Дома» в Бонне стажировались в Америке, а их американские коллеги, в свою очередь, выступают как разработчики немецких музейных проектов. Конечно, и в Ельцин-центре есть сотрудники, учившиеся или работавшие за рубежом, а в Екатеринбург приезжают за опытом коллеги из разных стран.

Зорин: Я узнал свой образ Бориса Николаевича. Это был тот образ Ельцина, которым я жил и которым он был для меня, который задевал очень важные струны моей собственной истории, чувства невероятного чуда, поворота жизни, который произошел благодаря ему. Я написал некролог Ельцину, когда он умер (этот некролог был опубликован на сайте *InLiberty*). Ни один человек в мире из тех, кого я не знал лично, не сделал для меня столько, сколько Ельцин. Больше, чем ему, я могу быть благодарен только родителям, жене

и, возможно, кому-нибудь еще из близких людей. Но из тех людей, которых я не знал лично, более всего у меня есть основания быть благодарным Ельцину.

Мне очень понравилась идея закончить экспозицию Залом свободы и выходом. Что такое свобода? Собственно свободы вообще нет, есть только освобождение, она переживается в акте освобождения, разрыва, ухода, выхода за пределы. Это очень по-русски, именно жажда освобождения диктовала действия в последние дни Льва Толстого. И я заметил в экспозиции эти потрясающие точки в биографии президента: отставка с поста председателя, выход из партии, конференции, уход от власти... Здесь не хватает смерти как главного освобождения, которое бывает с человеком. Да, «free at last», как сказал Мартин Лютер Кинг, потому что это последнее освобождение, которое наступает у каждого человека. Конечно, в центре, построенном вокруг общественно-политической проблематики, трудно найти язык, чтобы говорить о вещах настолько экзистенциальных. Как это показать в экспозиции?

У свободы в нашем мире есть открытые враги, которые утверждают, что это просто специальная выдумка сильных, чтобы захватить власть или отстоять свое право, и поэтому не надо никакой свободы. Так что свобода – далеко не универсальная ценность. Другая серьезная проблема связана с тем, что первоначально свобода – это статус и привилегия, причем привилегия, в традиционном обществе получаемая по рождению. Свободный человек – это тот, кто не является рабом, входит в элиту общества. Значит, свобода, предполагая наличие свободных людей, предполагает и наличие рабов. Идея о том, что каждый человек является свободным по своей природе, невероятно революционная, очень радикальная, но очень молодая. Ей менее 250 лет, что для истории – просто миг.

Мысль, что свобода не привилегия, но прирожденное свойство человека, и она связана с тем, что никто ничего за тебя не может решать и выбирать и никакие преимущества в привилегиях (с чем сейчас более-менее все согласны), в рождении (с чем тоже все согласны), в половой принадлежности (что мы выяснили только лет сто назад или начали выяснять только лет сто назад), в социальном статусе и (что особенно тяжело дается людям интеллектуального труда) в образовании и интеллектуальном уровне не дают тебе права решать, что нужно другому человеку. Если ты умнее и образованнее, это не основание думать, что ты лучше другого знаешь, что ему надо. Это тяжелая мысль, она трудно дается, и поэтому огромное количество моих любимых и уважаемых коллег-интеллектуалов постоянно мечтает обслуживать власть, потому что им кажется, что они умные, и они сейчас скажут власти, как надо делать. Эта платоновская идея философа при тиране совершенно неискоренима. Уж не знаю, сладкая она или горькая, но все время хочется делать где-то что-то такое, с властителями рядом.

И вот что для меня было всегда поразительно в Ельцине – у него было чувство жажды личной свободы. Это при его-то страшной жизни в партийной среде! И я думаю, что эта свобода, к которой он стремился, которую он многим старался принести и которую он обрел в конце концов, только уйдя с поста Президента России, была свободой его человеческой реализации, попыткой вырваться за собственные пределы... В конце концов, это страшно русская вещь, и он относится к той же редкой категории замечательных русских людей, к которой относился Ломоносов, бросивший все и куда-то ушедший за обозом, к которой относился, безусловно, и Толстой, который был графом, аристократом и т. д. Вот из этой породы! Сейчас я работаю над биографией Толстого, и я читал лучшую, наверное, биографию Толстого из тех, которые написаны по-английски, авторства Эндрю Уилсона [Wilson]. И там сказано: когда Толстой пишет знаменитые антигосударственные построения, Уилсон считает, что это самое глупое, что когда-либо за свою жизнь сделал Толстой, и самое «нерусское». Глупо это или умно – тут не нам судить, это зависит исключительно от общественно-политических взглядов говорящего. А вот что касается «нерусского» – тут он просто не прав, потому что есть огромная русская традиция ухода, разбегания, выхода за пределы. Примеры тому есть в народной среде (беглые крестьяне), в дворянской и разночинной.

Поразительно в Ельцине то, что он был всю жизнь именно таким! Он был партийным аппаратчиком, он был чиновником, и он был главой государства, главой аппарата насилия и принуждения. Но вот этот драйв, какое-то человеческое желание свободы в нем всегда были и составляли внутреннюю основу. Что-то в человеке оказалось сильнее – да, я думаю, что он был потомком кулаков, старообрядцев, и крестьянская жилка сыграла в нем какую-то роль, возможно, как и в Ломоносове, этакое северное поморское начало... Вряд ли это были гены, конечно; но воспитание, опыт детства, то, что он видел у родителей, ценности семьи – все это должно было сказаться. Даже самое бюрократическое, что мне показали в Ельцин-центре, говорит об этом. Ельцин хотел стать начальником, потому что начальники живут благополучно, и он пишет: в 1990 г. честно признался, что хотел стать начальником. Но стать начальником – это же значит сломать свою судьбу! Он своей мечты смог добиться и стал большим начальником, но оказалось, что ему тесно. С этим, может быть, связаны его недостатки как государственного деятеля. Было видно, что в какие-то периоды жизни уже на посту президента ему просто стало скучно. То, что требовало тяжелой бюрократической рутины, может быть, ему давалось хуже, потому что он любил сильный жест, разлом, кризисное решение.

Бурлина: С именем Ельцина многие люди связывали настоящий культ лидера: русский-уральский, советский руководитель и интеллигент, который ни за что не позволял ограничивать прессу, но и не желал отдавать власть своим политическим противникам. Многие аналитики сходятся в том, что Ельцин был личностью, наделенной

фантастическими способностями «впитывать время», отзываться на чужое горе, и невероятной мобильностью. Он сам пережил в детстве и юности горькие обиды, сделал невероятную для сельского парня руководящую карьеру и был любим сотнями людей, с которыми его сводила работа. Трогательны свидетельства о том, как Борис Николаевич с Наиной Иосифовной дружили со своими институтскими однокурсниками – обменивались толстыми журналами, последними фильмами. Его параллельными мирами были и жесткая власть, и сочувствие к ужасающей бедности людей, которым он, несомненно, хотел лучшей доли, и «дикое счастье» 1990-х.

И еще одна культурологическая детерминанта. Урал – «хребет России», совмещающий, как считает писатель и культуролог А. В. Иванов, разные культурные матрицы – неутолимую и мощную сельскую языческо-христианскую, а рядом – горнозаводскую, уважающую знание и мастерство: «Горнозаводская цивилизация» по отношению к крестьянской русской цивилизации – цивилизация “постмодернистская”: Россия была сельской и феодальной, а Урал – заводским и капиталистическим. Вот этот старинный “постмодернизм” – ноу-хау» [Иванов]. Б. Н. Ельцин, несомненно, воплощал в себе обе эти матрицы – индустриальную и советско-феодальную, с чем и был связан его «культ», его притягательность для людей, а в других случаях – непримиримость отторжения.

Оказался ли он лидером «благодаря» или «вопреки»? Если имеется в виду Ельцин в 1987–1991 гг., выступавший «вопреки», то он отвечал общенародной потребности в радикальных действиях, риторике и жажде перемен. Он чутко уловил потребность в тех самых решительных шагах, которых люди ждали. Он пошел на автономию России, избежав кровопролитий и сохранив за Российской Федерацией атомное оружие. На это было настроено большинство народа. В трамваях говорили, что «Россия кормит все республики», несмотря на результаты официальных опросов. В стране наконец заполнились прилавки. В этот период Ельцин был рупором и «гением места», о чем свидетельствуют интервью разных людей тех лет [Млечин].

Впоследствии общественное мнение раскололось, и так продолжается до сих пор. Прочитируем историка и журналиста Н. К. Сванидзе, который еще в 1990-х гг. в своих «Исторических хрониках» собирал мнения современников, а совсем недавно сформулировал: «Люди, которые благодарны Б. Ельцину, и люди, которые не могут простить Б. Ельцина, в конечном счете образуют, может быть, две большие группы российских избирателей. Это отношение к реформам, отношение к развалу СССР...» [Сванидзе]. Сам первый Президент России писал о необходимости действий «благодаря» или «вопреки». Раскол диагностируют авторы современных научных исследований. Оглядываясь назад, аналитики фиксируют, что в 1990-е гг. не было не только системы взаимодополняющих институтов, но и понимания «длинного времени», которое необходимо для воспитания новых ценностей

и норм, ведущих от архаики и тоталитаризма к защищенности свободных и ответственных людей.

Орлов: Культ «героя» создается вопреки реалиям. Это миф, в котором все, что порочит «героя», отбрасывается или подается в оптимальном контексте. Возьмите, к примеру, нашумевший мультфильм об истории российского государства, который прокручивается в Ельцин-центре: «И вот пришел царь Борис...» Речь идет будто о тех варягах, которых пригласили править, о той формуле, которую еще Козьма Прутков высмеивал. И здесь Никита Михалков в отношении к Ельцин-центру до известной степени прав: нельзя же упрощать российскую историю и делать из нее фарс! (Это, конечно, не означает, что сам Михалков владеет некой исторической истиной.)

Итак, благодаря «культу Ельцина» и его знаковой реализации (в символической и институционализированной форме Ельцин-центра) мы имеем возможность находиться в прямом диалоге с историей о судьбах свободы и демократии в нашей стране. Отмечу, что чрезвычайно интересный музей И. Броз Тито в Белграде в настоящее время закрыт. А мавзолей Ленина в Москве – под вопросом. Что касается Екатеринбурга, то в данном случае благодаря активной работе Ельцин-центра имеется шанс сохранить не только образ «героя», но и актуальный дискурс об эпохе, которая *была и не умерла*.

Зорин: Я бы не сказал, что Ельцин – более драматическая и разделяющая фигура сегодня, чем Сталин и чем Ленин – безусловно, потому что Ленин никому вообще не интересен. Его забыли, он лежит себе и лежит. Да и вопрос, был ли он злодеем или благодетелем, в сущности, совершенно развенчан. Сталин, на мой взгляд, фигура центральная и основная в российской истории на сегодняшний день, в этом смысле ни Ельцин и никто другой конкурировать с ним не может, это, так сказать, центр и ось. Но мне кажется еще, что количество людей, которые позитивно относятся к Ельцину сегодня, гораздо меньше, чем количество людей, которые негативно относятся к Сталину. Существует, я бы сказал, корреляция: если человек с уважением, с восхищением относится к Ельцину, можно быть уверенным, что Сталина он ненавидит. В обратном соотношении масса людей, которые ненавидят Сталина лютой ненавистью, считают, что Ельцин был нормальный коммунистический аппаратчик, он передал власть той номенклатуре, которая сегодня продолжает нами командовать. Это распространенная точка зрения, и, я бы сказал, количественно среди антисталинистского меньшинства она распространена больше. Даже внутри такого убежденного антисталинистского меньшинства люди, которые с уважением относятся к Ельцину, остаются в меньшинстве, поэтому это совсем маленькое меньшинство.

Из воспоминаний Е. Гайдара известно, что сам Ельцин очень не хотел при жизни прославления, и когда к нему Гайдар приходил с разговорами о том, что правительство непопулярно, что правительству нужно частное телевидение и прочее, Ельцин всегда был

категорически против: «Вы что, опять хотите отдел пропаганды создать? Пока я президент, этого не будет». И возражал против официального прославления себя. Гайдар склонен был потом признать, что он был прав, потому что непопулярные реформы были обречены, и это бы только вызывало дополнительное раздражение. Тогда ему казалось, что надо разъяснять, показывать и так далее, а ретроспективно он решил, что Ельцин был прав. Некоторые страшные вещи отложились в памяти, потому что была проиграна символическая борьба за имиджи и картинки, в особенности вокруг 1993 г. Одна формулировка «расстрел парламента» чего стоит! Между тем, сегодня, пожалуй, нет уже человека, который бы вспомнил, что в 1991-м он был на одной стороне, в 1993-м – на другой... Эти две истории соединились в единую цепь.

Кто поднял эту мифологическую волну с пресловутой формулой «расстрел парламента», с иконографией загоревшегося Белого дома – а это ведь главная картинка и главная история? Ее не создали бы ни Хасбулатов, ни Руцкой... Это были какие-то телевизионные деятели (я здесь говорю совершенно бездоказательно, я ведь не занимался исследованием). Вообще интересно было бы какого-нибудь публичного историка (у нас есть ведь программа «Публичные историки») попросить позаниматься этим вопросом и узнать, кто это придумал, кто создал мифологию. Но интуитивно мне кажется, что это мог быть кто-то из волны радикальных демократов, которые осуждали применение силы. В музее Ельцина мне было бы интересно увидеть Явлинского, выступавшего ночью 1993 г. Я помню это выступление, поскольку через шесть лет, в 1999 г., он голосовал за импичмент по поводу событий 1993 г. Люди меняют свои точки зрения, но тогда уж скажи: я в 1993 г. думал так, а сейчас я думаю совершенно иначе. Понятно, что это не музей Явлинского и вообще не музей политической истории 1990-х, но мне не хватало здесь кадров Явлинского, выступавшего за импичмент в 1999 г. Была такая тоже не ставшая ходовой, но замечательная фраза именно 1993 г.: интеллигенция не может простить Ельцину того, что он не дал ее повесить...

Емельянов: Создание Ельцин-центра влияет на формирование памяти о Борисе Ельцине и на особенности восприятия его образа. Общепринято, что процесс заимствования институтов памяти является частным проявлением более общего процесса диффузии инноваций. При этом успешная диффузия возможна только в случае адаптации нововведения в иной культурной среде. Данная адаптация нередко является амбивалентным процессом, включающим не только изменение общества под влиянием инноваций, но и модификацию самих нововведений, их приспособление к особенностям принимающего общества. Кстати, на эту амбивалентность еще в начале XX в. обратил внимание В. О. Ключевский, писавший о петровских преобразованиях: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядела, как русская старина преображала реформу» [Ключевский, с. 340].

Зорин: Я не был ни в одном американском городе, где есть президентские центры, поэтому мне трудно сравнить. Но вот что я считаю очень важным (может быть, я не прав, и это не оригинально): центр такого рода должен иметь три опоры. Что же это за опоры? Во-первых, экспозиционная сторона – по-моему, она блистательна. Во-вторых, культурно-просветительская сторона – тоже блистательна. А вот как обстоят дела с третьей опорой, с научно-исследовательской стороной – мне неясно.

Я думаю, что такого рода центр и музей просто не живет без мощной исследовательской базы. Направлением научной работы могла бы быть социально-политическая история России советского и постсоветского периода – мне кажется, это совершенно очевидно напрашивающаяся тематика, сфера, в которой создано огромное количество исторических мифов, нуждающихся в опровержении. А уж если учесть, что Ельцину посчастливилось связать свою судьбу с таким городом, где находится, вероятно, лучший в России исторический факультет, то ясно, что здесь просто необходимо делать научные проекты, создавать интересные идеи, чтобы кипела исследовательская жизнь. На мой взгляд, такая научная работа необходима.

Список литературы

- Адорно Т. В.* Негативная диалектика. М. : Науч. мир, 2003. 374 с.
- Болтунова Е. М.* Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра) // Новое лит. обозрение. 2017. № 2 (144). С. 154–173.
- Бурлина Е.* Бонн: Дом немецкой истории // Город – Страна – Планета : альманах. Вып. 2. Düsseldorf : [S. I.], 2001. С. 43–45.
- Иванов А. О* «горнозаводской цивилизации» // Новый компаньон [сайт]. 2009. 8 сент. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-406018.html> (дата обращения: 27.02.2018).
- Ключевский В. О.* Памяти С. М. Соловьева // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 7. С. 329–344.
- Макарова Г. В.* Театральное искусство Германии на рубеже XIX и XX веков. М. : Наука, 1992. 335 с.
- Млечин Л.* Горбачев и Ельцин : Революция, реформы и контрреволюция. М. : Питер, 2012. 448 с.
- Сванидзе Н. К.* Ответы журналиста и историка Николая Сванидзе на ваши вопросы // Радиостанция «Эхо Москвы» [официальный сайт]. 2017. 11 авг. URL: <http://echo.msk.ru/programs/bezkupur/2035198-echo/> (дата обращения: 27.02.2018).
- Hufbauer B.* Presidential Temples : How Memorials and Libraries Shape Public Memory. Lawrence : Univ. Press of Kansas, 2005. 288 p.
- Nappo C. A.* Presidential Libraries and Museums. Lanham : Rowman and Littlefield, 2018. 262 p.
- Wilson A.* Tolstoy : A Biography. L. : Hamish Hamilton, 1988. XXVIII + 572 p.

References

- Adorno, T. V. (2003). *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow, Nauchnyi mir. 374 p.

Boltunova, E. M. (2017). Prostranstvo (ushedshego) geroya: obraz lidera, istoricheskaya pamyat' i memorial'naya traditsiya v Rossii (na primere El'tsin-tsentra) [The Space of the (Departed) Hero: The Image of the Leader, Historical Memory and Memorial Traditions in Russia (as Exemplified by the Yeltsin Centre)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (144), pp. 154–173.

Burlina, E. (2001). Bonn: Dom nemetskoj istorii [Bonn: Museum House of German History]. In *Gorod – Strana – Planeta. Al'manakh*. Iss. 2. Düsseldorf, S. 1., pp. 43–45.

Hufbauer, B. (2005). *Presidential Temples: How Memorials and Libraries Shape Public Memory*. Lawrence, Univ. Press of Kansas. 288 p.

Ivanov, A. (2009). O “gornozavodskoi tsivilizatsii” [About “Mining Civilization”]. In *Novyi compan'on* [website]. September 8. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-406018.html> (mode of access: 27.02.2018).

Klyuchevskii, V. O. (1989). Pamyati S. M. Solov'eva [In Memoriam. S. M. Soloviev]. In Klyuchevskii, V. O. *Sochinenia v 9 t.* [Works. 9 Vols.]. Moscow, Mysl'. Vol. 7, pp. 329–344.

Makarova, G. V. (1992). *Teatral'noe iskusstvo Germanii na rubezhe XIX i XX vekov* [The Theatrical Art of Germany at the Turn of the 19th Century]. Moscow, Nauka. 335 p.

Mlechin, L. (2012). *Gorbachev i El'tsin. Revolyutsiya, reformy i kontrrevolyutsiya* [Gorbachev and Yeltsin. Revolution, Reform, and Counter-revolution]. Moscow, Piter. 448 p.

Nappo, C. A. (2018). *Presidential Libraries and Museums*. Lanham, Rowman and Littlefield. 262 p.

Svanidze, N. K. (2017). Otveti zhurnalista i istorika Nikolaya Svanidze na vashi voprosy [Answers of web Publicist and Historian Nikolay Svanidze to Your Questions]. In *Radiostantsiya “Echo Moskvu”* [official site]. August 11. URL: <http://echo.msk.ru/programs/bezkupur/2035198-echo/> (mode of access: 27.02.2018).

Wilson, A. (1988). *Tolstoy: A Biography*. L., Hamish Hamilton. 572 p.

The article was submitted on 15.03.2018

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2018.2.314

УДК 94(470)"/1150"+94(430)+811.112.2:94(07)

**НАДО ЛИ ЗАБЫВАТЬ ПРО КИЕВСКУЮ РУСЬ
(НЕМЕЦКИЕ ГИМНАЗИЧЕСКИЕ УЧЕБНИКИ
ИСТОРИИ КОНЦА XX в.)***

Хартмут Рюсс

Вестфальский университет имени Вильгельма,
Мюнстер, Германия

**SHOULD KIEVAN RUS' BE FORGOTTEN?
(GERMAN GYMNASIUM HISTORY TEXTBOOKS
OF THE LATE 20th CENTURY)**

Hartmut Rüß

Westfälische Wilhelms-Universität (WWU),
Münster, Germany

It is not irrelevant to wonder about how deeply and consistently the history of the Russian state, which is historically and culturally connected with Germany, is reflected in German gymnasium history books. This article compares the details and quality of information on Early Rus' presented in the gymnasium textbooks of the FRG between the 1950s and the early 21st century, following the reunification of Germany. The information they contain corresponds to the course of the school reform, big politics, and publication traditions. The author demonstrates that since the late 20th century, the information field connected with the history of Kievan Rus' has become so narrow that some textbooks do not mention this mediaeval state at all. According to the author, this is wrong for a number of reasons. Firstly, it leads to Old Rus's and, consequently, Russia's separation from the history of Europe, which, in turn, exacerbates the cultural and political separation of the nations. Secondly, the mediaeval history of the three peoples whose origins are connected with

* Citation: Rüß, H. (2018). Should Kievan Rus' be Forgotten? (German Gymnasium History Textbooks of the Late 20th Century). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 581–595. DOI 10.15826/qr.2018.2.314.

Цитирование: Rüß H. Should Kievan Rus' be Forgotten? (German Gymnasium History Textbooks of the Late 20th Century) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 581–595. DOI 10.15826/qr.2018.2.314 / Рюсс Х. Надо ли забывать про Киевскую Русь (немецкие гимназические учебники истории конца XX в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 581–595. DOI 10.15826/qr.2018.2.314.

Kievan Rus' play a decisive role in education, as they demonstrate the genesis and evolution of ethnic consciousness.

Keywords: Kievan Rus'; German textbooks for gymnasiums; history teaching methods; FRG.

Вопрос о том, насколько подробно и последовательно сведения об истории Российского государства, исторически и культурно связанного с Германией, даются в современных немецких гимназических учебниках истории, отнюдь не праздный. В статье сравниваются объем и качество сведений о ранней истории Руси, излагавшейся в гимназических учебниках ФРГ начиная с 1950-х гг. и до начала XX в. в уже объединенной Германии. Представленная в них информация соотносится с направлением школьной реформы, большой политикой и издательскими традициями. Показано, что с конца XX в. информационное поле, касающееся истории Киевской Руси, настолько сузилось, что из некоторых учебников исчезло само упоминание о существовании этого средневекового государства. Между тем, по мнению автора, это в корне неправильно по нескольким причинам. Во-первых, это способствует отделению Древней Руси, а, соответственно, и России в сознании людей от истории Европы, усиливая тем самым культурное и политическое разделение народов. Во-вторых, средневековая история трех народов, корни которых связаны с Киевской Русью, имеет определяющее значение в образовательном плане, раскрывая процессы зарождения и развития этнического самосознания.

Ключевые слова: Киевская Русь; немецкие учебники для гимназий; методики преподавания истории; ФРГ.

В 1985 г. из-под моего пера вышла статья, в которой при сходной постановке вопроса анализировались восемь книг по истории, предназначенных для классов средней ступени, и два учебных пособия для высшей ступени гимназии, опубликованные с 1950-х до конца 1970-х гг. и отчасти еще действующие ([Rüß, 1985, S. 341–360]; ср.: [Torke; Wilms, S. 145–158]).

Если брать в целом, то исторические факты, описанные в тогдашней учебной литературе в связи с историей Киевской Руси, создают удивительно дифференцированный и богатый деталями образ. В учебниках приводились сведения о восточнославянских племенах и о существовании на их территориях обнесенных валами перевалочных пунктов (городов, или *градов*), об установлении власти варягов на севере Руси, об объединении Олегом в 880 г. обоих центров власти (Новгорода и Киева), а также о предположительном происхождении названия *Русь* от финского *ruotsi* («гребцы») и о значении описанного в источниках пути «из варяг в греки». Указывалось на славянизацию норманнской правящей прослойки, уделялось внимание княгине Ольге – первой христианке из княже-

ского дома – и принятию Владимиром христианства из Византии в 988 г. Можно было узнать о происхождении кириллической письменности, о феномене церковнославянского языка, о византийском религиозном и культурном влиянии на Русь и учреждении Киевской митрополии в 1037 г. Подчеркивалось значение Днепровской митрополии как экономического, политического и культурного центра с 400 церквями и восемью рынками (согласно Титмару Мерзебургскому). Упоминалось о торговом договоре 911 г. с Византией, о разносторонних международных отношениях киевских князей и о созданном и контролируемом ими государственном порядке внутри страны. Шла речь и о раздроблении Киевской Руси на отдельные княжества как следствии урегулирования наследования по принципу сеньората и, наконец, о монгольском нашествии 1240 г. с его катастрофическими последствиями и долгосрочным воздействием на исторические судьбы восточных славян.

В этом перечне речь идет об исторической информации, выявленной в проанализированных учебниках в целом. Если же брать каждое отдельное пособие само по себе, то получалась иная картина. За исключением одного из учебников [Werden und Wirken], прочие содержали либо только некоторые из вышеназванных исторических фактов и событий, либо только их отдельные фрагменты. Более поздние издания по объему и способу изложения далеко отошли от этого учебника, что соответствовало тенденции сокращения презентации Киевской Руси в западногерманских учебных пособиях 1960–1980-х гг. Это поразительно контрастировало с министерскими заявлениями о намерении (в соответствии с характером восточной политики и разрядки федерального канцлера В. Брандта) усилить более обычного внимание к Восточной Европе в школах. Показательно, что такое требование не отразилось заметно на преподавании истории в гимназиях, например, в средних классах гимназии первой ступени. Ветра большой политики совершенно очевидно столкнулись здесь с новыми образовательными концепциями ухода от превалирования фактов и аподиктической их передачи в традиционных учебниках к обучающим пособиям, ориентированным на публикацию источников и постановку проблемы. В известной степени программным оказалось название учебного пособия, изданного Г. Д. Шмидом («Вопросы истории. Рабочая книга по истории для второй ступени, I»), которое наиболее последовательно следовало принципам новоизменной дидактики преподавания истории [Schmid].

Однако и при редуцированном содержании учебников центральными темами по истории Киевской Руси остались легенда об основании государства варягами и христианизация Руси при Владимире Святом. Первая тема в учебниках излагалась с так называемой «норманнской» позиции, превалирующей в западной науке. Менее однозначно обсуждались последствия христианизации. Если в упомянутом пособии «Werden und Wirken» констатировалось, что, при-

няв христианство, восточные славяне «присоединились к культуре Абендланда» (цит по: [Rüß, 1985, S. 346]), то в учебном издании «Очерк истории», также предназначенном для высшей ступени гимназии, говорилось следующее:

Разделение церквей в римско-католическом и греко-католическом христианстве, прошедшее и через самую середину славянского мира, весьма способствовало тому, что Восточная Европа на столетия обрела обособленное историческое развитие. С другой стороны, духовная общность, которую мы называем Абендландом, так прочно связала народы Западной и Центральной Европы, что они сохранили осознание взаимопринадлежности, несмотря на все противоречия [Grundriß der Geschichte, S. 349]¹.

В этом фундаментальном различии позиций ярко отразилась продолжающаяся по сей день дискуссия о принадлежности Руси исключительно к Восточной Европе или к Европе в целом.

Как же обстояло дело с Киевской Русью в школьных учебниках ФРГ после резких политических перемен конца XX в.? На это время приходится имеющие политическое значение для всего мира обрешение советской империи и связанное с этим возникновение на территории бывшего СССР трех восточнославянских государств, объединение Германии и преждевременная кончина системного (капиталистически-социалистического) противоречия между Востоком и Западом, а также отход в бывшей сфере советского влияния от обязательной марксистско-ленинской интерпретацией истории. Интересно, что и в школьных пособиях по истории, используемых в объединенной Германии, и в российских учебниках основной каркас исторических фактов и их толкование продолжали выстраиваться без радикальных поправок к прежней событийной картине как в целом, так и в ее научном обосновании. Этот подход, во многом обязанный дореволюционному великорусскому, западному (времен противостояния Запада и Востока) и советскому представлению, контрастировал с радикальной ревизией учебников истории, состоявшейся в новых сформировавшихся государствах – Белоруссии и Украине. Киевское государство на украинском историческом полотне теперь рассматривалось как основа национальной государственности. Прежняя трактовка его как колыбели общего этноса («древнерусская народность» – базис трех восточнославянских народов) сменилась в духе основоположника украинской историографии М. С. Грушевского (1866–1934) утверждением государственного творения одного народа, а именно украинцев (*руси*), чье господство на Среднем Поднепровье с центром в Киеве стало представляться как первое *украинское* государство (ср.: [Jilge, S. 1234, 1248]).

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи.

Оппозиционная белорусская ревизия истории отмечала относительно автономное положение в Киевской державе Полоцкого княжества. Оно стало рассматриваться – правда, в весьма идеализированном и мифологически преобразованном виде – как исходный пункт белорусской государственности (ср. : [Lindner; 2004, S. 175–201; Hansen, S. 191; Филлюшкин]).

В немецких учебниках измененная в этих двух постсоветских восточнославянских государствах точка зрения на Киевскую Русь оказалась совершенно обойдена. Продолжалось следование традиционным темам и интерпретациям, если вообще продолжалось. Вряд ли следует за постепенное исчезновение Киевской Руси из немецких учебников возлагать ответственность исключительно на школьные реформы. Серьезные последствия наряду с превращающейся в обязательный стандарт по преподаванию истории «рабочей книжкой» имело сокращение времени обучения в гимназии на один год, введенное в Западной Германии по примеру бывшей ГДР (и, кстати, по примеру национал-социализма с 1936 г.). В предисловии к так называемому «Основному учебному плану по истории для гимназий второй ступени, I» земли Северный Рейн – Вестфалия говорится:

С учетом сокращения учебного процесса необходимы концентрированность и оптимизация обязательных преподаваемых предметов. Из этого вытекает, что некоторые аспекты содержания учебников, существующих в школах к настоящему времени, не будут включены в тематику учебных планов [Kernlehrplan Geschichte für die Sekundarstufe 1].

К этим «аспектам содержания» стала принадлежать и «колыбель» трех восточнославянских народов Киевская Русь. В 1990-е гг. это было еще немного иначе. Тому два примера. Учебное пособие «История и события» для младших классов гимназий в первом из восьми больших разделов под заглавием «Европа. Какие традиции ведут в будущее?» содержало подраздел «Византия и Третий Рим» [Geschichte und Geschehen, 1996]. В нем сообщалось о женитьбе и крещении святого Владимира, о влиянии греческой религии и культуры на славян, о создании славянской письменности (фото фрески из болгарского села Беренда демонстрирует Кирилла со свитком в руках, на котором – изобретенное им письмо), о схизме 1054 г. и, наконец, о появившейся позже теории «Третьего Рима». Подчеркивалось, что различия между византийско-славянским и западнолатинским культурным кругом существуют до сегодняшнего дня. В конце главы помещен отрывок из хроники Нестора под заголовком «В поиске прекрасного», в котором послы, отправленные Владимиром, сообщают о своих наблюдениях за церковными службами у волжских булгар, немцев и греков («Служба их лучше, чем во всех других странах»). Два заключительных вопроса для повторения относятся к «влиянию Византии на Восточную Европу»

и к «общему и различному в западнохристианском и византийском культурном круге»².

Со схожими акцентами и содержанием была составлена «Книга по истории 2. Люди и их история в изображениях и документах» [Geschichtsbuch 2]. Здесь христианизация, а также византийское религиозное и культурное влияние на славянский мир составляют центральную тему. Указание на разделение христианства вследствие схизмы 1054 г. увязано с тезисом, что вследствие этого возникло представление, «будто под Европой теперь следует понимать только регион латинского христианства». Далее говорится о значении греко-православной церкви:

Своего наибольшего успеха она добилась, когда в 988 г. крестился князь киевский Владимир. Зависимые от Киева русские племена присоединились к этому решению. Греко-православная церковь и византийская культура с этого момента накладывали отпечаток на огромные регионы Восточной Европы. В Киеве, русской столице того времени, целые городские районы были отстроены в подражание Константинополю, например, роскошная улица, которая от Золотых Ворот вела к дворцу и по которой император после своей коронации въезжал в город [Ibid., p. 99]³.

В прямой связи с этим в том же пособии содержится пассаж о Москве как о «Третьем Риме». Есть еще и карта «Переселение славян» с их прародин (с берегов Буга и Припяти) на Запад, Юг и Восток, а в конце книги – таблица с важными историческими датами, среди которых пять относятся к России («с IX в. – иммиграция норманнов – варягов, Киевская держава», «около 1000 г. – христианизация со стороны Византии», «в XIII–XIV в. – под властью монголов», «1462–1505 гг. – возникновение единого Русского государства при Иване III», «1689–1725 гг. – подъем в ранг великой европейской державы при Петре I»).

Странно, что бросающаяся в глаза в предшествующих школьных учебниках тема проникновения норманнов в Восточную Европу и их роли как основателей Киевской державы вообще не упоминается

² В следующем издании данного пособия эти факты не приводятся [Geschichte und Geschehen, 2005]. Упоминается лишь Новгород как член Ганзы и как один из 18 крупнейших европейских городов XIV в. Учебник для второй ступени (2007) в «Хронологической таблице» содержит лишь указание – «987 г. Крещение великого князя киевского Владимира; начало христианизации со стороны Византии». В седьмом издании данного учебника для старшей ступени школ земли Северный Рейн – Вестфалия нет даже этих фактов.

³ К проблематике употребленного в тексте понятия «русский» («русские племена», «русская столица») с точки зрения сегодняшнего дня см.: [Karpele, S.13–14]; подробный разбор используемых в источниках понятий «Русь» и «Русская земля» (= «страна Руси») см.: [Hellmann, S. 1–7].

в тех пассажах обоих пособий, где речь идет о Руси⁴. Можно порассуждать, является ли тому виной политическая разрядка, памятуя, что распространенный в западной науке тезис о создании державы варягами и о неместном происхождении названия «Русь» считался в Советском Союзе фальсифицирующим историю и политически «реакционным»⁵. Во всяком случае, акцент на христианизации при одновременном допущении ликвидации других контентов следовал новой концепции учебника, предусматривающей углубленную работу учеников над избранными историческими темами.

К этому времени в некоторых учебных пособиях ранним славянским Средневековьем пожертвовали почти полностью. Если второй том учебника «Времена и люди» еще включал в себя особую главу «Россия в Средние века» [Zeiten und Menschen, S. 70—71], то в рабочей книжке ее новой версии 2001 г. Киевская Русь обозначена лишь на карте X в. Эта тенденция продолжается по настоящее время, охватывая все учебные издания. В «Horizont, 7» (изд-во «Westermann», 2005) в текстовой части есть краткое упоминание Киевской Руси:

В России довольно рано возникла крупная держава с центром в Киеве. Между этой Киевской империей, Византией и Священной Римской империей смогли образоваться герцогство Польша, королевство Венгрия и другие государства размером поменьше [Baumgärtner].

Учебное пособие издательства Клетта демонстрирует Киев, Киевскую державу и «русские княжества» лишь на трех картах («Торговые пути Ганзы» – с 232, «Европа в Средние века» – с 172, и «Вероисповедания в 1100 г.» – с. 274). Вторая книга пособия описывает вторжение татар в Центральную Европу и попутно одним предложением упоминает, что они «осели в ряде районов России», что, впрочем, является некорректным или же вызывающим недоумение с точки зрения определения их системы власти. В других случаях Россия впервые упоминается в связи с походом Наполеона 1812 г. В книге того же издательства 2010 г., предназначенной для вводного курса высшей ступени, в разделе «Христианско-европейский Запад и ислам» Киевское государство вообще не упомянуто [Brückmann A. u. a.]. В первом томе пособия «То были времена: от первых людей к сословному обществу»

⁴ Сообщение «с IX в. – иммиграция норманнов – варягов», помещенное среди «Исторических дат» в «Книге по истории 2», появляется неожиданно, вне всякого отношения к основному тексту, включая к тому же понятие «иммиграция», неадекватное этому сложному процессу.

⁵ Победу «марксистского взгляда» над «реакционными теориями» буржуазных ученых утверждал в 1960 г. на генеральной конференции Академии наук академик Б. А. Рыбаков. Его поддерживали коллеги Д. А. Авдусин и М. К. Каргер, которые говорили о «пресловутой норманнской теории» и «химере» норманизма, в путях которого находятся многие буржуазные историки и археологи [Rüß, 1977, S. 4–5]. О том, что в постсоветской России по мере развития нового «ультрапатриотизма» вроде бы испытали удивительный ренессанс считавшиеся давно устаревшими позиции анти-норманизма, см.: [Клейн, с. 8]. Ср. мою рецензию: [Rüß, 2011, S. 423–425].

издательства С. С. Buchner (2008) средневековая Русь также не появляется ни в одном из пассажей⁶ [Bühler u. a.]. Это касается, в отличие от предыдущего издания, и «Курса истории» (изд-во «Cornelsen», 2010)⁷. Здесь упоминается, правда, по большей части лишь мимоходом, только Новгород в связи с описанием международной торговли Ганзы⁸.

Таким образом, общая тенденция однозначна, а результат разочаровывает: в современных немецких пособиях по истории, предназначенных для гимназий, Киевской державы практически не существует. Это прискорбно, поскольку в Киевской Руси были заложены и важный фундамент организации власти, и основы культуры, которые не обойти при осмыслении последующих исторических путей восточного славянства. Есть какая-то ирония в том, что именно во времена холодной войны и идеологической системной конфронтации между Востоком и Западом Киевская Русь достаточно широко отображалась в западногерманских учебниках. Почти тотальное (в наше время) изъятие ее из них создает острые проблемы еще и потому, что теперь у молодежи в худшем случае может возникнуть фатальное представление об отсутствии принадлежности к Европе сегодняшнего восточного славянства, когда-то бывшего частью средневекового христианско-европейского культурного круга. Это оценивалось и сегодня, как известно, оценивается в определенных российских патриотических и националистических кругах как некое достоинство⁹, в то время как на Запад таким образом снова может, так сказать, через «черный ход» проникнуть старое клише об «азиатском» характере России, негативное по сути¹⁰. Здесь можно вспомнить о замечании (тридцатилетней давности) историка Восточной Европы Ганса Хекера, которое

⁶ Это относится и к другим пособиям данного издательства. В частности см.: [Bühler; Bauer u. a.] или же учебник, где в связи с внешней торговлей упомянуты только «меха из России»: [Brückner u. a., S. 73].

⁷ В издании этого пособия для Берлина, Бранденбурга и Мекленбурга Восточная Европа в первый раз упоминается в главе «Открытия и завоевания: европеизация мира» с указанием на «исследование и покорение Сибири» с конца XVI в. [Berg, S. 152]. «Форум истории» (2001) того же издательства на форзаце книги, на панели данных (но не в самом тексте пособия) все-таки поместил под термином «Россия» наиболее выдающиеся факты, идентичные фактам издания 1994 г. (см. выше о «Geschichtsbuch 2»).

⁸ См.: [Baumgärtner, S. 94; Brückmann, S. 95; Espach, S. 152]. В пособии «Anno 2» (Westermann, 2013) в качестве вторичного источника приводится описание ганзейцев в Новгороде, выполненное историком Э. Эннен [Espach u. a.].

⁹ «Возбуждает внимание дискредитация Михаила Горбачева как символической фигуры по “возвращению России в Европу” и воскрешение старого тезиса “Россия не Европа”», – пишет в своем комментарии в еженедельнике «Аргументы и факты» Вячеслав Костилов [Костилов].

¹⁰ Представление о том, что Россия или же Советский Союз были отмечены и пронизаны «азиатчиной» – не только выдумка национал-социалистов (ср.: [Das Russlandbild im Dritten Reich, S. 5]), но и имеет давнюю традицию (ср.: [Klug, S. 265–289]). О принципиальном «двоеличии» говорит в своей недавней фундаментальной работе Манфред Хильдермайер: «Россия участвовала в обоих мирах – и поэтому а также благодаря своим огромным размерам была в то же время миром сама по себе» [Hildermeier, S. 38].

не утратило своей силы перед лицом нынешней политической конфронтации между Россией и Западом вследствие украинского кризиса: «То, что Россия принадлежит к Европе, сегодня, пожалуй, вряд ли является вопросом. Но это знаменует проблему – то, что эту констатацию надо высказывать снова и снова» [Hecker, S. 35].

При этом именно отношения Киевской Руси с так называемым христианским «Абендландом» (под которым Ранке, как известно, понимал только римско-католическую часть Европейского континента) были весьма оживленными благодаря торговле и династическим связям [Raffensperger]¹¹. Следует помнить, что киевская княжна Евпраксия – Адельгейда (1069/1071–1109) в качестве второй жены императора Генриха IV стала в первый и единственный раз в истории обеих стран императрицей Священной Римской империи, что, впрочем, упорно замалчивалось немецкой медиевистикой или же связывалось с негативными оценками ее личности, в то время как тогдашние киевские источники из-за церковно-политической конфронтационной позиции в отношении к «латинянам» после схизмы 1054 г. обошли полным молчанием это престижное замужество с императором (ср.: [Rüß, 2006, S. 481–518; Рюсс, 2010, С. 54–112]).

Подведем итог. Исчезновение Киевской державы и, более того, позднего восточнославянского Средневековья из гимназических учебников истории в ФРГ не может быть и, вероятно, не было необходимым по политическим соображениям. Назывались в качестве важнейших такие причины: сокращение до 12 лет времени учебы в гимназиях, отход от фактологии в преподавании истории и обращение к исследовательским методам обучения с помощью пособий, спроектированных преимущественно в виде «рабочих книжек». Все это неизбежно вело к сокращению содержания существовавшего до сих пор учебного материала. Не следует недооценивать и давно подмеченное существенное снижение значимости изучения в немецких университетах восточноевропейского Средневековья, что заставляет еще более сужаться и без того всегда относительно небольшой круг образовательных кадров, способных донести историю восточнославянского Средневековья до издателей учебной литературы и до гимназий.

Что в конечном счете значит упразднение Киевской Руси в гимназических пособиях для понимания истории Восточной Европы обществом ФРГ, нельзя оценивать однозначно. В эпоху цифровых медийных средств и стремительно растущего рынка научно-популярных исторических книжек и журналов утратил свое доминирующее значение даже современнейший интересно оформленный учебник (ср.: [Orfer, S. 199, 202]). Возможность получать информацию из медийных источников нельзя сбрасывать с весов, но и преувеличивать их роль не следует. «Россия, которая была известна людям средневекового Запада только понаслышке, ныне каждый день на устах у всех».

¹¹ См. мою рецензию на эту книгу: [Rüß, 2011, S. 618–621].

Эта мысль Гюнтера Штэкли, высказанная в 1961 г. [Stöckl, S. XIII], актуальна, как и прежде, а в связи с нынешним кризисом вокруг Крыма и Восточной Украины можно вновь наблюдать все возрастающую потребность общества «понимать и объяснять Россию исторически» [Ibid.]. По мнению Манфреда Хеллмана, высказанному спустя 20 лет, история России как никакая другая национальная европейская история всегда была исполнена «сильнейшего очарования для тех, кто жил вне России или Советского Союза», и «являлась поводом для описания и интерпретации со стороны внешнего наблюдателя» [Hellmann, S. V]. Исключение восточнославянского Средневековья из учебных пособий, продолжающееся в соответствии с нынешней дидактикой истории, существенно ничего не меняет¹². Правда, не следует и чересчур легкомысленно относиться к несоответствию широкого общественного интереса к Восточной Европе, с одной стороны, и подлинного исторического знания о ней, с другой. Как уже говорилось, важные основания сегодняшних государств России, Украины и Белоруссии были заложены в Киевской державе. Ее исчезновение из немецкого пособия по истории может способствовать представлению о том, что мир восточного славянства стоит вне европейского культурного круга.

Возвращение Киевской Руси в немецкие учебники крайне желательно не только по этой причине. Где в настоящее время в Европе столь же актуально и одновременно столь же противоречиво, как в восточнославянской Европе, обсуждается Средневековье? Где, как не здесь вследствие недавних политических переворотов и изменений границ ставятся под вопрос и заново осмысляются ранее господствовавшие интерпретации того времени? Где, стало быть, столь осязаема *увязка истории с настоящим* в качестве принципиально важного дидактического аспекта преподавания истории, как не в государствах – наследниках бывшего Советского Союза, для которых Киевская Русь востребована ради их – российской, белорусской, украинской – идентичности и исторической легитимизации их государственности? И не только это. Едва ли найдется в европейской средневековой истории тема, столь противоречиво дискутируемая на протяжении столетий и вплоть до настоящего времени, как так называемый варяжский вопрос (*Varägerfrage*)¹³ в связи со становлением государственности на Руси. Спор между «норманистами», которые отмечают значительную, господствующую роль скандинавов в основании и развитии Киевской держа-

¹² Б. Опфер пишет: «Пока разные учебные планы отдельных земель ФРГ этого не требуют, вряд ли стоит думать, что восточноевропейская история надежно проникнет в учебные пособия, требующие особого разрешения» [Opfer, S. 206].

¹³ Немецкий перевод сюжета о так называемом «призвании варягов» в древнерусской летописи Нестора см. в том числе: [Aus dem Alten Russland, S. 12–13; O Vojan, S. 36]. В качестве самого воинственного борца с позиций антинорманистского направления в настоящее время выступает В. В. Фомин [Фомин].

вы IX–X вв., и «антинорманистов», которые возражают на это и указывают на автохтонные корни восточнославянской государственности, может считаться прямо-таки классическим историографическим примером того, как могут влиять на историческую интерпретацию ненаучные факторы – национальные и идеологические сантименты, политическая конъюнктура, отчего эта тема, по моему разумению, особенно подходит для обсуждения в процессе преподавания, в том числе в аспекте изучения возможностей и границ научной объективности. Впрочем, это касается и проблемы принятия христианства из Византии при Владимире Святом, которое наложило печать на будущую религиозную и культурную жизнь Восточной Европы. Понятно то, что летописец духовного чина в украшенной легендами традиции главное внимание уделяет религиозной мотивации киевского князя для процесса обращения в новую веру, но нельзя по этому поводу заблуждаться – и здесь та самая разрабатываемая при обучении по вопросно-ответной системе альтернативная трактовка – за этим стояли совсем иные, сильные основания, а именно стремление к власти, экономический интерес и, не в последнюю очередь, обретение престижа: киевский князь был теперь членом «королевской семьи» Средневековья (Ф. Дэльгер). В этом отношении данный пример не только парадигматичен для других примеров христианизации [Padberg], но и дает отличную возможность на источниковедческой основе прививать учащимся методические и предметные компетенции и опять-таки обращать внимание на средневековую Восточную Европу, которую, к сожалению, почти не найдешь в современных учебниках истории.

Список литературы

Клейн Л. С. Спор о варягах : История противостояния и аргументы сторон. СПб. : Евразия, 2009. 400 с.

Костиков В. Сумбур вместо политики : Есть ли опасность возврата в Совдепию? // Аргументы и факты. 2014. 29 окт. № 44. С. 10.

Рюсс Х. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд // *Rossica Antiqua*. 2010. № 2. С. 54–112.

Филюшкин А. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. № 2. С. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь : К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М. : Рус. панорама, 2005. 488 с.

Aus dem alten Russland – Epen, Chroniken und Geschichten / Hrsg. S. A. Zenkovsky. München ; Wien : Pawlak, 1968. 730 S.

Bauer Ju. u. a. Buchners Kolleg Geschichte. Neue Ausgabe Bayern. Unterrichtswerk für die gymnasiale Oberstufe. Bamberg : C. C. Buchner, 2010. Bd. 12. 304 S.

Baumgärtner U. u. a. Horizonte. Geschichte Gymnasium Bayern. Berlin : Westermann Schulbuch, 2005. Bd 7. Vom Mittelalter bis zum Absolutismus. 256 S.

Berg R. u. a. Kursbuch Geschichte. Berlin, Brandenburg, Mecklenburg-Vorpommern : Von der Antike bis zur Gegenwart. Schülerbuch. Bottenbach : Cornelsen, 2009. 664 S.

- Brückmann A. u. a.* Geschichte und Geschehen. Mainz ; Saarbrücken : Klett, 2005. Bd. 2. 384 S.
- Brückner D. u. a.* Geschichte erleben : Mittelalter und frühe Neuzeit. Bamberg : C. C. Buchner, 2001. Bd. 2. 304 S.
- Bühler A., Geiger W., Gomell S., Hinz F., Homeier J.-H.* Geschichte entdecken. Vom Mittelalter bis zum 1. Weltkrieg, Ausgabe Thüringen 2. Bamberg : C. C. Buchner, 2014. Bd. 2. 304 S.
- Das Russlandbild im Dritten Reich / Hrsg. H.-E. Volkmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1994. 466 S.
- Espach V. u. a.* Anno. Ausgabe 2013 für Gymnasien in Sachsen. Braunschweig : Westermann, 2013. Bd. 2. 224 S.
- Geschichte und Geschehen. Oberstufe / Hrsg. A. Brückmann, R. Brütting u. a. Leipzig : Klett Verlag, 2005. Bd. 2. 280 S.
- Geschichte und Geschehen. Oberstufe / Hrsg. G. Birk, L. Bernlochner, U. Hammer u. a. Stuttgart ; Leipzig ; Düsseldorf ; Berlin : Klett-Schulbuchverl., 1996. Bd. 1. 113 S.
- Hansen I.* Die politische Planung der Erinnerung : Geschichtskonstruktionen in Belarus zwischen Konflikt und Konsens // Osteuropa. 2008. Vol. 58. H. 6. S. 187–196.
- Hecker H.* Rußland und Europa im Mittelalter. Historische Einführung // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jahrhundert / Hrsg. L. Kopelew. München : Wilhelm Fink, 1988. Bd. 1. S. 35–54.
- Hellmann M.* Zum Problem der Geschichte Russlands im Mittelalter // Handbuch der Geschichte Russlands / Hrsg. M. Hellmann. Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. Bd. 1. S. 1–7.
- Hildermeier M.* Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München : C. H. Beck o HG, 2013. 1504 S.
- Hofacker H.-G., Schuler T.* Geschichtsbuch 2. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellungen und dokumenten. Neue Ausgabe. Das Mittelalter und die Frühe Neuzeit. Berlin : Cornelsen, 1994. 239 S.
- Jilge W.* Nationale Geschichtsbilder in ukrainischen Geschichtslehrbüchern : Am Beispiel der Darstellung der Kiever Rus' // Osteuropa. 2000. Vol. 50. H. 11. S. 1232–1253.
- Kappeler A.* Russische Geschichte. 6. Aufl. München : Beck, 2014. 111 S.
- Kernlehrplan Geschichte für die Sekundarstufe I : Gymnasium NRW. Düsseldorf : Ritterbach Verlag, 2007. 35 S.
- Klug E.* «Das „asiatische„ Rußland» : Über Entstehungeines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 245. S. 265–289.
- Lindner R.* Geschichte als Staatsdienst. Schulbuchhistoriographie in Weißrussland // Zwischen Zähligkeit und Zerrinnen. Nationalgeschichte im Schulunterricht in Ostmitteleuropa / Hrsg. R. Maier. Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 2004. S. 175–201.
- Lindner R.* Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19. und 20. Jahrhundert. München : Oldenbourg Verlag, 1999. 536 S.
- O Bojan, du Nachtigall der alten Zeit. Sieben Jahrhunderte altrussischer Literatur / Hrsg. H. Graßhoff, K. Müller, G. Sturm. Frankfurt am Main ; Wien ; Zürich : Rütten & Loening, 1965. 622 S.
- Opfer B.* Anpassungsdruck. Geschichtsschulbuch, quo vadis? // Osteuropa. 2005. Vol. 55. Bd. 8. S. 199–206.
- Padberg L. E. von.* Die Christianisierung Europas im Mittelalter // Credo. Christianisierung Europas im Mittelalter / Hrsg. Ch. Stiegemann, M. Kroker, W. Walter. Petersberg : Imhof, 2013. Bd. 1–2. 1392 S.
- Raffensperger Chr.* Reimagining Europe : Kievan Rus' in the Medieval World (Harvard Historical Studies, 177). Cambridge (Mass.) ; L. : Harvard Univ. Press, 2012. 329 p.
- Riß H.* Die Darstellung des Kiever Reiches im Schulbuch der Bundesrepublik Deutschland // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. № 36. H. 5. S. 341–360.
- Riß H.* Die Varägerfrage : Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung // Östliches Europa : Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Goehrke, E. Oberländer, D. Wojtecki, R. Möhlenkamp, R. Ernst. Wiesbaden : Steiner, 1977. S. 3–16.

Riß H. *Eupraxia-Adelheid* : Eine biographische Annäherung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. Bd. 54. S. 481–518.

Riß H. Rez.: Клейн Л. С. Спор о варягах : История противостояния и аргументы сторон. СПб. : Евразия, 2009. 400 с. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. 2011. Bd. 59. H. 3. S. 423–425.

Schmid H. D. *Fragen an die Geschichte* : Geschichtliches Arbeitsbuch für Sekundarstufe 1. Frankfurt am Main : Hirschgraben-Verlag, 1980. 282 S.

Stökl G. *Russische Geschichte* : Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 6. erweiterte Aufl. Stuttgart : A. Kröner, 1997. 975 S.

Torke H.-J. *Die russische Geschichte in den Lehrbüchern der Höheren Schulen der Bundesrepublik Deutschland*. Braunschweig : Limbach, 1962. 104 S.

Werden und Wirken. Geschichtswerk für die Oberstufe der höheren Schule unter Mitarbeit von W. Andreas, verfasst von H. H. Gerspacher u. a. (Hauck Nr. 326). Karlsruhe : Verlag G. Braun, 1952. Bd. 1. Antike – Mittelalter bis 1122. 215 S.

Wilms E. *Vorrevolutionäre russische Geschichte in der Sekundarstufe I der Schulen in der Bundesrepublik // Geschichtsdidaktik*. 1980. № 2. S. 145–158.

Zeiten und Menschen / Hrsg. H.-J. Lenzian, W. Mattes. Paderborn : Verlag Schöningh, 1984. Bd. 2. ... S.

References

Bauer, Ju. u. a. (2010). *Buchners Kolleg Geschichte. Neue Ausgabe Bayern. Unterrichtswerk für die gymnasiale Oberstufe*. Bamberg, C. C. Buchner. Bd. 12. 304 S.

Baumgärtner, U. u. a. (2005). *Horizonte. Geschichte Gymnasium Bayern*. Berlin, Westermann Schulbuch. Bd 7. Vom Mittelalter bis zum Absolutismus. 256 S.

Berg, R. u. a. (2009). *Kursbuch Geschichte. Berlin, Brandenburg, Mecklenburg-Vorpommern, Von der Antike bis zur Gegenwart. Schülerbuch*. Bottenbach, Cornelsen. 664 S.

Birk, G., Bernlochner, L., Hammer, U. u. a. (Hrsg.). (1996). *Geschichte und Geschehen. Oberstufe*. Stuttgart, Leipzig, Düsseldorf, Berlin, Klett-Schulbuchverl. Bd. 1. 113 S.

Brückmann, A. u. a. (2005). *Geschichte und Geschehen*. Mainz, Saarbrücken, Klett. Bd. 2. 384 S.

Brückmann, A., Brütting, R. u. a. (Hrsg.). (2005). *Geschichte und Geschehen Oberstufe*. Leipzig, Klett Verlag. Bd. 2. 280 S.

Brückner, D. u. a. (2001). *Geschichte erleben : Mittelalter und frühe Neuzeit*. Bamberg, C. C. Buchner. Bd. 2. 304 S.

Bühler, A., Geiger, W., Gomell, S., Hinz, F., Homeier, J.-H. (2014). *Geschichte entdecken. Vom Mittelalter bis zum 1. Weltkrieg, Ausgabe Thüringen 2*. Bamberg, C. C. Buchner. Bd. 2. 304 S.

Espach, V. u. a. (2013). *Anno. Ausgabe 2013 für Gymnasien in Sachsen*. Braunschweig, Westermann. Bd. 2. 224 S.

Filyushkin, A. (2017). “Mobilizatsiya Srednevekov’ya” kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uiti ot istoricheskogo naslediya Rossiiskoi imperii i SSSR [“The Mobilisation of the Middle Ages” as a Search for Identity: How Belarus Wants to Leave Behind the Historical Heritage of the Russian Empire and the USSR]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2., pp. 569–590. DOI 10.15826/qr.2017.2.239.

Fomin, V. V. (2005). *Varyagi i varyazhskaya Rus’ . K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu* [Varangians and Varangian Russia. On the Results of the Discussion on the Varangian Issue]. Moscow, Russkaya panorama. 488 p.

Graßhoff, H., Müller, K., Sturm, G. (Hrsg.). (1965). *O Bojan, du Nachtigall der alten Zeit. Sieben Jahrhunderte altrussischer Literatur*. Frankfurt am Main, Wien, Zürich, Rütten & Loening. 622 S.

Hansen, I. (2008). Die politische Planung der Erinnerung : Geschichtskonstruktionen in Belarus zwischen Konflikt und Konsens. In *Osteuropa*. Vol. 58. H. 6. S. 187–196.

- Hecker, H. (1988). Rußland und Europa im Mittelalter. Historische Einführung. In Kopelew, L. (Hrsg.). *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jahrhundert*. München, Wilhelm Fink. Bd. 1, S. 35–54.
- Hellmann, M. (1981). Zum Problem der Geschichte Russlands im Mittelalter. In Hellmann, M. (Hrsg.). *Handbuch der Geschichte Russlands*. Stuttgart, Anton Hiersemann. Bd. 1, S. 1–7.
- Hildermeier, M. (2013). *Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution*. München, C. H. Beck o HG. 1504 S.
- Hofacker, H.-G., Schuler, T. (1994). *Geschichtsbuch 2. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellungen und dokumenten. Neue Ausgabe. Das Mittelalter und die Frühe Neuzeit*. Berlin, Cornelsen. 239 S.
- Jilge, W. (2000). Nationale Geschichtsbilder in ukrainischen Geschichtslehrbüchern : Am Beispiel der Darstellung der Kiever Rus'. In *Osteuropa*. Vol. 50. H. 11, S. 1232–1253.
- Kappeler, A. (2014). *Russische Geschichte*. 6. Aufl. München, Beck. 111 S.
- Kernlehrplan Geschichte für die Sekundarstufe I : Gymnasium NRW* (2007). Düsseldorf, Ritterbach Verlag. 35 S.
- Klein, L. S. (2009). *Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon* [The Dispute about the Varangians. The History of Confrontation and the Arguments of the Parties]. St Petersburg, Evraziya. 400 p.
- Klug, E. (1987). "Das 'asiatische' Rußland" : Über Entstehungeines europäischen Vorurteils. In *Historische Zeitschrift*. Bd. 245, S. 265–289.
- Kostikov, V. (2014). Sumbur vmesto politiki. Est' li opasnost' vozvrata v Sovdepiyu? [Muddle instead of Politics. Is There Any Danger of a Return to the Soviets?]. In *Argumenty i fakty*. October 29. No. 44, p. 10.
- Lenzian, H.-J., Mattes, W. (Hrsg.). (1984). *Zeiten und Menschen*. Paderborn, Verlag Schöningh. Bd. 2. ... S.
- Lindner, R. (1999). *Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19. und 20. Jahrhundert*. München, Oldenbourg Verlag. 536 S.
- Lindner, R. (2004). Geschichte als Staatsdienst. Schulbuchhistoriographie in Weißrussland. In Maier, R. (Hrsg.). *Zwischen Zähligkeit und Zerrinnen. Nationalgeschichte im Schulunterricht in Ostmitteleuropa*. Hannover, Hahnsche Buchhandlung, S. 175–201.
- Opfer, B. (2005). Anpassungsdruck. Geschichtsschulbuch, quo vadis? In *Osteuropa*. Vol. 55. Bd. 8, S. 199–206.
- Padberg, L. E. von. (2013). Die Christianisierung Europas im Mittelalter. In Stiegemann, Ch., Kroker, M., Walter, W. (Hrsg.). *Credo. Christianisierung Europas im Mittelalter*. Petersberg, Imhof. Bd. 1–2. 1392 S.
- Raffensperger, Chr. (2012). *Reimagining Europe : Kievan Rus' in the Medieval World (Harvard Historical Studies, 177)*. Cambridge (Mass.), L., Harvard Univ. Press. 329 p.
- Ruß, H. (1977). Die Varägerfrage : Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung. In Goehrke, C., Oberländer, E., Wojtecki, D., Möhlenkamp, R., Ernst, R. (Hrsg.). *Östliches Europa : Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden, Steiner, S. 3–16.
- Ruß, H. (1985). Die Darstellung des Kiever Reiches im Schulbuch der Bundesrepublik Deutschland. In *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. No. 36. H. 5, S. 341–360.
- Ruß, H. (2006). Eupraxia-Adelheid : Eine biographische Annäherung. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 54, S. 481–518.
- Ruß, H. (2010). Evpraksiya-Adel'geida: biograficheskii etyud [Eupraxia Adelheid: Biographical Sketch]. In *Rossica Antiqua*. No. 2, pp. 54–112.
- Ruß, H. (2011). Rez.: Клейн Л. С. Спор о варягах : История противостояния и аргументы сторон. СПб. : Евразия, 2009. 400 с. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. Bd. 59. H. 3, S. 423–425.

Schmid, H. D. (1980). *Fragen an die Geschichte : Geschichtliches Arbeitsbuch für Sekundarstufe I*. Frankfurt am Main, Hirschgraben-Verlag. 282 S.

Stökl, G. (1997). *Russische Geschichte : Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. 6. erweiterte Aufl. Stuttgart, A. Kröner. 975 S.

Torke, H.-J. (1962). *Die russische Geschichte in den Lehrbüchern der Höheren Schulen der Bundesrepublik Deutschland*. Braunschweig, Limbach. 104 S.

Volkman, H.-E. (Hrsg.). (1994). *Das Russlandbild im Dritten Reich*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 466 S.

Werden und Wirken. Geschichtswerk für die Oberstufe der höheren Schule unter Mitarbeit von Willy Andreas, verfasst von H. H. Gerspacher u. a. (Hauck Nr. 326). (1952). Karlsruhe, Verlag G. Braun. Bd. 1. Antike – Mittelalter bis 1122. 215 S.

Wilms, E. (1980). Vorrevolutionäre russische Geschichte in der Sekundarstufe I der Schulen in der Bundesrepublik. In *Geschichtsdidaktik*. No. 2, S. 145–158.

Zenkovsky, S. A. (Hrsg.). (1968). *Aus dem alten Russland – Epen, Chroniken und Geschichten*. München, Wien, Pawlak. 730 S.

The article was submitted on 15.03.2018

Translated by Alexandr Kozlov

DOI 10.15826/qr.2018.2.315
УДК 274/278+277.4+27-312.7+316.64

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ И БАПТИСТЫ В 1905–1929 гг.: СООБЩЕСТВО МИЛОСЕРДИЯ*

Рец. на кн.: *Raber M.* Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929 / *Mary Raber.* – Eugene, OR : Pickwick Publ., 2016. – XIV + 259 p.

Йоханнес Дик

Боннская библейская семинария,
Борнхайм, Германия

EVANGELICALS AND BAPTISTS BETWEEN 1905 AND 1929: THE MINISTRY OF COMPASSION

Rev. of: *Raber, M.* (2016). *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929.* – Eugene, OR : Pickwick Publ. – XIV + 259 p.

Johannes Dyck

Bibelseminar Bonn,
Bornheim, Germany

This is a review of a book on the social activity of Evangelicals and Baptists in Russia and the USSR between 1905 and 1929, which was referred to as the compassionate ministry. The author singles out three patterns of compassionate ministry (mutual help as part of a strategy of survival during the period of persecution, ministry to the destitute in order to increase their influence, and Christian economic communities as a means of achieving the economic independence of the religious community), describes the diversity of the religious group, shows the complexity of the social and political context, defines the ministry's main objectives, draws conclusions, and informs the reader of further research areas. According to the author, the compassionate ministry was voluntary, was aimed at the expansion of faith, and should be considered an important marker of Evangelical and Baptist identity.

Keywords: Evangelism; Baptist Christianity; compassionate ministry; social service.

* *Citation:* Dyck, J. (2018). Evangelicals and Baptists between 1905 and 1929: The Ministry of Compassion. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315.

Цитирование: Dyck J. Evangelicals and Baptists between 1905 and 1929: The Ministry of Compassion // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315 / Дик Й. Евангельские христиане и баптисты в 1905–1929 гг.: сообщество милосердия // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 596–604. DOI 10.15826/qr.2018.2.315.

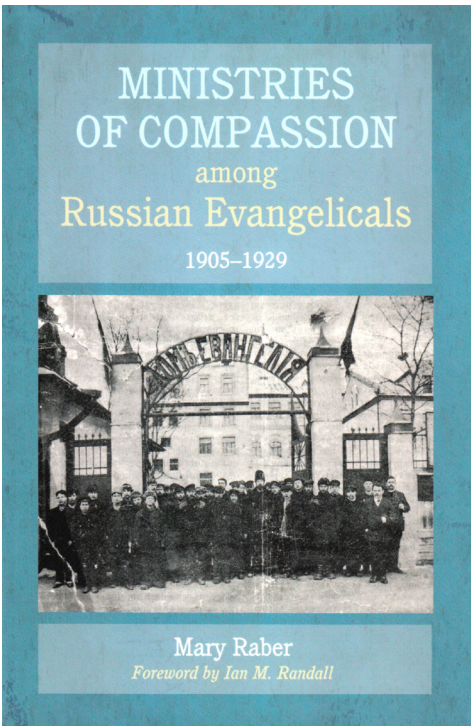
Представлена рецензия на монографию, посвященную социальной вовлеченности евангельских христиан и баптистов в России и СССР в 1905–1929 гг., которая в соответствии с конфессиональным узусом обозначена как служение милосердия. Автор выделяет три основных паттерна служения милосердия (взаимопомощь как часть стратегии выживания во времена преследований, служение обездоленным как часть стратегии расширения влияния, а также христианские хозяйственные сообщества как часть стратегии экономической независимости конфессионального сообщества), описывает многообразие евангельско-баптистской среды, показывает сложный общественно-политический контекст, в котором это служение осуществлялось, называет его главную цель, делает выводы и обозначает потенциал для дальнейших исследований. По мысли автора, служение милосердия было добровольным и массовым, имело целью экспансию веры и явилось важным маркером идентичности евангельских христиан и баптистов.

Ключевые слова: евангельское христианство; баптизм; служение милосердия; социальное служение.

Мэри Рэйбер впервые в историографии евангельских христиан и баптистов выделила опыт милосердия в отдельную тему исследования, которое затем получило монографическое завершение¹. Ее монография – не первая в ряду, посвященном первому в истории евангельских христиан и баптистов периоду легальной работы, начавшемуся во время революции 1905 г. и завершившемуся тотальным наступлением на религию после 1929 г. Первая академическая работа в этом направлении была опубликована канадской исследовательницей Х. Коулмен и была посвящена экспансии баптизма [Coleman]. У Коулмен Рэйбер позаимствовала хронологические рамки исследования. Второй следует назвать двухтомную монографию Н. В. Потаповой 2014 г. о евангельских христианах и баптистах в России в 1917–1922 гг. [Потапова]. Потапова затрагивает тему благотворительности лишь в связи с обвинениями в зарубежном финансировании деятельности российских евангельских христиан и баптистов, обстоятельно опровергая их [Там же, т. 2, с. 166–172]. Кроме того, тему государственно-конфессиональных отношений в рассматриваемый период изучала Т. К. Никольская [Никольская], а А. Уордин посвятил часть своего исследования периоду 1905–1917 гг. [Wardin]. Рэйбер пользуется в качестве источника и тщательным исследованием О. Ю. Редькиной о религиозных сельскохозяйственных трудовых коллективах [Редькина].

Мотивация Рэйбер во многом была определена ее деятельностью в 1993–2007 гг. в качестве добровольца крупной конфессиональной североамериканской благотворительной организации (Меннонитского

¹ Основой монографии стала диссертация (PhD), успешно защищенная в *International Baptist Theological Seminary Center* (Амстердам, 2015).

центрального комитета) в России и на Украине, где в ее обязанности входила поддержка евангельско-баптистских социальных проектов в условиях возродившегося интереса к этой сфере деятельности в конфессиональных кругах, казалось бы, напрочь забытой в советские времена.

Давая определение объекту своего исследования – теме милосердия, автор проводит отчетливую границу как с родственной идеей благотворительности, с которой евангельско-баптистское сообщество в своей истории почти не имело точек соприкосновения, так и со сходными концепциями социального служения либо социальных служб, которые предполагают наличие про-

фессиональных сотрудников и определенный уровень бюрократизации [Рэйбер, с. 6]. Рэйбер абстрагируется от эпизодических проявлений милосердия и предпочитает работать с его систематическими формами, называя их согласно евангельско-баптистскому узусу служениями и выделяя три исторически сложившихся паттерна: взаимопомощь как часть стратегии выживания во времена преследований, служение обездоленным как часть стратегии расширения влияния, а также христианские хозяйственные сообщества как часть стратегии экономической независимости конфессионального сообщества. Каждому из этих паттернов посвящена отдельная глава.

Как верно отмечает М. Рэйбер, традиция систематического милосердия и благотворительности в евангельской среде возникла в 1874–1884 гг. и началась с проектов лидера евангельского движения в Петербурге В. А. Пашкова и его сподвижников. Это были инициативы во имя практического христианства, в частности, организация помещений для ночлега, швейных мастерских для неимущих женщин, а также столовых для бедного студенчества, в которых скромными обедами за небольшую плату пользовались до тысячи человек. Создание маргинализированными евангельскими верующими структур помощи неимущим вызвало в обществе сомнения в их русской идентичности, поскольку считалось, что милосердие должно было исходить от личности, а не от организации. Их методы считались импор-

тированными с Запада. Изгнание В. А. Пашкова и его ближайшего сподвижника М. М. Корфа из России в 1884 г. и запреты царского правительства положили конец большинству проектов, хотя последние оставили определенные следы как в евангельском сообществе, так и в российском обществе в целом [Рэйбер, с. 22–26].

Первый паттерн служения милосердия, выделяемый Рэйбер, – взаимопомощь – своими корнями уходит во вторую половину 1880-х гг., когда нелегальный в то время Союз русских баптистов начал координацию финансовой помощи своим многочисленным ссыльным и заключенным, поступавшей как из России, так и из-за рубежа [Рэйбер, с. 84–112]. С провозглашением свободы совести в России в 1905 г. и последовавшей за ним легализацией русского баптизма руководство Союза баптистов продолжало поддерживать корпоративную культуру взаимопомощи, а деятельность его фонда по оказанию помощи получила официальный характер. Подобный фонд был учрежден и конкурирующим Союзом евангельских христиан в целях объединения многочисленных частных инициатив. Обретя легальную основу, евангельские и баптистские общины и союзы пошли по пути создания отдельных официальных учреждений служения милосердия, прежде всего по уходу за состарившимися членами, чаще всего вдовами, и сиротами. Таким образом, помощь в первую очередь оказывалась неимущим в своем кругу.

Вторым паттерном служения милосердия, по М. Рэйбер, было так называемое служение освобождения среди групп риска – нищих, алкоголиков, проституток, беспризорных и детей из неблагополучных семей [Рэйбер, с. 113–143]. Эта работа проводилась в нескольких крупных городах – Москве, Баку и прежде всего Петербурге. Рядом проектов в Петербурге руководили очень известные в то время баптист Вильгельм Фетлер, латыш по происхождению, и евангельский христианин Иван Степанович Проханов. Оба издавали собственную периодику, что обеспечило проектам большую известность и поддержку как в России, так и за ее пределами. Социальная ангажированность в виде служения милосердия преследовала прежде всего миссионерские цели. Образцом для Проханова служила Армия Спасения в Европе; Фетлер брал пример с организации церковной социальной работы в Великобритании, в которой он участвовал сам, будучи студентом баптистского колледжа в Лондоне. Обосновавшись после возвращения в Россию в 1907 г. в Петербурге, В. Фетлер смог пробудить интерес к своим социальным проектам бывших соратников В. А. Пашкова из высших кругов общества. Сумев обозначить преемственность своих инициатив с евангельскими петербургскими проектами 1870-х и 1880-х гг., Фетлер получил поддержку и в евангельских кругах Европы. Посетителей из-за рубежа впечатляли полуночные богослужения Фетлера, в которых участвовало немало проституток вместе с их «почитателями». Таким образом, Фетлер не только интегрировал служение милосердия в церковную работу, но и сделал его одним из

важнейших элементов своей стратегии экспансии баптизма. Успешная деятельность Фетлера в Петербурге внезапно оборвалась с высылкой его из России в годы Первой мировой войны в 1915 г., во время ужесточения государственной политики в отношении баптизма.

И. С. Проханов сумел сделать служение милосердия ядром работы среди евангельской молодежи. Нетрадиционные методы деятельности в необычной среде очень привлекали склонных к максимализму молодых людей, что позволило Проханову значительно увеличить социальную активность евангельских христиан. Несколько позже, после падения самодержавия и начала новой религиозной свободы в 1917 г., евангельские христиане оказались в состоянии мобилизовать достаточно молодых людей из своей среды для работы на улице.

Согласно М. Рэйбер, и И. С. Проханов, и В. Фетлер ставили служение милосердия в сочетании с миссией безусловно выше вопросов вероучения и церковной практики: Фетлер всеми способами поддерживал открытие в России отделения Армии Спасения, которое произошло в декабре 1914 г., зная, что эта организация не исповедует ни крещения, ни Вечери Господней – ключевых для баптистов понятий. С той же Армией Спасения, которая сочетала активную миссионерскую деятельность с социальной работой, тесно сотрудничали и молодые евангельские христиане в бурном 1917 г.

Рэйбер соотносит со служением милосердия среди городских групп риска и участие евангельско-баптистских верующих в многочисленных обществах трезвости. Они получили распространение начиная с 1889 г., прежде всего в Русской православной церкви, несколько позже подобные общества стали возникать и вне религиозного поля. И баптисты, и евангельские христиане активно включились в популяризацию трезвости; баптисты отлучали из своих общин владельцев питейных заведений. И те, и другие предлагали для борьбы с алкоголизмом типичные духовные методы тотального изменения жизни через покаяние и обращение к Богу. По их замыслу, путь к трансформации общества лежит через трансформацию духа.

Идеям служения милосердия, выработанным и уточненным евангельско-баптистским сообществом в первый период его легального существования, предстояло пройти проверку в последующее десятилетие 1914–1923 гг. – время государственного перелома, не прекращавшихся военных действий и жуткого голода [Рэйбер, с. 144–173]. На вступление России в Первую мировую войну евангельско-баптистское сообщество отреагировало не только волной патриотизма, но и участием женщин в рядах сестер милосердия, организацией лазаретов и работой в качестве добровольных помощников по уходу за ранеными. Многочисленные женские кружки готовили теплую одежду для фронтовиков и сухари для русских военнопленных в Германии и Австрии. По мере того, как война становилась затяжной, содержание лазаретов ложилось на плечи верующих все большим бременем.

С ходом войны усугублялись и социальные проблемы в стране. В программы работы евангельско-баптистских общин вошли забота о беженцах и беспризорных – в петербургском баптистском Доме Евангелия для десяти беспризорных детей организовали жилье и постоянную опеку. Правда, этот проект завершился в ноябре 1917 г., когда стало трудно с продуктами, и часть детей возвратилась в свои семьи.

Несмотря на вовлеченность евангельско-баптистского сообщества в служение милосердия и на проявления патриотизма, после начала войны борьба с «иностранный верой» ужесточилась. Баптистские молитвенные дома стали повсеместно закрывать; к 1916 г. прекратилась деятельность Союза баптистов и Союза евангельских христиан. Армия Спасения, зарегистрированная в Финляндии, смогла защитить свои проекты только благодаря связям на уровне членов царской семьи.

Революционные события февраля 1917 г. принесли свободу баптистам и евангельским христианам, которые сразу же возобновили служение милосердия в его традиционных формах. Однако приход к власти большевиков и начавшаяся вслед за этим Гражданская война сильно подорвали материальную базу евангельских и баптистских общин; первой задачей их членов стала борьба за собственное выживание. Численность общин баптистов и евангельских христиан в Петрограде сократилась с полутора тысяч до 200 чел.; многие погибли от голода и болезней или покинули город в поисках пропитания и безопасности.

В экстремальных условиях войны и разрухи служение милосердия, по Рэйбер, оказалось направленным прежде всего на единоверцев. Сильное сосредоточение на идее общины придало борьбе за выживание совместный характер: молодежные группы петроградского Дома Евангелия собирались не только для совместной молитвы, но и для рукоделия. Союз евангельских христиан обратился к своим членам в сельских районах страны с просьбой поддержать единоверцев в городах, указав конкретные адреса и рекомендации по выбору и отправке продуктов.

Даже в тяжелые годы Гражданской войны служение милосердия сопровождалось целенаправленными мероприятиями по конфессиональной экспансии. Новая свобода сделала возможной новые формы миссии, обязательно включавшие в себя и служение милосердия. Работа среди солдат, начатая в Москве, продолжилась в 1918 г. в виде «палаточной миссии», которая действовала преимущественно на Юге России – там, где было легче с продовольствием, но где существовал разгул бандитизма. Члены миссии не только проповедовали, но и ухаживали за больными тифом, включая преследовавших их бандитов. Осенью 1919 г. на базу миссии в Екатеринослав вернулось всего семь сотрудников из 25, остальные либо были убиты, либо умерли от тифа. В 1920 г. после укрепления советской власти на Украине «палаточная миссия» получила легальный статус: ей было разрешено проводить лекции на религиозные темы, оказывать медицинскую помощь,

организовывать совместно с государственными органами детские дома и проповедовать в приютах, общественных столовых, больницах, на вокзалах, в парках и портах.

Новые вызовы служению милосердия принес голод 1921–1923 гг. В его зоне оказались 35 млн чел, или треть населения Европейской части России и 10 млн – на Южной Украине. Среди голодающих были и евангельско-баптистские верующие: в 1922 г. Союз баптистов сообщал о 44 тыс., или 20 % своих членов в этих регионах; Союз евангельских христиан искал поддержку для 131 своих общин в Поволжье и на Украине.

В борьбе с голодом проявили участие многочисленные международные организации помощи. Евангельско-баптистское сообщество оказалось вовлеченным в распределение огромных объемов помощи на локальном уровне, что потребовало от них совершенно новой организации служения милосердия, координации с различными организациями на всех уровнях и усовершенствования отчетности. Во избежание конфликтов между евангельскими христианами и баптистами даже была создана совместная комиссия по распределению международной баптистской помощи. В общей сложности по баптистской линии в страну было направлено продовольственной и материальной помощи из-за рубежа на 600 тыс. долларов США.

Помощь голодающим шла не только извне. Немало общин молочан, евангельских христиан и меннонитов из благополучных районов обращались непосредственно к В. И. Ленину с предложениями о помощи как братьям по вере, так и населению в целом. Помощь, собранная только Союзом баптистов внутри страны, оценивалась в сентябре 1922 г. в 22 млн руб. (39 тыс. долларов США).

Третьим паттерном, выделяемым М. Рэйбер, явились христианские хозяйственные коллективы [Рэйбер, с. 174–199]. В 1924 г. в Союзе баптистов было организовано 25 коммун. Первые попытки создания евангельских коммун относятся к 1894 г., призывы к христианской трудовой кооперации звучали и после 1905 г. Главным популяризатором этой идеи Рэйбер считает Проханова, примерами которому служили и традиционный крестьянский *мир*, и духоборы, и меннонитские колонии, и Крестовоздвиженское трудовое братство Н. Н. Неплюева. Свои теоретические изыскания Проханов опубликовал в 1918 г. в работе «Евангельское христианство и социальный вопрос»; в 1926 г. из-под его пера вышла программа «Новая, или евангельская жизнь», провозглашавшая идеалом христианское совершенство в науке, искусстве, промышленности и сельском хозяйстве. Проханов предлагал три уровня обобществления имущества – *всеобщину*, где общими должны быть имущество и земля, *полувсеобщину*, где общие земля и оборудование существовали бы наряду с частными хозяйствами, и *простую общину*, где общими были бы такие средства производства, как мельница или завод. Он же создал и примерный устав для христианской коммуны. Вплоть до 1928 г. по принципам

Проханова было организовано несколько успешно действовавших коммун. Впрочем, М. Рэйбер вслед за Т. Никольской оценивает социальные проекты И. С. Проханова весьма скептически.

Последней инициативой Проханова стал Город Солнца, или Евангельск, который был торжественно заложен на Алтае близ монгольской границы в августе 1927 г. Автор исследования отмечает, что эти планы во многом совпадали с планами ОГПУ переселить баптистов и евангельских христиан в Сибирь. Планам Проханова, однако, не суждено было сбыться: в 1928 г. государство не только закрыло проект Евангельска, но и приступило к ликвидации всех христианских трудовых коллективов в стране. Вместе с систематическим наступлением на религию, принявшим особо жесткие формы в 1929 г., евангельско-баптистское служение милосердия во всех его традиционных формах завершилось.

М. Рэйбер в своей монографии не только систематизирует необозримое поле благотворительной деятельности евангельских христиан и баптистов и его проектов милосердия в очень сложный и для общества, и для страны период, но и вносит вклад в описание вечной дилеммы евангельско-баптистской веры о том, что важнее – слово или дело. По мнению автора, дела как выражение веры явились не только важным маркером идентичности евангельско-баптистских общин в России и СССР, социальное служение которых всегда было направлено на экспансию веры. В целом работа представляет собой важный вклад в изучение идентичности евангельско-баптистских общин, а предложенные ею области дальнейших исследований заслуживают детального внимания академического сообщества.

Список литературы

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002. 356 с.

Потапова Н. В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) : в 2 т. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2014. Т. 1. 399 с. Т. 2. 269 с.

Редькина О. Ю. Меннонитская кооперация в Волго-Донском регионе в 1920-е гг. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Вып. 5. М. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 243–260.

Coleman H. Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2005. XI + 304 p.

Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929. Eugene, Oregon : Pickwick Publ., 2016. XIII + 239 p.

Wardin A. On the Edge : Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917. Eugene, Oregon : Wipf & Stock, 2013. X + 533 p.

References

Coleman, H. (2005). *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929*. Bloomington, Indiana Univ. Press. XI + 304 p.

Nicol'skaya, T. K. (2002). *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power, 1905–1991]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 356 p.

Potapova, N. V. (2014). *Evangel'skoe khristianstvo i baptizm v Rossii v 1917–1992 gg. (na materialakh Dal'nego Vostoka) v 2 t.* [Evangelicals and Baptists in Russia in 1917–1992 (with Reference to Materials from the Far East). 2 Vols.]. Yuzhno-Sakhalinsk, Izdatel'stvo Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. 399 p. Vol. 2. 269 p.

Raber, M. (2016). *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929*. Eugene, Oregon, Pickwick Publ. XIII + 239 p.

Red'kina, O. (2003). Mennonitskaya kooperatsiya v Volgo-Donskom regione v 1920-e gg. [Mennonite Cooperation in the Volga-Don Region in the 1920s]. In *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya*. Iss. 5. Moscow, Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 243–260.

Wardin, A. (2013). *On the Edge: Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia, 1855–1917*. Eugene, Oregon, Wipf & Stock. X + 533 p.

The article was submitted on 22.02.2018

DOI 10.15826/qr.2018.2.316
УДК 94(470)"14/17"+343.1(019)

УВИДЕТЬ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНУУМА*

Рец. на: *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени / пер. с англ. П. И. Прудовского ; науч. ред. А. Б. Каменский. – М. : Новое лит. обозрение, 2016. – 700 с.

Денис Ляпин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
Елец, Россия

TO SEE RUSSIAN HISTORY AS PART OF THE PAN-EUROPEAN CONTINUUM

Rev. of: Kollmann, N. S. (2016). *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego novogo vremeni* / per. s angl. P. I. Prudovskogo ; nauch. red. A. B. Kamenskii. – М. : Novoe lit. obozrenie, 2016. – 700 p. [Crime and Punishment in Early Modern Russia / Transl. P. I. Prudovsky ; A. B. Kamensky (Ed.), Moscow, N. Literary Rev. 700 p.]

Denis Lyapin

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia

The author reviews a book by Nancy Shields Kollmann, a well-known specialist in the history of early-modern Russia and professor at Stanford University (California, USA). The book is a vast study of the judicial proceedings and enforcement of sentences in Russia between the 15th and early 18th centuries. The reviewer analyses the structure of the book, its methods, and the narrative: he focuses on Kollmann's basic concept, according to which Russia should be regarded as part of the all-European continuum. This conclusion is of considerable importance for understanding Russian history. The reviewer argues that Russian

* *Citation*: Lyapin, D. (2018). To See Russian History as Part of the Pan-European Continuum. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 605–612. DOI 10.15826/qr.2018.2.316.

Цитирование: *Lyapin D.* To See Russian History as Part of the Pan-European Continuum // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 605–612. DOI 10.15826/qr.2018.2.316 / *Ляпин Д.* Увидеть российскую историю как часть общеевропейского континуума // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 605–612. DOI 10.15826/qr.2018.2.316.

academia should pay close attention to the work as it contains many valuable factual materials and interesting observations. Another factor that the reviewer considers relevant is that the author's principles of work and the peculiarities of her representation of the material differ from the traditions of Russian historical scholarship. However, the translation tends to be literal. This book about "crime and punishment" is an important step for understanding the sociopolitical peculiarities of Russia's development in the early modern period.

Keywords: N. S. Kollmann; judicial proceedings; punishment; corruption; death penalty; micro-historical approach.

Рецензия посвящена рассмотрению книги Нэнси Шилдс Коллманн – известного специалиста по истории России раннего Нового времени, профессора Стэндфордского университета (Калифорния, США). Книга представляет собой обширное исследование системы судопроизводства и исполнения наказаний в России XV – начала XVIII в. Анализируется структура книги, методика и принципы изложения текста. В центре внимания – базовая концепция Н. Ш. Коллманн, согласно которой Россию следует рассматривать как часть общеевропейского континуума. Этот вывод имеет существенное значение для понимания особенностей российской истории. По мнению автора, работа заслуживает внимания со стороны научного сообщества в России, она содержит много ценного фактического материала и интересных наблюдений. Актуально, что принципы работы автора и специфика подачи материала отличаются от традиций, принятых в российской исторической науке, однако, к сожалению, перевод страдает буквализмом изложения. Книга о «преступлении и наказании» – важный шаг в понимании социально-политической специфики развития Российского государства Нового времени.

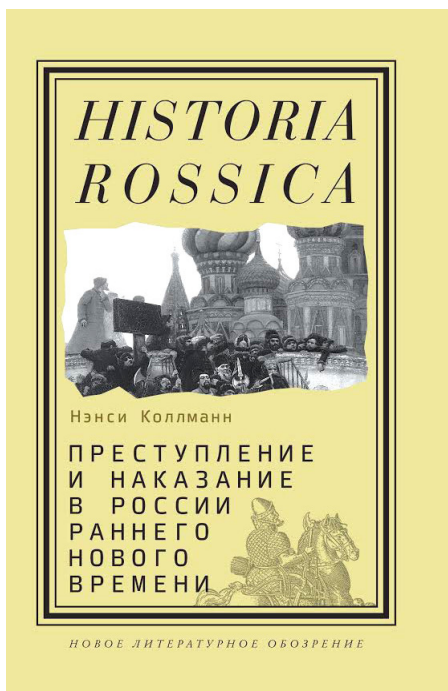
Ключевые слова: Н. Ш. Коллманн; судопроизводство; наказание; коррупция; смертная казнь; микроисторический подход.

Нэнси Шилдс Коллманн – профессор Стэндфордского университета (Калифорния, США), известна как крупный специалист в области истории России Нового времени, более 30 лет изучает «Московию». Хорошо известна ее монография «Соединенные чество. Государство и общество в России раннего Нового времени», посвященная защите личного достоинства и сходства России со странами Европы в контексте этой проблемы [Kollmann, 1999; Коллманн, 2001]. Менее известна первая книга исследовательницы «Родство и политика: образование Московской политической системы, 1345–1547», в которой автор определяет особенности исторического развития России через практику заключения браков правящей элитой [Kollmann, 1987]. Монографии Н. Ш. Колманн, составляя единый комплекс, воссоздают общую картину развития Российского государства от Средневековья к Новому времени.

В 2012 г. издательством *Cambridge University Press* была издана новая книга историка «Преступление и наказание в России раннего Нового времени». Эта монография стала логичным продолжением предыдущей работы, а широкий спектр охвата проблем определил большую четкость выводов автора, касающихся особенностей исторического развития России. Книга была переведена на русский язык в 2016 г. Известный специалист по русской истории XVIII в. А. Б. Каменский, переведивший книгу «Соединенные чество», выступил на этот раз редактором, а перевод «Преступления и наказания» был осуществлен П. И. Прудовским при участии еще нескольких специалистов [Коллманн, 2016]¹.

На обложке издания помещен в черно-белом цвете фрагмент картины В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881), изображающий любопытных зрителей устроенной Петром I казни стрельцов на фоне храма Василия Блаженного (отметим, что на обложке американского издания эта картина дана в цвете и в более полном объеме). Книга посвящена особенностям судопроизводства и системе наказаний, а также их трансформации, происходившей в контексте перемен общественно-политической жизни России раннего Нового времени, включая и правление Петра I.

Книга имеет сложную структуру, что отличает ее от двух предыдущих монографий исследовательницы. Две части работы включают 18 разделенных на параграфы глав, в которых автор постаралась охватить все возможные аспекты, связанные с судопроизводством и наказаниями в России XVII в. и во время правления Петра I (периодически обращаясь и к XV–XVI вв.). Поскольку количество источников по затронутым проблемам слишком велико, Н. Ш. Коллманн взяла за основу материалы, связанные с Белозерским и Арзамасским уездами, привлекая документы и по другим регионам России. Выбор именно этих уездов обусловлен, по-видимому, не только хорошей сохранностью источниковой базы (что отмечает и сама автор),

¹ Далее ссылки на рецензируемое издание будут приводиться в круглых скобках с указанием страниц.

но также историческими реалиями (с. 30). Белозерский уезд, относящийся к региону, вошедшему в состав Московского княжества на раннем этапе его развития, вобрал в себя традиции и особенности московской политической системы. Арзамас также вызывает особый интерес, если учесть проживание здесь нерусского населения (в основном мордвы), оказавшегося в орбите влияния традиционной судебной системы Москвы.

В первой части книги подробно разбирается специфика судебной системы «Московии». Автор показывает особенности функционирования системы судопроизводства, стараясь придерживаться в изложении материалов хронологического порядка. Впрочем, периода Смутного времени автор почти не коснулась, хотя и там, на наш взгляд, можно было бы найти несколько интересных фактов по данной теме.

В своей работе автор скрупулезно распутывает сложный и полный противоречий клубок, который, как покажется со стороны, представляло собой московское делопроизводство вообще, а судебная практика – в особенности. Однако уже во введении читателю внушается, что не стоит пугаться мнимой сложности традиционной судебной системы «Московии». Несмотря на многие нюансы, существовавшая практика решения спорных дел и расследования преступлений была весьма эффективной и решала свою главную задачу – торжество законодательства. Конечно, так было не всегда, но идеальной судебно-процессуальной системы в это время не существовало нигде. Самое главное, по мнению Н. Ш. Коллманн, это то, что каждый подданный московского правителя мог надеяться на справедливый суд и защиту (с. 25).

Конечно, автор не могла обойти стороной проблему коррумпированности органов власти, и в первую очередь чиновников, наделенных судебными полномочиями. Этой проблеме посвящена 4-я глава «Контроль над должностными лицами», в которой автор относит коррупцию к постоянным явлениям, вполне обычным для России (с точки зрения «москвиты») (с. 135–158). Можно ли считать «посулы и поминки», настойчиво вручаемые должностным лицам, преступлением, если московское общество относилось к ним как к важной и необходимой составляющей делопроизводственной практики? Автор отвечает на этот вопрос однозначно: то, что мы сегодня считаем коррупцией, не воспринималось ни властью, ни обществом того времени как преступление. Подношения городовому воеводе или столичному чиновнику были нормальной практикой. Другое дело – масштабное вымогательство, существенное завышение размеров обычных подношений. В этом случае народ считал себя вправе жаловаться царю на злоупотребления. Но суть этих жалоб заключалась в том, что требовали слишком многого или не выполняли обещаний (с. 155–157).

Большое внимание Н. Ш. Коллманн уделяет контролю над должностными лицами, который она считает важной составляющей мо-

сковской судебной системы (с. 158). Деятельность воевод в городах контролировались дьяками московских приказов, прекрасно разбиравшимися в жизненных реалиях своего времени и умевшими быть по мере необходимости гибкими или жесткими. Они грамотно управляли жизнью страны от имени правящего монарха, много раз доказав свою эффективность во время войн или социальных конфликтов. К таким же, кстати, выводам об эффективности московской системы управления пришел в своей работе американский историк Б. Дэвис, который отвергал представление о государственном кризисе допетровской России [Devies, 2004, p. 3–9].

Во второй части книги подробно рассматриваются особенности различных видов наказаний, показана их дифференциация в зависимости от социального статуса обвиняемых. Используя микро-исторический подход, Н. Ш. Коллманн умело погружает читателя в провинциальный мир Арзамаса XVII в. Здесь книга не имеет хронологической последовательности (кроме первых двух глав), что обусловлено спецификой подачи материала. На наш взгляд, следует обратить особое внимание на 13-ю главу о смертной казни, где раскрываются ее ритуальные основы (с. 359–386).

В последнее время научное сообщество России уделяет особое внимание истории русского бунта [Мауль, 2017], в связи с чем большой интерес представляет 16-я глава исследования, посвященная наказаниям за бунты и мятежи. Н. Ш. Коллманн останавливается на рассмотрении наказаний за участие в бунтах середины XVII в. и в событиях, связанных с восстанием Степана Разина (с. 451–479). Волнения же 1648 г. в Москве исследовательница описывает в самых общих чертах, называя дату начала этого события – 1 июня, а окончания – 13 июня, что является спорным вопросом. Следуя историографической традиции, она, пожалуй, слишком поспешно признает введение соляного налога как главной причины народного гнева [Ляпин, 2015]. Глава о бунтах и восстании С. Разина носит описательный характер, однако автор не ставит целью подробно изучить эти события, ее интересуют только способы наказания за данные преступления. При этом она справедливо отмечает, что «право на применение насилия уравнивалось уважением к представлениям подданных о правосудии» (с. 458).

Безусловное достоинство книги – частые обращения к истории европейских монархий и Османской империи, что неудивительно, ведь автор с самого начала показывает схожесть развития судебной системы России с соседними регионами. Дополняют книгу опубликованные в приложении документы – 38 законодательных актов периода XV–XVIII в., содержащих сведения о наказаниях за различного рода уголовные преступления (с. 537–546).

Выбранное направление исследования позволило Н. Ш. Коллманн развить и дополнить выводы, сделанные ею в работе «Соединенные чество». С точки зрения американской исследовательницы, внима-

тельно изучившей различного рода преступления и применяемые за них наказания, «особенный русский национальный политический путь» [Keenan] был не таким уж особенным. Н. Ш. Коллманн утверждает, что проблемы, сопровождавшие развитие общественно-властных отношений в «Московии», также не были исключительными. Она обращает внимание на особенности делопроизводственной системы, на работу органов наказания, которые действовали достаточно эффективно, во всяком случае, не хуже, чем в странах Европы (с. 8–9). Н. Ш. Коллманн решительно не соглашается с историками, которые считают, что «Московия», «Россия при старом режиме» была деспотической восточной монархией, где обожествленный монарх возвышался над толпой бесправных подданных [Pipes, 1990]. Эту теорию, возникшую в годы холодной войны, она решительно отвергла еще в своей первой работе, хотя при каждом последующем удобном случае возвращалась к указанной теме [Kollmann, 1987; Kollmann, 1998].

Выводы Н. Ш. Коллманн дают возможность автору «поместить Россию в компаративный контекст Европы раннего Нового времени», а также «увидеть российскую историю как часть общеевропейского континуума раннего Нового времени и “нормализовать” ее» (с. 5). Вероятно, под «нормализацией» автор имеет в виду желание представить Россию в рамках существующей общеевропейской практики исторического развития (включая и опыт Османской империи), что не исключает наличия частных особенностей. Вызывает интерес и методология автора, особенно активно используемый в исследовании микроисторический подход, связанный с анализом частных явлений в судебной практике, которые в конечном итоге демонстрируют нам общую картину сложившейся системы (Там же). С теоретическими выводами Н. Ш. Коллманн относительно особенностей развития России в русле «компаративного контекста Европы раннего Нового времени» можно и не соглашаться, однако нельзя не оценить огромный интересный фактический материал, используемый в книге, комплекс архивных документов, эрудицию автора и поразительное знание исторических реалий «Московии».

Неподготовленному читателю книга покажется сложной отчасти и потому, что перевод, хотя и выполнен на высоком научном уровне и верно передает содержание книги, все же мало адаптирован для русского научного и околонучного сообщества.

Книга о «преступлении и наказании» в России далеко превосходит по своему содержанию заявленную в заглавии проблематику. Это важный шаг в понимании социально-политической специфики развития Российского государства. При чтении этой работы невольно чувствуются симпатии автора к исследуемым «московитам», честь и достоинство которых она успешно защищает перед судом историков, которые видят в них грубых варваров, послушных холопов московского тирана, не имевших представления о чести, достоинстве, законе и порядке. Американская исследовательница настойчиво по-

вторяет читателю, что судебная система в России «не была сонмищем ничем не ограниченных сатрапий, самосуда или неконтролируемой жестокости» (с. 5). Мнение о России как варварской стране она называет мифом европейских путешественников, слишком поспешно сравнивших «Московию с тенденциями, определившими их опыт у себя дома, – усиливавшаяся власть государства, политические права элит и возникающие средние классы, растущая грамотность и укореняющиеся хорошие манеры» (с. 21).

Новая работа ученого, вышедшая в 2017 г., посвящена осмыслению исторического опыта развития России с 1450 по 1801 г. [Kollmann, 2017]. Остается выразить надежду, что она также будет переведена на русский язык. Н. Ш. Коллманн является одним из самых успешных современных исследователей истории России Нового времени, а ее книги вносят существенный вклад в понимание особенностей «российского национального политического пути».

Список литературы

Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П. И. Прудовского ; науч. ред. А. Б. Каменский. М. : Новое лит обозрение, 2016. 617 с.

Коллманн Н. Ш. Соединенные честью : Государство и общество в России раннего Нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменского ; научный ред. Б. Н. Флоря. М. : Древлехранилище, 2001. 460 с.

Ляпин Д. А. Причины восстания в Москве в 1648 г. // Вопр. истории. 2015. № 1. С. 90–98.

Мауль В. Я. Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // История : Факты и символы. 2017. № 3. С. 28–34. DOI: 10.24888/2410-4205-2017-12-3-28-34.

Davies L. B. State power and community in Early Modern Russia : The Case of Kozlov, 1635–1649. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 504 p.

Keenan E. L. Russian political folkways // Russian Rev. 1986. No. 2. P. 115–181.

Kollmann N. Sh. By Honor Bound : State and Society in Early Modern Russia. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 1999. 296 p.

Kollmann N. Sh. The Russian Empire 1450–1801. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. 512 p.

Kollmann N. Sh. Kinship and Politics : The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. 324 p.

Kollmann N. Sh. Russia // The New Cambridge Medieval History. Vol. 7. 1415–1500 / ed. by Ch. Allmand. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. P. 748–770.

Kollmann N. Sh. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. 488 p.

Pipes R. Russia Under the Old Regime. L. : Penguin Books, 1990. 361 p.

References

Davies, L. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649*. N. Y., Palgrave Macmillan. 504 p.

Keenan, E. (1986). Russian Political Folkways. In *Russian Rev.* No. 2, pp. 118–119.

Kollmann, N. (2016). *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia] / transl. by P. I. Prudovsky, ed. A. B. Kamenskiy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 617 p.

Kollmann, N. (2001). *Soedinennye chest'ju. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii ranne-go novogo vremeni* [Bound by Honor: State and Society in Early Modern Russia] / transl. by A. B. Kamenskiy, ed. B. N. Florja. Moscow, Drevlehranilishhe, 2001. 460 c.

Kollmann, N. (1999). *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca and London, Cornell Univ. Press, 296 p.

Kollmann, N. (2017). *The Russian Empire 1450–1801*. Oxford, Oxford Univ. Press. 512 p.

Kollmann, N. (1987). *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*. Stanford, Stanford Univ. Press, 324 p.

Kollmann, N. (1998). *Russia // The New Cambridge Medieval History. Vol. 7 c 1415–1500*. Ed. by Ch. Allamand. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 748–770.

Kollmann, N. (2012). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 488 p.

Ljapin, D. (2015). *Prichiny vosstaniya v Moskve v 1648 g.* [Causes for the Uprising in Moscow in 1648]. In *Voprosy istorii*. № 1. Pp. 90–98.

Maul', V. (2017). *Russkij bunt kak aktual'naja problema sovremennoj gumanitaristiki: istochniki, metody i perspektivy izuchenija* [Russian Rebellion as a Relevant Issue in the Modern Humanities: Sources, Methods, and Prospects of Study]. In *Istorija: Fakty i simvol'y*. No 3, pp. 28–34. DOI 10.24888/2410-4205-2017-12-3-28-34.

Pipes, R. (1990). *Russia Under the Old Regime*. L., Penguin Books, 1990. 361 p.

The article was submitted on 12.03.2018

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Аксенов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
vlaks@mail.ru

Алмазов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук.
117485, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 90.
al.almazov@yandex.ru

Бурлина Елена Яковлевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.
443099, Россия, Самара, ул. Чапаевская, 89.
bis17@mail.ru

Галь Богдан Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Национальный технический университет «Днепровская политехника».
49600, Украина, Днепр, пр. Дмитрия Яворницкого, 19.
bogdan.gall@gmail.com

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Дик Йоханнес, магистр теологии, директор Института теологии и истории, Боннская библейская семинария.
53332, Германия, Борнхайм, Эренталь, 2–4.
jdycck@bsb-online.de

Емельянов Евгений Павлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Президентский центр Б. Н. Ельцина.
620014, Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, 3.
sverdlovsk89@mail.ru

Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института теоретической экономики и международных экономических отношений, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, Самара, ул. Советской Армии, 141.
jujuly@yandex.ru

Зорин Андрей Леонидович, доктор филологических наук, профессор, Оксфордский университет.
OX1 2JD, Великобритания, Оксфорд.
andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk

Клюева Вера Павловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН.

625026, Россия, Тюмень, ул. Малыгина, 86.
vormpk@gmail.com

Котлярова Татьяна Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор, Костанайский филиал Челябинского государственного университета.

P00M7C2, Казахстан, Костанай, ул. Бородина, 168 А.
tatyana.kotlyarova@gmail.com

Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А.
kirill_kochegarov@yahoo.com

Лагерберг Роберт Джон, PhD, доцент, специалист по русскому языку, Школа языков и лингвистики, Мельбурнский университет.

Victoria 3010, Австралия, Мельбурн.
robertjl@unimelb.edu.au

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
9lazarev@gmail.com

Лapidус Рина, профессор, Университет Бар-Илан.

5290002, Израиль, Рамат-Ган.
rlapidus2011@gmail.com

Лисовец Ирина Митрофановна, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
irlisovec@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина.

399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28.
lyapin-denis@yandex.ru

Макгрегор Эндрю Джеймс, PhD, лектор, специалист по французским исследованиям, Школа языков и лингвистики, Мельбурнский университет.

Victoria 3010, Австралия, Мельбурн.
ajmcg@unimelb.edu.au

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А.
amiller@eu.spb.ru

Мильчев Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Запорожский национальный университет.
69600, Украина, Запорожье, ул. Жуковского, 66.
vladmilchev@ukr.net

Нефёдова Лилия Амирянвна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет.
454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
lan2@mail.ru

Орлов Борис Викторович, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
bvo51@rambler.ru

Попова Надежда Юрьевна, младший научный сотрудник, лаборатория «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
nadia.russia@mail.ru

Рюсс Хартмут, доктор исторических наук, профессор, Вестфальский университет имени Вильгельма.
48149, Германия, Мюнстер, ул. Schlossplatz, 2.
ruessbockhorst@t-online.de

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН.
358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. И. К. Илишкина, 8.
dsen1974@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, ответственный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
l.s.soboleva@mail.ru

Туров Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.
svtur57@mail.ru

Френч Эйприл Л., докторант, Университет им. Брэндайса.
02453, США, Массачусетс, Уолтем, South Street, 415.
alfrench@brandeis.edu

Aksenov Vladislav, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
19, Dmitry Ulyanov Str., 117036, Moscow, Russia.
vlaks@mail.ru

Almazov Alexander, PhD (History), Associate Professor, State Academic University for the Humanities.

90, Profsoyuznaya Str., 117485, Moscow, Russia.
al.almazov@yandex.ru

Burlina Elena, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University.

89, Chapayevskaya Str., 443099, Samara, Russia.
bis17@mail.ru

French April L., PhD Candidate in History, Brandeis University.

415, South Street, MA 02453, Waltham, USA.
alfrench@brandeis.edu

Gal' Bogdan, PhD (History), Associate Professor, State Higher Education Organisation "National Mining University".

19, Dm. Yavornitsky Ave., 49600, Dnipro, Ukraine.
bogdan.gall@gmail.com

Glavatskaya Elena, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
elena.glavatskaya@urfu.ru

Dyck Johannes, Master of Theology, Director of the Institute of Theology and History, Bibelseminar Bonn.

2-4, Ehrental, 53332, Bornheim, Germany.
jdyck@bsb-online.de

Yemelyanov Evgeny, PhD (History), Research Fellow, Boris Yeltsin Presidential Centre.

3, Boris Yeltsin Str., 620014, Yekaterinburg, Russia.
sverdlovsk89@mail.ru

Kliueva Vera, PhD (History), Leading Researcher, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

86, Malygina Str., 625026, Tyumen, Russia.
vormpk@gmail.com

Kochegarov Kirill, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

32-A, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia.
kirill_kochegarov@yahoo.com

Kotlyarova Tatyana, PhD (Philology), Professor, Kostanay Branch of Chelyabinsk State University.

168 A, Borodin Str., P00M7C2, Kostanay, Kazakhstan.
tatyana.kotlyarova@gmail.com

Lagerberg Robert John, PhD, Senior Lecturer in Russian, School of Languages and Linguistics, University of Melbourne.

Victoria 3010, Melbourne, Australia.
robertjl@unimelb.edu.au

Lapidus Rina, Full Professor, Bar-Ilan University.
5290002, Ramat-Gan, Israel.
rlapidus2011@gmail.com

Lazarev Yakov, PhD (History), Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
9lazarev@gmail.com

Lisovets Irina, PhD (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
irlisovec@yandex.ru

Lyapin Denis, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Bunin Yelets State University.
28, Kommunarov Str., 399770, Yelets, Russia.
lyapin-denis@yandex.ru

McGregor Andrew James, PhD, Lecturer in French Studies, School of Languages and Linguistics, University of Melbourne.
Victoria 3010, Melbourne, Australia.
ajmcb@unimelb.edu.au

Milchev Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Dean of Faculty of History, Zaporizhia National University.
66, Zhukovsky Str., 69600, Zaporizhia, Ukraine.
vladmilchev@ukr.net

Miller Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, European University at St Petersburg.
6/1A Gagarinskaya Str., 191187, St Petersburg, Russia.
amiller@eu.spb.ru

Nefedova Liliya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Chelyabinsk State University.
129, Bratiev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.
lan2@mail.ru

Orlov Boris, PhD (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
bvo51@rambler.ru

Popova Nadezhda, Junior Researcher, Scientific Laboratory "International Centre for Demographic Research", Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
nadia.russia@mail.ru

Rüß Hartmut, Dr. Hab. (History), Professor, Westfälische Wilhelms-Universität.
2, Schlossplatz, 48149, Münster, Germany.
ruessbockhorst@t-online.de

Sen' Dmitry, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.
8, I. K. Ilishkin Str., 358000, Elista, Republic of Kalmykia, Russia.
dsen1974@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
l.s.soboleva@mail.ru

Turov Sergey, PhD (History), Associate Professor, Tyumen State University.
23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
svtur57@mail.ru

Zherdeva Yulia, PhD (History), Associate Professor, Vice-Principal for Science of the Institute of Theoretical Economics and International Economic Relations, Samara State University of Economics.
141, Sovetskoi Armii Str., 443090, Samara, Russia.
jujuly@yandex.ru

Zorin Andrei, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Oxford.
Oxford, OX1 2JD, UK.
andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 15 т.

AYuZR – Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissieyu v 15 t.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа

GAYaNAO – Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga

ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

GUTO GAT – Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol’ske”

ДАДО – Державний архів Дніпропетровської області

DADO – Derzhavnii arkhiv Dnipropetrovs’koï oblasti

ИАОО – Исторический архив Омской области

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti

ПБИПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т.

PBIPV – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов

RGAKFD – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv kinofotodokumentov

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

РГИА – Российский государственный военно-исторический архив

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

Сборник РИО – Сборник императорского русского исторического общества

Sbornik RIO – Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

ТГИАМЗ ФНР – Тобольский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд научных рукописей

TGIAMZ FNR – Tobol’skii Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik. Fond nauchnykh rukopisei

ЦДАВОУ – Центральный державный архив высших органов власти та управління України

TsDAVOU – Tsentral'nii derzhavnii arkhiv vishchikh organiv vladi ta upravlinnya Ukraïni

ЦДІАУК – Центральный державный историчный архив України

TsDIAUK – Tsentral'nii derzhavnii istorichnii arkhiv Ukraïni

ЧИОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

ChIOIDR – Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete

ІР НБУ – Інститут рукописів Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського

IR NBU – Institut rukopisiv Natsional'noi biblioteki Ukraïni imeni V. I. Vernads'kogo

AGAD. APP – Archiwum Główny Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 6, 2018, № 2

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 28.06.2018. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 225.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru